

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(25–26 января 2019 г., Саратов)

Саратов
2019

УДК 009:304(082)(063)
ББК 60я43
Р76

*Печатается по решению комиссии по науке и издательству
ученого совета ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»*

Р76 **Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности** : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Сулова] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – 392 с.

ISBN 978-5-7924-1449-5

В сборник вошли статьи участников Международной научно-практической конференции «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности», которая проводилась Саратовской государственной юридической академией 25–26 января 2019 г. В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы, находящиеся в фокусе внимания социо-гуманитарных наук.

В рамках переосмысления концептуальных оснований общественно-гуманитарных наук авторы обратились к цифровому повороту в теории познания, «большому повороту» постмодернизма, освоению феномена постсекулярности, проблемам и перспективам социально-управленческой мысли, тенденциям современной российской историографии, политологии, юриспруденции, социологии, права. Все эти проблемы, имеющие динамичный характер, в социо-гуманитарном знании современной России анализируются на междисциплинарном уровне, в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий.

Предназначено для ученых, преподавателей, студентов, интересующихся новейшими исследованиями, разработками, достижениями общественно-гуманитарных наук.

УДК 009:304(082)(063)
ББК 60я43

ISBN 978-5-7924-1449-5 © ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Слобожникова В.С. Общественно-гуманитарные науки современной России: между прошлым и будущим (вместо введения).....	8
--	---

Раздел 1.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Демидов А.И. «Большой поворот» пост модернизма.....	12
Голубинская А.В. Цифровой поворот в теории познания	22
Сивова С.А. Социально-управленческая мысль: проблемы и перспективы современного этапа	30
Чолахян В.А. Некоторые тенденции современной российской историографии	37
Дорофеева Е.С. Гуманитарные науки в новом векторе исторического развития России	45
Слобожникова В.С. Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности	53
Афанасьев С.Ф. К вопросу об интеграции науки и высшего образования.....	61
Барышникова Н.А. Междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания: проблемы и перспективы.....	69

Раздел 2.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Бедрицкая О.О. Российская цивилизация в современной историософии: идеологемы и реальность.....	73
Бичехвост А.Ф. Отражение отдельных проблем истории репатриации советских граждан (1944–1953 гг.) в современной российской историографии.....	78
Климович Л.В. Проблемы и перспективы изучения российской молодежи в эмиграции в 1920–1930-е гг. (обзор новейших исследований)	86
Моисеева Е.Н. Осмысление французского колониального прошлого в имперскую и постимперскую эпоху.....	94

Харитонов А.М. Геополитика или историографическая география?.....	103
--	-----

Раздел 3.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, РЕЦЕПЦИЯ И НОВАЦИЯ**

Бирюлин И.В. Российская политология в поисках самоидентичности.....	109
Кудряшова И.В. Религия и подъем «религиозной волны» современного терроризма.....	113
Купин В.Н. Политологический дискурс трансформации демократии в инструмент глобальной геополитики Запада.....	122
Маковский А.А. К вопросу об исследовании государственно-конфессиональных отношений в современной России.....	130
Труханов В.А. О возможности использования понятийного аппарата теории национальной безопасности в политической теории	136

Раздел 4.

**ПРОГНОСТИКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

Ковалева Н.Н. Основные направления цифровизации права	143
Николайченко О.В. Эволютивное толкование права в правосудии по гражданским делам.....	152
Шошин С.В. Формирование инновационных источников российского национального права в XXI веке.....	158
Ягодина А.Ю. Правовой конформизм в сфере правотворчества.....	166

Раздел 5.

**РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВА
МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ**

Арутюнян К.С. Философское осмысление управления общественным сознанием в информационном обществе ..	170
Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Постнеклассическая социальная парадигма и управление общественными процессами.....	174

Ахметова Э.И. Особенности развития российской науки и ее перспективы.....	184
Буланова М.Б. Социологические подходы к изучению peet-молодежи.....	188
Новичкова И.Ю. Социологическая рефлексия гражданской культуры российского общества	195
Суркова И.Ю. Репертуар современных социологических подходов к анализу конфликтных ситуаций в противопожарной службе	206
Суслов И.В. Человеческий капитал: случай эпистемологической интервенции экономического термина в российскую социальную науку	213
Щебланова В.В. Социально-экономические факторы террористических практик.....	218

Раздел 6.

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В РЕАЛИЯХ
НАЦИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Логинава Л.В. Миграционная привлекательность и реализация трудового потенциала в контексте современных реалий и вызовов развития регионов России.....	223
Пруцак О.В. Роль концепции устойчивого социально-экономического развития в решении глобальных проблем современности.....	232
Султанова Л.Ш. Концепция абсорбционной способности экономики к инновациям: междисциплинарный подход к анализу	239
Фенин К.В. О неравенстве методов в экономической науке.....	245

Раздел 7.

**ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Алексеев В.Э. Влияние социального статуса военнослужащего на боевую готовность воинского подразделения.....	251
Вербина О. Л. Особенности предоставления земельных участков из публичной собственности в свете изменений земельного законодательства.....	257

Гаврилов Е.В. Об особенностях исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении порочащей информации, распространяемой в сети «Интернет».....	266
Горелова И.В., Лепетухина Е.В. Акты Президента Российской Федерации от издания до контроля над исполнением	271
Жирнов О.Н. Пенсионная реформа в современной России: противоположность популистского и утилитаристского подходов.....	278
Калинникова М.В., Калугина Т.А. Состояние и основные тенденции развития системы образования России.....	283
Квятковский Г.Ю. Формирование художественной картины мира и габитуса творческого субъекта (на примере рок-музыканта) средствами практической философии	287
Киреева Н.А. Аграрная экономика России в новых реалиях: смена институциональных дискурсов	296
Кониная Е.Н. Особенности функций юридической практики.....	304
Красильников О.Ю. Импортозамещающая стратегия структурного развития экономики России.....	311
Красовская Н.Р., Гуляев А.А. Роль «мягкой силы» в решении геополитических задач в современных условиях	316
Максименко М.В. Стабилизационный потенциал факторов социальной динамики.....	323
Максимов В.А. Пределы цифровизации российской экономики в контексте национальной экономической безопасности.....	331
Мельчекова О.Г. Подготовка управленческих кадров: реалии и проблемы образовательной среды	341
Михайлов В.А. Внутриорганизационный досуг военнослужащих войск национальной гвардии РФ	348
Порезанова Е.В. Вызовы и противоречия развития экономики России.....	357
Ташпекова А.Т., Ташпеков Г.А. К вопросу о политическом положении российского крестьянства.....	363
Уразалиева Г.К. «Презумпция оскорбленности» как социально-правовая проблема в российском пространстве.....	373

Цветкова О.В. Инновационный потенциал субъектов РФ	382
Сведения об авторах	388

ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Трудно себе представить необремененные времена в России для общественно-гуманитарных наук, которые имеют дело с подвижной, динамичной, постоянно находящейся в движении Современностью в лице общества, власти, политики. В СССР социально-гуманитарное знание могло развиваться только в жестких рамках марксистско-ленинской парадигмы в условиях обязательной ангажированности. Власть, проводя волюнтаристский курс, использовала потенциал общественно-гуманитарных наук в идейно-политических целях, что отражалось и на их содержании, и на структуре.

Если учесть, что в прошлом 2018 г. исполнилось 25 лет действующей Конституции Российской Федерации, то это было совсем недавно, особенно в исторической ретроспективе. Все это время, более четверти века, общественно-гуманитарные науки серьезно работали «над собой», осваивались новые концептуальные основы, на базе которых изучалась и изучается Современность.

Положение социо-гуманитарных наук в современной России нельзя назвать беззаботным. Часть общества, особенно поклонники Запада, не может им простить «грехов» периода СССР, обслуживания власти, разработки, как сегодня стало очевидным, утопических теорий. Для маргинализованной, поверхностно-образованной части все, что не дает непосредственной и быстрой выгоды, просто не должно существовать, в том числе и гуманитарное знание. Власть, ситуативно сосредоточившись на экономике и социальной сфере, на наш взгляд, недостаточно опирается на современный потенциал общественно-гуманитарных наук для решения сложнейших проблем Современности, отвечая на вызовы времени. В обществе происходят сложные процессы, с которыми наша страна прежде не сталкивалась. Общество меняет свои качественные характеристики, между поколениями углубляется качественная дифференциация, тургеневское деление на «отцов» и «детей» сегодня не просто вчерашний, а поза-, позапозавчерашний день.

Общественно-гуманитарные науки призваны улавливать тренды социальных трансформаций, которые задают направления развития и создают дискурсы, отвечающие вызовам времени.

Современность влечет, озадачивает, разочаровывает, порой шокирует, требует анализа, определения, выявления тенденций. После радикального отказа от формационной трактовки истории человечества все более популярной становится триада: премодерн – модерн – постмодерн. Очевидно, что изменения в современном обществе, называемом и постиндустриальным, и постмодерном, и постинформационным, и постсекулярным, происходят стремительнее, интенсивнее в сравнении с прошлыми столетиями.

В условиях перемен XXI века меняются исторические оценки значимых событий и действующих лиц, происходит обновление ведущих институциональных дискурсов, появляются новейшие глобальные, региональные риски и пути их преодоления, пересматриваются прогнозные сценарии будущего. В ответ на вызовы времени модифицируются социокультурные контексты, политические цели и идеологии, экономические реалии, нормы, традиции.

Все эти проблемы, имеющие динамичный характер, в социо-гуманитарном знании современной России анализируются на междисциплинарном уровне, в сравнительной перспективе, с применением комплексных методологий, воплощаются в академических полемиках, медийных дебатах, дискутируются на интернет-форумах и общественных аренах.

В представляемый сборник вошли статьи участников Международной научно-практической конференции «Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности», которая проводилась кафедрой истории, политологии, социологии и сервиса Саратовской государственной юридической академии 25–26 января 2019 г. В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы, находящиеся в фокусе внимания социо-гуманитарных наук.

Все предоставленные работы мы посчитали возможным разделить на два логических блока. В первом – статьи об интеллектуальных процессах, происходящих в гуманитарном знании современной России, с позиции философов, историков, социологов, политологов, экономистов, юристов. Во-втором – прикладные исследования представителей общественно-гуманитарных наук.

В рамках переосмысления концептуальных оснований общественно-гуманитарных наук авторы обратились к цифровому повороту в теории познания, «большому повороту» постмодернизма, освоению феномена постсекулярности, проблемам и перспективам

социально-управленческой мысли, тенденциям современной российской историографии. Не остались без внимания и проблемы интеграции науки и высшего образования, состояния гуманитарных наук в новом векторе исторического развития России, междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания.

Современная историософия представлена работами о российской цивилизации, осмыслением геополитического положения нашей страны и подходами в анализе отдельных тем исторического знания.

Как свидетельствуют статьи политологов, российская политическая наука находится в поисках самоидентичности, анализирует политический дискурс демократии, обращается к проблемам религии и политики, решает проблему понятийного аппарата.

Серьезными вызовами для российской социологии стали мировые тенденции и российские реалии. Ведется интенсивный поиск основ управления общественными процессами, общественным сознанием в информационном обществе, подходов к анализу проблем изучения человеческого капитала, неет-молодежи, конфликтных ситуаций, террористических практик.

Перспективы юридической науки в условиях глобальных перемен XXI века представлены формированием инновационных источников российского национального права, правовым конформизмом в сфере правотворчества, основными направлениями цифровизации права, эволютивным толкованием права в правосудии по гражданским делам.

В рамках проблематики российской экономической науки в реалиях национальных и глобальных вызовов ученые обратились к междисциплинарному подходу анализа концепции абсорбционной способности экономики к инновациям, роли концепции устойчивого социально-экономического развития в решении глобальных проблем современности, неравенстве методов в экономической науке, реализации трудового потенциала мигрантов в социально-экономическом региональном пространстве.

Ответы на многие вызовы Современности можно найти не только в рамках конкретных общественно-гуманитарных наук, но и проводя междисциплинарные исследования. У социо-гуманитарного знания современной России налицо общие проблемы и озабоченности и не только теоретического, концептуального плана, но

и прикладного. Общественно-гуманитарные науки нужны обществу, власти, политике. Только объективное знание может быть основой прогрессирующего развития страны, эффективного решения проблем.

*Заведующий кафедрой истории,
политологии, социологии и сервиса
Саратовской государственной юридической
академии, доктор политических наук,
профессор **В.С. Слобожникова***

Раздел 1.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 141

Демидов А.И. (Саратов)

«БОЛЬШОЙ ПОВОРОТ» ПОСТ МОДЕРНИЗМА

Аннотация: автор рассматривает некоторые вехи эволюции широкого комплекса идей и представлений, направленных на осмысление перехода к информационной цивилизации и получивших название «пост модернизма». По его мнению, в рамках основных инструментов методологии пост модернизма («негативная диалектика», критика «логоцентризма», «деконструкция») не удалось создать стиль жизни и образ мышления, способные избавить человека от зависимости от тоталитарных мыслительных и социальных практик. Это достаточно убедительно выявляет «радикальный пост модернизм» Ж. Бодрийяра.

Ключевые слова: пост модернизм, методологические инструменты, информационная цивилизация.

Осмысление глубочайших трансформаций, происходящих в современном обществе, порождает множество теоретических моделей и способов интерпретаций, но практически все они осуществляются как выделение, осмысление и противопоставление качественно своеобразия двух этапов развития: того, что уходит («модерн»), и того, что приходит ему на смену («постмодерн»), или двух типов обществ: индустриального и постиндустриального¹. Если сравнить основные параметры того и другого, становится ясно, что измене-

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Инноземцева. М., 1999; Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М., 2014.

ния действительно происходят радикальные. Если основными чертами «модерна» являются:

- индустриализм, конвейерное производство товаров,
- демократия,
- социальное государство, солидарность,
- вера в прогресс, оптимизм, рациональность,
- стремление к абсолютному знанию в науке, технике, обществе и политике, то чертами «постмодерна» уже оказываются:
 - пост индустриальное общество, связанное в основном с производством услуг,
 - гигантский рост производительности труда, решение традиционных проблем потребления (еда, одежда, образование),
 - исчерпание природных ресурсов,
 - ошутимый рост неопределенности в развитии, нарастание всякого рода рисков,
 - пессимизм, усталость, иррациональность как сопутствующие жизни характеристики,
 - разочарование в идее абсолютного знания.

Становление пост индустриальной цивилизации вызывает радикальное изменение ключевых элементов социальной и политической структур общества.

Личность. Раньше она четко идентифицировалась с определенным фрагментом общества, социальной группой. Ныне, прежде всего в результате формирования сетевых взаимодействий, каждый из нас является членом огромного числа разнородных сообществ с множеством идентифицирующих признаков и затребованных именно в определенном сообществе социальных качеств. Затрудненность идентификации.

Труд. В пост индустриальном обществе преобразование природы и получение из нее необходимых продуктов становится лишь небольшим фрагментом современной трудовой деятельности, все более воплощающейся в производство услуг, информации, знаний и их внедрение. При этом следует иметь в виду, что поскольку будущее экономики связано с автоматизацией и роботизацией и, следовательно, с сокращением потребности в рабочей силе, в том числе и квалифицированной, большая часть населения развитых стран будет обречена на праздность, а труд станет привилегией (М. Кастельс).

Собственность. Главные объекты собственности, как и ее субъекты, виртуализируются. Особенно это характерно для финансов

и их потоков, движение которых становится все более самостоятельным явлением, мало связанным с экономической жизнью (хозяйством), обслуживанию которой они вроде бы предназначались. Не овеществленную собственность можно воспроизводить бесконечно, и она может находиться повсеместно в одно и то же время (А. Негри). Также и информация – она принадлежит всем, а ее деление, ее же и умножает.

Государство. В условиях глобализации происходит радикальное преобразование всех его существенных признаков. Размывается суверенитет национальных государств, появляется много проблем, организаций, видов деятельности, выходящих за рамки государственных границ, растет значение международного законодательства. Все более выраженным качеством современных государств и политических процессов в них становится так называемый «приватизм», выражающийся в невозможности реагировать на социальные проблемы через коллективные действия, отсутствии способности выработки общенациональных решений и совместных действий¹.

Сети. Формируют ткань новой политической реальности. Носителем упорядоченности в них становятся не институты, а взаимодействия. Иерархичность построения и использование санкций как важнейшие атрибуты власти служат средствами компенсации дефицита информации как важнейшего управленческого ресурса. Поскольку в современных условиях этот дефицит становится все более относительным, потребность в иерархии и санкциях, как атрибутах властных отношений, снижается.

Политика. Из «системы авторитарного **распределения ценностей**» (Д. Истон) превращается в систему **обмена ресурсами**, прежде всего, информационными, то есть, в какой-то мере, приобретает рыночную форму, и задачи производства именно востребованного продукта, его продвижения, рекламы, своевременной и быстрой смены стратегии поведения становятся здесь первоочередными для обретения и удержания власти. Такая власть все в меньшей мере концентрируется в институтах, тем более официальных. Она становится рассеянной, реализуется через разнообразные альянсы, соглашения, партнерства, другие формы представительства, выражения и защиты интересов, которые в современных условиях становятся все более разнообразными. В этих условиях привлекательными и приемлемыми для участников политического взаимо-

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 60.

действия становятся такие формы объединения и представительства интересов, которые не ограничивают их автономии, оставляют достаточные возможности для выбора и даже отказа.

Семья. Она стала маленькой, нуклеарной ячейкой, включающей людей 2 поколений, а ее члены чаще всего не связаны совместным трудом, проживанием, досугом и все меньше хозяйством. Ее претендующими на равноправие соперниками служит огромное количество разнообразных связей полов, возрастов, сходных позиций и совместных занятий.

Образование. В его модернизации акцент делается на обеспечение вариативности стратегий и тактик обучения, используемых программ и методических материалов, на освоении технологий получения знаний, но не на их закреплении и согласовании с прежними представлениями. Системность, устойчивость полученных знаний перестают быть приоритетом образования, что закрепляется и вводимой системой итогового контроля – всякого рода тестированием, моделями практического применения полученных или самостоятельно добытых знаний.

В объяснительных моделях осуществляемого перехода от одного типа общества к другому радикальным образом меняются познавательные и объяснительные установки: от поиска постоянства (законов, структур) в механизмах изменения – к доказательству, что происходящие изменения столь радикальны, что, собственно, ни о каком сохранении или устойчивости не может быть и речи. А уход от сложившихся стереотипов, моделей мышления и действия рассматривается чуть ли не как главная задача.

Насколько это удастся сделать в наиболее радикальных типах «пост модернистской» методологии, хорошо видно при сопоставлении движения этой методологии от структуралистских – к пост структуралистским, а затем – к «радикальным» пост модернистским версиям социального и политического порядка.

Благодаря синергетике – науке о самоорганизации в сложных системах, формируется новый облик политического порядка и новое видение механизмов его возникновения и поддержания. Происходит признание конструктивной роли хаоса, который рассматривается не только как предел неупорядоченности и сугубо нежелательное для управления и бытия системы состояние, порог, за которым начинается ее разрушение, но и как толчок, движение к новому порядку, новому равновесному состоянию. Таким образом, фундамен-

тальная для философии идея спонтанной упорядоченности (И. Кант, Г. В. Гегель) подкрепляется системными, энергетическими, математическими аргументами.

Среди них наибольшей значимостью для понимания принципиально важных моментов в становлении устойчивых отношений (структур) обладают:

- установление упорядоченности происходит через флуктуации – случайные отклонения, а неустойчивость, таким образом, оказывается этапом становления устойчивой упорядоченности («порядок из хаоса» по И. Пригожину);

- существует множество возможных путей развития системы, они возникают в точках бифуркации, характеризующихся ветвлением последствий, наступающих в результате того или иного события или действия;

- благодаря наличию свойства нелинейности «система имеет в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения этой системы»¹.

Сама же категория структуры из общенаучного понятия, фиксирующего устойчивые связи между частями целостности, превращается для одних – в важнейший объяснительный принцип, предмет настойчивых поисков и выявления (К. Леви-Стросс, М. Фуко); для других – в некий демонический объект все более обостряющейся философской критики, в ходе которой палитра оценок достаточно устойчиво меняется с позитивной на негативную.

Начальным пунктом этого движения в методологии осмысления социальной реальности служит формирование в рамках Франкфуртской школы (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Герберт Маркузе) «критической теории» общества. Именно здесь была предпринята критика «Диалектики Просвещения», которая рассматривается в качестве истока тоталитарных способов мышления и действия, «представляет собой природный принцип господства, которому подчиняется вся природа и который в европейской культуре модифицируется на основе техники и технологии, основанных на рациональности»². Возвращенная «критической теорией» «негативная диалектика» Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера как раз отражает этот методологический и мировоззренческий сдвиг: от принятия

¹ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. 148.

² URL: [www. / http/ Bibliofond.ru>aspx?id = 43100](http://Bibliofond.ru>aspx?id = 43100)

рациональности, тотальности, целостности, к приоритету интуитивизма, непосредственности, разорванности, индивидуальности. М. Хоркхаймер эту мысль формулирует достаточно четко: «главная задача философии в XX веке – помочь негативной диалектике выстоять под натиском тоталитарных режимов и авторитарных методов давления на индивида»¹.

Это ответ человека на давление груза индустриализма и диктуемой им дисциплины системно-организованных отношений, где индивидуальность человека тонет, поглощенная псевдоцелостностью и всеобщим конформизмом тоталитарных режимов, и ищет выход в несогласии, бунте и эскапизме.

Аналитическая работа по преодолению целостности продолжается в пост-структурализме (Жак Деррида, Жиль Делез) и сосредотачивается на критике разумности как основном принципе ее организации в современном обществе, «если разум сковывает, надо его преобразовать или, по крайней мере, разорвать пути его влияния на действительность»². Это можно сделать в рамках критики логоцентризма, смысл которой видится в том, чтобы взорвать последовательность мысли: ее критичность, выводной характер, выстраивание на основе принципов и законов логики. Ведь именно они, в конечном счете, сковывают и направляют ход мыслей и действий человека.

Главным объектом критического внимания в этом случае становится язык, ведь именно он по версии структуралистов служит основным средством, через которое проявляется организующая, связывающая и сковывающая человеческую реальность сила разума.

Но язык воплощается в тексте. В пост-структурализме текст – это все, что создано, и все, что нас окружает (т.е. создано Богом). Разрушительная критика логоцентризма (деконструкция) заключается в представлении любого текста как случайного нагромождения смыслов, слов, значений и интерпретаций. Таким образом, осуществляется доказывание, что язык – это не воплощение закономерности и упорядоченности (что естественно для структурализма), а выражение беспорядка и нестабильности³, и делается вывод о надуманности, поверхности упорядоченности, лишении ее реальных бытийственных оснований.

¹ URL: <http://Bibliofond.ru.aspx?id=43100>

² Цит. по: Автономова Н. С. Жак Деррида // Философы двадцатого века. М., 2009. С. 66.

³ См.: Алексеева Т. А. Современные политические теории: От концепций к теориям. М., 2007. С. 412.

Процедура деконструкции оказывается разрушительной и для важнейшего политического и социального качества – идентичности, которая сводится к приему привязывания к произвольно выбранной общности¹. Искомым же результатом предпринятого постструктуралистами поиска хаоса в порядке, сведения упорядоченности к хаосу служит еще одна версия номинализма, рассматривающая индивида в качестве единственно подлинной сущности в мире политического, а всего остального, тоже существующего здесь, – как искусственного (дискурсивного) нагромождения смыслов, привязанностей и значений. Объявленное «негативной диалектикой» Т. Адорно «восстание частных против порочного всеобщего» продолжается и в пост модернизме. Л.В. Сморгунов выделяет наиболее характерные черты этого направления:

- апология множественности, плюрализма;
- противостояние господству универсализма и целостности;
- борьба за свободы, против догматизма;
- критика власти и централизованной политики;
- защита спонтанности установления связей между людьми без предварительных условий касательно истины;
- отрицание: рационализма, диалектики субъекта и объекта, репрезентации;
- детотализация общественных структур².

В рамках (хотя рамок здесь как раз и нет!) пост модернизма возникает разнообразная амальгама тезисов, позиций и оценок, часть из которых достаточно ясно выражают «разорванную» логику, служащую обоснованием ценностной значимости нестабильности как приемлемого для человека модуса существования.

К ней, на наш взгляд, относятся:

- методологически важное положение, выдвинутое французским философом Франсуа Лиотаром о «тотальном недоверии к метанарративам целостности», задающее приоритет технике дезинтеграции и волонтаризации мира социального перед технологиями обеспечения его устойчивости;
- приоритет познавательных процедур «деконструкции», положения как «восстания частных против порочного всеобщего», утверждения и поощрения различий;

¹ [www. / http/ Bibliofond.ru>asp?id = 43100](http://www.Bibliofond.ru/asp?id=43100)

² См.: Сморгунов Л. В. Философия и политика: Очерки политической философии и современная российская ситуация. М., 2007. С. 93–95.

■ представление устойчивости как «ризомы» – «множества беспорядочно переплетенных отростков и побегов, растущих во всех направлениях»¹, «поставленное на поток производство неопределенности» (Э. Гидденс).

Предпринятая пост структуралистами и пост модернистами критика логоцентризма и практика деконструкции имели благородную и понятную цель – освобождение индивида из-под гнета порожденных рационализмом и логоцентризмом тоталитарных властных структур и столь же тотально программирующих его поведение нарративов – последовательно изложенных идеологических и политических проектов. Но когда под натиском мыслительных, а также медийных, политических и экономических практик деконструкции (разложения, рассеяния) эти структуры начали действительно рушиться, возникающие на их месте отношения – зыбкие, неустойчивые, создают целый мир неопределенности и неустойчивости. Но и в этом мире человек не становится более свободным, и здесь он оказывается рабом неконтролируемых им сущностей, зависимым от нового столь же властного мира виртуальности. Человек, избавившись от покрова тотальности, отнюдь не благоденствует, его поведение также программируется, правда, менее жестко и директивно, но не менее эффективно. «Большой поворот» заключается в том, что «радикальный пост модернизм» (Жан Бодрийяр, Энтони Гидденс, Ульрих Бек) по сути дела приходит к отрицанию взлелеянных его предшественниками ориентиров освобождения человека.

■ Выясняется, что «информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на прирост нового, а, наоборот, на тотальную энтропию»². Творимый информацией мир рекламы, СМИ и его искусственная виртуальность оборачивается нарастающей неопределенностью, рискогенностью, неуверенностью, множит проблемы человеческого существования, не делая его более комфортным (У. Бек).

■ Надуманность, иллюзорность, неуверенность этого мира особенно ярко демонстрирует наступающая здесь инверсия потребностей по отношению к производству. Все в большей мере мы здесь имеем дело не с естественными, а с творимыми массовыми коммуникациями потребностями. Логика символов и знаков (ранее бывшая отражением логики предметов и отношений между людьми)

¹ Орлов М. О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. С. 47.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2017. С. 149.

становится самостоятельной. Истериичность такого мира для Ж. Бодрийяра очевидна¹.

■ Политическое в таком обществе «сместилось с официальных арен – парламента, правительства, политического управления в серую зону корпоративизма, где с помощью организованной власти объединений куют горячее железо политических решений, которые затем совсем другие люди отстаивают как свои собственные»². «Фактически власть существует сегодня лишь для того, чтобы скрыть, что ее больше нет... Полностью лишенная *политического* измерения, она зависит, как любой другой товар, от производства и массового потребления. Не осталось даже проблеска власти, осталась одна только функция политического универсума»³.

И.А. Василенко в свое время назвала пост модернизм «мятежом, выросшим из смысловой пустоты»⁴. Что обнаруживает Ж. Бодрийяр в этом мятеже? Что «проглядывает» под вуалью виртуального мира? Да те же самые устойчивые властные структуры (наблюдение, насилие, контроль), выявленные М. Фуко в «Рождении тюрьмы», но уже, конечно, в модернизированном, виртуализированном виде: «В тени этой системы под предлогом серьезнейшей “объективной” угрозы и благодаря этому дамоклову мечу затевается мощнейшая система контроля, которая когда-либо существовала, и постепенная сателлитизация всей планеты с помощью этой гипермодели безопасности»⁵.

Становится ясно, что накатывающиеся на человека волны дезинтеграции, всеобщего разъединения и обособленности – отнюдь не благо и не желаемое состояние. Это все более ощущаемая тяжесть необходимости самостоятельного, а где-то обособленного противостояния все новым, наплывающим на тебя обстоятельствам. Но следует помнить известное высказывание: «Уход в частную жизнь, поощряя гражданскую апатию, провоцирует наступление тирании»⁶. Для российского общества – внимательное отношение к аргументации пост модернистов – отнюдь не умозрительная или чисто теоретическая задача. Следует иметь в виду, что в ряде стран, к которым относится и Россия, постмодернизм оказался явлением не только теоретическим или культурным, но и феноменом акту-

¹ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 106.

² Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М, 2000. С. 285.

³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 53.

⁴ Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 13.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 69.

⁶ Шлезингер – мл. А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 69.

альной социально-политической практики. Проповедь цинизма, пренебрежение к рациональности, замена науки интуитивизмом, доказательство связи теории и тоталитаризма прочно вошли в арсенал многих социально-политических сил и воплотились в таких знакомых явлениях, как психологическое манипулирование, политический авантюризм, экономическая бесплодие, культурная всеядность, пренебрежение к науке и образованию. Конечно, это происходит не потому, что «новые русские» начитались произведений парижских интеллектуалов, они просто усвоили и воспроизводят то, что транслируется через механизмы культуры, пропаганды, информации и рекламы.

Производство, преобразование и распределение информации становится главной силой перемен, а сознание индивидов – в основном пространство, где разворачивается битва за власть. Но в таком случае факторы неустойчивости, нестабильности становятся главной предпосылкой инициирования перемен. Ведь сознание современного человека – это зыбкое «поле чудес», где туман воображения переводит химеры в реальность, наделяет значением феномены и личности, до определенного момента никаким значением не обладающие. В этих условиях все более значимым фактором, обеспечивающим возможность организации и быстрой мобилизации, становятся сетевые взаимодействия. Сети, лишенные предметного воплощения, институционального носителя, оказываются весьма значимым и осязаемым элементом современной политики.

Уровень **неопределенности** повышает и виртуализация политической среды. Происходит переход многих значимых для политики элементов в сферу творимого преобразованием информации, что, конечно, способствует стиранию граней между воображаемым и реальным, желаемым и действительным. Если в этой ситуации в калейдоскоп разрозненных идей, фактов, мнений закладывается логично построенная мыслительная структура, связывающая (хотя может быть и мифологическим, случайным образом) причину со следствием, действие с результатом, частицу с целым, то такая систематизация облегчает понимание и объяснение сложности мира, сводя ее к простым, но логически связанным и выверенным ответам. Что зачастую и делается всякого рода манипуляторами сознанием.

Голубинская А.В. (Нижний Новгород)

ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Аннотация: доклад отражает результаты исследования цифрового поворота в теории познания, путей его диагностики и ожидаемых следствий. Первый этап включает в себя систематизацию исследовательских практик, подразумевающих наличие поворота, второй – их сопоставление и выявление лакун, которые могут определить дальнейшее направление подобных исследований. В результате обнаруживаются «недостающие звенья» на примере бессубъектных знаний и солидарной эпистемической ответственности технических средств.

Ключевые слова: цифровой поворот, теория познания, эпистемическая ответственность, википистемология, bigdata.

История науки о знании и познании знает несколько крупных вошедших в учебники поворотов. Натуралистический поворот стал выходом из сложившейся метафизической программы мышления и инструментом преодоления разрыва между философией познания и естественно-научной парадигмой². Лингвистический поворот перенаправил внимание на функции языка, что подняло проблематику осмысленности, смысла и знака, картины мира³. Поворот к социальному открывает сразу несколько вариантов сопоставления индивида и социальных групп как носителей и производителей знания⁴. Менее масштабные или потенциальные «повороты» раскрываются в частных научных дискуссиях о визуальном, эндофизическом, реалистическом и пр. Сам термин «поворот» очень удачно описывает подобную смену исследовательской ориентации: в от-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

² Ребещенкова И.Г. Австро-германская школа исследования эволюции познания (предпосылки, проблемы, перспективы): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. СПб., 2006.

³ Лингвистический поворот // История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрес-сервис; Книжный Дом, 2002.

⁴ Мотрошилова Н.В. «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Ценности и смыслы. 2011. № 5. С. 5–31.

личие от революций, требующих отказ от старого в угоду новому, поворот не ставит никаких условий и не исключает возможности оказаться временным помешательством. И всё же, вряд ли можно найти случай, когда поворот (не только в теории познания, но в науке вообще) оказался ничем более значительным, чем серией упражнений в риторике. Во-первых, такая смена закаляет иммунитет фундаментальных философских категорий от «затвердевания» и слепоты к актуальным изменениям. Во-вторых, поворот – это всё же не выработка ответов на насущные вопросы, а постановка новых вопросов и обоснование, что их можно и нужно задавать.

Говоря о цифровом повороте в теории познания, мы подразумеваем нечто большее, чем инструментальный эффект цифровых технологий на производство научного знания. Этот аспект в целом рассматривается отдельными научными коллективами, например, изменения в капитале научного знания, вызванные внедрением цифровых научных технологий в математические исследования, составляют основную часть работ проекта «The Digital Turn in Epistemology» Роттердамского университета Эразма¹. Есть и другие похожие проекты, что подталкивает нас к предположению о наличии у них общего фона, который в полной мере позволит говорить о цифровом повороте теории познания. Точнее говоря, о наличии такого фона, в котором эпистемологическая проблематика цифровых технологий разворачивается не только и не столько в границах используемого объекта (инструмента, посредника, участника), но и в совокупности иных связей, которые составляют современное понимание того, что мы называем «знанием».

Знание не заперто в лаборатории, и если оно покидает её стены, то встраивается в самые разные отношения, оказывая значительное влияние на ход социального развития и истории цивилизации в целом. И в этом смысле цифровой поворот грамотнее назвать социально-цифровым поворотом, однако не с целью выведения или укрепления дихотомий, а, напротив, чтобы подчеркнуть равную и взаимную ответственность обоих компонент за явления, называемые цифровым поворотом. Само это положение уже стало частью поворота: подобно тому, как лингвистический поворот связан не с изобретением языка, а с обнаружением ранее не выявленных его свойств, цифровой поворот не определяется изобретением нового поколения способов передачи и хранения информации, но раскры-

¹ URL: <https://www.nwo.nl/en/research-and-results/research-projects/i/30/26830.html>

вает невозможность противопоставления культуры и информационной технологии.

С завидной регулярностью умы разных эпох находят корень зла в информационных технологиях:

■ В 1907 году издание «Journal of Education» опубликовало заметку о том, что «современные семьи всё чаще тихо сидят дома у своих каминов, читая журналы, и чтение стало результатом несданных коллоквиумов в школе»¹.

■ 20 апреля 1904 году газета New-York Times опубликовала статью о том, что то, что человек может одновременно разговаривать по телефону одной рукой и делать записи и пометки другой рукой, а также с учётом технических шумов ведёт к нарушениям чувствительности органов слуха.

■ В 1871 году англиканский епископ А.У. Торольд опубликовал статью, в которой содержались следующие высказывания: «Сегодня мы слишком заняты для старомодных писем. Мы выстреливаем множество быстрых и коротких сообщений, вместо того, чтобы просто присесть рядом друг с другом и поговорить лицом к лицу... Некоторые из нас настолько заняты, что никогда не найдут времени, чтобы обсудить с друзьями новости при личной встрече, но даже самый занятой человек всегда найдёт время черкнуть пару строк товарищу... Очевидно, что мы не здоровы, раз пишем друг другу письма, в которых нет необходимости. Письма пишутся не ради информации, а ради ответа, и сегодня среди нас есть те, кто первым делом садится за стол и строчит письма ни о чём и длиной в полдюжины букв. Это делает наше общество эгоистичным, замкнутым, бездеятельным»².

■ В 1685 году философ и будущий автор биографии Рене Декарта А. Байле объявил, что современные ему темпы книгопечатания заставят следующие столетия превратиться в такое же варварское состояние, как и века, следовавшие за падением Римской империи. Почти за столетие до этого вред избытка копирования книг был описан К. Гесснером. Недоверие к книгам продержалось около столетия, в том числе некоторые опасения за цивилизацию в избытке печатных книг выражали и Д. Дидро, и Г. Лейбниц³.

¹ Robertson S. A. The teaching of English in schools which study no foreign language // The Journal of Education. 1907. № 29 (453). P. 288.

² Thorold A. W. On Letter-Writing // The Sunday Magazine. 1871. № 7. P. 120–122.

³ Blair A. Reading strategies for coping with information overload, ca.1550-1700 // Journal of the History of Ideas, 2003. Vol. 64. No. 1. P. 11–28.

■ Ещё до нашей эры гонениям подверглась и письменность. Со-крат в произведениях Платона раскрывает письменность как явление культурной деградации бесписьменного общества: люди «будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения»¹.

На фоне этой исторической справки волна критики телевидения, превращающего человека в зомби, и всё ещё актуальной критики компьютерных технологий, в частности интернет-технологий, выглядят закономерностью. Можно предположить, что современное общество находится где-то на грани выхода из зоны слепой критики в адрес ИКТ. Недовольства вовлечением современных информационных технологий в ключевые процессы социального бытия становится всё меньше, а значит, назрел вопрос о рациональной оценке их роли в обществе, в том числе и сквозь призму отдельных теорий. Критическая оценка этих изменений в теории знания оказалась необходима: на смену классическим представлениям о свойствах знаний пришли риск и неопределённость², а спектр изучаемых явлений значительно расширился.

На сегодняшний день в эпистемологии ведутся самые разные исследования о следствиях дигитализации знания и познания. Мы предлагаем разделить их на две группы. Первая из них связана с пересмотром уже принятых разработок в контексте информационно-коммуникационного общества. Так, например, модель распределения знаний среди экипажа корабля, предложенная Э. Голманом, предлагает лаконичное прочтение феномена потребности в информации. Для этого необходимо задать вопрос о том, насколько нам вообще нужна информация? Ответ на этот вопрос формально предпрешён: согласно международному законодательству, доступ к информации – одна из важных потребностей современного человека. В Окинавской хартии глобального информационного общества, подписанной Президентом Российской Федерации, устанавливается невозможность ограничения доступа к информационным и коммуникационным сетям. Из всех этих документов следует одно – потребность в информации есть и должна быть удовлетворена. Однако в стороне от нормативных наук и деонтологий информаци-

¹ Платон. Федр // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007.

² Сокулер Э.А. Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопросы философии. 2017. №. 12. С. 79–90.

онного общества, из сопоставления проблемы цифрового барьера и модели голдмановского корабля, где знание всех обо всём является деструктивным фактором, следует, что наличие доступа к информации вовсе не обязательно является ценностью. Во-первых, потому что человек может не обладать необходимыми навыками: не уметь находить и адекватно обрабатывать информацию. Такая тенденция встречается повсеместно: в Российской Федерации около четверти населения с доступом к сети просто не имеют желания её использовать (эти данные находятся в открытом доступе на официальном сайте Российской Академии Электронных Коммуникаций). Очевидно, это положение дел сильно противоречит понятию о потребности. Во-вторых, помимо навыков стоит принять во внимание соответствие интересов и способность человека оценить контент. Это положение следует понимать в такой аналогии: потребность в воде не равна потребности в доступе к Мировому океану. Соразмерность информации, которая действительно удовлетворяет познавательным интересам субъекта и информации, которая его окружает, аналогична сравнению бутылки воды и водного резерва планеты. Большая часть направленного на человека информационного потока проходит мимо его внимания, и сама эта ситуация вполне нормальна за одним исключением, а именно – уместности понятия потребности. В-третьих, доступ к информационным технологиям не имеет внутренней ценности. В действительности, информационная технология сама по себе не является целью деятельностного акта, она имеет ценность как средство. Потребность в воде называется именно потребностью в воде, но не потребностью в водопроводе. Всё же стоит предположить, что основной ценностью в познавательном процессе являются знания, и ценность информационных технологий заключается в том, что они предоставляют возможность их приобрести. Следовательно, необходимо критически оценивать сложившуюся риторику проблемы и сосредоточиться на доступе к знаниям в противовес доступа к информационным технологиям. Подобная логика представлена, к примеру, у Д. Фэллиса¹, активно развивающего цифровое направление в эпистемологии.

Вторая группа исследований, наоборот, обращена к выработке эпистемологического обоснования для явлений, ещё недавно не воспринимавшихся как предмет теории познания. Так, напри-

¹ *Fallis, D. Epistemic Value Theory and the Digital Divide // Information Technology and Social Justice. Hershey, PA: Information Science Publishing, 2008. P. 29–46.*

мер предложенная Фэллисом «википистемология» сегодня может быть расширена до целого направления в рамках проблематики знания-в-сети или знания-через-сеть, включившего в себя внушительное количество исследовательских работ¹. Подобным образом появляются попытки эпистемических измерений поисковых систем² и их отдельных функций³, блоггинга⁴ и блогосферы⁵, отдельных интернет-проектов⁶ и конкретных интернет-технологий⁷. Все эти исследования объединены установкой о том, что в веб-пространстве знания распределяются беспрецедентным образом (у Т. Симпсона эта установка просматривается в тезисе о трансформации обоснования знания при появлении поисковых систем; У Голдмана – в разнице между знаниями-которые-публикуются и знаниями-которые-верятся и в появлении неограниченной публичной речи). Отсюда следует, что предметами исследований становятся эпистемические функции, реализуемые подобными технологиями, эпистемическая оценка результата их функционирования, возможность социо-технических эпистемических систем.

Интересно то, что каждый из приведённых примеров предлагает материал для принципиально разных моделей теории познания. Например, оценка и обоснование в блоггинге описываются авторитарной моделью; поисковые системы, ориентируясь на статистический результат, – конвенциональной; wiki-проекты – экспертной, хоть

¹ *Fallis D.* Wikipistemology // Social epistemology: Essential readings. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 297–313; *Sundin O.* Janitors of knowledge: constructing knowledge in the everyday life of Wikipedia editors // Journal of Documentation. 2011. Vol. 67. № 5. P. 840–862; *Wray K. B.* The epistemic cultures of science and Wikipedia: A comparison // Episteme. 2009. Vol. 6. № 1. P. 38–51; *Gelernter L.* A New Epistemic Culture // Wikipedia as an Arena for the Production of Knowledge in Late Modernity. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 2013. 285 p.; *Tollefson D. P.* Wikipedia and the Epistemology of Testimon // Episteme. 2009. Vol. 6. No. 1. P. 8–24; *De Laat P. B.* How Can Contributors to Open-Source Communities Be Trusted? On the Assumption, Inference, and Substitution of Trust // Ethics and Information Technology. 2010. Vol. 12. o. 4. P. 327–341.

² *Simpson T. W.* Evaluating Google as an Epistemic Tool // Metaphilosophy. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 426–445.

³ *Miller B., Record I.* Responsible epistemic technologies: A social-epistemological analysis of autocompleted web search // New Media & Society. 2017. Vol. 19. No. 12. P. 1945–1963.

⁴ *Goldman A.* The social epistemology of blogging // Information technology and moral philosophy. Cambridge: Cambridge university press, 2008. P. 111–122.

⁵ *Coady D.* An epistemic defence of the blogosphere // Journal of Applied Philosophy. 2011. Vol. 28. No. 3. P. 277–294.

⁶ *Huurdean H. C. et al.* Lost but not forgotten: finding pages on the unarchived web // International Journal on Digital Libraries. 2015. Vol. 16. No. 3–4. P. 247–265.

⁷ *Rieder G., Simon J.* Big Data: A New Empiricism and its Epistemic and Socio-Political Consequences // Berechenbarkeit der Welt?. – Springer VS, Wiesbaden, 2017. P. 85–105.

и в несколько изменённой форме; архивы по типу waybackmachine – корреспондентской моделью; к социальным сетям применима дискурсивная модель Ю. Хабермаса, а к технологиям bigdata – принципы непротиворечия, то есть когерентную модель.

Однако приведённая классификация и её модельная многомерность имеют смысл только для обзорной части. Эти направления не противоречат друг другу, а скорее, демонстрируют разные векторы исследований в рамках заявленной проблематике, дополняют друг друга. В настоящем докладе предлагается схематически рассмотреть несколько более результативных классификаций ранее приведённого материала, целью применения которых является выявление в концептуальной системе «цифрового поворота» лагун, следовательно, и перспектив.

По типу и степени ответственности за достоверность информации в сообщении можно выделить ситуации, возлагающие ответственность на субъекта или на технического агента. В первом случае можно обнаружить индивидуальную ответственность (блог), равномерно распределённую среди всех участников (поисковые системы и механизм оценки релевантности), распределённые среди участников в соответствии с долей их вклада (wiki-проекты). Во втором случае также можно выделить «индивидуальную» ответственность технического средства (например, технологии BigData) или распределённую по долевному принципу ответственность среди нескольких технических средств (архив «Wayback Machine» требует не только алгоритма сохранения информации, но и активности от самой сохраняемой платформы в конкретный момент времени). Примеров эпистемической ситуации, в которой ответственность за производство знания распределяется в равной мере среди нескольких технических объектов, нам не удалось обнаружить. Тем не менее, есть основания полагать, что таково производство знаний сложными интеллектуальными системами, в которых – как, например, в сознании человека, – невозможно определить вклад отдельно взятого алгоритма в разработку конкретного решения.

Другая возможная классификация также касается источника знания и связана с вопросом о том, кто владеет знанием или кому знание принадлежит. Допустим, блог как новая форма традиционной коммуникации позволяет изобразить субъективный источник знания, а вики-проекты или результаты отбора релевантной информации в поисковых системах связаны с понятием коллектив-

ного знания, мудрости толпы и частично с понятием экспертного отбора. Однако, пока что непонятно, кому принадлежат знания, полученные при помощи технологии bigdata прежде, чем поступают в распоряжение субъекта, и можно ли эту информацию вообще называть знанием. В пользу утвердительного ответа на второй вопрос действуют представления о знании как о соотношении объекта и информации о нём. Базовой оппозицией эпистемологии является объект и знание, что прямо не предусматривает в данном отношении субъекта. Если этот тезис может быть рассмотрен, то bigdata вносит в риторику эпистемологии вопрос о бессубъектных знаниях.

Эти два примера не могут и, пожалуй, даже не должны рассматриваться достаточными основаниями для провозглашения переворота в теории познания, но вполне обоснованно подкрепить ими представления о повороте. Исследования, соответствующие нашему представлению о цифровом повороте, играют две важные для любой научной дисциплины роли. Во-первых, они позволяют пересмотреть уже сформированные представления. Во-вторых, они выдвигают новые объяснения явлениям современного мира. Но самым главным, на наш взгляд, является то, что при их помощи становится возможным поставить новые вопросы, формулировка которых была невозможна до некоторого переломного момента, то есть до поворота.

Сивова С.А. (Саратов)

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МЫСЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы научного познания управления в социальных системах. В качестве одной из ключевых проблем выделяется слабая консолидация управленческого знания. На основе анализа документальных источников анализируется сложившаяся в соответствии с существующими отраслями наук и научными специальностями институционализация социально-управленческих исследований. Описываются возможные сценарии развития управленческих наук.

Ключевые слова: управление, теория управления, менеджмент, управленческая наука.

В современном обществе, в том числе российском, управление рассматривается как один из важнейших ресурсов. Ему уделяют большое внимание в самых разных сферах: и в государственной политике, и в деятельности организаций, и в личностном развитии. Управлением занимаются профессионально и любительски, его изучают в вузах, ему обучают на семинарах личностного роста. Объем управленческих практик велик и постоянно нарастает. Такая востребованность управления предполагает серьезные ожидания от научных исследований в данной области.

Ситуация в сфере научного познания управления сложилась неоднозначная. С одной стороны, можно говорить о том, что управление социальными системами уже давно является объектом научного внимания. Оно изучается с позиций многих научных дисциплин: экономики, юриспруденции, менеджмента, социологии, политологии, философии, психологии. К настоящему времени написано огромное количество научных работ, раскрывающих это явление с самых разных позиций. Каждый год управленческая научная литература пополняется сотнями работ самого разного объема, харак-

тера, уровня и проблематики¹. Подобное разнообразие, безусловно, радует и вселяет надежды на плодотворное исследование управления в обществе. Однако, если изучить ситуацию более пристально, то вскрываются непростые методологические и гносеологические проблемы. Дело в том, что, несмотря на актуальность и востребованность управленческих исследований в современном обществе, институционализация управленческой науки протекает проблематично. Весьма наглядно это можно увидеть с помощью анализа такого документального источника, отражающего структуру современного российского научного знания, как номенклатура и паспорта научных специальностей².

Обратимся к формальной структуре отечественного научного знания. Оно организовано иерархично. Самая крупная градация – отрасли наук, по которым присуждаются ученые степени (технические науки, юридические науки, социологические науки и т.д.). Среди них управленческих наук не предусмотрено³, то есть официально зафиксировано, что нет системы научных дисциплин, изучающих различные аспекты управления, обладающей методологическим и теоретическим единством.

Отрасли наук разделяются на научные специальности. Здесь мы видим более обнадеживающую картину. Есть несколько специальностей, в формулировке названия которых прямо присутствует термин «управление»: 05.13.10 – управление в социальных и экономических системах, 08.00.05 – экономика и управление народным

¹ Примеры научной литературы по управленческой проблематике, увидевшие свет в 2018 г.: Бурганова Л. А., Савкина Е. Г., Элтон Мэйо. Теоретик и практик управления. М.: ИНФРА-М, 2018; Кузьмина Н. М., Толстякова О. В. Формирование организационной стратегии управления кадровым потенциалом: компетентностный подход. М.: ИНФРА-М, 2017; Ларин М. В. Информационное обеспечение управления. М.: Изд-во РГГУ, 2018; Лукьянова Т. В., Столярова В. А. Управление карьерным ростом государственных гражданских служащих. М.: ИНФРА-М, 2018; Маслов А. А. Китай: наука управления. М.: Рипол Классик, 2018; Прохоров Н. Н., Сидорин С. Г. Управление репутацией в интернете. М.: Синергия, 2018; Пугачев В. П. Управление свободой. М.: URSS, 2018. Чуланова О. Л. Формирование, управление и коучинг эмоциональной компетентности в управлении персоналом организации: монография. М.: ИНФРА-М, 2018.

² См.: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1027 от 23 октября 2017 г. «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени». URL: <http://vak.ed.gov.ru/docs> (дата обращения: 11.01.2019); Паспорта научных специальностей. URL: <http://vak.ed.gov.ru/316> (дата обращения: 11.01.2019).

³ См.: Номенклатура специальностей научных работников. утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 23 октября 2017 г. URL: <http://vak.ed.gov.ru/docs> (дата обращения: 11.01.2019).

хозяйством, 22.00.08 – социология управления. Для каждой специальности разработан паспорт, конкретизирующий ее содержание. В паспорте дана формула специальности и развернутый перечень областей исследования. Такая регламентация, безусловно, оказывает существенное влияние на формирование предметного поля исследований в соответствующих областях знания. Проанализировав этот уровень, можно сказать о том, что управленческая проблематика присутствует не только в трех названных выше специальностях. В некоторых специальностях она не вынесена в формулировку названия и не образует смыслового стержня, но официально выделена в их предметном поле. В частности, в паспорте специальности 09.00.11 «Социальная философия» названы философские проблемы социального управления (п. 19 перечня областей исследования). В специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» управленческая проблематика занимает весомое место. Ей посвящен насыщенный и объемный по содержанию целый пункт (п. 11) паспорта. Предполагается, что политологи должны разрабатывать теорию управления, изучать ее генезис и основные подходы, современные концепции политического управления; изучать специфику управления в общественных системах, институты, формы и механизмы политического управления, критерии эффективности, акторов, структуру и технологии политического управления; выявлять факторы риска и разрабатывать методики их анализа; исследовать политическое управление в современной России.

Разберемся, что дает описанная выше институционализация управленческого знания. На первый взгляд, ситуация может показаться достаточно благополучной. Существует интегральная дисциплина (05.13.10 «Управление в социальных и экономических системах»), и сформированы отраслевые направления (экономическое, политическое, социальное). Но присмотримся повнимательнее. Дисциплина, которая, судя по ее названию, могла бы претендовать на роль общетеоретической базы, превращающей разнообразные исследования управления в обществе в единую сферу знания – 05.13.10 «Управление в социальных и экономических системах» – относится к техническим наукам. Получается, что именно технические науки должны стать теоретической базой для изучения управления в обществе. Нельзя не отметить, что в этой, казалось бы, нелепой, ситуации есть некое «зерно истины»: фундаментальные научные представления об управлении в обществе невозможны без

опоры на концепции, созданные в негуманитарных науках (теория систем, кибернетика, синергетика). Но, на наш взгляд, само название этой специальности нуждается в коррективах, оно должно быть сформулировано так, чтобы было ясно, что речь идет о применении методов точных наук к изучению процессов управления в обществе.

Паспорт специальности «Социология управления» достаточно строго ориентирует на пребывание в предметном поле социологии. Предполагается, что в рамках социологии управления будут разрабатываться концепции управленческого процесса как особого типа социального взаимодействия. «Социологические концепции управления», «управленческое поведение индивидов в социальных институтах и организациях», «социокультурные факторы развития управленческой культуры», «социальные технологии», «социальное прогнозирование», «социальное проектирование», «социальное планирование», «социальный эксперимент», «социологическое обеспечение управленческого процесса» – этими и подобными терминами наполнен паспорт рассматриваемой научной специальности.

Обратимся к паспорту специальности «Экономика и управление народным хозяйством». Предмет исследования в данной области трактуется как «управленческие отношения, возникающие в процессе формирования, развития (разрушения) и стабилизации экономических систем». Судя по содержанию специальности, в качестве одной из разновидностей таких управленческих отношений рассматривается менеджмент (ему посвящен весьма обширный и насыщенный по объему п. 10 паспорта специальности). Можно привести немало соображений, ставящих под сомнение обоснованность такой предметной «приписки» менеджмента. Безусловно, менеджмент изначально зародился в коммерческих производственных организациях. Но это не означает, что он является «экономическим» по своей природе. По такой логике чуть ли не с большим успехом менеджмент можно отнести к техническим наукам, поскольку первые практики и теории менеджмента создавались именно руководителями, рационализирующими производственный процесс (Ф. Тейлор, Г. Гант, Ф. Гилберт). Кроме того, нельзя не учитывать, что на современном этапе менеджмент перестал быть набором конкретных приемов, а перерос в культуру управления, которая широко применяется не только в экономической сфере. Поэтому даже по своим целям и объектам современный менеджмент не может быть сведен к экономическому управлению. Но по закрепленному

в перечне научных дисциплин распределению предметов исследования менеджмент целиком отдан на откуп экономическим наукам. Это решение не оптимально, поскольку либо экономисты сведут изучение менеджмента к экономической проблематике, что не отражает природы менеджмента; либо под «шапкой» экономических дисциплин нужно проводить неэкономические по своему предмету, методам и категориям исследования.

Судя по паспорту специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством», выстраивается именно второй вариант. Уже в первом абзаце паспорта специальности при общей характеристике содержания данного направления исследования ведется речь об «управлении организациями как *социальными* (выделено авт.) и экономическими системами». Учитывая нормативный статус данного документа, имеет вес каждый употребленный термин и даже их порядок. В частности, обращаем внимание на то, что на первое место поставлена именно социальная, а не экономическая природа организационных систем, что переводит данные исследования в социологические. Но этим дело не ограничивается. В следующем абзаце при характеристике объекта исследования на первое место ставится система органов и институтов публичного управления, что также выводит эти научные исследования за рамки экономики.

Дальнейшее раскрытие содержания специальности подтверждает худшие опасения. К экономической специальности отнесено:

10.1. Разработка проблем науки управления и методов её познания. Теоретические взгляды на природу, сущность и развитие управления. Современные направления теоретико-методологических разработок в области управления. Предметные и междисциплинарные основания управления.

10.2. Сущность, структура и отличительные особенности системы публичного управления, основные тенденции и направления ее развития в современных условиях. Принципы организации, ресурсы и процесс публичного управления.

10.3. Публичное управление в условиях глобализации и становления информационного общества. Особенности национальной организации системы публичного управления. Реформы в системе публичного управления.

10.4. Государственная политика, механизмы, методы и технологии ее разработки и реализации. Стратегии и тактики в осуществлении государственной политики.

И только с п. 10.5 начинают постепенно появляться отдельные «островки» экономических вопросов в море управленческой проблематики, постоянно «затапливаемые» то политологическими проблемами «электронной демократии» и «электронного государства» (п. 10.7), то социально-психологическими проблемами организационного поведения (п. 10.13), то «методологическими аспектами изучения организационной культуры» (п. 10.14), то вопросами лидерства и разрешения конфликтов (п. 10.18).

Мы не обладаем информацией о том, в результате каких конкретных событий и чьих решений именно таким образом была наполнена содержанием данная научная специальность, но возьмем на себя смелость утверждать, что интегральной причиной является дисциплинарная неприкаянность и недостаточная интеграция социально-управленческой науки. Представленность управленческой проблематики в разных научных специальностях еще не означает формирование управленческой науки. Включение управления в предметное поле научной специальности не делает эту науку управленческой. Наоборот, это делает управление социальным, экономическим и т.д. явлением. При этом теряется собственно управленческий подход. Это не способствует повышению качества изучения проблем управления в современном обществе.

Структура научных специальностей является важным фактором институционализации современной российской науки. Отсутствие управленческих наук в перечне научных специальностей дает не только гносеологический, но и социально-организационный эффект. Отсутствие соответствующей научной специальности приводит к отсутствию достаточного, весомого в масштабах национальной науки контингента ученых, специализирующихся на управленческих исследованиях. Попытки работать в жанре управленческой науки как самостоятельной сферы знания становятся уделом одиночек. Они могут достигать (и достигают) интересных результатов, но пока не получается культивировать эти исследования как основу для единой, целостной системы управленческого знания.

При такой постановке дела рассчитывать на прорыв в развитии отечественной управленческой мысли пока не приходится. И простых, одношаговых рецептов мы здесь, к сожалению, не можем предложить. Предыдущий ход наших рассуждений подводит к тому, что для институционализации управленческой науки важным фактором является выделение самостоятельной, одноименной науч-

ной специальности. В идеале – да. Наличие такой специальности позволит консолидировать разрозненные исследования, разрабатывать предметное поле и научный аппарат, целенаправленно готовить ученых, специализирующихся на управленческом подходе. Но пока объективных предпосылок для этого недостаточно. Во-первых, мало тех, кто специализируется на управленческой проблематике. Во-вторых, в силу сложившейся профессиональной подготовки и научной специализации еще меньше тех, кто обладает достаточными для управленческого мышления познаниями в широком круге научных дисциплин, формирующих фундаментальные представления о природе процессов управления в социальных системах. Круг замкнулся: дисциплинарная непристроенность управленческих знаний отражается в системе научных дисциплин и одновременно – порождается сложившейся системой дисциплин. Трудно сказать, как будет протекать дальнейшее развитие управленческих знаний. Но в качестве одного из реальных сценариев можно говорить о появлении какой-либо яркой концепции, которая сможет задать новую парадигму, консолидирующую управленческую науку.

Чолахян В.А. (Саратов)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в настоящей публикации исследуются некоторые тенденции в изучении новейшей истории России. Автор изучает состояние исторической науки в начале 1990-х гг. и особенности историографии XXI в. Существование плюрализма методологических подходов в современной российской историографии свидетельствует о том, что идёт поиск теоретико-методологических основ новой «парадигмы истории». Важными достижениями российской исторической науки последних десятилетий можно рассматривать многочисленные издания документов из засекреченных в советское время архивных фондов, а также многотомное фундаментальное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Ключевые слова: историография, методология, архив, источники, Великая Отечественная война.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в условиях глобальных трансформаций значительно расширяется поле выбора моделей и методологических подходов в современной российской историографии. Исторический процесс – явление непрерывное. Безусловно, он очень чувствителен к политическим переменам, и даже сам немного влияет на них. Подобно тому, как при смене формаций один общественный строй не только отрицает предыдущий, но и произрастает из него, так и процесс развития историографии не возникает из пустоты и питается плодами предшествующей научной литературы.

На излете перестройки и в начале 1990-х гг. отечественная историография походила на два мутноватых ручья, сливавшихся в общую реку. С одной стороны – обличительные публикации историков-«бунтарей», понявших, что за бунтарство им ничто не грозит, а с другой – покаянные статьи и монографии «прозревших» историков. Весьма точно историографическую ситуацию тех лет оха-

рактиковал А.А. Чернобаев: «...не вызывают доверия вчерашние “барды Великого Октября” или “развитого социализма”, в одночасье превратившиеся в их самых решительных, “принципиальных” обличителей. Дело доходит до курьезов: на ряде научных конференций приходилось быть свидетелем острых дискуссий между отечественными и зарубежными специалистами, когда первые (авторы трудов по проблемам индустриализации, коллективизации, культурной революции в СССР) освещали рассматриваемые вопросы исключительно в “черном свете”, а их недавние идеологические противники, “буржуазные советологи” им возражали»¹.

К счастью, мы уже прошли это чистилище. Во многом ускорению процесса более объективной оценки нашего прошлого способствовала дискредитация нашего недавнего настоящего ельцинской командой. Противоречивость ситуации в оценке прошлого была во многом вызвана тяжелым положением, в котором оказалась Россия в 1990-е гг. по сравнению с теми странами, в которых существовала социалистическая модель развития по образцу СССР и которая с конца 1970-х гг. вступила в полосу системного кризиса. Различные обстоятельства этого процесса рассматриваются в большом труде: «История современной России»².

На развитие исторической науки в нынешней России оказали влияние снятие политико-идеологических ограничений и цензуры, расширение доступа к источникам, открытие доступа к зарубежной литературе, повышение интенсивности международных научных связей, улучшение технологической базы научных исследований и коммуникаций. Для современной российской историографии характерны смешение различных направлений и методологических подходов. Историческая наука пытается дать целостное видение исторического процесса в единстве всех его характеристик. В истории идёт накопление и открытие новых фактов, совершенствуется теория с учётом развития других отраслей знания. Многие факты, события, явления нашей истории с открытием новых источников, с расширением нашего кругозора, совершенствованием теоретического знания сегодня оцениваются иначе, чем пять–десять лет тому назад. Все это – свидетельства того, что историю переписывают не

¹ Чернобаев А. А. Историк и мир истории. Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2004. С. 213–214.

² Пихоя Р. Г., Соколов А. К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х–1991. М.: РОССПЭН, 2008.

столько из политической конъюнктуры, а в ответ на расширение палитры наших знаний о прошлом. Собранный фактический материал требует своего объяснения, выяснения причин развития общества. Так вырабатываются теоретические концепции.

История – это не просто сумма знаний о прошлом и новых ретрансляций этой информации. Навыки исторического мышления и анализа позволяют яснее видеть истоки и своеобразие мировых процессов, общественных явлений, помогают прогнозировать варианты развития общества, событий и процессов. Исторические знания и исторический стиль мышления формируют гуманитарную культуру и гражданский облик гражданина страны.

Российская историческая наука в постсоветский период оказалась подвержена идеологической конъюнктуре отнюдь не в меньшей степени, чем в советский, хотя при отказе от «марксистско-ленинского догматизма» широко рекламировался научный объективизм. На практике на смену старым идеологемам и мифологемам пришли новые об «общечеловеческих ценностях», о «возвращении на столбовую дорожку цивилизации», о «демократии», а самым актуальным стал миф о безальтернативности развития по пути «рыночной экономики» с доминированием частной собственности, как единственно возможной в современных условиях эффективной модели экономического развития. Он стал главным инструментом манипуляции общественным сознанием, обеспечившим столь неожиданную, легкую и радикальную смену модели общественного развития СССР.

Сегодня историки рассматривают прошлое на широких основаниях, согласно которым в общественной жизни в разных комбинациях и в различные периоды действуют с той или иной силой «на равных» многообразные факторы – культурные, технологические, организационно-экономические, идейно-политические. Каждая эпоха нуждается в своем осмыслении истории Отечества в тесной связи с мировой историей.

Существование плюрализма методологических подходов в современной российской историографии свидетельствует о том, что идёт поиск теоретико-методологических основ новой «парадигмы истории». Кризис марксизма, который провозглашался теоретической и методологической основой советских общественных наук, показал несостоятельность претензий на создание неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания.

На наш взгляд, в этом поиске необходим гносеологический плюрализм, т.е. признание того, что всякая научная теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, содержит рациональное зерно и вносит, таким образом, свой вклад в развитие общественно-научной мысли.

В этом смысле, безусловно, не исчерпал своих возможностей формационный подход, основанный на различении этапов истории в зависимости от способа производства материальных благ. Как известно, одной из центральных проблем изучения истории человеческих обществ является формирование систематизированных представлений относительно направления и динамики исторического процесса, факторов, определяющих исторические изменения, и критериев оценки их значимости. Всё это в концентрированном виде выражается, прежде всего, в периодизации исторического процесса – выделении его этапов как принципиально отличающихся друг от друга качественных состояний общества, связанных преемственностью исторического развития. Исходя из формационного подхода, всемирная история рассматривается как совокупность историй множества социально-исторических организмов, каждый из которых должен «пройти» ряд общественно-экономических формаций. Таким образом, всё существовавшее в истории множество социальных систем сводится к нескольким основным типам – общественно-экономическим формациям, которые последовательно сменяют друг друга.

Многое способен объяснить цивилизационный подход к рассмотрению конкретных исторических явлений. В основе его заложена идея уникальности социальных явлений, своеобразия пути, пройденного отдельными народами. С этой точки зрения исторический процесс есть смена целого ряда цивилизаций, существовавших в разное время в разных регионах планеты и одновременно существующих в настоящее время. Любая цивилизация характеризуется специфической общественно-производственной технологией и, в не меньшей степени, соответствующей ей культурой. Ей присущи определенная философия, общественно-значимые ценности, обобщенный образ мира, основу которого составляет дух народа, его мораль, убежденность, обуславливающие определенное отношение к людям и к самим себе. Этот главный жизненный принцип объединяет людей данной цивилизации, обеспечивает единство на длительный период истории. Вместе с элементами формаци-

онного учения он позволяет выстроить целостную историческую картину.

Известная ограниченность формационного и цивилизационного методов, представляющих исторический путь народов как линейное восхождение от низших форм к высшим, как «повторяющиеся в новых условиях варианты аналогичной деятельности»¹, в определенной степени может быть преодолена синергическим подходом. Использование данного подхода, основанного на таких понятиях, как нелинейность, неустойчивость, непредсказуемость, альтернативность развития, позволило сочетать концепцию эволюционного развития с идеей вариативности исторического процесса.

Наиболее широкие рамки интерпретации исторического процесса представляет модернизационный подход. В его основе – идея развития, призванная не только объяснить переход от традиционного общества к современному в мировом масштабе, но и в то же время показать траекторию исторического движения России. Модернизационный подход ставит проблему общественных ценностей в историческую плоскость, система которых изменяется с развитием общества. Важные для одного поколения, они в следующем поколении могут терять актуальность, и национальное единение осуществляется уже на основе иных ценностей. При этом смена ценностных ориентаций происходит не произвольно, а в соответствии с принципом историзма: «Каждая последующая ступень истории есть результат предыдущей»². В самом широком смысле слова модернизация, понимаемая как индустриализация, движение к городскому обществу, секуляризация, изменение в идеологии и общественных настроениях, выступает главным содержанием советской истории в рамках столкновения западного и советского опыта движения к современности.

Интеграционные процессы в развитии исторической науки зашли так далеко, что фактически сформировали принципиально новые методологические подходы. Их апробирование происходит в рамках исследовательской модели социальной истории, главным объектом которой является само общество. Применение методологической схемы социальной истории позволяет существенно

¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 29.

² Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 16.

раздвинуть горизонты исторического видения и затронуть самые разнообразные проблемы, включая организацию производства и жизнедеятельность, механизм власти и управления, мотивацию труда и природу социальных аномалий, демографию и миграционную подвижность населения, повседневность и микроисторию и т.п.

Методологическая система социальной истории предполагает интерес к локальной и региональной истории и особенно – к микроистории. В центре микроистории стоит человек или коллектив, социальная группа, существующая в конкретно-исторических обстоятельствах, как часть более общего социального организма. Тем самым в истории выявляется уникальное и одновременно через малое и частное ищутся пути к лучшему пониманию общих связей, отношений и процессов. Долгое время сюжеты историко-ориентированных биографических исследований считались в отечественной историографии «мелкотемьем» и исключались из научных планов.

Социальные структуры тоже вырастают из истории общества со свойственными им особенностями и социальными практиками, корнящимися в прошлом той или иной страны. Отчетливо видно, как под воздействием социальной истории преобразуется, например, традиционная для советских историков история рабочего класса, который считался ведущей силой общественного развития и составлял большинство населения СССР. Понятие классов сегодня также подвергается методологическому переосмыслению, рассматривается как порождение определенных исторических обстоятельств и наполняется конкретным историческим содержанием. Переход на уровень исследования таких проблем, как стимулирование труда, реальная, а не фиктивная трудовая и общественная активность, других аспектов жизни рабочих позволяет говорить о том, что советский строй не обеспечил надлежащих стимулов к более производительному труду, как было обещано, а это стало одной из причин того, что рабочие отказали в поддержке выступавших от их имени коммунистов и в общем равнодушно отнеслись к смене общественного строя в стране¹.

Социальная история в современной России, на наш взгляд, является наиболее востребованной. Например, книги серии «Социальная

¹ См.: Основные тенденции современной российской историографии в изучении новейшей истории страны. Идеи академика в XXI веке: материалы IV научных чтений памяти академика. М., 2009. С. 191–192.

история России XX века», издаваемой издательством РОССПЭН (все-го более 20), быстро становятся библиографической редкостью. То же касается исследований, посвященных проблемам женщин, детей, молодежи и другим проблемам социальной истории, которая видится сегодня наиболее перспективной в изучении истории России.

В качестве одного из достижений российской исторической науки последних десятилетий можно рассматривать многочисленные издания документов из засекреченных в советское время архивных фондов. Эти документы естественным образом складываются в серии и многотомные издания. Среди них: «Документы советской истории», «СССР и Восточная Европа», «История сталинского ГУ-ЛАГа», «Трагедия советской деревни», «Россия. XX век», «Общество и власть: российская провинция», «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране», «Советская деревня глазами ВЧК–ОПТ–НКВД» и др. Всего, по подсчетам, около 200 документальных серий. В них нашли отражение массовые репрессии сталинского периода и политические преследования более позднего времени; реальные внутренние, в том числе тайные механизмы власти («Тайны Кремля»); сопротивление системе (внутри и внепартийная политическая оппозиция, диссидентское и правозащитное движения; социальные конфликты, массовые беспорядки).

В 2011 г. начал осуществляться грандиозный проект – 12-томное фундаментальное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Идеология патриотизма всегда спланивала общество и имела решающее значение в борьбе с врагом. Так было, так есть и так будет. Во все времена постижение прошлого, особенно его военной составляющей, играло необычайно важную роль в патриотическом воспитании населения, в первую очередь молодежи. Историческая память народа сохранила Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. как всенародный подвиг, а её итоги и последствия – как выдающиеся события. В основе такой оценки лежат многочисленные объективные и субъективные обстоятельства. Здесь и «малая история» каждой семьи, и «большая история» всей страны.

В 2015 г. вышел 12-й том, завершающий многотомный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Он стал итогом совместной работы большого коллектива авторов-ученых Министерства обороны Российской Федерации, а также Российской академии наук. В нём была предпринята попытка раскрыть основные проблемы войны и дать оценку событий, опираясь не на идеологические

постулаты, а на предшествующие научные исследования с учётом новых методологических подходов и с широким использованием большого массива архивных документов.

Таким образом, российская историография новейшей истории России имеет несколько особенностей. Во-первых, академические исследования выдержаны в рамках нескольких теоретических направлений, и имеет место определенный плюрализм мнений и подходов. Во-вторых, в отличие от большинства западных исследователей, российские ученые не оценивают трансформацию страны исключительно в категориях «демократии» и «рыночной экономики», и не связывают успехи или поражения реформ исключительно с достижением этих идеалов либерализма. Их интерпретация интересов России зачастую не совпадают с западными представлениями о «лучшем». И, наконец, в-третьих, источниковой базой исследований, касающихся последних пятнадцати лет российской истории, в первую очередь являются материалы средств массовой информации, беседы и интервью с российскими политиками, экономистами и общественными деятелями.

Дорофеева Е. С. (Саратов)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В НОВОМ ВЕКТОРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация: *каждый новый виток исторического развития неизбежно влияет на определение роли и места гуманитарных наук. Меняется и понятие данного феномена. Первоначально, в условиях XVI-XVII вв. понятие «гуманитарные науки» включало грамматику, поэзию и риторику. В последующие столетия оно пополнилось философией и теологией и даже математическими дисциплинами. Но в XX в., благодаря Ф. Броделю, все науки о человеке стали называться гуманитарными. Среди них особую значимость он придавал истории и языку.*

Ключевые слова: *гуманитарные науки, история, вектор развития, Россия.*

В современных условиях к гуманитарным наукам относят филологию, мифологию, социологию и, конечно, историю. Как правило, гуманитарными науками называют те, которые изучаются на гуманитарных факультетах вузов¹. Следовательно, как бы ни наполнялось со временем содержание понятия «гуманитарные науки», главный его постулат – учение о человеке, о факторах, облагораживающих и возвышающих его.

Выдающийся историк XIX в. Н.Г. Устрялов, размышляя о русской истории в смысле науки, видел в ней прежде всего соотношение судьбы народа, человека в государстве. Он писал, что русская история – это основательное знание минувшей судьбы русского народа, она должна объяснять постепенное развитие гражданской жизни его, от первого начала ее до настоящего времени с тем, чтобы «разлив свет на главное условие быта общественного и раскрыв, почему они существуют так, а не иначе, указать: какое место занимает Россия в системе прочих государств, какие правила политики внутренней и внешней наиболее были сообразны с ее выгодами; какие при-

¹ Дементов И. О. Науки о человеке как призвание и профессия // ОНС. 2018. № 1. С. 164–165.

чины, как плоды времени и обстоятельств ускоряли или замедляли успехи ее промышленности и образованности»¹. История, считал он, должна охватывать все, что имело влияние на судьбу государства, что оставило после себя следы заметные. Вследствие этого она избирает достопамятные действия людей, управлявших внутреннею и внешнею политикою России; успехи законодательства, промышленности, наук и художеств; влияние религии, нравов и обычаев². Сам Устрялов подтвердил такой подход в изучении истории. В его книге есть главы и об основании Руси, и о ее взаимодействии с соседями, и о царствовании дома Романовых. Он подробно описал деятельность царей, но при этом уделил внимание церкви и сословиям, законам и ратному делу. Примечательно, что в главе VIII он, рассуждая о соотношении общественной и частной жизни, фактически заложил методологический смысл гуманитарной сути истории и русского народа. Он писал: «При всей грубости нравов и обычаев предки наши умели служить своим государям, любили пламенно свою веру, отечество, свои уставы, нередко являли доблести изумительные. В недрах нашего отечества, в добрых качествах русского народа, в счастливом сочетании главных условий гражданского общества заключалась исполинская сила...»³

В переломные моменты наблюдаются кризисы гуманитарных наук: литературы, истории, языкознания, социологии, философии. В случае радикальных перемен в обществе именно они оказываются под ударом, подвергаются радикальному структурному изменению. После октябрьских событий 1917 года начинается переход на позиции марксистско-ленинской методологии⁴. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в исторической науке. На первое место выдвигается познание исторических закономерностей. В силу многогранности исторического развития историческая закономерность представляет собой сочетание различных социальных процессов: экономических, политических, социальных, идеологических. Такой подход послужил формированию масштабности исторических исследований. Предметом изучения являлись крупные исторические события, классы, активно внедрялся принцип партийности. По мере своего развития историческая наука все больше отходит от своей

¹ Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года. СПб., 1997. С. 21.

² Там же. Подчеркнуто нами.

³ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 413.

⁴ Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990. С. 5.

гуманитарной сущности и напоминает социологическую историю, где человек является средством достижения результатов социального строительства.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период происходило наполнение истории чувством национальной гордости и патриотизма. Возросло внимание и к отдельным личностям. А.Н. Рубинштейн обращается к изучению полководческого искусства Суворова, А.Н. Коган написал книгу «Наши великие предки», в которой поведал об Александре Невском, Дмитрии Донском, Кузьме Минине, Дмитрии Пожарском, Михаиле Кутузове и др.¹

В новом векторе исторического развития с начала 90-х годов XX в. история как гуманитарная наука, отказавшись от идеологического подхода, все больше отделяется от человеческого измерения и дрейфует в сторону субъективизма, признания случайностей. На фоне «парада суверенитетов» формируются так называемые «национальные истории». Исследователи отмечают, что для «переписывания» истории характерны: удревнение этносами своей государственности, завышение уровня политического и общественного развития, создание своеобразного пантеона, идеологизация выдающихся национальных деятелей². Понятие «национальная история» принято квалифицировать как систему знаний, сотворенную национальной школой историографии, которая демонстрирует в разной степени этноцентризм – локальный или геополитический (европейский, североамериканский, африканский, арабский и т.д.)³. Суть новых историй на современных пространствах СНГ состоит в том, что они создаются по сценариям, отвечающим задачам идейно-политического обоснования процессов формирования национальных государств. Воспитание людей новой историей стало важнейшей задачей молодых государств. Именно государственная поддержка стимулировала создание «своих историй». На Украине, например, на протяжении всех 90-х годов XX в. историки, пришедшие во власть, оказывали влияние на массовое сознание. Среди них глава Администрации Президента Украины (1994–1996 гг.), доктор

¹ Рубинштейн А. Н. Полководческое искусство Суворова; Широков Г. А. Научные исследования ученых-гуманитариев Поволжья в военное время 1941–1945 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2003. С. 135, 138.

² Айтермахер К., Бордюков Г. «Свое и чужое» прошлое // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 13.

³ Бордюков Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. С. 27.

исторических наук, Дмитрий Табачник, вице-премьер и министр Украины по вопросам гуманитарной политике, академики Иван Курас и Валерий Смолин.

Единение созданных в 90-е годы Института политических и этнонациональных исследований, а также Института истории Украины дали толчок развитию государственной политики и нового гуманитарного образования. После распада СССР вместо истории СССР в школах, вузах и профтехучилищах стали преподаваться «История Украины» и «Всемирная история». В результате переписывания истории «Переяславское соглашение 1654 г. под руководством Богдана Хмельницкого» стало рассматриваться как начало «нового закабаления украинского народа», а Иван Мазепа – как освободитель народа из-под гнета Московского царства¹.

В результате такого «промывания мозгов» украинских граждан в современных условиях происходит не только конфликт на Украине, но и дестабилизация всего евразийского пространства². Об этом свидетельствуют события целого ряда постсоветских государственных образований. Так, исторические и культурные достижения России в Грузии обесцениваются как менее значимые, чем грузинского периода. «Именно национальная культура грузинского народа является гарантом приятия и принятия в мировое сообщество наций» – считает Тамаз Инладзе³. Чем ближе к Востоку, тем сильнее проявляется стремление к этнизации истории. Президент М. Шаймиев открыто заявил, что Золотая Орда – это не варварское объединение народов, а государство, сыгравшее большую роль в создании и становлении российской государственности⁴.

Этноэстатистская доминанта присуща фактически всем государственным образованиям постсоветского времени. Ее суть состоит в формировании представлений о высокой культуре своего народа, о свободной и независимой жизни, о миссии в мире и обществе, о героическом прошлом. Эта тенденция характерна и для народов, оставшихся в рамках России. Так, в республиках Северного Кавка-

¹ Васильев В. От Киевской Руси к независимой Украине // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 218–219.

² Озеров А. А., Аверьянов А. В. Конфликт на Украине – попытка дестабилизации всего евразийского пространства // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия. М., 2015. С. 146.

³ Анчабадзе Ю. Национальная история Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 160.

⁴ Исханов С. История народов Поволжья и Урала. Вышеуказ. соч. С. 289.

за и других российских регионах произошел пересмотр галереи выдающихся лиц в истории. Центральным персонажем северокавказской истории становится Шамиль, чей 200-летний юбилей с размахом праздновали не только на Северном Кавказе, но и в Москве, Санкт-Петербурге. Духовное управление мусульман Дагестана организовало конференцию «Шамиль – повелитель правоверных». Мифологизация его образа фактически привела к формированию культа. Он стал представляться в массовом сознании чуть ли не местником Аллаха.

Если национальные истории активно изживали прежние исторические понятия и приоритеты, то население центральной части российской территории оказалось под влиянием кризисных явлений в историческом знании. Издавались учебники западных авторов, во многих из которых сквозило открытое или завуалированное неуважение к истории нашей страны в особенности – к советскому прошлому.

Под натиском зарубежных и внутренних вызовов отечественные историки занимались «заполнением белых пятен», внедряя в исторический контекст новые понятия. Восстание декабристов стало движением, Великая Октябрьская социалистическая революция стала именоваться как переворот или просто: «октябрьская революция»¹. Изменилось отношение к церкви, индустриализация стала «сталинской», а потому исчезли факты, подтверждающие ее достижения. Все свелось к спорам по поводу средств индустриализации между Сталиным и Троцким. Итоги коллективизации были поданы как «раскрестьянивание», а весь предвоенный период был в основном сведен к репрессиям и внутрипартийной борьбе. Появились сочинения Б. Акунина, в которых он настойчиво пытался вложить в умы читателей идею о случайности возникновения российского государства и высказывает сожаление, что вместо славян на этой территории государство не создали, например, готы².

И лишь когда «битва за историю» достигла эпохи Великой Отечественной войны, против искажения истории стали выступать не только профессионалы, но и политические, общественные деятели, просто граждане. Среди этих выступлений особенно выделяется книга Н.А. Нарочницкой. Выражая свою гражданскую позицию,

¹ Короленков А., Гуленков К. Готовимся к экзамену по истории. М., 2004. С. 270.

² Акунин Б. Часть Европы // История Российского государства: от истоков до монгольского нашествия. М.: АСТ, 2013. С. 29.

она справедливо отметила, что дерзко оскорбляют Россию другие страны потому, что мы сами виноваты в этом. «Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы совершено на Западе, пока оно не было совершено на Родине Победы... Подобно библейскому Хаму мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару»¹.

В свете дискуссий об отечественной истории, литературе и других гуманитарных науках становится очевидным, что именно они – носители системы ценностей государства и общества, среди которых – справедливость, национальный дух, традиции, культурно-историческое величие.

Новые вызовы внутреннего и внешнего порядка диктуют новые требования к гуманитарным наукам. Они должны обеспечивать преемственность в ценностном восприятии исторического прошлого между сменяющимися друг друга поколениями. Необходимо ограничить возобладавший знаниевый методологический подход в изучении гуманитарных наук, усилить гуманистическую направленность, которая была присуща таким наукам как историю и литературу, которые учили человека жить, соизмерять свои поступки с понятиями добра и зла. В свое время А.С. Пушкин, во многом видевший несовершенство общественной и политической жизни в России, продемонстрировал свое единство с родиной, народом, историей: «Но ни за что на свете я не променял бы отечество и ту историю, которую нам бог дал». Далеко не каждый современный молодой человек сможет так сказать. А причина этого кроется в переходе от характерного для России фундаментализма в изучении истории к мозаичности. Все чаще историю изучают не для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее, а для того, чтобы поступить в вуз. Сложившаяся система ЕГЭ отбивает охоту к познанию истории, поскольку ее мозаичный характер не дает необходимых для жизни знаний, не говоря уже о чувствах любви к Родине. Возьмем для примера тесты ЕГЭ 2019 г.² Один из драматичных периодов в России XVII в. – церковный раскол представлен одним тестом, в котором заложено восприятие событий не глобального и не общественного порядка, а как противоречие между Аввакумом и Никоном. В предлагаемых ответах не упоминается Алексей Михайлович, при котором осуществлялась реформа Никона, нет сути

¹ Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2007. С. 1.

² Клоков В. А. История. Тематические тренировочные задания. М., 2018. С. 14.

проводимых реформ, ясности противоречия. Ни подлинных знаний, ни чувств ученик из такого теста не получит. В одном из тестов, использовавшихся для проверки знаний поступивших на I курс абитуриентов, по XIX в. был всего один тест, в котором требовалось ответить на вопрос: «Как называли депутатов от земств?» Подавляющее большинство первокурсников не смогло ответить на него. В результате складывалось впечатление о том, что события XIX в. студенты не знают, хотя в частной беседе удалось выяснить, что они знают и об Отечественной войне 1812 г., и о царях, и об общественных движениях¹.

Еще хуже обстоит дело в тестах по литературе. Ответы на вопросы напоминают игру в слова. Не надо много знать и чувствовать. Надо просто угадать 12 слов, весьма приблизительно отражающих некоторые детали произведения И.А. Гончарова «Обломов». При этом провальным представляется задание В7, которого читатель не обнаружит на с. 7, зато ответ на него на с. 74 имеется и это слово – аллитерация² Ни сути литературного творчества, ни содержания, ни, тем более, чувства из таких заданий ученик не почерпнет.

Конечно, в последнее время появилось немало хороших учебников по истории, но они не всегда доступны учащимся и студентам. Хотелось бы отметить учебник, написанный авторами А.С. Орловым, В.А. Георгиевым, Н.Г. Георгиевым, Т.А. Сивохиной³. Привлекают иллюстрации, историографические подходы, описание событий, показ деятельности отдельных личностей. Однако целый ряд сюжетов не получил должного объяснения. Так, например, на с. 484 авторы рассуждают о целях введения НЭПа и заключают, что достижение этих целей привело к постепенному свертыванию НЭПа во второй половине 20-х годов. Но ведь на самом деле свертывание НЭПа было обусловлено кризисом хлебозаготовок в 1927 году и введением английского флота в Черное море, в результате чего возникла угроза войны. В этих условиях кулаки стали прятать хлеб. Авторы обошли своим вниманием преобразования в сфере промышленности и сельского хозяйства в 20–30-е годы, а именно здесь закладывался экономический фундамент Победы в Великой Отечественной войне.

Таким образом, кризис гуманитарных наук в современной России не преодолен, однако новый вектор исторического развития,

¹ Собственные наблюдения автора.

² См.: Самойлова Е. А. Литература. ЕГЭ. Типовые тестовые задания. М., 2008. С. 7, 74.

³ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиев Н. Г. и др. Учебник. 2-е изд. М. 2015.

характеризующийся возрождением патриотизма и формированием нового, положительного имиджа России в мире, требует разработки концепции гуманитарных наук. На наш взгляд, она должна базироваться на исторических, гуманных ценностях России. Необходимо вернуть фундаментализм в изучении гуманитарных наук. Мозаичность исторического познания следует исключить. Тестирование не должно быть главным элементом проверки знаний. На первое место необходимо поставить гражданственность, уважение к собственной истории, литературе, языку. Учащиеся и студенты не должны отыскивать в истории и литературе детали, а находить ключевые точки исторического и культурного развития, знаменующие прогресс. Современная история и литература не может не реагировать на геополитические вызовы в мире, но эта реакция должна носить созидательный характер.

Слобожникова В.С. (Саратов)

ОСВОЕНИЕ СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫМИ НАУКАМИ РОССИИ ФЕНОМЕНА ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ¹

Аннотация: *в современной России динамично происходит процесс концептуализации постсекуляризма и выявления его проявлений. В статье объектом анализа стали работы ученых России, посвященные в разной степени феномену постсекуляризма. Автор акцентировал внимание на проблемах, которые поднимаются в социо-гуманитарных науках в контексте постсекуляризма, и на характеристиках постсекуляризма в современной России. Выявлены институциональные проявления постсекуляризма в общественно-гуманитарных науках.*

Ключевые слова: *современная Россия, общественно-гуманитарные науки, постмодернизм, вызовы современности, постсекуляризм, постсекуляризм.*

Для нас сегодня практически привычными стали информационные сюжеты на религиозные темы, очевидным – широкое распространение религиозности в общественном сознании, усиление политической составляющей в деятельности религиозных объединений. В целом, современная Россия активно осваивает религиозность в различных ее проявлениях и формах². Этот процесс не мог не отразиться во всех сферах жизни в силу нарастающего всепроникающего потенциала религиозности и не заинтересовать ученых, которые, обращаясь к нему, используют различную терминологию на основе смыслов привнесенных кризисом секулярности. Понятие «постсекуляризм» ввёл в оборот Э. Грили, но как «новая матрица мышления» этот термин был впервые употреблён Ю. Хабермасом.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389.

² См., например: *Логинов А. В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005; *Религия и российское многообразие.* М., СПб., 2011; *Общественное мнение и религия в современных обществах: ценностные конфликты и принятие решений: [сборник статей].* М., 2017 и др.

Первые статьи российских исследователей, посвященные этой проблематике, были напечатаны в журналах «Континент», «Логос», «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом», «Человек.RU»¹.

В числе первых к изучению теоретических основ анализа постсекулярности в России приступили философы. Среди философов анализируемой проблематикой одними из первых заинтересовались антропологи, работающие в синергетической антропологии, которая «позволяет дополнить и расширить представления о взаимоотношениях Религиозного и Секулярного», опосредованных Антропологическим. С.С. Хоружий стал лидером этого научного направления, представив методологические основы антропологического аспекта постсекулярной парадигмы².

Философы представили постсекулярность как вызов современности, обратившись к анализу предпосылок, проявлений, особенностей и к мировоззренческим контурам этого вызова. Так, В. М. Сергеев использует понятие «пост-секуляризм» и связывает «несколько странные формы» проявления религиозности с кризисом науки и падением ее авторитета³. Для А. Кыржелева, постсекуляризм – новая ситуация, которая требует переосмысления и анализа секуляризма⁴. Постсекуляризм рассматривается в контексте исторического процесса и «множественных современностей». Большая часть ученых постсекуляризм связывает с постмодерном⁵.

В 2013 г. в журнале «Философские науки» прошла серия публикаций, которые расширили представление о постсекулярности. Статья В. А. Сулимова была посвящена критике современных куль-

¹ См.: *Узланер Д.* Картография постсекулярного. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 12.05.2014).

² См.: *Хоружий С.С.* Постсекуляризм и ситуация человека. URL: <http://docplayer.ru/29265240-Postsekulyarizm-i-situaciya-cheloveka-s-s-horuzhiy.html> (дата обращения: 12.07.2017); *Хоружий С.С.* Постсекуляризм и антропология. URL: <https://studydoc.ru/doc/2071954/horuzhij-s.s.-postsekulyarizm-i-antropologiya> (дата обращения: 12.07.2017); *Хоружий С.С.* Православный взгляд на концепцию постсекулярного. URL: http://www.evestnik.ru/analytics/_pravoslavnyy_vzglyad_4497/ (дата обращения: 12.07.2017).

³ См.: *Сергеев В. М.* Пост-секуляризм и кризис науки. URL: elibrary_23614154_66208474 (дата обращения: 12.12.2018).

⁴ *Кыржегов А.* Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/sekulyarizm-i-postsekulyarizm-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 06.05.2016).

⁵ См., например: *Агаджаян А.* «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и неизбежность секулярности Модерна. URL: elibrary_17930608_40455148 (дата обращения: 10.10.2018); *Панченко Т. Н.* О тотальности, секулярности и постсекулярности (размышления о статье Г. Б. Гутнера). URL: <https://psmb-neos-resources.hb.bizmrg>.

турных и интеллектуальных практик. С.С. Гусев представил две возможные стратегии развития современного общества: поиск новых горизонтов трансцендентного на основе синтеза подходов и накопление все большего разнообразия социально-культурных форм. Г.Л. Тульчинский обратился к анализу природы постсекулярности, форм запроса на трансцендентное, причин утраты образа будущего в условиях усиления тренда постчеловечности. По его мнению, Россия «имеет дело с серьезными цивилизационным вызовом», поэтому в качестве ответа необходима «весьма тонкая социальная инженерия»¹. Серьезное внимание философы обращают на теоретическое осмысление постсекулярной религии, внеконфессиональной религиозности, особенностей российской постсекулярности, мировоззренческого аспекта постсекуляризма².

В условиях усиления влияния религиозности закономерным стало появление трудов философов религии. Они исследуют религиозную ситуацию в целом, которая характеризуется не столько нарастанием религиозного противостояния между конфессиями, сколько «между разными типами религиозности (средневековой и обращенной к духовной первооснове откровения), прогнозируют дальнейшее развитие противостояния разума и веры, анализируют новую религиозность»³.

Постсекуляризм проявляется не только на тематике исследований, но и в структуре гуманитарных наук. Речь о теологии – com/target/sfi/210e5449e0768052538ba2cf383d6d8044bf548e/16_Pantchenko_83-99.pdf (дата обращения: 22.08.2018).

¹ Тульчинский Г.Л. Современность: имманентность и поиска трансценденции. URL: elibrary_19404558_29836861 (дата обращения: 09.10.2018); Тульчинский Г.Л. Субъективность и постсекулярность современности: новая тенденция или фрактальность «плоского» мира? URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/subektivnost-i-postsekulyarnost-sovremenности-novaya-transtsendentsiya-ili-fraktalnost-ploskogo-mira> (дата обращения: 09.10.2018).

² Исаков А.А. Концепция постсекулярной религии: теория и реальность. URL: elibrary_26697437_42226693 (дата обращения: 03.09. 2018); Богатырёв Д.К., Шишова М.И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности. URL: elibrary_25715528_79078957 (дата обращения: 02.09.2018); Радугин А.А., Радугина О.А. Постсекуляризм как мировоззренческая матрица общества постмодерна. URL: elibrary_23077172_22519967 (дата обращения: 23.10.2018).

³ Карпицкий Н.Н. Религиозная ситуация в эпоху постсекуляризма. URL: elibrary_20459226_73227364 (дата обращения: 14.09.2018); Герасимов С.В. Разум и вера: постсекулярность и после. URL: elibrary_21010900_87284371 (дата обращения: 05.09.2018); Гречко П.К. Гражданская религия: от сакральности божественной к сакральности человеческой. URL: elibrary_17735018_20122201 (дата обращения: 08.09.2018); Степанова Е.А. Новое вино в старые мехи: христианство постсекулярной эпохи // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы: сб. научных статей. Екатеринбург, 2016. С. 40–52.

гословии. В современной России теология стала учебной дисциплиной, образовательной программой с трёх-уровневой ступенью реализации. В 2015 г. она была признана научной специальностью в России, а 1 июня 2017 г. состоялась первая защита диссертации по этому направлению¹. Ранее диссертации богословской проблематики защищались по философии, истории, религиоведению. Выделение теологии в качестве отдельной науки внесло определенное напряжение в отношения этих наук. Среди работ по теологии в постсекулярном контексте можно выделить два направления. 1. Работы анализирующие теоретические вызовы постсекуляризма с теологических позиций². 2. Исследования, выявляющие проявления постсекуляризма в религиозно-общественных практиках³. Так, Архимандрит Кирилл обращается к поиску ответов на вопросы (С чем сталкивается христианство в этот новый период развития общества? Какие новые вызовы встают перед Церковью?) и дает на них достаточно критические ответы⁴. Как любую науку на стадии становления, теологию ждут и процессы гибридизации, и фрагментации, а в условиях постсекулярности еще и определение предметного поля, столкновение на нем со светским научным дискурсом.

Пожалуй, самые серьезные испытания среди социо-гуманитарных наук в современной России прошло религиоведение, которое должно было размежеваться с атеизмом и теологией, выработать новые принципа анализа. Современные основы религиоведения во многом были заложены, благодаря А.Н. Красникову (1949–2009 гг.) и его сподвижникам. Принципами современного религиоведения в России стали эмпирическая достоверность, теоретическая обоснованность, политическая неангажированность⁵.

¹ Прошла защита первой в России диссертации по теологии. URL: <https://meduza.io/news/2017/06/01/proshla-zaschita-pervoy-v-rossii-dissertatsii-po-teolog> (дата обращения: 10.09.2017).

² См., например: *Волчков А. С.* Постструктурализм и перспективы христианской метафизики. URL: elibrary_35617911_87515084 (дата обращения: 15.12.2018).

³ См., например: *Дробышев В. Н.* О «честной» теологии и «вере без веры». URL: elibrary_25692359_95764443 (дата обращения 11.11.2018).

⁴ См.: Архимандрит Кирилл (Говорун) Христианство в эпоху постсекуляризма. URL: <http://www.pravmir.ru/religioznoe-vozhrozhdenie-v-epokhu-postsekulyarizma/> (дата обращения: 12.07.2017).

⁵ *Узланер Д.* Умер один из основоположников нового российского религиоведения. URL: www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Umer-odin-iz-osnovopolozhnikov-novogo-rossijskogo-religiovedeniya (дата обращения: 04.10.2015).

Религиоведение разрабатывает как теоретические вопросы современной религиозности, так и анализирует практику, в основном христианскую¹. Важной проблемой современного общества стало нарастающее религиозное и вероисповедное многообразие. О. Н. Римская провела исследование феномена «субкультурные религии» и возражает против их определения как маргинальных, периферийных, деструктивных, «они определяют конфигуративную типологию современного религиозного плюрализма в качестве «сетевых форм» трансляции культуры, новых мифов и ценностных ориентаций»².

Постсекулярность как качественное изменение российского общества серьезно расширяет предметное поле для социологов, особенно для социологов религии. Общие проблемы религиозности российского общества поднимают: Н.М. Великая, А.Д. Виноградов, М.А. Кукарцева и И.В. Колосовая, Е.В. Кузьмина, Д. А. Цыплаков³. Социологи религии широко используют эмпирический материал для обоснования своей позиции⁴. А. Д. Виноградов, например, проанализировал поклонение привезенным святыням номинальных православных и верующих с глубинной религиозной идентичностью⁵. Не

¹ См, например: *Богатырёв Д. К., Прилуцкий А. М.* Конфессиональная модель современного христианства (критика концепций и парадигм. URL: elibrary_25715577_96321999 (дата обращения: 02.12.2018); *Исаков АА* Концепция постсекулярной религии: теория и реальность. URL: elibrary_26697437_42226693 (дата обращения: 02.12.2018); *Черников М.* Христианство в постсекулярном ландшафте: возможность, воображение и производство нового. URL: <http://bogoslov-club.org.ua/?p=4242#more=4242> (дата обращения: 12.07.2017); *Щипков В. А.* Постсекулярность и язык Церкви // Тетради Русской экспертной школы № 1: научное издание / авт.- сост. В. А. Щипков. М.: Русская экспертная школа, Пробел – 2000, 2017. С. 113–119.

² *Римская О. Н.* Субкультуры и субкультурного религии в постсекулярную эпоху. URL: elibrary_26561644_17879617 (дата обращения: 10.10.2018).

³ *Velikaya N. M.* THE WORD OF THE GUEST EDITOR : RUSSIA AS A POST-SECULAR SOCIETY // *Politics and Religion Journal*. 2016. Т. 10. № 1. С. 13–16; *Виноградов А. Д.* Современный взгляд на положение религии в рамках концепции постсекулярности. К постановке проблемы. URL: elibrary_22092136_96408517 (дата обращения: 25.08.2018); *Кукарцева М. А., Колосовая И. В.* Религия и границы светского общества // *Полития*. 2014. № 3 (74). С. 126–133; *Кузьмина Е. В.* Секулярный постсекуляризм как характерная черта современного общества. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/29.html> (дата обращения: 12.07.2017); *Цыплаков Д. А.* Структуры российской постсекулярности в жизненном мире современников. URL: elibrary_25715529_26829354 (дата обращения: 25.11.2018).

⁴ *Здоровцева О. В.* Современная Россия: споры о постсекуляризме и реалии. URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5297>. (дата обращения: 24.09.2018).

⁵ *Виноградов А. Д.* «Странствующие святыни» и современное русское православие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. 1. С. 41–47.

остаётся в стороне от внимания социологов и фундаментализм¹. Началось выявление постсекулярных тенденций у отдельных народов России².

Сегодня высказывается опасение о судьбе социологии религии в связи с институционализацией теологии³. Не случайно Митрополит Иларион заявил: «... теология не ставит своей задачей вытеснение религиоведения из университетского и академического пространства, не ставит задачи подмены собой, занятия позиций религиоведения»⁴. На наш взгляд, социологии религии, как и религиоведению, предстоит уточнение предметного поля исследований. А если учесть, тенденцию развития теологии в конфессиональном русле традиционных религий России, то это будет сделать не очень сложно.

Возвращение религии в публичное пространство не могло не отразиться на политической науке. В современных условиях не только в мире, но и в России активно происходит политизация религии и религиозизация политики. Общемировая практика свидетельствует, что повышение роли религиозных институтов и их экспансия в традиционно светские сферы жизни общества (образование, армия, полиция) приводит к повышению уровня конфликтности и радикализации сторонников и противников десекуляризации⁵. Эту тенденцию отмечают исследователи и в России⁶. Для политической науки постсекулярность – это серьёзный большой вызов, состоящий

¹ Пелин А. А. Исламский и христианский фундаментализм в постсекулярном обществе // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2018. Т. 24. С. 87–98.

² Гузенбаева Г. Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 212–219.

³ Бачинин В. А. Что может ждать социологию за теологическим поворотом // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 140–149.

⁴ Митрополит Иларион. Теология в светском образовательном пространстве. URL: <http://theology.mephi.ru/content/publications/242-teologiya-v-svetском-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 22.03.2017).

⁵ См., наприм.: Богачев М. И. Есть ли связь между религией и политикой? Анализируя опыт Северной Америки и Европы // Полития. 2016. № 4 (83). С. 142.

⁶ Агапов О. Д., Наговицына Ю. А. Развитие гражданского общества в России: институциональные и постсекулярные аспекты. URL: elibrary_23614150_77398049 (дата обращения: 05.10.2018); Баторова Э. А., Шевченко А. А. Политическая субъективность в постсекулярном мире. URL: elibrary_13088890_65893990 (дата обращения: 11.10.2018); Лаврентьев С. Н. Политические партии и постсекулярный синдром в современной России // Власть. 2013. № 12. С. 12–16; Сергеева А. Н. Трансформация коммуникативных стратегий взаимодействия российского политического класса и РПЦ. URL: elibrary_27208511_76425759 (дата обращения: 15.11.2018).

из массы запросов, требующих уже сегодня ответов¹. В политической науке серьезно проблематикой религии и политики занимается М.М. Мchedлова² и И.В. Кудряшова³. Региональные аспекты этой темы на эмпирическом материале Саратовской области анализирует А.А. Маковский⁴. В.С. Лебедев приходит к выводу, что в Чечне и Дагестане произошёл отход от «строго светских форм взаимодействия ислама и политики»⁵.

С позиции развития политологических подходов исследования постсекулярности в России, обращают на себя внимание статьи М.И. Бочарова и Д. Узланера. Первый из названных авторов отмечает следующие особенности качества работ: 1) авторы «практически не опираются на эмпирические данные», а «используют исторические и теоретические аргументы»; 2) исследования, где «затрагивается вопрос о взаимосвязи между религиозностью и политическим поведением и политическими позициями, не дают на него однозначного ответа»⁶. Д. Узланером выявлены «постсекулярные гибриды», что позволило сделать вывод о ситуации выбора Россией «между разными моделями постсекуляризма», «между разными вариантами проведения все время оспариваемой границы религиозное/светское»⁷.

¹ Тутьчинский Г.Л. Политическое измерение постсекулярности: консолидация или дивергенция социума? URL: elibrary_26569244_35990579 (дата обращения: 01.12.2018).

² См., например: Мchedлова М.М. Возвращение религии или Новый мир: в поисках объяснения // Политическая наука. 2013. № 2. С. 25–48; Мchedлова М.М. Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011; Мchedлова М.М. Религиозная и профессиональная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2012. С.132–155.

³ См., наприм.: Кудряшова И.В. Фундаментализм и «фундаментализмы» // Политическая наука. Старые и новые идеологии перед вызовами политического развития. 2013. № 4. С. 92–105; Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. Политическая организация разделенных обществ. 2016. № 1. С.15–33.

⁴ Маковский А.А. Конфликтотенный потенциал государственно-конфессиональных взаимодействий в региональном политическом пространстве // Время больших перемен: политика и политики: матер. Всерос. науч. конф. РАПН. (Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г.) М., 2017. С. 226–228; Маковский А.А. Совет по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями при губернаторе Саратовской области как современный механизм взаимодействия властных структур и религиозных организаций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 4. № 11 (11). С. 20–24.

⁵ Лебедев В.С. Институциональные основы политизации ислама в Чечне и Дагестане // Политика и общество. 2015. № 8 (128). С. 1088–1092.

⁶ Богачев М.И. Есть ли связь между религией и политикой? Анализируя опыт Северной Америки и Европы // Политика. 2016. № 4 (83). С. 142–157.

⁷ Узланер Д. Дело «Пуссирайот» и особенности российского постсекуляризма. URL: elibrary_21274279_13708932 (дата обращения: 30.08.2014).

Сегодня в мире и России происходят интересные процессы в закотворчестве, которое претерпевает мощное давление религиозности. По словам А. Кырлежева, в социальном пространстве личную веру «вытесняет» индивидуально-групповая конфессиональная идентичность, а пафос защиты индивидуальной религиозной свободы отходит на второй план». Все эти изменения не могли не отразиться и на правоприменительной практике, где разворачивается «новая идеологическая борьба постсекулярной эпохи»¹. Права человека в контексте постсекулярной модерности на российском материале рассматривает А.С.Меньшиков. К симптомам постсекулярной ситуации в России он относит «невероятную криминализацию богохульства» и введение в 2013 г. «чрезвычайно проблематичной» категории «религиозные чувства верующих»².

Таким образом, постсекулярность в современном социо-гуманитарном знании России соотносится с Постмодерном и рассматривается как «феномен», «вызов Современности», «новая эпоха». Много работ написано в междисциплинарном ключе. Постсекулярность в России анализируется в контексте зарубежных исследований, мирового исторического развития и России, в связке секулярность – десекулярность – постсекулярность. Расширилось представление о содержании этого явления: от возвращения религий в публичное пространство до присутствия фактора религий, веры, трансцендентного во всех сферах бытия современного социума. Постсекулярность проявляется и в изменении структуры социально-гуманитарных наук, институционализована теология. Все больше исследований ведется в рамках философии и социологии религии. Большинство ученых не демонстрирует явной ангажированности, несмотря на озабоченность некоторыми проявлениями постсекулярности.

¹ Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском суде – в постсекулярной перспективе. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Zhurnal-Gosudarstvo-religiya-cerkov-2-2013> (дата обращения. 11.11.2016).

² Меньшиков А. С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 27–36.

Афанасьев С. Ф. (Саратов)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена актуальным проблемам интеграции науки и образования. В ней с учетом международного опыта анализируется вопрос о возможности внедрения различных форм такой интеграции, принимая во внимание взаимодействие академических научных учреждений и вузов, причем последние могут быть дифференцированы по таким основаниям как научная и практическая ориентированность на получение того или иного ожидаемого результата. Обосновывается, что в Российской Федерации соответствующие целевые программы пока не дают ожидаемого результата, что связано с совокупностью объективных и субъективных причин. Доказывается, что наиболее эффективной формой интеграции науки и высшего образования является создание совместных научно-образовательных центров.*

Ключевые слова: *интеграция науки и образования, научно-образовательные центры, вузы, академические учреждения, целевые федеральные программы, международный опыт.*

Сегодня актуальными вопросами интеграции высшего образования и фундаментальной науки занимаются практически все высокоразвитые в экономическом и культурном плане государства, что обусловлено их естественным желанием сохранить за собой лидирующие позиции в производственной, социальной, научной и прочих значимых сферах человеческого бытия. К примеру, в Германии пришли к выводу о том, что лишь реализация триады «наука-образование-производство» позволит преодолеть недостатки двух уровней системы обучения студентов, не получающих наряду с сугубо специализированными знаниями достаточных широкопрофильных сведений об изучаемом предмете. Кроме того, с начала нового века в ФРГ действуют особые программы по созданию наукоемких кластеров, а также персонафицированные модельные схемы,

в частности «Молодые профессора», посредством которых осуществляется содействие ученым в возрасте до 30 лет в их стремлении заниматься самостоятельными естественнонаучными и гуманитарными изысканиями.¹ Новацией также является и то, что все 380 аккредитованных высших учебных заведений Германии поделены на несколько групп: классические вузы, ориентированные на связь и интеграцию с наукой; университеты прикладных наук, программы которых нацелены на практику; творческие вузы с особыми курсами обучения².

Во Франции национальные программы интеграционного свойства, как правило, исходят от Парламента и Правительства, в лице Министерства высшего образования и научных исследований (Ministère délégué à l'Enseignement supérieur et à la Recherche), которые затем предлагаются для последующего рассмотрения двадцати ведущим научно-исследовательским центрам и высшим учебным заведениям. Данные программы телеологически составлены таким образом, чтобы обеспечить реализацию государственного отраслевого (межотраслевого) заказа с помощью привлечения специалистов, работающих в различных сферах познания, поскольку считается, что именно такой способ взаимодействия дает положительные инновационные результаты³.

Не секрет, что в 90-х г. прошлого столетия особенно сильно от постигшего Россию политико-экономического кризиса пострадали учебные и научные организации, что породило массовый отток квалифицированных кадров. Финансовые затраты в этот период на науку в расчете на душу населения уподобили Россию странам-аутсайдерам, таким как Мексика, Колумбия и другим⁴. Для того чтобы выправить ситуацию в указанной области, опираясь на опыт некоторых европейских государств, был принят ряд особых федеральных программ, основное предназначение коих заключалось в поддержке интеграции высшего образования и академической науки.

¹ Подробно об этом см.: Договор о высших учебных заведениях (на немецком языке) / Hochschulpakt 2020 // www.bmbf.de/de/6142.php (дата обращения: 10.01.2018).

² См.: Высшее образование в Германии. Берлин, 2017. С. 5.

³ См.: Подробная информация размещена на официальном сайте Министерства высшего образования и научного исследования Франции (на французском языке) // www.recherche.gouv.fr (дата обращения: 11.01.2018).

⁴ Только по официальным данным Госкомстата численность штатных сотрудников всех научных организаций России в 1995 г. уменьшилась на 99,3 тыс. человек (8,1 %). См.: Сборник «Наука России в цифрах». 1995 г. М., ЦИСН. 1996.

Так, в первой целевой федеральной программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ 9 сентября 1996 г., подчеркивалось, что ее воплощение в жизнь должно привести к «... созданию наиболее эффективной системы развития фундаментальных наук благодаря кооперации ученых университетов, высших учебных заведений и институтов Российской академии наук, оптимальному решению проблем сохранения ведущих научных школ и развития приоритетных направлений».

Однако, как полагает ряд авторов, она не привела к особым успехам в области интеграции науки и высшего образования. В частности, А.М. Аблажей пишет: «Проведенный анализ показывает, что предпринимаемые в постсоветские годы усилия по интеграции фундаментальной науки и высшего образования в конечном счете представляют собой попытку ускоренного перевода научных исследований в вузы, их позиционирование в качестве реальной альтернативы институтам Академии наук. Однако ожидаемого эффекта, за немногими исключениями, эти попытки пока не принесли, что связано с рядом причин. Это и отсутствие в вузах кадрового резерва для реализации подобных планов, и слабость, несмотря на все финансовые вливания, их материально-технической, прежде всего, приборной базы, и неготовность руководства подавляющего большинства вузов рассматривать вложения в науку как реальный способ увеличения доходов»¹.

В целом это действительно так, но при всем том, необходимо сказать, что подобная строго ориентированная деятельность Правительства РФ все же спровоцировала определенные положительные подвижки: частично было прекращено «распыление» денежных потоков, финансовые средства стали доходить до своего конечного адресата, достаточно широкое распространение получили диверсифицированные грантовые мероприятия, чего, впрочем, было явно недостаточно. В свою время на заседании Совета по науке, технологиям и образованию, состоявшемся осенью 2004 г., В.В. Путин заметил, что «ситуация в науке и образовании улучшается пока крайне медленно». Однако базисные проблемы находятся не в материаль-

¹ Аблажей А. М. Взаимодействие институтов науки и высшего образования в условиях их реформирования // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 13. Вып. 1. С. 49.

ной плоскости, а скорее связаны с организацией соответствующего взаимодействия¹. Соглашаясь с этим, вице-президент РАН РФ Н. Платэ предположил, что разумно создавать интегрированные научные центры, замыкавшие бы цепочку, звеньями которой являются «образование – фундаментальная наука – прикладная наука – инновационная экономика»².

Время показало справедливость высказанных замечаний, поскольку далеко не все способы и методы интеграции высшего образования и фундаментальной науки оказались на практике приемлемыми, даже при условии должного финансирования и регулярной материальной поддержки. В свою очередь это породило широкую дискуссию о путях и средствах реформирования российской высшей школы.³ В связи с чем, предлагались и предлагаются различные варианты подобной реформы, направленные на повышение конкурентоспособности на мировом рынке труда отечественных специалистов, в том числе и юристов.⁴ Представляется, что одним из магистральных направлений модернизации образовательного механизма может стать тесная взаимосвязь высших профессиональных образовательных учреждений и организаций академического типа через создание сети научных, научно-образовательных центров.

Некоторый опыт создания подобных центров уже накоплен. Еще восемь лет назад Министерством образования и науки РФ совместно с Американским фондом гражданских исследований и развития (CRDF) была предложена инициативная программа «Фундаментальные исследования и высшее образование», цель которой состояла именно в способствовании взаимопроникновению науки и высшего образования. Посредством этой программы создано шестнадцать научно-образовательных центров в крупнейших российских университетах, получившие финансирование на конкретные исследования. Причем, как заметил координатор программы С. Егоров, денежные средства выделяются не всему университету в целом,

¹ См.: *Домнышева Е.* Президент ждёт модернизации РАН // Независимая газета. 2004. 27 октября.

² Там же.

³ Отчасти такое обсуждение затем приобретает форму закона, примером тому может служить Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам интеграции образования и науки».

⁴ Небезыntenесными в этом контексте представляются Рекомендации по итогам «круглого стола», проведенного в 2005 г. в рамках девятого Петербургского международного экономического форума, по теме: «Интеграция науки и образования как необходимое условие инновационного развития экономики России».

а центру, который объединяет некий коллектив ученых, занятых изучением единой фундаментальной проблемы или общим проектом. Вследствие чего сам центр может охватывать собой несколько лабораторий, научных групп молодых ученых, в том числе начинающих преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Конечным продуктом таких исследований могут являться базовые разработки в сфере отраслевой науки, что должно способствовать внедрению в образовательный процесс новых учебных курсов, инновационных технологий¹.

Наличествуя примеры и более полномасштабных взаимоотношений образовательных и научных учреждений. Речь идет о тех случаях, когда «чисто» образовательные организации перестают быть таковыми и переходят под крыло Российской Академии наук. В частности, этот процесс затронул Новосибирский государственный университет, который планомерно передается в академическую систему под новым названием «Новосибирский государственный университет Российской Академии наук – научно-образовательный центр Сибирского отделения РАН»².

К сожалению, названная программа затронула только естественные науки (физику, математику, биологию и т.д.), и не была распространена на юридическое образование, хотя и здесь, безусловно, присутствует потребность в фундаментальных исследованиях, значимых для высшей школы. Поэтому в 2014 г. Правительством РФ была запущена специальная программа «Кадры – 2» и следующая линейка программ «Исследования и разработки», реализация которых должна осуществляться до 2020 г.³

Несмотря на все трудности ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» и Саратовский филиал Института государства и права РАН, понимая всю важность и необходимость сближения науки и образования, стали одними из первых государственных учреждений в Приволжском федеральном округе, которые воплотили в реальности такую интегрированную форму как научно-образовательный центр. Уже в начале 2004 г. совмест-

¹ См.: Ваганов А. Как потратить деньги на науку // Независимая газета. 2004. 22 сентября.

² См.: Решетникова Н. Вуз переходного периода // Российская газета. 2005. 12 января; Алферов Ж. Наука в России: взгляд изнутри // В мире науки. 2005. № 4.

³ Подробно об этом см.: Гусев А. Б. Поколения федеральных целевых программ в сфере науки: проблемы системности и перспективы программно-целевого метода // Наука. Инновации. Образование. 2014. № 16. С. 90–118.

ными усилиями создан «Научно-образовательный центр федеральных и региональных проблем правовой политики». В нормативных документах, закрепивших статус научно-образовательного центра, а именно в Положении прямо сказано, что центр создан для достижения общих, научно-исследовательских, образовательных, информационных целей; для повышения качества высшего и послевузовского профессионального образования; организации проведения учёными высшей школы и Российской академии наук фундаментальных научных исследований, а также обеспечения глубокой специализации аспирантов, магистрантов и студентов в области современных проблем правовой политики и развития новых, междисциплинарных научных направлений благодаря интеграции высшего образования и фундаментальной науки.

Легко увидеть, что организация центра не преследует цель механического объединения материальных ресурсов. Напротив, речь идет о союзе вузовской и академической науки на основе единства интеллектуальных ресурсов, что обоюдно выгодно, так как осуществляется привлечение ученых к изучению не какой-то «аморфной», а конкретной актуальной проблематике, которая с успехом может быть затем использована в учебном процессе. В этом смысле центр становится определенной точкой профессионального роста для небольшого круга лиц, заинтересованных в материализации научных изысканий и применении их в своей педагогической и научной практике, что судьбоносно для молодого поколения ученых.

Цели, поставленные перед центром, обуславливают его структуру, а также методы деятельности. Он состоит из академической кафедры, двух лабораторий (политико-правовых технологий, информационно-правовых технологий), а также совместной библиотеки. Перед каждым из структурных подразделений стоят собственные задачи. Например, на базе академической кафедры проводятся интегрированные академические и вузовские научные исследования. К таковым можно отнести разработку концепции правовой политики современной России, которая после опубликования в журнале «Правовая политика и правовая жизнь», а также в виде отдельной брошюры активно обсуждается научной общественностью; глубокое изучение проблем методологии современной юридической науки, которые в области теории государства и права пока не получили системного анализа. Кроме того, академическая кафедра систематически проводит оценку законопроектов, консультирование док-

торантов, аспирантов, магистрантов, организует методологические научные семинары с молодыми учеными и «круглые столы» по самым разным проблематикам.

Лаборатории в отличие от академической кафедры занимаются прикладной реализацией теоретических разработок путем их эмпирического разбора, осуществления социологических и прочих исследований. Одновременно в задачи лабораторий входит подготовка и апробация в образовательном процессе новых специальных курсов, что дает специализированные знания обучающимся, вовлекает наиболее способных студентов в научную жизнь. Другими словами, сугубо теоретические знания, полученные в ходе фундаментальных разработок, здесь выводятся на прикладной уровень, а наука приобретает наиболее удобный вид для ее восприятия широкой аудиторией. Примером тому может служить специальный курс для магистрантов «Российская правовая политика», получивший сначала общетеоретическое осмысление, а затем апробированный в условиях реального преподавания.

Конечно же, наличествуют и свои сложности: еще ко многим молодым преподавателям не пришло осознание того, что педагогика и наука – это явления неразделимые. Высококвалифицированный педагог в сфере высшего юридического образования должен быть в той или иной степени ученым, о его профессиональных знаниях и умениях нужно и должно судить и по научным исследованиям и достижениям, которые необходимо финансово поддерживать. В этом смысле, как показал жизненный опыт, научно-образовательный центр представляет собой оптимальное сочетание вузовской и академической науки при сохранении утилитарных начал, что, в конечном счете, сказывается на качестве юридического образования.

Что же касается финансового обеспечения, то и эта проблема при наличии научно-образовательного центра, решается также несколько проще за счет привлечения средств от грантодателей, тем более что Российская академия наук создала отдельную комиссию по работе с молодежью, которая ежегодно рассматривает соответствующие заявки, связанные с поддержкой деятельности созданных научно-образовательных центров. Такая деятельность инициирована также Министерством образования и науки РФ в рамках соответствующих целевых программ.

Суммируя все вышесказанное полезно еще раз подчеркнуть, что высшее учебное заведение это не только то место, где преподают

специальные дисциплины, указанные в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности «юриспруденция», но и сосредоточение научного потенциала, который следует развивать, чему немало способствует организация научно-образовательных центров.

Барышникова Н.А. (Саратов)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *современный этап развития науки характеризуется широким применением междисциплинарного подхода. Наряду с очевидными преимуществами по сравнению с монодисциплинарными исследованиями (синтез и качественно новый уровень знания, синергизм), реализация междисциплинарного подхода связана с серьезными ограничениями: несогласованностью теоретического базиса, отсутствием терминологической четкости, неопределенностью методологии, противоречивостью инструментального аппарата исследований.*

Ключевые слова: *междисциплинарный подход, методология, синергизм.*

Одним наиболее актуальных направлений научно-технического развития России в условиях новой экономики является синтез знания в результате междисциплинарных исследований, предполагающих изучение представителями разных наук одного и того же объекта. Интерес научного сообщества к междисциплинарным исследованиям возник достаточно давно, однако появление серьезных междисциплинарных исследований и их выделение в особый тип исследовательской деятельности относится ко второй половине XX века.

Под междисциплинарным исследованием в узком смысле слова понимается взаимодействие ученых в процессе исследования различных аспектов одного и того же объекта. Каждое научное исследование – это система, включающая 4 основных элемента¹: предмет и объект исследования; цели и задачи исследования; методологию

¹ Клейнер Г. Б. Междисциплинарность, системность, гармония – ориентиры развития социально-экономических исследований / Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований. Доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015 года, Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 15.

исследования (т.е. систему методологических подходов, общепсихологических, общенаучных и специальных методов и инструментов исследования); результаты исследования, их научную новизну, теоретическую и практическую значимость. В качестве основных междисциплинарных проблем выделим проблемы теоретического, методологического и организационного характера и проиллюстрируем их на примере важнейшей области междисциплинарных экономико-правовых исследований – исследований финансовой безопасности государства.

Финансовая безопасность – это сложная многоаспектная категория, для изучения которой целесообразны междисциплинарные исследования. Важными с точки зрения методологии исследования финансовой безопасности и ее детерминант являются комплексность и системность проблемы обеспечения финансовой безопасности; взаимосвязь и взаимообусловленность различных уровней финансовой безопасности; использование комбинированных методик оценки финансовой безопасности. Эта категория является относительно новой, то есть можно утверждать, что система научных знаний о ней (включая теорию, методологию исследования, прикладные разработки) продолжает формироваться. Вектор развития научных исследований финансовой безопасности должен быть направлен в сторону развития междисциплинарных экономико-правовых исследований.

Первой проблемой экономико-правовых исследований финансовой безопасности, как уже было сказано, является проблема теоретического характера. Конструкция предметной области исследования включает в себя систематизированное отображение эмпирических данных об объекте исследования, набор теорий и концепций разной степени общности, категориальный аппарат исследования, а также содержательные предпосылки, в соответствии с которыми происходит интерпретация нового знания.

Развитие отечественной школы экономической безопасности связано с именами Л.И. Абалкина, В.В. Бурцева, М.И. Гельвановского, С.Ю. Глазьева, В.К. Сенчагова, В.Л. Тамбовцева и других ученых-экономистов. Исходным понятием для них является понятие безопасности, которое трактуется, прежде всего, как «отсутствие опасности»¹. Однако если ученые-экономисты трактуют финансо-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2007. Т. 1. С. 105.

вую безопасность как характеристику финансовой системы страны, обеспечивающую стабильность ее развития и устойчивость по отношению к разного рода угрозам¹, то в исследованиях ученых-юристов финансовая безопасность рассматривается, прежде всего, в контексте нормативно-правового регулирования, т.е. с точки зрения сведения к минимуму количества финансовых правонарушений и преступлений и формирование таких условий развития финансовой системы государства, при которых финансовые потоки направляются исключительно на предусмотренные законодательством цели использования². Среди авторов следует выделить Е.Н. Кондрат, В.И. Авдийского, В.Д. Ларичева, Н.Д. Эриашвили и других, исследующих влияние финансовых преступлений на устойчивость финансовой системы.

В целях получения наилучших результатов методология исследования и исследовательские средства должны максимально соответствовать его предметной конструкции. На методологическом уровне междисциплинарность значима потому, что позволяет применить методы, характерные для одной дисциплины в других областях знания, порождая новый междисциплинарный инструментарий³. Использование методологического аппарата только экономики или только юриспруденции не позволит дать объективную оценку существующих проблем в области исследования финансовой безопасности. Только интегральный подход позволит наиболее объективно изучить ее текущее состояние, осуществить прогноз и наметить меры по ее укреплению.

При относительной схожести применения общефилософских и общенаучных методов исследования, специальные методы общественных наук, и, в том числе, экономики и юриспруденции, существенно различаются. Главными методами экономических исследований являются экономико-математический (в том числе, экономико-математического моделирования), экономико-статистический, расчетно-аналитический, графический, позитивный и нормативный анализ. В юридической науке к специальным методам относят историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-догмати-

¹ Сенчагов В. К. Обеспечение финансовой безопасности России в условиях глобализации // Вестник Российской академии естественных наук. 2011. № 3. С. 15.

² Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности России и пути противодействия: монография. М.: Форум, 2014. С. 66.

³ Лысак И. В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5.

ческий (формально-юридический), право-социологический и иные методы.

Ученые-экономисты в своих исследованиях, как правило, широко используют метод научной абстракции, а также построения экономико-математических моделей, отличающихся высокой степенью обобщения информации. Вследствие этого экономический анализ общественных явлений и процессов может быть неполным, хотя и прекрасно обоснованным эмпирически. К несомненным достоинствам экономических исследований можно отнести высокий уровень статистического анализа и возможность количественно измерить правовые последствия. Что касается исследований по юриспруденции, то они отличаются большой детальностью описания как фактических явлений, так и формальных правовых норм, а также четкой аргументированностью. Можно сказать, что анализ ученого-юриста применим лишь к конкретному случаю.

Поэтому, не ставя под сомнение необходимость специализации научного знания и развития уже сложившихся научных дисциплин, можно заключить, что интеграция возможностей различных наук способствует обеспечению целостности знания и позволяет разработать принципиально новые, инновационные способы решения научных и прикладных проблем общества. Факторами, определяющими продуктивность междисциплинарных экономико-правовых исследований в перспективе, являются формирование согласованного научного взгляда на предмет исследований, разработка междисциплинарной методологии, а также построение системы эффективных коммуникации и взаимодействия исследователей.

Раздел 2.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

УДК 930

Бедрицкая О.О. (Махачкала)

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ: ИДЕОЛОГЕМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: *статья посвящена актуальной теме определения эвристических возможностей исследований российской цивилизации в современной исторической науке. В постсоциалистический период развитие исследований российской цивилизации в РФ определялось борьбой между интеллектуальными направлениями: неоевразийством, православным осмыслением истории и западничеством. Сравниваются аргументы данных направлений. Сделан вывод о разрыве между конкретно-историческими, специальными исследованиями и историософской традицией. Аргументирована точка зрения на сущность российской цивилизации как самобытной, развивающейся циклически, геополитически связанной с континентальным пространством Евразии.*

Ключевые слова: *российская цивилизация, исследования, постсоциалистическая Россия, неоевразийство, православный мир, западничество.*

Цивилизация понимается нами как общественная макросистема, объединяющая индивидов, социальные группы и территориальные сообщества на основе мировоззрения.

«Духовное ядро» включает в себя, по Э. Шилзу, следующие компоненты: «картину мира»; смысловую трактовку жизни и смерти, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление

власти и права; понимание соотношения «индивид – группа – общество – человечество»¹. На основе «центральной» системы ценностей исторически складываются и передаются от поколения к поколению социокультурные традиции. Они проявляются повседневно в форме установок и стереотипов деятельности.

В зависимости от мировоззрения историка, выбор концепции ведет к контрастным, взаимоисключающим оценкам прошлого. В 1990-х гг. сформировались основные концепции российской цивилизации: западническая, русско-православная и неоевразийская.

Первая из концепций – западническая, осмысливает пространство России как «исторический конгломерат народов, относящихся к разным типам развития, объединенных мощным, централизованным государством с великорусским ядром»². Россия воспринимается как несамостоятельное пространство, как отсталая периферия Запада и Востока – «дрейфующее общество». А.С. Ахиезер расценивал историческую динамику России как «глобальный инверсионный цикл», то есть переход из крайности в крайность – от восточной соборности к западному индивидуализму. Медиация (гармоничный синтез противоположных ценностей) в истории России очень редка и представляет краткий эпизод в инверсионном цикле, причем общество не может ни вернуться к традиционному типу, ни совершить прорыв к либеральной цивилизации. И.Г. Яковенко и А.И. Музыкантский пошли еще дальше и назвали культурными кодами русской цивилизации «манихейство и гностицизм», что лишает Россию самостоятельной траектории развития и обрекает ее на запоздалое подражание Западу. С точки зрения И.Г. Яковенко, Россия – это одна из «пограничных цивилизаций», состоящих из сегментов, не имеющих органической взаимосвязи. Незавершенность социокультурного синтеза приводит к частным кризисам и неустойчивости направления исторического развития (цикл реформ и контрреформ). По мнению Ю.С. Пивоварова, «Русская власть» имеет только внешнее сходство с западной.

«Русская власть» – это тотально господствующая субстанция, она неразделима на ветви, не соблюдает законность и обессиливает общество. Она блокирует модернизацию. Поэтому для либерально-западнической историографии характерна идеализация Новгород-

¹ Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. С. 469.

² Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: РОССПЭН, 2012. С. 247.

ской средневековой республики XII-XV вв., Великого княжества Литовского (как «демократической альтернативы» азиатской тирании Московии), противопоставление относительно «положительного» имперского периода «негативным» допетровскому и советскому.

Противоположная парадигма может быть названа «россиецентричной». Она основана на принципах преемственности исторического пути нашей страны, выявления положительных смыслов общенациональной идентичности, осмысления России как геосторической закономерности евразийского пространства, «страны – континента». Историческая традиция России понимается в этой парадигме либо этноцентрично (на основе русской этнической и православной системы ценностей), либо надэтнично (на основе имперского симбиоза этнических и конфессиональных традиций, с признанием доминирования русского этно-конфессионального ядра). И.Б. Орлова понимает под евразийской цивилизацией культурно-историческую систему, сложившуюся в итоге более чем тысячелетнего взаимодействия народов «срединного континента» от Китая до Европы. Люди на данном пространстве обладают особенной евразийской идентичностью.

Надэтничная («неоевразийская») парадигма «страны-континента» с признанием консолидирующей роли русско-православного ядра, наиболее созидательна. В противоположность западной цивилизации, российская не ассимилирует этнические и конфессиональные меньшинства, а интегрирует их в имперское общество и государство¹. Великорусское большинство населения несло повышенную налоговую, административную и военную нагрузку, то есть находилось в состоянии «положительной дискриминации». Достаточно вспомнить, что в эпоху Ивана Грозного дворяне-мусульмане завоеванного Казанского ханства принимались на русскую государственную службу и получали в пожалование русских крепостных крестьян. Значительная часть дворян и чиновников в империи XVIII – начала XX вв. были немцами-протестантами, поляками-католиками.

Проблема синтеза этнических и конфессиональных сегментов российской цивилизации является основной в концепции неоевразийства, развиваемой А.Г. Дугиным. Евразия признается не просто географической средой развития российского общества, а много-религиозным и полиэтничным союзом государств. Ядром евразий-

¹ Платонов О. А. Русская цивилизация: история и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. С. 91.

ской империи, по мнению Дугина, является русский народ, но при равенстве религий и народов, при общей идеологии: «Устройство общества должно быть основано на его религиозно-культурной специфике».

Политическая «матрица» российского общества исторически включает в себя систему идей и ценностей, выросших на почве православного мировоззрения: соборность, единство духовной и светской власти, морализм права. Причем российская цивилизация, по справедливому словам Н.А. Нарочницкой, «стоит особняком в христианском мире... Именно из рук Византии Русь получила и Веру, и учение о симфонии властей, и бесценный опыт Святых Отцов, и уроки молитвенного подвига, и духовный опыт исихазма – синергию – Возрождение Востока»¹. В исследованиях Л.В. Милова и Б.Н. Миронова доказано, что такой выбор не был случайностью, а диктовался природными – крайне суровыми – условиями жизни в Северной Евразии. По истокам политическая «матрица» России близка традиционалистскому восточному типу. В основе политической системы до 1861 г. было идеократическое «государство правды», контролирующее основные потоки власти и собственности. Такая система обеспечивала самостоятельность России в системе государств Европы, создавала условия выживания и интеграции общества.

Но такое государство сохранялось и воспроизводилось не автоматически, а вследствие эффективности, соответствия экономическим и политическим, международным вызовам своего времени. Буржуазно-демократические реформы 1860–1870-х гг. и 1905–1911 гг. по идеологии и институциональным формам были западными, они подрывали традиционное общественное и государственное устройство. Нечто подобное повторилось при «Перестройке» и распаде СССР за 1987–1993 гг., вызвав невиданный всплеск надежд на «всемирную цивилизацию» и «прогресс»². Но гораздо важнее результат волн реформ: поражение, возврат к традиционалистским идеям и построению власти, ослабление реформаторского потенциала общества.

Россия переживает вестернизаторскую модернизацию как минимум с начала XVIII в. по настоящее время. Но навязанные в ходе «неорганичного импорта» институты, общественные отношения,

¹ Никонов В. А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. С. 882.

² Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России: к методологии исследования. // Полис. 1991. № 5. С. 53.

идентичности и общественные доктрины, если они выживают в России, получают адаптированную к национальным условиям форму. Модернизация России всегда была фрагментарной, проводилась усилиями правящих элит «сверху», а не органично вызревала в замыслах институций гражданского общества. Целью такой модернизации было достичь экономической, технологической и военно-дипломатической конкурентоспособности со странами Запада, а вовсе не обеспечить права человека и устойчивое развитие.

Российская цивилизация – самобытная, развивающаяся циклически, связанная с континентальным пространством Евразии. Ядро ценностей российской цивилизации определяется православием и русскими этническими традициями, но данная социокультурная система полиэтнична и поликонфессиональна. Она секулярна в своих проявлениях после 1917 г.

В постсоциалистический период развитие исследований российской цивилизации определялось борьбой между интеллектуальными направлениями: обновленным евразийством, православным осмыслением истории и западничеством. Разрыв между конкретно-историческими, специальными исследованиями и историософской традицией очевиден. Наиболее перспективным для осмысления российской истории как выражения цивилизационных качеств становится обновленное евразийство.

Бичехвост А.Ф. (Саратов)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (1944–1953 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в статье представлен историографический обзор диссертаций, монографий, научных статей, посвящённых истории репатриации советских граждан в конце Второй мировой войны и после её завершения. Отмечены положительные стороны в изучении проблемы, выявлены дискуссионные вопросы, предлагаются направления дальнейшего изучения истории репатриации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., репатриация, российская историография истории репатриации, советские репатрианты, спецпоселенцы, сборно-пересыльные пункты и проверочно-фильтрационные лагеря.

К числу актуальных и активно изучаемых проблем современной российской исторической наукой относится история репатриации советских граждан на завершающем этапе Второй мировой войны и после её окончания.

По истории репатриации советских граждан в последние десятилетия написаны и защищены докторские и кандидатские диссертации¹, изданы монографии², а количество статей, посвящённых

¹ Арзамаскин Ю. Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Вертилецкая Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Гребенщикова И. В. Организационно-правовые основы осуществления репатриации в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Паникар М. М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008; Привалова М. Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008; Толстых И. Н. Репатрианты Новгородской области в 1944–1948 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Вел. Новгород, 2005.

² Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: история россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербург-

интересной, и до недавнего времени малоизученной проблеме, превысило десятки¹.

Первым, кто обратился к проблеме истории противоречивого процесса репатриации советских перемещённых лиц и их послевоенной судьбы, стал В.Н. Земсков (1946–2015 гг.), публикации которого не потеряли актуальности до настоящего времени². К научной проблеме истории репатриации советских граждан подключились А.А. Шевяков и М.И. Семиряга, которые вместе с В.Н. Земсковым, фактически заложили основу истории репатриации как научного направления³.

Самостоятельная научная проблема в истории репатриации – установление численности репатриированных. Различные методики подсчёта, использовавшиеся исследователями, противоречивые статистические данные о количестве репатриированных лиц, извлечённые из архивных документов, привели историков к несовпадению взглядов по вопросу о численности репатриантов, возвратившихся в СССР. Причём разница в статистических данных, приве-

ского ун-та, 2004; *Гребенщикова И.В.* Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база). Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2008; *Земсков В. Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2016; *Ковалев В. И.* Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. М.: Спутник+, 2011; *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *Его же.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002; *Солейм М. Н.* Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах: численность, организация и репатриация. М.: Весь Мир, 2012 и др.

¹ *Гребенщикова И.В.* К вопросу о репатриации // Правоохранительные органы. Теория и практика. 2007. № 2; *Герман А.А.* Концепция репатриации советских граждан. Формирование и реализация в середине 1940-х гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. Вып. VIII. Саратов, 2016 и др.

² *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4; *Его же.* Рождение «второй эмиграции, 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4; *Его же.* Репатриация советских граждан в 1945–1946 гг.: опираясь на документы / Россия XXI. 1993. № 5; *Его же.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5–6; *Его же.* Некоторые проблемы репатриации советских перемещённых лиц / Россия XXI. 1995. № 5–6; *Его же.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е.Н.Рудая. М., 2013 и др.

³ *Шевяков А. А.* «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8; *Его же.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

дённых в диссертационных исследованиях и научных публикациях, достигает внушительных цифр, поэтому сведения о числе репатрированных нуждаются в дополнительной проверке и уточнении.

Дискуссионным в истории репатриации продолжает оставаться вопрос о причинах репатриации советских граждан, ответы на который нередко сводятся к умозрительным конструкциям, и которые не опираются на широкий комплекс исторических источников, прежде всего, архивные документы и материалы.

Как сторонники, так и противники утверждения о «насильственной репатриации», убеждают, что стремление военно-государственного руководства возвратить всех советских граждан, оказавшихся за рубежом, диктовалось, с одной стороны, необходимостью восполнить дефицит трудовых ресурсов, а с другой, не допустить создания «второй эмиграции». Далее единство взглядов в вопросе о причинах массовой репатриации, из-за диаметрально противоположенных позиций, исчезает, и подменяется гипотезами, которые следует либо признать, либо опровергнуть.

Экономические, социальные и политические причины, подтолкнувшие сталинское руководство страны к массовой репатриации советских людей, получили содержательную, и в то же время противоречивую научную трактовку, в работах В.В. Белякова, Г.Г. Вербицкого, А.А. Германа, В.Н. Земскова, О.Н. Косенко, П.М. Поляна и др.¹

История создания специальных органов по репатриации, выявление их роли в возвращении соотечественников, – ещё одна самостоятельная научная проблема в истории репатриации советских граждан, которая отражена в докторской диссертации и монографическом издании Ю.Н. Арзамаскина².

Н.Ю. Арзамаскина в рамках предмета своего диссертационного исследования раскрыла историю становления и развития системы советских военных органов репатриации, созданных и функционировавших в советской оккупационной зоне Германии в 1945–1950-е гг.

¹ Беляков В. В. Из Европы в Европу — через Африку: Египет — перевалочная база репатриации бывших советских военнопленных (1944–1945 гг.) // Восточный архив. 2004. № 11–12; Вербицкий Г. Г. Насильственная репатриация в Кемптене, 12 августа 1945 г. // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 2000. № 10; Косенко О. Н. Насильственная репатриация советских граждан: причины возникновения (1945) // Вестник архивиста: информационный бюллетень. 2006. № 2–3 (92–93) и др.

² Арзамаскин Ю. Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; *Его же*. Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; *Его же*. Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015.

Исследователем выявлены роль и место созданных органов в общей системе репатриационных органов СССР, проанализирована деятельность государственно-политического руководства СССР по созданию и совершенствованию системы органов по репатриации¹.

В.Ю. Кулагина предприняла попытку раскрыть процесс образования обширной сети советских органов по репатриации в СССР в завершающие годы Второй мировой войны, проанализировать основные методы и направления их деятельности, выявить проблемы и сложности, с которыми столкнулось советское государство и его представительства за рубежом при возвращении советских граждан на Родину². Исследователь обратила внимание на решение Политбюро ВКП (б) о нецелесообразности применения массовых репрессий к репатриантам, обосновала причины принятия подобного решения. Не приуменьшая ответственность государственного и высшего военно-политического руководства СССР во главе со Сталиным за преследования репатриантов, нарушение их прав и свобод, всё-таки следует акцентировать внимание на данное решение Политбюро, которое можно использовать как весомый аргумент против позиции тех, кто продолжает настаивать на применении в Советском Союзе в отношении репатриантов исключительно насильственных методов и широкомасштабных репрессий.

Научно-познавательный интерес исследователей продолжает вызывать проблема фильтрации репатриантов (в соответствии с терминологией тех лет – «государственная проверка»), правомерность испытаний, которым подвергались в местах временной изоляции советские граждане, освобождённые из фашистских тюрем и лагерей, прибывшие по каналам репатриации в СССР, либо проходившие фильтрацию в советской зоне оккупации.

Об истории создания и функционирования сборно-пересыльных пунктов (СПП) и проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ), созданных на территории СССР и за рубежом, где проверялись советские люди, ни общественности, ни узкому кругу специалистов в области истории России практически не было известно продолжительное время. Завеса тайны над историей пребывания советских

¹ Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

² Кулагина В. Ю. Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы Второй мировой войны // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.

людей в специальных, проверочно-фильтрационных лагерях начала приподниматься в последние десятилетия.

Организация фильтрации, возвращавшихся из-за границы, механизм её реализации, нарушение прав и свобод, проходивших проверку, работа спецорганов среди репатриированных коллаборационистов, нашли отражение в диссертации и публикациях И.В. Говорова¹.

Проблемы организации и деятельности проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, их территориальное расположение, условия содержания в них репатриантов, механизм фильтрации и нарушение законности при прохождении проверки исследовались Е. Булюниной, С.И. Кузьминым, А.В. Меженько, Т. Савиной, А.С. Смыкалиным и др.², нашли отражение в многотомном издании «Русский мир в XX веке»³.

Анализ положения бывших узников нацизма в проверочно-фильтрационных лагерях, их правового положения, механизма организации «государственной проверки» на примере ПФЛ № 240 (г. Сталино), содержится в кандидатской диссертации В.Ю. Альбова⁴.

¹ Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; *Его же*. Оперативные и розыскные мероприятия в среде репатриированных советских граждан как одно из направлений деятельности органов внутренних дел и государственной безопасности в Ленинградской области (вторая половина 40 – начало 50-х гг.) // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии МВД РФ, 1998; *Его же*. НКВД СССР и его роль в фильтрации советских граждан (1941–1946) // МВД России – 200 лет: материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 1998; *Его же*. Проверочно-фильтрационные органы в системе НКВД 1944–1946 гг. (по материалам Ленинградской области) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002). СПб.: Фонд «Университет», 2001; *Его же*. Проверочно-фильтрационные органы НКВД и их деятельность по выявлению гитлерингентов и уголовников в годы Великой Отечественной войны // Государственность, социально-экономическая политика, образование и культура в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во Государственной полярной академии, 2008 и др.

² Булюнина Е. Советские военнопленные на Родине // Человек. 1996. № 5; Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1991; Меженько А.В. Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5; Савина Т.А. Документы Управления проверочно-лагерного отделения № 0108 об использовании на восстановлении Сталинграда спецконтингента // Окончание войны в Сталинграде и Кёльне. Волгоград, 1997; *Ее же*. Фильтрацию прошёл // Отчий край. 1996. № 2; Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург. 1997 и др.

³ Русский мир в XX веке: в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 4: На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. М.: АИРО-XXI, 2014.

⁴ Альбов В. Ю. Советские пленные Второй мировой войны (По архивным материалам Нижегородской области): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004.

Примерно тот же круг проблем: организация проверки в ПФЛ, режим и условия содержания в проверочно-фильтрационных лагерях, методы работы спецслужб и генезис их деятельности изучались А.В. Латышевым и В.В. Шевченко¹. О механизме проверки репатриированных советских граждан содержатся сведения в статье А.С. Матис и Т.А. Славко, подготовленной на материалах проверочно-фильтрационных дел военнопленных – уроженцев Калининской области². Судьба репатриированных военнопленных после прохождения ими «государственной проверки», дискриминация на Родине, негативное отношение к ним, формировавшееся в обществе, проанализированы в публикациях Ф. Маня, И.В. Пыхалова и др.³

Особое место в истории репатриации принадлежит научным работкам, освещающим проблему использования принудительного труда репатриантов. Серьёзным научным вкладом в осмысление проблемы использования принудительного труда возвратившихся граждан по каналам репатриации стали исследования А.Б. Сулова. Исследователь широко использовал понятие «спецконтингент», включив в него многочисленные группы несвободного населения – заключенных, спецпоселенцев, трудармейцев, интернированных, узников проверочно-фильтрационных лагерей и бывших военнопленных⁴.

Определённым вкладом в изучение и научное осмысление проблемы использования труда репатриантов, их ущемлённого экономического, политического и морального положения во время восстановления Сталинграда, заводов и фабрик города, инфраструктуры населённых пунктов области, послужили кандидатская диссер-

¹ *Латышев А. В.* Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6; *Его же.* Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9; *Шевченко В. В.* Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; *Его же.* К вопросу об организации специальной проверки бывших военнослужащих в СССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2010. № 11.

² *Матис А. В., Славко Т. И.* О методике формирования базы данных «Военнопленные». URL: <http://www.hist.msu.ru/Association/НАС/aik/polit.htm> (дата обращения: 08.12.2017).

³ *Маня Ф.* «Я воевал, а ты немецкий хлеб жрал». Как в СССР встречали военнопленных // Аргументы и факты. 2017. 27 января; *Пыхалов И. В.* Правда и ложь о советских военнопленных // Диалог-ОД. 2001. № 5.

⁴ См.: *Сулов А. Б.* Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004; *Его же.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург-Пермь, 2003.

тация и научные публикации Ж.Ю. Гаевской¹, которая расширила содержание понятия «спецконтингент». По мнению исследователя, наряду с заключёнными, спецпереселенцами, трудмобилизованными, в понятие «спецконтингент» должны быть включены и репатрианты, как прошедшие проверку и затем мобилизованные в рабочие батальоны, так и находившиеся в проверочно-фильтрационных лагерях. Ж.Ю. Гаевская выделила объединяющие признаки спецконтингента, как особой социальной группы среди советских граждан, а именно, ограничение свободы и принудительное привлечение к трудовой деятельности².

Применение труда репатриантов в послевоенном Кузбассе изучалось Р.С. Бикметовым³. Динамика процесса репатриации, проблемы устройства репатриированных в Псковской области отражены в исследовании А.В. Филимонова⁴. К.Н. Максимов исследовал тему угона немецко-фашистскими захватчиками советских людей из Калмыкии, рассмотрел историю их возвращения на Родину в контексте общей проблемы репатриации граждан СССР⁵.

Краткий экскурс в историографию проблемы репатриации советских граждан на завершающем этапе Великой Отечественной войны и после её окончания позволяет сделать определённые выводы и обобщения.

В защищённых докторских и кандидатских диссертациях, изданных монографиях, научных статьях российских историков рассматривается процесс формирования разных категорий репатриантов из граждан СССР, оценивается деятельность правительства СССР по организации репатриации советских людей, анализируются

¹ *Гаевская Ж. Ю.* Использование труда спецконтингента в восстановлении Сталинградской области: 1943–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2015; *Его же.* Сотрудники НКВД определяли наши судьбы: Узники немецких концлагерей, окруженцы и репатрианты на восстановлении Сталинграда // *Родина.* 2015. № 10; *Его же.* Военнослужащие Красной Армии, побывавшие в плену и вышедшие из окружения, на восстановлении Сталинграда // *Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ.* 2015. №3 (37); *Ее же.* Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда 1943–1945 гг. по материалам государственных архивов Российской Федерации // *Вестник архивиста.* 2015. № 1 (129).

² *Гаевская Ж. Ю.* Использование труда спецконтингента в восстановлении Сталинградской области (1943–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Астрахань, 2015. С. 6.

³ *Бикметов Р. С.* Репатрианты в промышленности Кузбасса (1945–1948гг.) // *Вестник Томского государственного университета.* 2007. № 300 (1).

⁴ *Филимонов А. В.* Репатриация в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) // *Метаморфозы истории.* 2017. № 9.

⁵ *Максимов К. Н.* Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны // *Oriental Studies.* 2018. № 2.

структура созданных репатриационных органов, их цели и задачи, а также причины и мотивы в силу которых реализовывался принцип обязательной репатриации всех советских граждан.

Продолжается изучение истории создания специальных государственных органов по репатриации, созданных для этой цели структурах при советских военных оккупационных миссиях и гражданских административных органах в послевоенной Германии. Активно продолжают изучаться организация и механизм «государственной проверки» репатриантов в СПП и ПФЛ.

Заметен прорыв российских историков в изучении организационных основ привлечения репатриантов к трудовой деятельности в качестве «спецконтингента». Опубликованы научные исследования об использовании труда репатриантов на важнейших народно-хозяйственных объектах Ленинградской, Новгородской, Свердловской, Сталинградской областей, в Кузбассе. К сожалению, подобных исследований на примере других субъектов СССР-РФ нет.

К дискуссионным вопросам истории репатриации советских граждан относятся: причины обязательной репатриации всех советских граждан, оценка итогов репатриации, численность советских людей, возвратившихся по каналам репатриации и др. К числу недостаточно изученных проблем относятся организация агитационно-пропагандистской работы среди репатриантов, их снабжение продовольствием, одеждой и обувью, медицинское обслуживание, организация транспортной перевозки репатриированных и др.

Практически нет фундаментальных аналитических работ, посвящённых правовому положению советских военнопленных, оказавшихся на положении репатриантов и спецпоселенцев, законодательной базе послевоенного обустройства репатриированных, тенденциям её развития и трансформации.

Климович Л.В. (Ульяновск)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е гг. (обзор новейших исследований)¹

Аннотация: *статья посвящена историографическому обзору исследований по проблеме молодого поколения российской эмиграции, опубликованных за последние пять лет. В работе проанализированы диссертационные исследования, монографии, статьи в периодических изданиях и сборниках научных конференций. Автор отмечает отсутствие специальных диссертационных и монографических исследований объектом которых является эмигрантская молодежь в 1920–1930-е годы. Между тем, отдельные моменты, касающиеся организационной активности, бытовых проблем, процесса образования молодежи в эмиграции нашли свое отражение в серии статей.*

Ключевые слова: *история Россия, эмиграция, молодежь, За-рубежная Россия, историография, образование.*

После революции 1917 года в России и последовавшей гражданской войны около 2-х миллионов человек вынуждены были покинуть Родину. Молодое поколение российской эмиграции оказалось в ситуации прерванного образования, разорванности исторических традиций, потери ориентиров. Молодежь была той социальной группой, которая была в большей степени подвержена влиянию среды, они покинули Россию еще в юном возрасте, любили ее, но сформированной идентичности еще не было. В такой ситуации измененного процесса социализации, исследовательский интерес представляет проблема конфликта «отцов» и «детей», стремление молодежи к самостоятельному ответу на вопрос, почему произошла революция и что последует за ней? Поиск собственной идеологии

¹ Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК – 2144.2018.6).

был частью политической культуры молодого поколения эмиграции, «незамеченного поколения», как назвал его представитель В.Варшавский. Эмигранты из России оказались в послевоенной Европе, общество которой было искорежено опытом Первой мировой войны, старые социальные и политические порядки дискредитировали себя экономическим кризисом конца 1920 – начала 1930-х годов. Огромное влияние на взгляды молодежи оказала идеология фашизма, интерпретация идей которой у разных представителей молодежных групп существенно отличалась.

Основные публикации отечественных исследователей вышли в свет в постсоветский период. Историки и политологи стремятся изучить те аспекты российской эмиграции, которые долгое время были вне поля зрения исследователей. В статье предпринята попытка провести анализ исследований, опубликованных за последние пять лет, которые касаются проблем российской молодежи в эмиграции в 1920–1930-е годы.

Обзор начнем с диссертационных исследований. Специальных работ, посвященных молодежи в эмиграции защищено не было. В целом специфика диссертаций последних пяти лет свидетельствует о сужении исследовательских тем, ограничении географических рамок исследования. Были изучены проблемы российской эмиграции в Швеции¹, Польше², Германии³, Франции⁴, Болгарии⁵, США⁶. Представленные работы охватывают комплекс проблем российской эмиграции в отдельно взятой стране, специальное внимание молодому поколению, как особой социальной группе в них не уделяется. Следующий блок работ посвящен проблемам православной веры в эмигрантской среде и вопросам Русской православной

¹ Боровская А. А. Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества, 1918–1940: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб, 2017.

² Микуленок А. А. Российская эмиграция в Польшу: 1917–1939 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2017; Жуков А. В. Российская военная эмиграция в Польшу и её военные последствия: 1917–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2014.

³ Косован Е. А. Украинская эмиграция в Германии: XIX – начало XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2015.

⁴ Турыгина Н. В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2016.

⁵ Морошкин В. А. Эмиграция военных и гражданских лиц из России в Болгарию и ее военно-политические последствия: 1919–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013.

⁶ Захаров О. И. Российские постреволюционные историки-эмигранты в США: проблемы научной и бытовой адаптации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2016.

церкви за рубежом¹. Молодое поколение эмиграции в них рассматривается в свете воспитания в православной вере в инокультурной среде. Тема общественно-политической активности эмиграции, интенсивно разрабатываемая в 1990-е начале 2000-х годов российскими исследователями в последние годы остается в стороне, в этом направлении было защищено всего несколько работ². Стоит отметить повышенное внимание исследователей к восточной ветви российской эмиграции, разноплановым проблемам беженцев в Китае³ посвящен ряд работ. Докторская диссертация А.А. Пронина представляет собой комплексный анализ диссертационных исследований защищенных в 1980–2005 годах⁴.

Специальным монографическим исследованием является книга доктора исторических наук В.И. Косика «Молодая Россия: вариации на тему национализма в маршах эпохи»⁵, в ней автор показал историю молодежной организации «Союз Младороссов» на фоне их идейных исканий. Межкультурные практики, демографические характеристики эмигрантской общины, в том числе молодого поколения отразились в работе французской исследовательницы К. Гусефф⁶. Отдельные проблемы молодых литераторов, в частности Ивана Бунина затрагиваются в книге Марка Уральского. В ней же мы находим описание социального положения и быта эмиграции, проблем с которыми пришлось столкнуться при переезде. Книга написана на материалах заграничных архивов, снабжена публикацией

¹ *Хмыров Д. В.* Православная Российская Церковь за рубежом в 1920-е гг.: к истории создания РПЦЗ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2016; *Баконина С. Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг.: на материалах Харбинской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013.

² *Суслов А. Ю.* Общероссийские социалистические партии после октября 1917 года в российской историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 2014.

³ *Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии: 1920-е – 1950-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2015; *Шульгина Н. В.* Политическая книга русской эмиграции в Китае в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2017; *Чэ Чуньин.* Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае: 1920–1940-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2014; *Наземцева Е. Н.* Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2018.

⁴ *Пронин А. А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017.

⁵ *Косик В. И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М.: Пробел-2000, 2013.

⁶ *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с фр. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

источников¹. Вопросу эмигрантского активизма, в том числе молодежного, посвящена монография О.К.Антропова², в ней содержится информация об участии молодого поколения в деятельности эмигрантских организаций: Народного Союза Защиты Родины и Свободы, Братства Русской Правды, Русского Обще – Воинского Союза.

Русским в Египте посвящена книга В.В. Белякова³, значительную часть которой занимает публикации источников. Отдельно дается блок источников по Донскому кадетскому корпусу во время эвакуации. Военному зарубежью и судьбе военной молодежи посвящена книга С.А. Сотникова⁴, в которой он раскрывает количественные характеристики российской военной диаспоры, проблемы адаптации и направления деятельности, в том числе военной молодежи во Франции. Такую же проблему в подготовленном учебном пособии касается В.В. Марковчин⁵, ограничивая географические рамки исследования Югославией. Интересные факты содержатся в книге И.Л. Жалниной-Василькиоти⁶, рассказывающие истории личных судеб эмигрантов в Греции. Отдельный раздел повествует о русской школе в Афинах и образовании детей эмигрантов. Книга основана на обширном архивном материале, в том числе из греческих архивов и архива автора, которая долгое время проживает в Греции.

Признанный авторитет в этой области А.А. Арсеньев опубликовал работу с очередным сюжетом, ограничив изучение эмигрантской общины Сремскими Карловцами⁷, которые в 1920–1930 годы были местом нахождения ставки генерала П. Врангеля и Архиерейского синода Русской православной церкви за границей. Также в последние годы второе издание получила монография И.В. Сабен-

¹ Уральский М. Неизвестный Троцкий. Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. М.; Иерусалим: Мосты культуры Гешарим, 2017.

² Антропов О.К. Политический активизм русской эмиграции 1920–1930-х гг. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2016.

³ Русская эмиграция в Египте (1920-е – 1980-е гг.). История. Документы. Некрополь. СПб.: Алетейя, 2018.

⁴ Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. М.: МГОУ, 2017.

⁵ Марковчин В.В. Русская военная эмиграция в Югославии (1920–1924 гг.): судьба Русской армии Врангеля в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2015.

⁶ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М.: Старая Басманная, 2015.

⁷ Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци; Нови Сад: Културни центар «Карловачка уметничка радионица»: Мало историјско д-во, 2013.

никовой¹, показывающая общую картину русской эмигрантской общины в странах Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Для изучаемой нами проблемы ценность представляют статистические данные, которые показывают гендерный, возрастной, социальный состав эмиграции, позволяют составить обобщенный портрет молодежи как социальной группы. Дальневосточной ветви российской эмиграции, освещающих разноплановые проблемы, посвящен ряд работ: М.В. Кротовой², С.Ю. Храмова³ и Е.Н. Наземцевой⁴.

Отдельные сюжеты, касающиеся судьбы молодого поколения эмиграции, отражены в научных статьях. Проблемам воспитания и образования в инокультурной среде посвящены работы А.И. Насоновой⁵, В.Н. Селедцовой⁶. В статье В.Н. Селедцовой рассматриваются особенности организации внеурочной работы по патриотическому воспитанию в кадетских корпусах русского зарубежья в 1918–1940 гг. Статья Антошина А.В. и Антошина В.А. касается специфики педагогической деятельности русских морских офицеров, оказавшихся в начале 1920-х годов в Северной Африке на положении беженцев⁷, судьбе Донского кадетского корпуса, оказавшегося в Египте, образовательному процессу и воспитательной работе в условиях эмиграции посвящена их очередная статья⁸. Работы Щупленкова О.В. и Щупленкова Н.О. повествуют о формировании национального самосознания эмигрантской молодежи, сохранения ее идентичности⁹. Педагогическому зарубежью и проблемам межкультурной

¹ Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015.

² Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014.

³ Храмов С. Ю. Русская эмиграция на Дальнем Востоке на страницах ее периодических изданий (1922–1945 гг.). Хабаровск: ДВГАФК, 2013.

⁴ Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: Нобель пресс, 2013.

⁵ Насонова А. И. Высшее образование российской молодежи во время эмиграции // Академия педагогических идей «Новация». Серия: студенческий научный вестник 2016. № 11. С.109–114.

⁶ Селедцова В. Н. «Пронизаны духом России...» ученические издания кадет русского зарубежья // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 68–70.

⁷ Антошин А. В., Антошин В. А. Педагогическая деятельность русских морских офицеров в Тунисе в 1920-е годы // Дискуссия. 2015. № 7 (59). С. 108–115.

⁸ Организация учебного процесса в кадетском корпусе в условиях эмиграции (Египет, 1920-е годы) // Дискуссия. 2017. № 7. С. 72–78.

⁹ Щупленков Н. О. Щупленков О. В. Русский язык эмигрантского зарубежья «первой волны» как средство сохранения национальной самоидентификации // Человек и культура. 2014. № 1. С. 31–57.

коммуникации посвящены статьи Л.В. Романюк и О.А. Косиновой¹, в которых уделяется внимание проблемам, с которыми пришлось столкнуться эмигрантской молодежи в другой культурной среде, показано какую роль в процессе интеграции в принимающее сообщество сыграла «Русская школа» и стремление молодежи сохранить культурную идентичность.

Большой вклад в осмысление образовательной среды Русского зарубежья сделан к.п.н. Е.Е. Седовой в соавторстве². В ее статьях образовательный процесс в эмиграции рассматривается с точки зрения педагогического подхода, показывается роль воспитания и образования в процессе адаптации детей и молодежи в принимающем сообществе. Николай Росс акцентирует свое внимание на создании русского студенческого христианского движения, кружка изучения России³. Вопрос формирования «Русского мира» поднимается в статье Е.В. Гаймановой⁴. Деятельность молодежи «первой волны» эмиграции автор приводит как положительный пример взаимодействия старшего и младшего поколений, установления тесной взаимосвязи с культурными традициями исторической родины. По мнению автора, только совместными усилиями представителей России и Русского зарубежья может быть сохранено единство «Русского мира». Вопрос воспитания детей в духе русских дореволюционных традиций, освещен в статье М.Г. Яковлевой⁵. Студентам Православного богословского факультета Университета в Белграде

¹ Романюк Л. В., Косинова О. А. Российское педагогическое зарубежье // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 330–333; Косинова О. А. Воспитание готовности молодежи российского зарубежья к межкультурной коммуникации с народами Китая // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания, доклады и материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 51–54.

² Бочарова З. С., Седова Е. Е. Образовательно-культурный опыт выживания Зарубежной России 1920–1930-х годов в поликультурном пространстве // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 1. № 8. С. 86–89; Седова Е. Е., Швец А. А. Из истории национального воспитания: русский приют в Бельгии (1920–1940-е годы) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 73–76; Седова Е. Е., Харьковский Н. П. Проблемы нравственного воспитания детей и подростков в педагогической теории и практике Российского зарубежья 1920–1930-х годов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277). С. 30–33.

³ Росс Н. Кружок изучения России (1931–1936). Духовный облик и искания младшего поколения русской эмиграции // Церковь и время. 2014. № 2 (67). С. 275–380.

⁴ Гайманова Е. В. Проблемы формирования зарубежного этнокультурного пространства как части русского мира // Вестник московского государственного университета культуры и искусства. 2015. № 6 (68). С. 83–90.

⁵ Яковлева М. Г. Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918–1939 гг.) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 153–158.

посвящена статья В. Пузовича, в которой он дает количественные характеристики студенчества и рассказывает о проблемах, с которыми приходилось сталкиваться¹. Корпоративные студенческие организации были призваны поддержать эмигрантскую молодежь и установить социальные рамки, об одной из них – «Суд чести» рассказано в статье С. В. Костерина². Специфики молодежных организаций в Латвии касается статья А. С. Гусаченко, в которой на материале Русского Сокольского общества, действовавшего в разных латвийских городах, показана организационная активность молодежи. Документы латвийских архивов помогли восстановить историю движения русских скаутов, которые активно участвовали во всех культурных мероприятиях, проводимых русской общественностью³.

Исследовательский фокус автора настоящей статьи сосредоточен на проблемах молодежи в эмиграции в 1920–1930-е годы. Опубликованы статьи касающиеся вопросов образования⁴, функционирования «Русской школы»⁵, уделено внимание активным эмигрантам из числа молодежи⁶, предпринята попытка проследить пути формирования культурной и национальной идентичности эмигрантской молодежи⁷, раскрыты отдельные сюжеты историче-

¹ Пузович В. Русские эмигранты – студенты Православного богословского факультета Университета в Белграде (1920–1940 гг.) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2. (63). С. 65–83.

² Костерин С. В. Суд чести при Союзе русских студентов-эмигрантов в Польше // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 85–90.

³ Гусаченко А. С. «Сокольство», «Скаутизм» и русская эмиграция в довоенной Латвии // Берега. Информационно-аналитический сборник. СПб., 2017. Вып. 21. С. 33–45.

⁴ Климович Л. В. «..Любя корпус, мы научились любить свою Родину»: сохранение национально-культурной идентичности молодежи Русского Зарубежья в 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3. С. 80–82.

⁵ Климович Л. В. Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20–30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. № 8. С. 134–146.

⁶ Климович Л. В., Казем-Бек А. Л. Малоизвестные страницы жизни и общественно-политической деятельности // Клио. 2014 № 12. С. 132–139; Климович Л. В. Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель Зарубежной России // Интеллигенция и мир. 2017. № 2. С. 102–113; Климович Л. В. Первые годы в эмиграции: письма В. В. Вейдле Г. Л. Лозинскому // Интеллигенция и мир. 2018. № 2. С. 126–137.

⁷ Климович Л. В. Молодежные организации эмиграции «первой волны», как пример сохранения национального самосознания // Нации и этничность в гуманитарных науках: сборник материалов конференции. СПб: Алетейя, 2015. С. 461–467; Климович Л. В., Лукичева Л. Ю. Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. // История: символы и факты. 2016. № 4. С. 14–20.

ской памяти молодежи¹. Общественно-политическая активность, идеологические искания поколения «детей» рассмотрена на примере Союза Младороссов² и Национального союза нового поколения³.

Коллективные работы демонстрируют широкий спектр научных исследований по теме детства и образования русской эмиграции, как правило, они публиковались по итогам конференций⁴. Участие эмигрантов в движении Сопротивления во время Второй мировой войны, судьбе русской школы и «выбору» эмигрантской молодежи посвящен ряд статей, озвученных на международной конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом» в мае 2015 года⁵.

Представленный анализ современного состояния изученности проблемы показал, что тема молодого поколения российской эмиграции как особой социально-демографической группы со своими проблемами и устремлениями в 1920–1940-е гг. не раскрыта и имеет ресурсы для дальнейшего изучения.

¹ Климович Л. В. Осмысление революции 1917 года молодым поколением российской эмиграции в 1920–1930-е гг. // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф. (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.). М.: Книгодел; МПГУ, 2017. С. 130–137; Климович Л. В. Революция 1917 г. на страницах сочинений детей эмигрантов // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 50–53; Климович Л. В., Лукичева Л. Ю. Православная семья в представлениях молодого поколения русского зарубежья (1920–1930-е годы) // Власть. 2015. № 8. С. 184–189; Климович Л. В. Историческая память молодого поколения российской эмиграции в 1920–1930-е гг. // Сборник материалов научного семинара стипендиатов программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант» 2017–2018 года. М., 2018. С. 238–243.

² Климович Л. В. «Царь и Советы»: концепция неомонархизма младороссов // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 22. С. 232–235; Климович Л. В. Союз Младороссов и дом Романовых: точки соприкосновения в эмиграции 1920–1930-е гг. // Клио. 2015. № 9. С. 76–82.

³ Klimovich L. V. The political system of Russian in the program of National Union of New Generation // Blye Gody. 2014. № 33 (3). P. 466–471; Климович Л. В. Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. 2013. № 5. С. 139–156; Климович Л. В. Солидаризм – концепция новопоколенцев // Россия XXI век. 2016. № 2. С. 118–129.

⁴ Например: Материалы Международной научной конференции «Русская школа за рубежом: прошлое и настоящее (VI Нансеновские чтения), 2014 г.», изданный в Санкт-Петербурге в 2016 году.

⁵ Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Сборник статей Международной научной конференции 14–15 мая 2015 года. М.: Русский путь, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015.

Моисеева Е.Н. (Саратов)

ОСМЫСЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ИМПЕРСКУЮ И ПОСТИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация: в данной статье речь идет о научных подходах к изучению колониального прошлого во французской историографии. Колониальная историография во Франции анализируется, начиная, с момента ее возникновения накануне Первой мировой войны и заканчивая началом XXI века. Выделяются этапы развития французской колониальной историографии, выявляется своеобразие колониальных исследований в период между двумя мировыми войнами, в послевоенный период, в 60–80-е гг., в 90 – начале 2000-х гг.

Ключевые слова: Франция, колонизация, колониальная история, французская колониальная историография, деколонизация, постколониальные исследования.

Колониальная история выделилась во Франции как самостоятельное исследовательское направление накануне I-ой мировой войны. Она была связана с текущей колониальной политикой и идеологией, поэтому неудивительно, что французские историки превозносили французскую колониальную политику, сами являлись пропагандистами империи и носителями колониального дискурса. Традиционно делался упор на изучении цивилизаторской миссии Франции. В 1910 г. вышла работа Ж. Армана «Господство и колонизация»¹, которая была написана под влиянием социал-дарвинизма. Ж. Арман считал, что колонизация происходит от инстинкта к экспансии, присущего всему живому, в том числе и человеку как «социальному животному»². Нам известно к чему привели подобные взгляды в 30–40-е гг. XX в.

Победа в I-ой мировой войне стран Антанты, в числе которых была Франция, способствовала дальнейшему расширению французских колониальных владений. Этот политический процесс со-

¹ Harmand J. Domination et colonisation. Paris: Flammarion, 1910.

² Ibid. P. 28–29.

проводился увеличением интереса к истории французской колонизации. Наука откликнулась на запрос политиков, и историки приступили к осуществлению широкомасштабного проекта – изданию шеститомного коллективного труда «История французских колоний и экспансия Франции в мире» под редакцией Г. Аното и А. Мартино¹. Каждый том был посвящен определенной заморской территории. Работа была выдержана в традициях позитивизма, насыщена обилием фактов. Однако целостная картина феномена колонизация ускользала от читателя.

Этот недостаток попытался восполнить крупный историк Ж. Гарди. В своей книге «Колониальная политика и раздел земли в XIX и XX вв.» он рассматривал колонизацию как уникальный в мировой истории феномен, отличный от миграции и завоевания. Одним из важных и длительных следствий колонизации, по мнению историка, являлось «создание новых человеческих контактов»². Автор размышлял над понятием «империализм», понимая под этим не только факт обладания колониями, но и наличие у имперского организма некоего «имперского сознания»³. Это сознание зиждилось на таких понятиях, как «заморская Франция», «Франция пяти частей света», «Франция пяти миллионов жителей»⁴. Ж. Гарди выдвинул идею, что колонизация – это не однонаправленное движение. В процессе колонизации противостоят «два общества, две цивилизации, две концепции существования». По мнению историка, возможно их материальное и моральное сближение⁵. Безусловно, эти идеи подготовили дальнейшее развитие французской историографии и постепенный отказ от чрезмерного прославления французской колониальной политики.

В условиях распада колониальной системы французские историки стали более осторожными в своих суждениях. Они уже не восхваляли колониальное прошлое, но время писать «Черную книгу»

¹ Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde / Sous la direction de Hanotaux G. et Martineau A. Paris, 1929–1933. Т. I–VI.

² Hardy G. La politique coloniale et le partage de la terre aux XIX et XX siècle. Paris: Albin Michel, 1937, P. 8, 466. Среди работ Ж. Гарди следует отметить следующие: Hardy G. Vue générale de l'histoire de l'Afrique. Paris: A. Colin, 1922; Hardy G. Une conquête morale: l'enseignement en Afrique Occidentale français. Paris, 1917; Hardy G. Nos grands problèmes coloniaux. Paris, 1933. 2 éd.; Hardy G. Géographie et la colonisation. Paris, 1933; Hardy G. Histoire de la colonisation française Paris, 1928.

³ Hardy G. La politique coloniale et le partage de la terre... P. 16.

⁴ Ibid. P. 86.

⁵ Ibid. P. 335.

колонизации, полностью отказываться от прославления цивилизаторской миссии Франции еще не пришло. Конец 40-х – 50-х гг. – это период, когда колониальная система шаталась, но крах еще не наступил. В это время выходит комплексное трехтомное исследование А. Бле, «История французской колонизации»¹, в котором автор попытался без крайностей и преувеличений воссоздать колониальное прошлое Франции. В 50-е гг. вышла еще одна значительная работа. «Французские колониальные методы и доктрины»² В ней У. Дешам рассматривал эволюцию форм и методов колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. Автор не побоялся признать, что французскими политиками двигало не одно лишь чувство гуманности и желание распространить европейскую цивилизацию по всему миру, но и идеи выгоды от обладания колониями.

В 1950-е гг. появились первые работы по деколонизации Африки³. В это время с критикой предшествующей историографии выступили историки-марксисты, среди них – Ж. Сюре-Каналь. Он критиковал французскую историографию за то, что она всегда представляла французских колонизаторов героями. По его мнению, колонизация принесла Африке больше опустошения, чем прогресса⁴. На волне деколонизации увеличился интерес французских историков к изучению отдельных африканских и азиатских стран. Особую известность получили работы историка Ж.-Р. Жюльена⁵ – активного антиколониалиста и борца за независимость колоний.

1960-годы открыли новый период во французской историографии. Он связан с распадом Империи, войной в Алжире, с активной деколонизацией. Молодое поколение историков формировалось под воздействием этих событий. На новый уровень вывела дискуссию небольшая, но оригинальная работа Г. Брюншвига «Мифы и реальности французского империализма перед 1914 г.»⁶. В ней автор исследовал проблему взаимодействия экономических и политических факторов колониальной экспансии. Г. Брюншви́г сделал вывод,

¹ *Blet H. Histoire de la colonisation française. Grenoble-Paris, 1946–1950. Т. I-III.*

² *Deschamps H. Les Méthodes et les Doctrines coloniales de la France (de XVI siècle à nos jours). Paris, 1953.*

³ *Labouret H. Colonisation, colonialisme, decolonisation. Paris: Larose, 1952.*

⁴ *Suret-Canal J. Afrique noire occidentale et centrale. Géographie-Civilisation-Histoire. Paris: Édition Sociale, 1958.*

⁵ *Julien Charles-André Histoire de l'Afrique du Nord : Des origines à 1830, Payot&Rivages, 1994 (réimpr. 1969) (1re éd. 1951).*

⁶ *Brunschwig H. Mythes et réalités de l'imperialisme colonial français avant 1914. Paris: A. Colin, 1960.*

что французская колонизация в последней трети XIX века после поражения во франко-прусской войне не была экономически обусловлена, а была вызвана националистическими, политическими интересами, соображениями престижа, то есть внеэкономическими факторами. Возрос интерес историков к изучению идей. Историки стремились выявить связь колониальной идеологией с националистической.

Р.Жирарде, профессор Парижского института политических наук, в своей монографии «Французский национализм 1871–1914 гг.»¹ исследовал формы французского национализма на рубеже XIX – XX веков и показал тесную связь, существовавшую между националистической и колониальной идеологиями. Книга Р. Жирарде «Колониальная идея во Франции в 1871–1962»², опубликованная в 1972 г. стала знаковой работой в мировой колониальной историографии. Она выполнена в рамках истории ментальности. Это новое направление во французской колониальной историографии заняло прочное место наряду с политической, экономической и социальной историей колонизации. Для Р. Жирарде история идей – это не только изучение теоретических изысканий идеологов французского колониализма; это также изучение психологии, менталитета, представлений, складывающихся в обществе. Его целью было показать, как, начиная с 1870-х гг. во Франции утверждается воля к экспансии. Автор показал, что колониальная экспансия не была делом какой-либо одной партии, но была порождением эпохи.

Аргументы Р. Жирарде не удовлетворили специалиста по истории французской колониальной политике в Северной Африке, Ш.-Р. Ажерон. Он в монографии «Колониальная Франция или колониальная партия?»³ сделал вывод, что во французском обществе существовал ограниченный интерес к колониям. Национальное сознание, если и не всегда было враждебным к колониальной экспансии, то, во всяком случае, оставалось равнодушным. Это «благожелательное равнодушие» часто принималось за симпатию⁴. По мнению автора, не было колониальной Франции, а была лишь «колониальная партия», ограниченное число лиц, заинтересованных в экспансии, готовивших, проводивших и пропагандировавших её. Только с 1938

¹ Girardet R. Le Nationalisme français 1871–1914. Paris, 1966.

² Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962, La Table Ronde, Paris, 1972.

³ Ageron Ch.-R. France coloniale ou parti coloniale? Paris: PUF, 1978.

⁴ Ageron Ch.-R. France coloniale... P. 248.

по 1947 г. Франция, по его мнению, была во власти империалистических настроений, но тогда уже шёл процесс деколонизации.

Ш.-Р. Ажерона показал, как осуществлялась подготовка колониальных экспедиций, например, вторжений в Индокитай и на Мадагаскар, рассмотрел механизм принятия решений французскими правящими кругами. Ш.-Р. Ажерон сделал вывод, что пропаганда колонизации во французском обществе была мало эффективна, колониальная идея, например, не имела такого же широкого распространения как социалистическая¹.

В 1980–90-е гг. начался новый этап в изучении французского колониализма. Интерес к анализу феномена колониализма усилился, когда он перестал быть политической проблемой. Наступил период комплексного анализа колониализма как мирового явления. В это время увидели свет крупные обобщающие работы по колониальной истории². Появились новые методологические подходы. Значительное влияние на французскую имперскую историографию оказала работа Э. Саида. Э. Саид разработал свою концепцию «ориентализма», как особого отношения Западной Европы к Востоку, складывавшегося на протяжении веков³. Он считал, что идея доминирования выросла внутри самой культуры метрополии. Изучая имперскую идеологию в Новое время, французские историки пытались понять, как европейцы приняли идею о том, что удаленные территории можно и нужно завоевывать, а туземное население нуждается в защите, опеке и цивилизаторском воздействии Запада. Свой ответ попытался дать А. Руссио. Его монография «Кредо белого человека»⁴ выполнена в рамках постструктуралистского подхода, который вместо исторической реальности как объекта исследования берет в основу текст, «дискурс». Для А. Руссио изучение реакции францу-

¹ *Ageron Ch.-R.* France coloniale... P. 249.

² См.: *Montagnon P.* La France coloniale. Paris: Pygmalion, 1988. Т. I. La gloire de l'Empire du temps des croisades à la seconde guerre mondiale; *Marselle J.* L'âge d'ore du colonialisme français. Paris: Albin Michel, 1986; *Biarnes P.* Les Français en Afrique noire de Richelieu à Mitterand: 350 ans de présentation française au sud du Sahara. Paris: A. Colin, 1987; *Comte G.* L'Empire triomphant 1871–1936. Paris: Denoël, 1988, 1990 Т. I-II; *Pluchon P., Bouch D.* Histoire de la colonisation française. Paris: Fayard, 1991. Т. I. Des origins à 1815, Т. II. 1815–1962.; *Ageron Ch.-R.* et all. Histoire de la France coloniale. Paris: A. Colin, 1991. Т. I-II. *Meyer J., Tarrade J., Rey-Goldzeiguer A., Thobie J.* Histoire de la France coloniale. Paris: A. Colin, 1991. Т. I. Des origines à 1914.

³ См.: *Said E. W.* Orientalism. London: Routledge and Kegan Paul, 1978; *Said E. W.* Kultur and Imperialism. N. Y., 1994.

⁴ *Ruscio A.* Le Crédo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX-XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995.

зов на процесс колонизации также важно, как изучение самой колонизации. Автор попытался понять, как большая часть сторонников, действующих лиц и свидетелей колонизации, увидели и поняли «Другого»: жёлтого, чёрного, араба, индуса? Как они анализировали культурные особенности завоёванных народов? Что было основой их идей, взглядов, действий? Как туманное чувство превосходства превратилось в расизм? Каким было кредо Белого человека?

М. Ферро в книге «История колонизации от завоевания до независимости»¹ сделал попытку изучать феномен не только европейской колонизации, но также арабской, тюркской, русской, японской. В своей монографии автор изучил каждую проблему с момента её зарождения в истории, идёт ли речь о завоеваниях и разделе мира, или о видении этого завоевания: «чёрной» и «розовой» легенде колонизации, об установлении новых обществ или о движении сопротивления туземцев. Эта схема порывала с традиционным хронологическим повествованием колониальной истории, но в то же время, она позволяла лучше понять сложность некоторых феноменов.

К концу XX в. французская колониальная историография пополнилась новыми идеями. Знаковой стала работа Пьера Нора «Франция. Места памяти»², после чего актуальным стало изучение колониальной памяти, а также мест памяти. Ш.-Р. Ажерон написал статью в первом томе книги П. Нора «Республика» «Колониальная выставка 1931 г. Республиканский миф или имперский миф?»³. Колониальную выставку автор исследовал как одно из мест памяти III-ей Республики. По его мнению, постколониальная эпоха в лице националистических правых создала миф о выставке как апогее колониальной идеи, а на самом деле выставка не отложилась надолго в коллективной памяти французов, если не считать мелкую буржуазию.

А. Руссио в 1994 г. написал статью в журнале «Autrement», посвящённую национальной памяти⁴. Он попытался напомнить французам об их преступлениях, совершённых в колониальную эпоху во имя великих принципов цивилизации. А. Руссио писал о «банализа-

¹ *Ferro M.* Histoire des colonisations des conquêtes aux indépendences. XIII-XX siècle. Paris: Seuil, 1994.

² *Nora P.* Les Lieux de Mémoire. Paris: Gallimard, 1984–1993. Т. I-III.

³ *Ageron Ch.-R.* L'Exposition coloniale de 1931. Mythe républicain ou mythe impérial // *Nora P.* Op. cit. Т. I. La République.

⁴ *Ruscio A.* Y'a bon colonies // *Autrement.* 1994. № 44. Oublier nos crimes. L'Amnésie nationale: une spécificité française?

ции (курсив автора) жестокостей и колониальных преступлений»¹, виновником такой «банализации» был расизм. Будь этими жертвами белые, национальная память не осталась бы равнодушной.

К началу XXI в. увеличилось число историков, кто, по меткому выражению М. Ферро, пишет «Чёрную книгу» колонизации, то есть сосредотачивает своё внимания на её негативных аспектах². Так, например, Жан-Фредерик Шоб считает, что говорить о пользе европейцев в Африке и Азии (транспорт, здравоохранение, образование) то же, что рассуждать о пользе фашизма, который покончил с безработицей, нацизма, который построил автобаны, сталинизма, который индустриализировал Россию³. Автор ставит знак равенства между колониализмом и тоталитаризмом⁴.

Французские исследователи колониальной истории Н. Бансель и П. Бланшар считают, что «Колониальная Республика», какой была Франция – это «ужасный гибрид», так как состоит из противоположенных понятий. Они считают утопией «республиканскую империю», так как республиканские мечты о цивилизаторской миссии на деле сопровождались массовыми убийствами⁵. Дискурс вины, криминализация прошлого – вот что характеризует работы многих французских историков империи начала XXI века. Как мыслить сегодняшнюю Францию, не ностальгируя по ее мифическому прошлому величию, и как строить новую «жизнь вместе»? Как выбраться из ловушек национальной идентичности и фантазий об опасности иммиграции? – эти вопросы ставят перед собой Н. Бансель, Ф. Берно, П. Бланшар в работе «Постколониальные разрывы: новые лица французского общества»⁶.

¹ *Ruscio A. Y'a bon colonies // Autrement. 1994. № 44. P. 49.*

² *Le livre noir du colonialisme XVI-XXI siècle : de l'extermination à la repentance / Sous la dir. de M. Ferro. Paris : Hachette, 2003.; Vergès F. Abolir l'esclavage. Une utopie coloniale Les ambiguïtés d'une politique humanitaire. Paris, Aldin Michel, 2001; Zoo humain / dir. N. Bancel, P. Blanchard et al. Paris : La Découverte, 2004; Olivier Le Cour Grandmaison Coloniser, exterminer. Sur la guerre et l'Etat colonial. Paris : Fayard, 2005.*

³ *Schaub J.-F. La catégorie «études coloniale» est-elle indispensable? // Annales Histoire, Science sociale. 2008. 63 anée. №3, mai-juin. P. 627.*

⁴ *См.: Schaub J.-F. La catégorie «études coloniale» est-elle indispensable? // Annales Histoire, Science sociale. 2008. 63 anée. №3, mai-juin. P. 627.*

⁵ *См.: Bancel N., Blanchard P., Vergès F. La République coloniale, Essai sur une utopie. Paris, Albin Michel, 2003.*

⁶ *См.: Ruptures postcoloniales [Texte imprimé] : les nouveaux visages de la société française / sous la direction de Nicolas Bancel, Florence Bernault, Pascal Blanchard... [et al.] ; [avec les contributions de Valérie Amiraux, Pierre Robert Baduel, Olivier Barlet, et al.] ; [en collaboration avec le Groupe de recherche Achac]. Paris : la Découverte, impr. 2010.*

По мнению Бенджамина Стора¹(профессор Бенжамен Стора – специалист по странам Магриба, в особенности по Алжиру, автор более двадцати опубликованных изданий) необходимо изучать не французскую колонизацию, а французские колонизации, различные колониальные ситуации, то есть необходим нюансированный подход к изучению колониального прошлого².

Историки, объектом исследования которых выступает колониальная экспансия, прежде всего, должны определиться с тем, что они хотят изучать: «имперскую историю», «глобальную историю», «постколониальную историю», «кросс-историю»³ – считает Марко Платания. Эти новые термины пришли на смену «колониальной истории». В своей работе «Историография колонизации: проблемы и трансформация» М. Платания говорит о сложностях имперских исследований в постколониальную эпоху.

Исследования Фредерика Купера – американского историка, чьи работы неоднократно переводились на французский язык и оказали большое влияние на французскую историографию второго десятилетия XXI в. показывают, насколько колониальная история во Франции заслуживает обновления, поскольку «колониальный» процесс больше не может быть сведен к проектам и предприятиям европейцев, не может быть отделен от истории колонизированных популяций⁴. Колонии не были девственными пространствами, которые можно смоделировать по образу Европы или использовать в соответствии с ее интересами или желаниями; и европейские государства не были автономными образованиями, которые в какой-то момент своей истории спроецировали себя за границу. Оба построили друг друга, считают Фредерик Купер и Столер Анна Лаура⁵.

¹ См.: Stora B. La Gangrène et l'oubli, La mémoire de la guerre d'Algérie (La Découverte, 1991), Ils venaient d'Algérie. L'immigration algérienne en France (Fayard, 1992), Appelés en guerre d'Algérie (Gallimard, Paris, 1997), La Guerre invisible (Presses de Sciences Po, 2001), Algérie, Maroc. Histoires parallèles, destins croisés (Maison neuve & Larose, 2002), et Les guerres sans fin : Un historien, la France et l'Algérie (Stock, 2008).

² См.: Stora B., Hémerly D. Histoire coloniale. Héritages et transmissions. Paris: Bibliothèque publique d'information, 2007.

³ Platanina Marco L'historigraphie du fait colonial :enjeux et transformations // Revue d'Histoire des Sciences Humaines 2011/1 (n° 24). P. 189–207. URL: <https://www.cairn.info/revue-histoire-des-sciences-humaines-2011-1-page-189.htm#no3>

⁴ См.: Cooper Frederick Le colonialisme en question [Texte imprimé] : théorie, connaissance, histoire / Frederick Cooper ; traduit de l'anglais (États-Unis) par Christian Jeanmougin. Paris : Payot, impr. 2010.

⁵ Stoler, Ann Laura Cooper Frederick Repenser le colonialism / Ann Laura Stoler, Frederick Cooper traduction de l'anglais (États-Unis) par Christian Jeanmougin. Paris, Payot, impr. 2013.

Перед французскими историками стоит непростая задача беспристрастно взглянуть на колониальное прошлое, отказаться от осуждения евроцентризма колониальной науки и создать новый нарратив, включающий в себя историю метрополии и историю бывших колоний.

Харитонов А.М. (Владивосток)

ГЕОПОЛИТИКА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ?

Аннотация: *современная историческая наука считает географию (историческую) всего лишь вспомогательной исторической дисциплиной. Однако географы размещают историческую географию на стыке истории и географии. Получается, что законное место исторической географии в истории занято чуждой дисциплиной – геополитикой. Но почему этого практически никто не замечает и каковы последствия подобного положения для развития современных общественно-гуманитарных наук? Каким образом можно исправить сложившееся положение?*

Ключевые слова: *геополитика, историческая география, Древняя Русь, Скандинавия, Причерноморье.*

Современная историческая наука до последнего времени довольно успешно отбивалась от попыток смежных наук внести в нее хоть какие-то изменения, могущие повлиять на ее дальнейшую судьбу. Однако сегодня, хотя и отчаянно огрызаясь, она очень медленно и постепенно начинает уступать внешнему давлению. В частности, успехи генетической антропологии (анализ митохондриальной ДНК) вынудили историческую науку сильно расширить возможные временные рамки освоения современным человечеством Австралии и Америки. Однако отечественным исследователям этого направления все еще поставлен «красный свет» в изучении истории отдельных народов нашей страны и сопредельных стран.

Но в чем же могут быть причины отдельных несовпадений мнений историков и последователей генетиков? Как ни покажется странным, но возможно виновата в этом и ... историческая география. Нет, не та география, которая считается историками всего-то вспомогательной исторической дисциплиной, тогда как профессиональные географы с самого начала отнесли ее к самостоятельной географической дисциплине на стыке географии и истории¹.

¹ См.: *Максаковский В. П. Историческая география мира. М.: Экспрос, 1997.*

Виновата в частности та наука, которая заняла пустующую в истории нишу на этом стыке – геополитика. При этом та геополитика, которая еще в советские времена считалась лженаукой, основанной на разного рода домыслах, подкрепленных лишь видимостью «научной» теории¹.

Не последнюю роль в распространении ложных исторических знаний оказала эпоха Великих географических открытий. Именно эта эпоха выявила ряд ошибок античной географии, перешедших по наследству географии средних веков. Неверная их обработка последующими поколениями историков и сегодня продолжает сбивать нас с толку.

Дело в том, что знания античности о северных и южных странах были очень ограничены в отличие от проживающих в Северной Европе будущих творцов теории норманизма. Ведь согласно теориям античности из всех климатических поясов земного шара обитаемым был только умеренный, тогда как холодный и жаркий считались незаселенными из-за невозможного холода или жары. Подобной точки зрения на страны севера восточные географы придерживались даже после того, как ими твердо была установлена обитаемость экваториального пояса. Все земли севернее реки Дон считались в арабской средневековой географии «необитаемыми пустынями севера»². Об обитаемости всего четверти земного шара пишет еще Эвлия Челеби³, но ведь он был весьма образованным человеком для своего времени, а ведь это уже XVII век!

И попробовал бы кто-то чересчур умный до поры до времени провозгласить что-то иное! Сразу бы вмешалась церковь – ведь именно она освятила знания античности! Так что ретивому стороннику обитаемости «необитаемых» земель еще бы крупно повезло, если бы он всего-то прослыл бы невежей. Мог бы и на костер угодить как еретик. Вот об этом-то и забыли проживающие на «необитаемых землях» античной науки уже несколько поколений историки Северной Европы, творящие новую альтернативную историю.

¹ Харитонов А. М. Информационные войны в мире науки на примере норманизма и антинорманизма // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов [Электронный ресурс]: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. В. Ш. Сабирова; СибГУТИ. Новосибирск: СибГУТИ, 2018. С. 716–726.

² См.: Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.

³ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь: ДОЛЯ, 2008.

А ведь только эпоха Великих открытий в географии позволила забыть об ошибках древности и спустить все их на тормозах. Любопытно, что по новым сведениям, также оспариваемых исторической наукой, сама эта эпоха началась ... в Китае! Подобную идею высказал в 2002 г. британский офицер-подводник Г. Мензис¹.

Наши коллеги из Британского Королевского общества внимательно выслушали его аргументы и сочли теорию заслуживающей внимания. А ведь Мензис провозгласил, что Америку, Антарктиду, Австралию и Сибирь с Дальним Востоком впервые нанесли на карты китайские мореходы в первой четверти XV века. Именно их карты, перекочевавшие неведомыми нам пока путями в Европу, использовали в своих дальнейших поисках Колумб, Магеллан и даже Кук.

Более того, развивая собственные выводы, Г. Мензис обратил внимание, что многие технические новинки Возрождения также зародились в Китае². Если к этому добавить, что отечественные востоковеды давно обратили внимание на приход гуманистических идеалов Ренессанса из того же Китая³, то в будущем нас вполне мог бы ожидать перелом в европоцентрической истории Земли в пользу наших восточных соседей⁴.

Впрочем, вряд ли. Спихватившиеся историки подвергли теорию Мензиса резкой критике. Мол, ей не хватает доказательств. Прямых доказательств, возможно, не так много, но косвенных, которые можно объяснить данной теорией, вполне хватает. Да и когда отсутствие доказательств останавливало самих историков? Достаточно частенько написать, что есть такое мнение одного из заявленных классиков исторической мысли, и о доказательствах тут же забывают.

Ведь согласно географии античности и средних веков вся территория отводимая историками Древней Руси (за исключением небольших анклавов в Причерноморье) вместе со Скандинавией и даже Средней Азией есть «белое географическое пятно»! Но кому это мешает писать сочинения о происходящих здесь событиях, даже не задумываясь о подобном парадоксе?

¹ Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. М.: Эксмо : Яуза, 2006.

² Menzies G., 1434. The year a magnificent Chinese fleet sailed to Italy and ignited the Renaissance. London: HarperCollinsPublishers, 2008.

³ Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения // Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 236–264.

⁴ Харитонов А. М. Новая теория Великих географических открытий и ее возможное влияние на развитие других наук // География и смежные науки. LXI Герценовские чтения. СПб.: Тесса, 2008. С.170–181.

А если сравнить комментарии к географическим сочинениям западных и восточных авторов, то и вовсе возникает сомнение о том, какую Русь они описывают. Между тем географу должно быть достаточно ясно, что без согласования позиций востоковедов и историков в этих географических вопросах их мнения не могут считаться окончательными и бесповоротными. А вот тот, кому удастся соединить две традиции воедино, почти наверняка окажется прав.

– Попробуйте сами в этом разобраться, – проворчат наверняка некоторые специалисты. Пожалуйста – вот три центра Древней Руси в восточных сочинениях. Только Куява – Киев идентифицируется всеми исследователями как столица современной Украины. Славия и Арта (Арса) вызывают нескончаемые споры. Но если обратить внимание на Причерноморье, где Славии (Склавинии) известны как раз европейским ученым, то тогда Славией может быть только Дунайская Болгария со столицей Преслав. Это объясняет и наличие болгарских и валашских городов в составе Руси в более позднем отечественном источнике по географии¹. В этом случае Арта, вероятнее всего, – Орда (ср. скандинавский термин Гарды для обозначения Руси)².

Правда, при таком раскладе придется сразу отказаться от идентичности летописного Киева и современной столицы Украины. Да и кочевать в степях Украины круглогодично весьма затруднительно. Впрочем, кое-какие географические сомнения не столь радикального характера встречаются и в исторической литературе. В частности, как варяги с Балтики проникали в Киев через переволоки? Отечественные астрономы и вовсе отметили несоответствие описанных в летописях затмений современному географическому положению города на Днепре. Да и само описание трех устьев Днепра в некоторых из тех же источников слабо соответствует действительному положению вещей.

Наиболее похоже на истину первоначальное положение Киева где-то на Кубани. Ведь арабские источники даже Крыма толком не знают, но вполне уверенно описывают Русскую реку. Конечно, историки раз и навсегда объявили этой рекой Дон, но автор почему-то предпочитает описание Идриси, которое, кажется, никто

¹ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т.40. С.214–259.

² Харитонов А. М. Представление о месте Древней Руси на карте мира в арабской географической литературе средних веков // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.276–282.

из историков не оспаривает. А приводимые последним расстояния до устья Русской реки от известных географических пунктов раз в 10 меньше, чем до устья современного Дона¹. Да и три устья приписать Кубани вместе с многочисленными озерами там же вполне возможно.

Кстати, почему это Константин Багрянородный назвал реку Данаприсом², тогда как по всем античным канонам у нее было имя Борисфен? Автор специально обратил внимание на это, т.к. историки уже давно пишут Волга вместо Итиль в источниках и т.п. Уж не по этому ли Данапрису путешествовал в легенде Андрей Первозванный?

Такое представление помогло бы объяснить, откуда появилось подобное предположение в отечественных летописях. Именно оно является наиболее правдоподобной версией возможности путешествия, тогда как нынешнее толкование поездки по современной реке Днепр уже давно отвергнуто исторической наукой. Не могли же весьма образованные русские книжники с самого начала вставить в летопись откровенную ерунду, а наше толкование легенды позволяет придать ей некоторое географическое правдоподобие. Ведь Кубань-Данаприс располагалась в Скифии на территории хорошо известной еще античной географии. Да и на карте, которую обычно приписывают Птолемею, можно найти в Причерноморье некий город Навар (вероятно, аналог Новгорода, давшего затем имя Великому Новгороду).

Впрочем, наличие нормального географического объяснения путешествия не означает, что автор данной работы считает легенду полностью достоверной. Скорее, ее географическая основа развивалась в полном соответствии с геополитическими аспектами исторической географии, принятыми и сегодня. Ведь исторический Андрей посещал только Нижнюю (т.е. ближнюю) Скифию в лучшем случае, а прочие его маршруты в сторону Кавказа появились не ранее начала средних веков.

Подобной практике поспособствовали и переносы топонимов с места на место при передвижениях их носителей на новые места обитания³. Вот почему так трудно установить первоначальное место действия в мифах разных народов, но легко раздвинуть грани-

¹ Харитонов А. М. Где текла Русская река? // География: проблемы науки и образования. LXIII Герценовские чтения. СПб.: Полиграф-Ресурс, 2010. С. 342–344.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989.

³ См.: Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М.: Эксмо : Алгоритм, 2005.

цы обитаемой зоны за счет привязки действия к вновь появившемуся географическим названиям.

Похоже, подобным образом современное Балтийское море стали называть Варяжским с подачи историков. А ведь арабский автор Ал Хараки¹ указывал, что море варанков-варангов есть ... Меотида (Азовское море-болото античности). Сходство в описании народов «Балтики» и Меотиды заметил еще А.Г. Кузьмин и не придал этому значения, даже зная о наличии термина Варанголимен в Крыму. Но почему бы Варяжскому заливу и не быть Азовским морем с самого начала? А может именно оно и слывет Русским, а вовсе не Черное? Да и сама Скандинавия на географических картах известна с 1424 (по другим сведениям с 1427 г.)², а территория центра и севера Русской равнины еще лет на сто позже.

Но не читают историки не только металлургов, а если им указать на подобные географические ошибки, то большинство из них не желает даже обсудить их наличие со специалистом-географом. Такова их вера в непогрешимые истины классиков исторической науки, к которым они отсылают всех остальных по поводу и без повода! Впрочем, среди географов тоже, попробуй, найди настоящих специалистов по географии древнего мира и средних веков, хотя историко-географических работ в рамках разных конференций на эту тему существует не так уж и мало.

Однако, рано или поздно, но на все эти поднимаемые нами сегодня вопросы исторической науке придется дать четкий географический ответ, желает она этого или нет. Ссылки на мнение классиков исторической науки географию античности и средних веков явно не устраивают с точки зрения современной географической науки.

Но сможет ли историческая наука дать адекватный ответ, если географией в ней сегодня занимаются преимущественно переводчики, которые переквалифицировались в историков? Смогут ли они отрешиться от своих геополитических установок в пользу обычной исторической географии? Ответить на этот вопрос сможет уже только само Время. Но сколько его для этого может понадобиться?

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.

² См.: *Багров Л.* История картографии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Раздел 3.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, РЕЦЕПЦИЯ И НОВАЦИЯ

УДК 303

Бирюлин И.В. (Саратов)

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В ПОИСКАХ САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы развития российской политологии и пути их решения.*

Ключевые слова: *российская политология, идентичность.*

В начале 2000-х годов широкое распространение получило ошибочное, на наш взгляд, трактование истории российской политологии. Оно сводилось к тому, что в условиях царизма политическая наука, хотя и в условиях ограничения со стороны правящего режима, имела возможности для своего развития на базе Московского и Санкт-Петербургского университетов. После революции 1917 году политология была объявлена буржуазной лженаукой и в советскую эпоху сведена на нет. И только в начале 80-х годов прошедшего столетия после десятилетий забвения начала своё возрождение. Вначале в стенах Московского государственного университета для осознания начавшихся перестроечных преобразований, а затем и во многих других вузах страны уже в качестве профильной дисциплины подготовки и во всех без исключения в качестве обязательного курса на всех профилях подготовки.

На этот процесс стоит посмотреть более объёмно, только так мы сможем найти ответ на принципиальнейший для современной политической науки вопрос: в чём же самоидентичность да и польза в целом современной российской политологии для государства, общества, власти?

На наш взгляд, политология нигде и никогда не исчезала, да и не могла исчезнуть как прикладная сфера системы управления. Её развитие прослеживается в общем развитии европейской цивилизации 20 века, определившейся двумя мировыми войнами, социальными и национальными революциями, фашистскими, коммунистическими и демократическими устремлениями.

Всё это в равной мере относится и к российской политологии.

Многие учёные, как эмигрировавшие, так и оставшиеся в СССР, смогли в сложных условиях внести заметный вклад в развитии этой важной гуманитарной науки. Достаточно вспомнить имена таких философов, социологов, экономистов как Питирим Сорокин, Михаил Ростовцев, Борис Вышеславский, Николай Бедряев, Иван Ильин, Николай Лосский, Федор Степун, Евгений Трубецкой и многих других.

Исходя из этого, полагаем, что отечественная политология как гуманитарное направление, связующее власть и общество, не исчезала, а переживала различные этапы своего развития, являясь в некоторые исторические периоды единственным альтернативным поиском общественного идеала как и родственная ей европейская школа политологии.

Развал СССР не мог не отразиться на устоявшихся политологических концепциях советской эпохи, по сути, разрушив советскую социополитическую картину мира. Благодаря этому гуманитарная сфера получила резкое расширение, пережив в 90-е годы прошедшего столетия своего рода ренессанс. Сказанное справедливо и к современной российской политологии.

Вместе с тем выявились присущие не только гуманитарной сфере серьёзные недостатки, вызванные образовавшейся зависимостью от импортных технологий, инвестиций, идей. Зависимость эта образовалась в те же 90-е годы и продолжает оказывать своё пагубное влияние.

Очевидно, что в начале нового столетия произошло некоторое оздоровление отечественной идеологии в связи с несостоятельностью многих западных политологических практик в российский реалиях, появилось собственное видение путей развития (ЕврАзЭС, Шёлковый путь, ШОС, БРИКС, либерально-консервативное направление политической элиты).

Но очевидно и другое – выросшие на теориях западных политических школ, не реализуемых на отечественной политической ниве, сегодняшние политологи в своей массе зациклены на одной лишь

констатации несоответствия образовавшейся политической системы тем или иным положениям Конституции.

В таком качестве политологи не могут быть успешны ни в качестве преподавателей, учёных, ни в качестве специалистов, работающих на власть. Они оказались в положении «не своих парней» в общественно-политической системе.

Можно ли изменить создавшееся положение вещей в российской политологии, найти востребованное направление её развития? Для этого необходимы серьёзные антикризисные шаги прежде всего со стороны самого политологического сообщества России.

Таковыми шагами в научной сфере могло бы стать чёткое и честное понятийное становление отечественных практик политического процесса. Ни для кого не секрет, что наши государственные основания покоятся на некоем симбиозе советской административно-командной системы и западной либерально-рыночной практики. Можно поэтому предположить, что поиск идентичности и общего языка с государством и обществом следует искать в выработке компромиссных идеологических концептов, учитывающих консервативные традиции и либеральные ценности.

В учебном направлении политологическому сообществу следовало бы, на наш взгляд, сконцентрироваться на следующих направлениях.

Необходима популяризация политологии в обществе. В конце 90-х – начале 2000-х годов это направление вузовской подготовки было весьма востребованным. Казалось, у будущих специалистов не возникнет проблем с трудоустройством. Однако, спустя всего десять лет, общество вновь с трудом увязывает политологию с каким либо конкретным направлением профессиональной деятельности.

Во многом создавшуюся ситуацию определила изменившаяся в сторону администрирования политическая система, сократившая рыночную нишу политологов, поскольку необходимость в профессиональном конкурентном политическом анализе резко уменьшилась. Но в таком положении дел есть и доля инертности самих политологов. Волна активных практиков и переквалифицировавшихся в политологов философов, историков и математиков 90-х годов сегодня все слабее несёт императив развития, а молодые поколения, оказавшиеся без чёткой ориентации на выгоду, не в состоянии сформировать целостность профессиональной общности, зародить к ней интерес со стороны власти и общества.

Поднятию привлекательности, раскрутке профессионального и научного потенциала политологии может помочь современная телекоммуникационная система, позволяющая делать это значительно дешевле и намного эффективнее, чем в 90-е годы.

Пора осознать, что политологическое сообщество поставлено на грань выживания. Активно закрываются советы, направления подготовки, кафедры. Отчасти это оправданная, хотя и болезненная реформа высшего образования, выводящая его из состояния массового конвейера по штамповке дипломов. Но надо отдавать себе отчёт и в том, что каждая утраченная позиция не только расчищает конкурентное пространство, но и сужает сферу профессионального сообщества политологов. Большая наука, как и большой спорт, невозможна без широкой поддержки.

Наконец, чтобы стать полезными, интересными, а значит и востребованными, политологам необходимо наладить программное контактирование с политической властью, обществом на всех возможных уровнях.

Кудряшова И.В. (Москва)

РЕЛИГИЯ И ПОДЪЕМ «РЕЛИГИОЗНОЙ ВОЛНЫ» СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация: в статье предпринята попытка определить характер взаимосвязи между религией и терроризмом на основе сопоставления и критического анализа основных теоретико-методологических подходов к этой проблеме. Показано, что религия сама по себе не продуцирует насилие, но выступает когнитивной структурой, определяющей через идентичность последователей ту или иную форму конфликта. Подчеркнута необходимость исследовать религиозный терроризм в контексте процессов модернизации и глобализации.

Ключевые слова: религия, терроризм, модернизация, идентичность, антитеррористические стратегии.

Три-четыре десятилетия назад религия стала активно выходить из политической маргинальности. Проявителем этого процесса стали революция в Иране 1978–1979 гг., завершившаяся установлением в стране исламской формы правления, идеи социальной доктрины католицизма в польском оппозиционном рабочем движении 1980-х и сама его поддержка католической церковью, рост публичной активности американских фундаменталистов-протестантов и другие известные события. В настоящее время религиозные акторы различных типов открыто стремятся артикулировать свои взгляды по широкому спектру социально-политических проблем на национальном и глобальном уровне и сопротивляются усилиям государства ограничить их деятельность. При этом они, как правило, отвергают секулярные идеалы, которые долгое время доминировали в теориях политического развития как в развитых, так и в развивающихся странах. Дж. Хэйнс называет таких акторов «чемпионами альтернативных конфессиональных взглядов, программ и политических курсов»¹. По мнению О. Руа, религия заново

¹ Haynes J. Politics and religion in a global age // Religion and politics. Edinburgh: Edinburgh Univ. press, 2014. P. 43.

формулирует себя в секуляризованном пространстве, которое дает ей автономию и, следовательно, условия для экспансии¹.

Однако от имени и во имя религии организуются не только политические дебаты, но и акты насилия. Как считает Д. Рапорт, автор концепции волнового развития международного терроризма, основной движущей силой его современной, четвертой по счету, волны выступает именно энергия религии². Наверное, самым концентрированным ее выражением стали террористические акты 11 сентября 2001 г., которые лидеры «Аль-Каиды» назвали «походом на Манхэттен». Последовавшая за ними международная кампания по борьбе с терроризмом не привела, однако, к спаду этой волны: в 2006 г. после слияния с другими группировками в Ираке возникло «Исламское государство» (ИГ)³. Четыре мотивированные религиозными императивами террористические организации (ИГ, «Боко харам», «Талибан», «Аль-Каида») являются наиболее опасными (в 2016–2017 гг. – 74 % всех жертв)⁴.

Любая антитеррористическая стратегия требует осмысления природы того феномена, против которого она направлена. В этом ключе вопрос о взаимосвязи между современным терроризмом и религией является принципиальным.

Существует часто озвучиваемая позиция, что терроризм не имеет и не может иметь к религии никакого отношения: те, кто убивают невинных «во имя Бога», или намеренно дискредитируют священное послание мира и добра ради низменных целей, или просто «ненавидят наш образ жизни и нашу свободу»⁵. Распространена и чисто инструменталистская интерпретация предполагаемого взаимодействия: религиозные положения и смыслы рассматриваются

¹ Roy O. Holy ignorance: When religion and culture part ways. N.Y.: Oxford univ. press, 2014.

² Rapoport D.C. The four waves of modern terrorism' / ed. by Cronin A. K., Ludes J.M. Attacking terrorism: Elements of a grand strategy. Washington, D.C: Georgetown univ. press, 2004. P. 47.

³ Террористические организации «Аль-Каида», «Братья-мусульмане», «Исламское государство», «Движение Талибан», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Аум Синрике» запрещены в РФ.

⁴ Global terrorism index 2017 / Institute for Economics & Peace. 2017. P. 72. Mode of access: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf>; Global terrorism index 2016 / Institute for Economics & Peace. 2016. P. 49–50. Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> (дата посещения: 14.12.2018).

⁵ Krueger A. B. What makes a terrorist: Economics and the roots of terrorism. Princeton: Princeton univ. press, 2018. P. 2.

как средство, применяемое лидерами террористов или теми, кто стоит за ними, для вербовки и мобилизации сторонников и легитимации насилия в глазах населения.

Некоторые исследователи, наоборот, видят в религиозно окрашенных террористических актах проявление присущего вере эсхатологического фанатизма¹. В такой логике любая попытка группы верующих заявить о своих интересах в сфере политики представляет собой вызов миру и безопасности.

И все-таки, какие научные основания имеет под собой сама постановка вопроса о *религиозном* терроризме? Чтобы ответить на этот вопрос мы попытаемся сопоставить и проанализировать основные концептуальные подходы к осмыслению взаимосвязи между религией и терроризмом.

Во всех религиозных традициях есть символы и образы насилия. Исследуя историю формирования коллективных идентичностей, Р. Шварц отмечает, что с распространением Библии в западной культуре ее нарративы стали основанием преимущественно негативно-го понимания этнической, религиозной и национальной идентичности, поскольку она определяется через противопоставление себя Другому. По ее мнению, монотеизму изначально присуще не только исключение, но и насилие: поклонение одному легитимному боже-ству подразумевает воздвижение и защиту сакральных границ.

Из этого положения следует другое: монотеизм порождает недостаток ресурсов. Во многих библейских повествованиях Бог присутствует не как бесконечно дающий, а как удерживающий и отнимающий: блага и права, которые он может предоставить, получают не все. Дефицит ресурсов закодирован в Библии в принципе единственности (одна земля, один человек, один народ) и в монотеистическом мышлении (одно Божество), что влечет за собой требование исключительной верности сообществу, нарушение которой угрожает насильственным исключением. Трансляция этого представления в светские формы порождает не столько безопасность, сколько угрозу².

Взяв за основу тезис Шварц о дефиците ресурсов в монотеистических системах, Г. Авалос разрабатывает собственную концепцию религиозного насилия. В его логике оно имманентно присуще всем

¹ См., напр.: *Hoffman B.* Inside terrorism. N.Y.: Columbia univ. press, 2006. P. 81–130.

² *Schwartz R. M.* The curse of Cain: The violent legacy of monotheism. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998. 228 p.

религиям; мир – это только название набора условий, благоприятных для группы адептов, а не абсолютное отрицание насилия. В частности, он утверждает:

- большинство социальных и политических конфликтов происходит из-за недостатка ресурсов, реального или воображаемого;
- религия производит сакральные ресурсы (благоволение Бога, благословление и спасение);
- за эти ресурсы идет конкуренция, их нужно зарабатывать и защищать;
- воображаемый дефицит ресурсов (например, отсутствие божественного благоволения к стране или народу) часто порождает насилие ради восполнения этого дефицита;
- предпосылки религиозного насилия встроены в структуру религиозной веры (искупление в христианстве, мученичество в исламе и др.)¹.

Основное противоречие такого подхода видится в том, что в современном мире акты насилия, несмотря на их религиозную окраску, редко происходят из-за религиозных ценностей как таковых. Сами верующие прежде всего видят в практикуемой религии призыв к добру и милосердию и приобретают «сакральные ресурсы» через мирное служение Богу.

Точка зрения: **религия не имеет ничего общего с насилием**

В свою очередь, многие исследователи считают «мифом» тезис об особой склонности религии к насилию. По мнению У. Кавано, этот миф свойственен секулярным социальным порядкам. Для его возникновения необходимо выделение религии в отдельную сферу, т.е. разделение религиозного и светского. Это разделение произошло только в результате борьбы за власть между церковными и гражданскими властями в Европе в период раннего Модерна.

Обособление религиозной сферы позволило обособить и политическую. Политика стала производить насилие не менее, а даже более активно, чем религия: войны за природные богатства, территорию, флаг, свободные рынки, демократию, этничность, как и репрессии тоталитарных режимов, принесли огромное количество жертв.

Рукотворное разделение мира на светское и религиозное было экспортировано Западом в другие страны мира в процессе колонизации, хотя не все местные культурные системы было легко транс-

¹ *Avalos H. Fighting words: The origins of religious violence. N.Y.: Prometheus Books, 2005.*

формировать в религии (таковы конфуцианство, буддийская школа Тхеравады и др.). Во внешней сфере миф о религиозном насилии активно используется им для оправдания политики по отношению к несекулярным социальным порядкам, особенно мусульманским¹.

Выступая против превращения религии в «козла отпущения» (Р. Жирар), К. Армстронг поддерживает позицию Кавано аргументами из области религиозной истории. Среди ее выводов:

- впервые в истории системное насилие стало реальностью благодаря аграрной цивилизации, а не религии;
- милитаризм – практика, необходимая для развития государств и империй;
- национальное государство имеет свою религиозную «ауру»;
- философия секулярного проекта не всегда предлагала мирную альтернативу идеологии религиозных государств².

В целом, по мнению сторонников этого подхода, преданность светским идеологиям и практикам может иметь такой же абсолютистский, конфликтный и иррациональный характер, как и преданность религии. Следовательно, у так называемого религиозного терроризма нет никакой особой сути.

Однако Б. Хоффмандаже в рамках анализа только светских и религиозных террористов обнаруживает существенные различия в их мотивации и поведении (см. таблицу ниже).

Таблица. Различия между «светскими» и «религиозными» террористами

«Светские» (руководствующиеся идеологическими, этническими и иными мотивами) террористы	«Религиозные» террористы
Стремятся к совершенствованию существующей политической системы или созданию новой	Видят мир сквозь призму дихотомии добра и зла
Воспринимают убийство как печальную необходимость	Воспринимают убийство как священное действие

¹ *Cavanaugh W. T. Religion, violence, nonsense, and power // The Cambridge companion to religion and terrorism / ed. by J. R. Lewis. N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. P. 23–31.*

² *Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016.*

Накладывают ограничения на применение насилия	Не имеют ограничений на применяемое насилие
Выступают от имени социальной группы	Действуют от имени Бога
Заинтересованы в расширении своей аудитории	Не апеллируют к потенциальным сторонникам
Стремятся создать справедливый порядок для большого числа людей	Творят добро для себя
Принижают противника	Демонизируют противника, унижают тех, кто не является членом их сообщества

Составлено по: Hoffman В. Op. cit. – P. 88–89.

Точка зрения: Религия не производит насилие, но оказывает влияние на возникновение и ход конфликта

Как представляется, при осмыслении сложной взаимосвязи между религией и насилием не следует стремиться к однозначной позиции. По мнению М. Юргенсмейера, религиозный язык и образы важны для понимания генезиса насилия, но сами по себе преимущественно являются не источником, а формой конфликта: «В какой-то момент в конфликте, обычно в период фрустрации и отчаяния, политический контекст принимает религиозную форму»¹.

Наблюдая многочисленные случаи подъема религиозного насилия в различных культурных ареалах, ученый отмечает, что все они содержали в себе общий идеологический компонент: осознание моральной и социально-политической ущербности идеи светского национализма. В деятельности ряда группировок («Аль-Каида», Движение ополчения в США и др.) ярко выражена открытая ненависть к глобальному мировому порядку и к государству как его проводнику.

Неудачи государства в экономике, политике, культуре переживаются некоторыми верующими как унижение, оскорбление, потеря собственной идентичности. Эти чувства выплескиваются в религиозно мотивированный терроризм, который представляет собой не просто тактику политической борьбы, но воплощение гораздо более масштабной духовной конфронтации.

¹ Juergensmeyer M. Does religion cause terrorism? // The Cambridge companion to religion and terrorism / ed. by J. R. Lewis. N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. P. 18.

Юргенсмейер отмечает, что религия придает конфликту следующие черты, а именно:

- персонализирует конфликт, обеспечивая персональную награду – заслуги перед Богом, искупление, счастье на небесах;
- дает средства социальной мобилизации тех, кого нельзя объединить на общей социально-политической платформе;
- во многих случаях обеспечивает организационные сети (местные церкви, мечети, религиозные ассоциации и т.д.);
- предоставляет моральное оправдание актов насилия;
- создает образ космической войны, распространяя ее на весь мир;
- абсолютизирует конфликт, делая войну длительной, возможно, даже вечной¹.

Такой подход отталкивается от понимания религии как когнитивной структуры и позволяет преодолеть ограничения оценки религиозного терроризма как иррационального явления. Религиозно мотивированный терроризм может быть и разнообразен, и по-своему рационален. В его лагере есть как транснациональные группы («Аль-Каида», «ИГ»), так и национально ориентированные (военизированные подразделения ХАМАС и «Хизбаллы»²). На их поведение влияют многочисленные компромиссы между интересами безопасности, соображениями эффективности проводимых операций и задачами организационного контроля.

Столкновения зрения большинства лидеров террористов, считают А. Хасенклевер и В. Риттбергер, целесообразность той или иной стратегии борьбы в значительной мере определяется перспективой достижения успеха. Он, в свою очередь, зависит от мобилизации рядового состава и поддержки более широкого круга сторонников. В связи с этим исследователи указывают на четыре детерминанты стратегического выбора элит:

- природа конфликта: несправедливое распределение благ / социальных позиций или конфликт ценностей. В последнем случае вероятность использования насилия и его масштабы значительно выше, чем в первом, а компромисс практически исключен;

¹ Juergensmeyer M. Does religion cause terrorism? // The Cambridge companion to religion and terrorism. P. 18–22.

² Вопрос отнесения ряда военизированных группировок к террористическим является крайне политизированным и во многом зависит от социально-политического и международного контекста.

- индивидуальная готовность членов организации к самопожертвованию;
- характер отношений между конфликтующими сторонами;
- публичное оправдание применения насилия со стороны тех, кто прямо не вовлечен в конфликт¹.

Влияют на террористов и структурные изменения на макроуровне, которые трансформируют внешнюю среду их действий. Решение США войти в Афганистан и Ирак после терактов 11 сентября и события «арабской весны» изменили идеологический тренд салафитского² джихада, его организационную структуру и отношение к внешнему окружению³.

Признание факта разнообразия и изменчивости религиозно мотивированного терроризма имеет важное значение для поиска эффективного ответа на террористическую угрозу. Очевидно, что если в случае экзистенциального терроризма прежде всего востребована стратегия силового ответа, то в случае насилия во имя установления в стране «справедливого правления» (исламского, белых христиан и пр.) необходимо сочетание репрессивных мер с политикой развития и воздействием на идентичность. Например, в Саудовской Аравии в период активизации «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» была запущена онлайн-платформа «Умиротворение» (*Sakinah*) – условно независимая инициатива по «назиданию и интерактивному общению» под наблюдением Министерства исламских дел. Она сумела создать антиэкстремистский нарратив, распространяя умеренные религиозные концепции и трактовки современных событий.

Мир сегодня встречается с большим разнообразием политических конфликтов, порождающих религиозно мотивированное насилие. В то же время продолжает доминировать секулярная парадигма, позволяющая «не замечать» религиозно обусловленные факты политической жизни или субъективно интерпретировать их. Другой крайностью является восприятие религиозного терроризма как монолитной иррациональной силы, «слуг дьявола», сеющих зло.

¹ Hasenclever A., Rittberger V. Does religion makes a difference? // Religion in international relations: The return from exile / ed. by P. Hatzopoulos, F. Petitо. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 117–120.

² Салаф (араб.) – праведные предки. Современные салафиты являются носителями консервативной фундаменталистской идентичности.

³ См.: Drevon J. The Jihadi social movement (JSM): Between factional hegemonic drive, national realities, and transnational ambitions // Perspectives on Terrorism. Vol. 11, Iss. 6. P. 55–62.

Нужно ли при осмыслении сложной взаимосвязи между религией и насилием занимать категорическую позицию? Очевидно, нет. Как отмечено выше, терроризм произрастает не из религии – религия лишь способна в определенный момент придать политическому контексту конфликта религиозное измерение. Вместе с тем это религиозное измерение, обусловленное способностью религии формировать когнитивные структуры и идентичность, нельзя не учитывать ни в научном анализе, ни в практической деятельности по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

«Религиозная волна» терроризма сотворена в первую очередь мусульманскими боевиками, хотя ее подпитывали и представители других культурных ареалов (Движение ополчения в США, «Ках» и «Кахане хай» в Израиле и др.) Отражением этого являются распространённость выражения «исламский (или, более корректно, исламистский) терроризм» и растущая исламофобия – даже пророка Мухаммада иногда изображают в западных СМИ как террориста.

Безусловно, исламу свойственен универалистский подход к мусульманскому обществу. Большинство мусульман оценивают властные институты сквозь призму религиозных положений и морали. Но взаимосвязь между религией и политикой характерна и для других религиозных систем. В большинстве традиционных общества до начала модернизации разделения на религиозное и светское не было, а в некоторых не было и «религиозного» как такового. Таким образом, было бы ошибкой анализировать акты насилия «во имя веры» или «справедливого правления» в отрыве от порождающей их социальной структуры. Модернизация мусульманских обществ началась относительно недавно (XIX–XX вв.) и проходила неравномерно и противоречиво, вызывая острые социальные, политические и культурные конфликты. Как отмечает И. Хохлов, «многие случаи проявления так называемого «исламского терроризма» на самом деле имеют социальную и экономическую мотивацию и хорошо объяснимы с точки зрения парадигм релятивной депривации»¹.

¹ Хохлов И. И. Социетальная теория терроризма: Социально-экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения // Политическая наука. М., 2018. № 4. С. 43. DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

Купин В.Н. (Саратов)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОКРАТИИ В ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ЗАПАДА

Аннотация: предлагаемая статья посвящена эволюции демократии как политического феномена, ее трансформации в условиях глобальных геополитических процессов. С момента своего возникновения на заре человеческой цивилизации демократия прошла длительный исторический путь, претерпев глубокие изменения в своем содержании, форме проявления, функциях и решаемых задачах. Автор подробно рассматривает механизм трансформации демократических ценностей в странах Запада, широко использующих демократию в качестве инструмента для реализации своих глобальных геополитических интересов. В результате происходит дискредитация демократических идеалов в широких слоях населения современного мира. Внедрение подлинно демократическим принципов в отношениях между народами и государствами, отмечается в статье, является необходимым условием формирования справедливого, устойчивого и безопасного мироустройства XXI века.

Ключевые слова: демократия, геополитика, глобализация, сетевая власть, информационная война, гибридная война, миропорядок, безопасность.

Демократия уже много веков является едва ли не самым популярным и распространенным понятием в обыденной жизни и политическом лексиконе. Одновременно за этим понятием стоят и, пожалуй, самые противоречивые и многозначные явления. Объяснить это можно амбивалентностью ценностных свойств самой матрицы демократии, связанной с жизненно важными интересами и потребностями широких народных масс. Вот почему, демократия спустя тысячелетия сохранила исключительно высокую эмоциональную привлекательность, огромный потенциал для концентрации энер-

гии самых различных социальных и политических сил. Однако, противоречивость и неоднозначность феномена демократии как раз и состоит в том, что ее неисчерпаемые возможности не редко используются не только во благо общества, но и в корыстных и даже в преступных целях. Вероятность такого состояния демократии растет, когда она в своей эволюции достигает крайностей и смыкается с противоположной крайностью – олигархией. В результате под привлекательной оболочкой демократии формируются два типа политических групп, одинаково опасных для благополучия государства. И те и другие готовы совершать самые кровавые преступления против народа во имя сохранения своей власти и богатства. На опасность и причины симбиоза двух крайностей во власти – демократии и олигархии, указывал еще древнегреческий мыслитель Аристотель. Характеризуя сходные негативные черты людей, порожденные крайностями демократии и олигархии он писал: «Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – в следствии подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред»¹. Нет необходимости доказывать насколько актуальны для нашего времени размышления древнегреческого философа о судьбах демократии и трагических последствиях для народов и государств, которые наступают при ее деформации. Приспособление демократии к решению отнюдь не демократических задач все чаще становится нормой политического поведения на международной арене большинства стран Запада. На некоторых направлениях трансформации демократии в процессе использования ее западными государствами для достижения своих геополитических целей остановимся подробнее.

Первое. В качестве универсального средства демократия получила широкое распространение в XX веке в процессе борьбы США за установления глобального геополитического господства. При этом, если в классических доктринах геополитики Запада «Анаконды», «Хартленда», «Римленда» делалась основная ставка на применение грубой военной силы, то в последующих проектах закладывались и принципы «мягкой» силы. Так, в начале XX века известный

¹ Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. М.: Политиздат, 1983. Книга четвертая. С. 507–508.

английский геополитик Х. Маккиндер предпринял небезуспешную попытку инплиментации принципов демократии, с которыми он связывал основы Западной цивилизации, в геополитическую стратегию мировой гегемонии. Смысл такой стратегии Х. Маккиндер видел в поэтапном овладении демократическим Западом обширными пространствами континентальной Евразии как необходимым условием для установления мирового господства. В работе «Демократические идеалы и реальность» он лаконично выразил эту стратегию в знаменитой геополитической аксиоме: «Кто правит Восточной Европой, господствует над хартлендом; кто правит хартлендом, господствует над мировым островом; кто правит мировым островом, господствует над миром»¹. В арсенале же так называемой «мягкой» силы предусматривались многочисленные средства манипуляции мировым общественным мнением. Среди них: создание и распространение через СМИ ярких, но часто иллюзорных образов западного общества потребления, пропагандистские штампы, замешанные на лжи и подтасовке фактов, антисоветизм и русофобия, двойные стандарты в международных отношениях и в подходах к оценке тех или иных событий мирового развития. Уже в ходе второй мировой войны США продемонстрировали свои притязания на мировое господство с двух сторон. С одной стороны с помощью военной силы, осуществив впервые в истории человечества атомную бомбардировку мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки, а с другой стороны на основе технологий «демократического» влияния на страны и народы, попавшие в зону американских геополитических интересов. Главной мишенью подобных сценариев вновь стала наша страна. О чем убедительно свидетельствует один из документов, разработанный тогдашним шефом ЦРУ Алленом Даллесом под названием «Послевоенная доктрина США». В нем в частности записано: «Посеяв в СССР хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Мы найдем своих единомышленников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого его самосознания. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства, мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут вдалбливать в человеческое сознание

¹ *Mackinder H. Democratie Ideals and Reality. N.Y., 1962. P. 113.*

культ секса, насилия, предательства – словом всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но активно будем способствовать самодурству чиновников и взяточников, беспринципности; бюрократизм и волокиту возведем в добродетель, честность и порядочность будем осмеивать – они никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества¹. Даже, если скептически относиться к «теории заговора», нельзя не заметить множество совпадений с этим планом, которые произошли в последующих событиях и, прежде всего, в развале Советского Союза, коренным образом изменивших глобальное геополитическое равновесие и открывших путь для США к мировой гегемонии.

Второе. В последующим, для закрепления глобального геополитического господства американцы и их союзники стали активно использовать в своем влиянии на мир принципы и методы сетевой демократии. Смысл сетевой демократии состоит в том, что она не имеет ярко выраженного центра влияния. Он рассредоточен среди многочисленных элементов, взаимодействующих в едином информационном пространстве. В этом пространстве ключевую роль стали играть телекоммуникационные сети, ИНТЕРНЕТ, другие СМИ. В качестве материальной основы сетевой демократии выступают государственные, межгосударственные, транснациональные, коммерческие и некоммерческие, неправительственные организации и фонды. Идеология и технология сетевого влияния разрабатывается всевозможными научно-исследовательскими институтами, структурами стратегического планирования, государственными спецслужбами и закулисными мозговыми центрами. Все они напрямую или опосредовано втянуты в обслуживание интересов «заказчика», финансирующего и координирующего их деятельность. В современных условиях глобализации сетевая демократия стала выступать основой сетевой власти глобальной империи в лице США. Это империя нового типа – империя эпохи глобализации и постмодерна. Она существенно отличается от известных истории классических империй, прежде всего, принципами и методами сетевого влияния на окружающий мир. «Планетарная сетевая власть, – как

¹ Даллес А. Послевоенная доктрина США // Армия. 1993. № 19. С. 31.

отмечает А. Дугин, – не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания – просто различные зоны включаются в общую систему ядерной безопасности, систему свободного рынка и беспрепятственной циркуляции информации»¹. Конечно, в своем влиянии на мир США не отказались от применения традиционной грубой военной силы, но приоритеты значительно изменились в пользу демократичной по форме, гибкой и более изощренной сетевой власти. Во многом, благодаря именно сетевой демократии и власти, США за последнюю четверть века подчинили своему влиянию по сути весь мир.

Третье. Целенаправленной деятельностью политтехнологов США и их союзников в последние годы демократия была превращена в особый атрибут «гибридной войны», развязанной Западом во многих уголках планеты. Интегрированность демократии в новый тип войн обусловлена принципиальным изменением целей, характера, содержания, способов, методов и средств их ведения. В отличие от традиционных войн прошлого, в которых главную роль играло вооруженное насилие и в которых демократии не было места, современные войны такие возможности для использования демократии создали. Демократия стала широко внедряться в «гибридную войну» потому, что «она ведется на ином качественном уровне, затрагивает помимо вооруженных сил и дипломатических каналов, информационную, социально-культурную, мировоззренческую, технологическую сферы, а также науку, психологию и внутренний мир человека – область духа и души»². Именно для такого типа войн демократия стала мощным оружием воздействия на противника для достижения своих целей. При этом в каждом отдельном случае ведения Западом «гибридной войны» демократии предавались различные функции. Диапазон этих функций достаточно широк – от дискредитации действующей власти и обоснования необходимости демократизации политических режимов в ходе «цветных революций» на Севере Африки, Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Украине – до прикрытия вооруженного вторжения в Ираке, Сирии, Ливии, Афганистане под видом борьбы с терроризмом или «гуманитарной» операции.

¹ Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора, 2007. С. 56.

² «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. С. 40.

Четвертое. Основной лейтмотив использования демократии в качестве инструмента реализации геополитических интересов Запада можно определить тезисом: «Борьба демократического Запада за установление демократии в остальном не демократическом мире». Преобразования всего мира на основе западных либерально-демократических ценностей означало бы «конец истории»¹, а на самом деле установление безраздельного глобального геополитического господства Запада. Основным геополитическим препятствием на пути всеобщей «демократизации» мира по западным, а точнее, по американским стандартам, оказалась Россия. Несмотря на коренные изменения, которые произошли в социально-экономических, политических и идеологических сферах нашей страны, она по-прежнему, как и Советский Союз объявляется глобальной угрозой «демократическому» Западу. Объяснение такому парадоксу следует искать в геополитическом контексте отношений Востока и Запада, Севера и Юга, Европы и Азии. Именно, уникальность «срединного»² евразийского геополитического положения нашей страны, позволяло во все времена сохранять глобальный баланс сил и противодействовать гегемонии откуда бы она не исходила. Вот почему, развернувшийся процесс «глобальной геополитической декомпозиции»³ однополярной архитектуры миропорядка, вызвал бурную антироссийскую реакцию Запада. К нашим границам стремительно продвигается военная инфраструктура НАТО, ширится гибридный набор уже развязанных против нас информационной, санкционной и других видов войн. Новый поход на Восток начался не спонтанно, а на основе, тщательно спланированной в аналитических центрах и штабах Вашингтона стратегии. Как показали события последних лет, основная ставка в новой стратегии США и Запада сделана на демократию и современные технологии ее использования в качестве инструмента достижения своих глобальных геополитических целей. Так, один из разработчиков данной стратегии известный геополитик З. Бжезинский, предложил целый континент – Европу рассматривать как «демократический плацдарм» для США. Он в частности писал: «Европа также служит трамплином для дальнейшего

¹ Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. М., 1994. С. 290-291.

² Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 295.

³ Купин В. Н. Глобальная геополитическая декомпозиция современного мира и проблемы национальной безопасности России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 215–221.

продвижения демократии в глубь Евразии»¹. Рассматривая Россию, как главную цель американской стратегии «демократического» наступления на Евразию, особое место отводится в ней и Украине. «Украина новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, – по оценке З. Бжезинского, – является геополитическим центром, потому, что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию»². Последующие кровавые события на Украине показали какой высокой ценой оплачена такая «демократическая» трансформация в угоду стратегам глобальной геополитики.

Пятое. Обновление демократии будущего неизбежно связано с ее конверсией в направлении восстановления базовых подлинно демократических ценностей. Это будет сложный и длительный процесс отделение демократии от многочисленных демократических клонов, отпочковавшихся от демократии и сохранивших лишь ее формальные признаки. Предстоит решительное размежевание с новыми манипулятивными технологиями, такими как, например, «Окно возможностей» Джозефа Овертона или технология «Мирного протеста и смещения легитимной власти» Джина Шарпа. Трудность борьбы с подобными рода демократическими фейками состоит в том, что они тщательно маскируясь под демократию и опираясь на возможности новых информационных технологий, манипулируют сознанием широких слоев населения и, прежде всего, молодежи. В результате демократия превращается в охлократию, власть толпы, подобно «майданной демократии» на Украине, искусно направляемой в русло реализации интересов национальных и зарубежных олигархических кругов, ничего общего не имеющих с подлинными интересами народа. Есть ли пути выхода из такой тупиковой ситуации, в которую попала современная демократия? Многие эксперты и аналитики сходятся на том, что одним из важных путей возвращения народов и государств к подлинно демократическим основам в политической жизни – является путь расширения и совершенствования принципов прямой демократии. По мнению известного французского политолога, члена Национальной Ассамблеи Франции и Европейского парламента Ивана Бло «... прямая демократия привносит в механизм принятия политических решений больше

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 74.

² Там же. С. 61.

разумности. Именно поэтому у нее есть шансы в будущем распространяться повсюду, несмотря на противодействия олигархов, которые не хотят ни кому уступить даже частицу своей власти»¹.

Возрастание роли России в современном в мире во многом связан с тем, что она вступив на путь глубоких демократических преобразований, настойчиво и последовательно внедряет в практику международных отношений подлинно демократические принципы. Благодаря усилиям России и наших союзников уже проявляются контуры многополярной геополитической системы мироустройства, в основу которой закладываются принципы справедливости, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества.

¹ *Бло И.* Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. М.: Книжный мир, 2015. С. 192.

Маковский А.А. (Саратов)

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация: в статье представлено современное состояние исследования государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. В работе выделены научные школы, занимающиеся проблематикой взаимодействия политических и религиозных структур, вероисповедной политикой, влиянием религий на политическую сферу, а также сложившиеся научные новации в данной проблематике. На основе анализа научных текстов, систематизации составлен наиболее полный научный массив в области исследования государственно-конфессиональных отношений в политическом процессе современной России.

Ключевые слова: политология, государственно-конфессиональные отношения, отношения между церковью и государством, политика по отношению к религии, политика церкви.

Религиозный ренессанс в России способствовал постсекуляризации общества, появлению религиозных субъектов политического процесса, формированию как на федеральном, так и региональном уровне различных моделей взаимодействий государственных и вероисповедных структур. Государственно-конфессиональные отношения, несмотря на богатый отечественный опыт, в постсоветский период стали новым элементом в политических системах регионов РФ, что актуализировало всестороннее и полное их исследование.

Основной научной школой в области анализа государственно-конфессиональных отношений является Кафедра государственно-конфессиональных отношений при РАНХиГС при Президенте РФ – старейшее в Российской Федерации и на пост-советском пространстве академическое подразделение, обеспечивающее научно-мето-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389.

дологическое и информационно-аналитическое сопровождение и координацию деятельности органов власти во взаимоотношениях с религиозными организациями и ведомственными структурами, ведущее подготовку, переподготовку и повышение квалификации их сотрудников и заинтересованных организаций.

Создание кафедры государственно-конфессиональных отношений было вызвано осознанием возросшей роли религии и религиозных объединений в жизни общества, необходимостью научного обоснования политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания и подготовки высококвалифицированных кадров для обеспечения этой политики. Сегодня кафедра объединяет ведущих ученых в области государственно-конфессиональных отношений: Кравчук В.В., заведующая кафедрой государственно-конфессиональных отношений, Пинкевич В.К., Ситников А.В., Сторчак В.М., Шахов М.О., Шмидт В.В.¹

Основу исследования государственно-конфессиональных отношений составляют работы, посвященные исследованию государственно-конфессиональных взаимодействий на общероссийском уровне. Среди современных авторов особый интерес вызывают труды А.В. Логинова², в которых через цивилизационную парадигму раскрыт генезис государственно-вероисповедных отношений, влияние религий на формирование отечественной политической системы, представлены общие контуры российской модели институциональных взаимодействий. Исследователь достаточно полно описал развитие властных институциональных систем имперской и советской России, отвечающих за регулирование религиозного вопроса.

Подробный политический анализ различных аспектов государственно-конфессиональных отношений представлен в работах В.С. Слобожниковой³. В публикациях автора проанализированы

¹ Сайт РАНХиГС. URL: <http://igsu.ranepa.ru/unit/u1759/u1466/u1565/> (дата обращения: 12.01.2019)

² См.: Логинов А. В. Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. М., 2005; Логинов А. В. Государственно-церковные отношения: (политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006.

³ См., например: Slobozhnikova V. The Religious Factor in Party Creation of Modern Russia // Politics and Religion Journal (PRJ). 2016. Vol. 10. No. 1. Religion and Politics in Russia. p. 19–42; Слобожникова В. С. Корректировка государственно-конфессиональных отношений в 2016 году // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 197–203; Слобожникова В. С. Официальная власть и государственно-конфессиональные отношения в современной России // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 21–22 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 457–459; Слобожникова В. С. Религиозность как политический ресурс

такие элементы проблематики, как особенности религиозного мировоззрения граждан России, институциональное оформление государственных органов власти и управления, религиозных организаций, властная позиция в вопросе взаимодействия с религиозными институтами, особенности нормативно-правового закрепления государственно-конфессиональных отношений, влияние религиозных практик на политический процесс.

В трудах М.М. Мchedловой¹ представлен анализ такого общероссийского явления, как «религиозный ренессанс», и его особенностей в России, который стал непосредственно толчком для развития государственно-конфессиональных взаимодействий в постсоветский период. В своих многочисленных работах автор раскрывает значение религиозного фактора во внутренней политике России и ее социальной трансформации, анализирует религиозные механизмы влияния в публичном пространстве, особенности формирования в России религиозной идентичности.

Целая плеяда российских ученых: Е.В. Безвизонная, О.Ю. Васильева, А.Н. Волина, Н.В. Володина, М.Л. Воронкова, И.Н. Гукова, Ю. Дмитриев, А.В. Зайцев, М.А. Куцая, А.В. Кардашевский, И.В. Кудряшева, В.А. Кузнецова, Р.Н. Лукин, И.И. Маслова, В.А. Матвиенко, И.Л. Мерзляков, Е.М. Мирошникова, Ф.Г. Овсиенко, К.Н. Радченко, Н.А. Трофимчук, Ж.Т. Тощенко, Д.А. Узланер, Д.Р. Яворский – рассматривают взаимодействия государства и религиозных объединений как институтов гражданского общества. Исследователи придерживаются позиции, согласно которой «гражданское общество» отделено от «государства», поэтому современные субъекты государственно-конфессиональных отношений автономны, а по-

российского государства // Политическая наука: науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; ред. Е. Ю. Мелешкина. М., 2013. № 2. С. 165–176.

¹ См., например: *Мchedлова М. М. Роль религиозного фактора в социальной трансформации в России* // (Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н.) *Россия реформирующаяся : ежегодник [сборник научных статей]* / отв. ред. М.К. Горшков; М., 2016. С. 468–495; *Мchedлова М. М. Возвращение религии или Новый мир: в поисках объяснения* // Политическая наука. 2013. № 2. С. 25–48; *Мchedлова М. М. Государство и религиозные организации: приоритетные сферы сотрудничества* // 25 лет по пути свободы совести: материалы научно-практической конференции. М., С.178–187; *Мchedлова М. М. Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: диссертация ... д-ра полит. наук. М., 2011; Мchedлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность и политические трансформации в современном мире* // Политическая идентичность и политика идентичности / отв. ред. И.С. Семененко). М., 2012. С. 132–155.

литическая практика исключает клерикализацию публичного пространства.

Отдельным блоком можно выделить работы В.Ю. Бирюкова, С.А. Бурьянова, М.В. Игнатьева, И.А. Куницына, А.Ф. Мещеряковой, И.В. Понкина, А.В. Пчелинцева, О.В. Резниченко, П.Е. Суслонова, М.О. Шахова. В них с политико-правовой точки зрения исследуется деятельность органов государственной власти, направленная на регулирование религиозной составляющей публичного пространства. Для данного политического процесса в научной литературе используются различные термины, но большинство исследователей склоняются к формулировке «вероисповедная политика», обращая внимание на объект государственного воздействия (вероисповедная практика религиозных объединений).

Также мы выделяем работы, в которых представлено относительно новое направление в отечественной политической науке – исследование сотрудничества между органами государственной власти и религиозными объединениями. Так, В.Э. Багдасарян, И.В. Бобров, В.П. Ключев, Р.О. Поплавский, В.В. Симонов, В.М. Сторчак, С.С. Сулакшин, М.С. Черепанов, В.И. Якунин выделяют из социального партнерства государства с «третьим сектором» отдельно религиозный компонент, который обладает своей спецификой и особенностями в силу светскости политического режима государства. Сотрудничество между властными и религиозными институтами в отечественной литературе представлено как новая форма вероисповедной политики, отдельный элемент взаимодействия, один из способов влияния религий на политическую сферу.

В исследованиях А.В. Исаева, А.И. Мачкасова, А.В. Паршкова социально-политическое партнерство раскрыто через конкретные примеры и проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви Московского Патриархата (далее – РПЦ МП) с федеральными органами государственной власти и управления, правоохранительными структурами и Министерством обороны РФ. За период «новой» России сложился научный задел, в котором рассматриваются государственно-конфессиональные отношения в регионах России. Работы А.Г. Гончарука, Е.С. Сусловой направлены на философское осмысление переплетений государственного и религиозного в региональном политическом пространстве, в них представлены наиболее общие вопросы государственно-конфессиональных взаимодействий, а также этноконфессиональная специфика субъектов РФ.

Современные исследователи В.В. Алпатова, И. Бабич, Е.В. Бабошина, Н.А. Барышная, Е.М. Бежан, М.И. Безбородов, И.Ф. Верещагин, В.А. Глотова, В.С. Дрегалов, Е.М. Дринова, Е.Е. Жеребятьев, В.А. Зверева, С.И. Ильинский, А.И. Кольба, С.А. Панкратов, М.А. Пегашева, Е.Б. Поканинова, М.С. Топчиев, М.Х. Фарукшин, И. Яблоков раскрыли такие аспекты региональных государственно-конфессиональных отношений, как история взаимодействий, нормативно-правовое регулирование, общественно-культурная значимость, основы становления региональных взаимосвязей, специфика вероисповедной политики на региональном уровне.

Следует отметить Саратовскую научную школу политической регионалистики. Так, этноконфессиональный и миграционный фактор в региональном политическом пространстве рассмотрен в работах А.А. Вилкова, Е.С. Дорофеевой, О.А. Лиценбергер, Л.В. Логиновой, Н.В. Семенова¹. На примере Саратовской области ими проанализирована динамика этноконфессиональной структуры населения, ключевые причины возникновения конфликтов в данной сфере, основные направления их политического регулирования и предупреждения.

В работах А.Ф. Бичехвоста, В.М. Долгова, Г.Н. Долговой И.Н. Коновалова, В.А. Труханова, А.Г. Чернышова, О.Н. Фомина² представлена

¹ См., например: *Вилков А. А.* Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // *Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология.* 2016. № 1. С. 55–61; *Дорофеева Е. С.* Политика межкультурного взаимодействия в современной России // *Четверть века политической науки в российской провинции: сб. науч. трудов.* Саратов, 2015. С. 36–38; *Лиценбергер О. А.* Миграция и этнические стереотипы (по материалам социологического исследования в Саратовской области) // *Вестник ПАГС.* 2014. № 7. С. 69–74; *Лиценбергер О. А.* Национальная политика в муниципальных образованиях Саратовской области // *Этнопанорама.* 2016. № 3-4. С. 11–28; *Лиценбергер О. А., Семенов Н. В.* Этноконфессиональная ситуация в региональном политическом пространстве, экспертная оценка (Саратовская область) // *Вестник российской нации.* 2009. № 5. С. 144–161; *Логинова Л. В.* Миграционные процессы в современной России: вызовы и тенденции XXI века // *Россия–СССР–РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: материалы международной научной конференции.* 26–27 мая 2016 г. Саратов, 2016. С.107–112.

² См., например: *Бичехвост А. Ф., Дорофеева Е. С., Логинова Л. В. и др.* Этнонациональные процессы в политическом пространстве региона: проблемы и тенденции развития / под ред. А. Ф. Бичехвоста, Л. В. Логиновой. Саратов, 2015; *Долгов В. М.* Политическая наука в Саратовской области // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология.* 2005. Вып. 1/2. С. 55–59; *Долгов В. М., Долгова Г. Н.* Региональная политика: теоретические модели и современная практика России // *Вестник Поволжского института управления.* 2015. № 6 (51). С. 35–40; *Коновалов И. Н., Труханов В. А.* Раздел 1. Политическая регионалистика // *Современная российская политическая регионалистика и этнополитика сквозь призму понятий / [Е. С. Дорофеева, И. Н. Коновалов,*

специфика формирования регионального политического процесса в условиях современной России. Саратовскими исследователями Е.Е. Бочаровой, А.В. Кузьминым, С.В. Самсоновым, В.В. Семеновым, В.С. Слобожниковой¹ проанализированы такие аспекты регионального политического процесса, как формы государственно-конфессионального сотрудничества, властный институциональный потенциал в разрешении межконфессиональных конфликтов, участие исламских организаций в публичной сфере, противодействие деструктивным религиозным группам.

Анализ состояния научной разработанности проблемы государственно-конфессиональных отношений выявил несколько тенденций. Во-первых, Московской научной школой сформулированы основные положения в области взаимодействия властных и религиозных структур. Во-вторых, научный интерес к проблеме государственно-конфессиональных отношений сместился из центра в регионы России, где происходит активное изучение социально-политического партнерства, вероисповедной политики, механизмов лоббирования религиозными организациями своих интересов.

В. С. Слобожникова, В. А. Труханов]; под ред. В. С. Слобожниковой. Саратов, 2013. С. 7–75; Фомин О. Н. Политические механизмы в зонах социальной конвергенции. Саратов, 2002; Чернышов А. Г. Политическая наука, общество и власть: в тисках прежних стереотипов и новых вызовов // Власть. 2015. № 9. С. 73–77.

¹ См., напр.: Бочарова Е. Е. Этническая и гражданская идентичность личности представителей разных этногрупп // Известия Саратовского университета. 2014. № 3. Т. 3. С. 277–281; Кузьмин А. В. Феномен деструктивности новых религиозных движений: дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2009; Самсонов С. В. Духовно-нравственное воспитание обучающихся через потенциал православной культуры (на примере Саратовской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 3. Т. 8. С. 196–200; Семенов В. В. Ислам в Саратовской области. М., 2007; Слобожникова В. С. Властный институциональный потенциал разрешения религиозных противоречий в Саратовской области // Право и его реализация в XXI веке: сб. науч. тр. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 29–30 сентября 2011 г.): в 2 ч. / под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов, 2011. Ч. 2. С. 130–131.

Труханов В.А. (Саратов)

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема использования в политической теории понятийного аппарата смежных наук, в данном случае теории национальной безопасности. Делается вывод, что такое понятие как «национальная безопасность» имеет полное право использоваться в политической теории.*

Ключевые слова: *политическая теория, теория национальной безопасности, национальная безопасность, понятийный аппарат науки*

Институализировавшаяся в конце 80-х годов российская политическая наука, во многом заимствовала из западной теории, как понятийный аппарат, так и методологию. В настоящее время можно говорить о вполне сформировавшейся российской политической науке, которая не останавливается в своем развитии, а продолжает эволюционировать, в том числе и за счет смежных наук. Это в полной мере относится к теории национальной безопасности, откуда в политическую науку пришли, в том числе и различные понятия и категории. Все чаще, говоря о политическом процессе, политологи употребляют такие категории, как: «опасность», «безопасность», «национальная безопасность», «риски», «вызовы», «скрытая угроза», «национальная оборона», «военная мощь», «военная сила» и т.п.

Говоря об этих категориях, есть смысл остановиться более подробно на сущности понятия «национальная безопасность», наиболее часто употребляемое в политологическом дискурсе, тем более что периодическое уточнение научных категорий и дефиниций только повышает качество теории. Особенно это важно в политической теории, так как многие термины, ставшие общеупотребительными и понятными, на самом деле являются искусственными

и субъективистскими. Это касается, например, таких терминов как развитой социализм или развитое политическое мышление, пришедшие в политический лексикон в 80-ые годы прошлого столетия.

История использования термина «национальная безопасность» уходит своими истоками к началу прошлого века и считается, что впервые это словосочетание употребил в политическом лексиконе американский президент Теодор Рузвельт. С того времени практическое применение этого термина и теоретические исследования, предметом которых являлась данная категория, достаточно широко и всесторонне раскрыли значимость национальной безопасности, как для политической реальности, так и для политической науки.

В нашей стране активное использование этой категории началось в начале 90-х годов прошлого века и сопровождалось это серьезной полемикой по поводу сущностного содержания и правомерности ее использования в отечественной политической практике. Здесь налицо расхождение точек зрения на использование категории «национальная безопасность» у политиков и ученых. Если власть уже однозначно определилась с сущностью термина «национальная безопасность», то в ученном сообществе до сих пор нет единого мнения по сущностному содержанию данного понятия.

В связи с этим рассмотрим эволюцию теоретических подходов и мнений развернувшихся на этот счет с начала 90-х годов прошлого столетия в отечественном гуманитарном дискурсе. Следует сразу подчеркнуть, что сформулировать определение национальной безопасности крайне сложно ввиду разнородности и трудносопоставимости теоретических подходов к данной категории.

Одни исследователи понимают безопасность как защищенность среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом¹.

Другие – как деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития².

¹ Митрохин В. И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России//Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 23.

² Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н. и др. Безопасность России и армия. М.: РАН, 1995. С. 63.

Достаточно часто национальная безопасность рассматривается как функционирование определенной системы. Система национальной безопасности представляет собой, по сути, разновидность социальной системы, сущность которой наиболее полно отражается в следующем определении: система – это комплекс взаимосвязанных элементов, предназначенных для достижения общей цели¹.

Используя методологический подход Д. Истона, можно сказать, что с данной точки зрения национальная безопасность будет рассматриваться как совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды.

По существу системный подход сводится к требованию всесторонности, комплексности исследования любого объекта или явления. При этом комплексность системного подхода проявляется в том, что наряду с рассмотрением системы как единого целого, т.е. комплексно, учитываются как положительные, так и отрицательные ее свойства или комплекс свойств, все ее связи и взаимодействия с окружающей средой, а также все возможные последствия ее целевого функционирования.

Именно с точки зрения системного подхода высвечивается специфичность проблемы, когда качество политической системы зависит от ее способности нейтрализовать риски, если такая зависимость политической системы от рисков существует, то снижается ее эффективность.

Анализируя различные подходы к определению «национальная безопасность», автор считает, что целесообразно и даже необходимо рассматривать национальную безопасность в многообразии методологических подходов, выбор которых зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь.

Важная исходная позиция для определения сущности безопасности была высказана более 130 лет назад В.И. Далем. В его словаре понятие «безопасность» определено как отсутствие опасности, сохранность, надежность². В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение: «безопасность – положение, при котором не угрожает опасность»³.

В СССР и в РФ в существующих подходах до 1992 года безопасность личности, общества была подчинена в основном безопасно-

¹ Методология военно-научного познания. М., 1977. С. 363.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М. 1989. Т. 1. С. 67.

³ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка М.: Русский язык, 1983. С. 39.

сти государства. Встав на путь демократического транзита, Россия была вынуждена пересмотреть и мировоззренческий подход к безопасности личности, общества и государства: вернуться к безопасности личности как основополагающей составляющей триады объектов национальной безопасности. Это положение было зафиксировано в новой Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹.

В постсоветской России официально понятие безопасности было предпринято в Законе Российской Федерации «О безопасности», введенном в действие Постановлением Верховного Совета 5 марта 1992 года. Статья 1 этого закона определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»².

Такой подход позволил отойти от прежней, узкой трактовки безопасности, под которой понималась исключительно государственная безопасность. Автор обращает внимание на последовательность приоритетов объектов защиты, с которой нельзя не согласиться, – от индивидуума, через социум и до инструмента политической системы – государства. Таким образом, Закон закрепил принципиально новый для нашей страны качественный скачок в подходе к проблеме безопасности, что проявилось в приоритете, прежде всего, интересов личности и общества. По своему содержанию понятие «безопасность», описанное в Законе, более соответствует принятому в мировой практике термину «национальная безопасность».

Применительно к России термин «национальная безопасность» охватывает всю совокупность входящих в нее наций и национальных групп. Что было закреплено законодательно в Концепции национальной безопасности РФ: «национальная безопасность Российской Федерации это безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»³, отмененной Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 5.

² Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (в ред. от 26 июня 2008 г.) (дата обращения: 22.08.2018).

³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 2000. № 1 (174). 14–20 января.

Рассматривая официальную трактовку понятия национальная безопасность, автор считает, что теоретически необоснованным является представлять национальную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹. Так как понятие безопасность рассматривается, как защищенность объектов от каких-либо возможностей нанесения ущерба. Недостаточность такого определения заключена еще и в том, что защищенность это то состояние, которое возникло уже после совершения какого либо действия. В данном случае после нейтрализации угрозы, опасности. И это лишь один из вариантов реагирования на угрозу, которую можно и избежать, сохраняя при этом способность защищаться в активной форме.

Безопасность это также и свойство любой системы, объекта, условие их существования и развития, это и процесс, и результат самой деятельности, предполагающей ее осмысленность с точки зрения приемлемого риска. Становится ясным, что официальная трактовка понятия «безопасность» является не достаточно полной, в силу того, что, отражает лишь ее качественную определенность, т.е. «состояние защищенности», а если его нет, то, следовательно, и нет безопасности.

Отсюда следует важный вывод: безопасность – не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность есть условия существования субъекта, контролируемые им. Безопасность, в общем виде, – есть специфическая совокупность условий деятельности. Именно поэтому говорят о «безопасных условиях деятельности», о нахождении кого-либо или чего-либо «в безопасных условиях» и т.д. Находиться в безопасности, – значит находиться в безопасных условиях, то есть в таких, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности

Автор считает, что, в качестве основы для раскрытия содержания безопасности важно рассматривать формулу Платона, считав-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2018).

шего, что состояние безопасности соответствует «предотвращение вреда»¹. Многие современные российские исследователи считают принципиально важным, чтобы при формировании и проведении в жизнь политики и стратегии национальной безопасности приоритет отдавался не состоянию защищенности, а последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов в обстановке различных опасностей и угроз². Данное положение важно также и тем, что приоритет функций реализации национальных интересов перед их защитой позволяет придать политике и стратегии национальной безопасности активность, наступательность, а значит и результативность.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает рассматривать национальную безопасность как «защиту национального бытия через реализацию национальных интересов, ценностей и целей»³. Российское национальное бытие отражает сложившееся понятие, вбирающее в себя социальные, духовные, культурные и психологические аспекты жизни многонационального населения в целом, его отдельных социальных и этнических групп, а так же семьи как первичной ячейки общества. «Бытие» как понятие отражает устойчивые, в определенном смысле консервативные элементы, изменение которых происходит эволюционным путем, на протяжении длительного периода и, даже переходя в новое качество они, эти элементы, по-прежнему тесно связаны с их прошлым содержанием, что делает их «узнаваемыми», отличительными и позволяет тем самым рассматривать их как сущностные характеристики всего процесса исторического развития страны.

Такая трактовка понятия «национальная безопасность» позволяет нам выделить два главных направления её обеспечения: а) активную защиту от угроз и опасностей; б) создание условий надежного существования и прогрессивного развития всего общества. Первое предполагает создание и функционирование системы противодействия адекватной угрозам и опасностям, второе – деятельность по созданию и накоплению материального, духовного и других потенциалов и их использованию для реализации национальных интересов.

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. М., 1971; Т. 3 ч. I.

² Манилов В. Л. Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6. С. 40.

³ Труханов В. А. Система национальной безопасности: влияние социального фактора (на примере казачества) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СГУ, 2003. С. 101.

Можно заключить, что качество каждого понятия проверяется в процессе его использования в политической практике, которая только может опровергнуть или подтвердить его научный статус. Так как политическая теория продолжает эволюционировать, то в настоящее время сложно предложить законченную систему категорий и понятий. Тем не менее, понятие «национальная безопасность» вполне может употребляться как понятие из смежной науки, которое позволяет относительно достоверно и объективно анализировать и оценивать политическую действительность.

Раздел 4.

ПРОГНОСТИКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

УДК 340.112

Ковалева Н.Н. (Саратов)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Аннотация: *цифровые технологии оказывают значительное влияние на модернизацию права. При проведении сравнительно-правового анализа можно сделать выводы о том, что процесс цифровизации охватывает все правовые системы: англосаксонскую, континентальную, мусульманскую и др. Результатом такого влияния является появление новых субъектов и объектов права, принципиально новых правовых отношений и отраслей права.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, государственное управление, информационное право, международная информационная безопасность, цифровизация экономики и права.*

Согласно опыту ведущих в сфере эффективности электронного управления стран перспективным является переход от модели «электронного правительства» к концепции правительства цифрового, связанного с коренным преобразованием всей структуры государственного управления. Здесь безусловно интересен опыт Германии, власти которой начали процедуру построения электронного правительства с обучения граждан и служащих основам работы в информационной среде, тем самым добившись повышения компьютерной грамотности и информационной культуры населения, а также Великобритании, где реализуется проект «Цифровая стратегия», поставивший перед органами управления цели максимальной ориентации на работу с гражданами посредством операций

с данными. В области цифровизации, вопросы обеспечения которой выходят на первое место в большинстве государств и международных организаций, можно констатировать тот факт, что направления обеспечения цифровизации экономики и всего общества в национальных законодательствах различных стран в целом похожи, однако поиск удачных юридических конструкций по регулированию этой сферы все еще далек от завершения.

Внедрение цифровизации государства позволяет повысить эффективность государственного управления по следующим направлениям: во-первых, экономятся финансовые ресурсы за счет замены бумажных носителей электронными (так, в 2001 г. в США тратилось более миллиарда долларов в год на публикацию ряда документов на бумаге, которые одновременно были представлены и в сети)¹; во-вторых, экономится время, обеспечивается доступ граждан к информации о деятельности государственных и муниципальных органов; в-третьих, населению предоставляется возможность непосредственно участвовать в принятии управленческих решений (например, в работе Открытого правительства, инициированного Д.А. Медведевым)²; в-четвертых, улучшается качество услуг, предоставляемых государственными органами; в-пятых, повышается уровень информированности населения³.

Однако проводимый Организацией Объединенных Наций обзор электронных правительств позволяет увидеть динамику Индекса развития электронного правительства (The UN E-Government Development Index(EGDI). Все страны, охваченные данным исследованием, ранжируются в рейтинге на основе взвешенного индекса оценок по трем основным составляющим: степень охвата и качество интернет-услуг, уровень развития ИКТ-инфраструктуры, человеческий капитал. Согласно обзору 2016 года, в списке лидеров по индексу EGDI следующие страны: первое место по уровню развития электронного правительства в этом году заняла Великобритания, сразу за ней – Австралия, лидер прошлых лет – Южная Корея – на 3 месте. США – на 12 месте общемирового рейтинга, Россия – на 35 позиции, Китай – 63, Узбекистан и Кыргызстан – на 80 и 97 позици-

¹ Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. 2-е изд., испр. М., 2001. С. 365.

² URL: <http://большоеправительство.рф/> (дата обращения: 25.02.2018).

³ Ковалева Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. С. 179.

ях соответственно¹. За счет системного подхода при формировании электронного правительства за период с 2008 по 2016 годы в рейтинге ООН по развитию электронного правительства Казахстан поднялся с 81 на 33 место².

Внедрение данных технологий в общественную жизнь зависит в основном от двух составляющих: наличие технологической инфраструктуры и достаточного нормативно-правового регулирования.

В РФ нормативное регулирование цифровизации государства, в настоящее время обусловлено следующими стратегическими документами: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы³, Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: утв. распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р⁴, Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и др.⁵

Как показывает анализ в РФ, был длительный период торможения развития технологической составляющей с точки зрения, объемов и качества строительства волоконно-оптических линий связи (ВОЛС), которые характеризуют степень развития страны в сфере, определяют предпосылки ее экономического развития. Возвращение в 2000 году к системе государственного регулирования в отношении ОАО «Ростелеком» и всего ОАО «Связьинвест» привело к 10-кратному сокращению объемов нового строительства. Старые, неэффективные, государственные формы управления операторами ВСС не замедлили сказаться: динамично развивающиеся, быстро догоняющие лучшие зарубежные операторские компании операторы ВСС стали вновь отставать. Это отставание в свою очередь является одним из препятствий развития экономики регионов России. Оставлять без широкополосного доступа к современным сетям свя-

¹ United Nations E-Government Survey 2016. United Nations, 2016.

² Койчубаев А. С., Жолдаспеков Ж. Р., Кажубаев С. С. О роли электронного правительства в повышении уровня легкости ведения бизнеса (опыт Казахстана) / Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-2. С. 136–139.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 03.05.2018).

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 46, ст. 6026; 2012. № 4, ст. 514.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1, ст. 216.

зи большую часть населённых пунктов России – значит оставлять их на дальнейшее прозябание¹.

В то же время при сравнении почему соседнее государство, находящееся примерно в таких же стартовых экономических условиях, что и Российская Федерация, по уровню развития технологий цифрового государства и экономики вырывается вперед, можно сделать следующие выводы.

Секрет именно в государственном подходе к организации и строительству магистральной инфраструктуры, путем, нормативно обусловленной передачей этих задач. Крупнейшим казахстанским структурам таким как «Казахтелеком» и KazTransCom². Главная трудность в соседнем государстве – это подключение на «последней миле». Последняя миля – это канал связи, который соединяет последний сетевой узел провайдера и конечное оборудование клиента³.

В России же вопрос с «последней милей» решается, есть даже нормативное определение данного термина⁴. Однако с магистральной инфраструктурой есть существенные недоработки, которые тормозят реализацию заложенных стратегическими федеральными документами пути развития нашей страны.

Эффективное информационное обеспечение государственного управления создает возможности для реализации технологий электронного государства, которое, в свою очередь, определяет развитие информационного общества. От качества информационного обеспечения зависит обоснованность принимаемых решений и эффективность функционирования системы государственного управления. Высококачественным информационное обеспечение будет только при условии создания четкой, иерархично-организованной системы управления им. Организовать такую систему управления возможно при условии использования опыта государственного строительства в России и за рубежом.

Следует подчеркнуть, что особое место в механизме цифровизации государственного управления занимает государственный

¹ Спиридонов В. Н. Особенности строительства ВОЛС в России / Lightwave R. E. № 1. 2004. С. 29–32.

² Калабин В. Телекоммуникационная паутина . URL: <http://expert.ru/kazakhstan/2011/05/telekommunikatsionnaya-pautina/> ; <https://www.zakon.kz/115818-vnezony-dostupa.-v-kazakhstane-reshit.html> (дата обращения: 07.05.2018).

³ URL: <http://nastroisam.ru/last-mile-telecom/> (дата обращения: 07.05.2018).

⁴ Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 13, ст. 1177; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 29.12.2017. № 0001201712290030.

информационный контроль, который существовал и продолжает существовать во всех известных истории типах и видах государств, включая античные полисы, феодальные республики, тоталитарные режимы и современные демократии Запада. Более того, тот хорошо известный факт, что именно «государство, а не предприниматель-новатор в своем гараже как в Америке, так и во всем мире было инициатором информационно-технологической революции»¹, явился, по крайней мере, отчасти следствием настойчивых усилий государства сделать свой контроль над информацией если не монопольным, то эффективным. Признание необходимости его существования, равно как и повышения качества информационного обеспечения политики государства, не является ни данью отечественной «имперско-державной традиции», ни уступкой западному этатизму. Информационный контроль – такая же имманентная составляющая государственной деятельности, как взимание налогов или оборона страны. Суть здесь заключается не в самом факте государственного контроля над информационной деятельностью, а в качестве, методах и формах обеспечения информационной политики государства.

Государственное регулирование использования информационных технологий в политической деятельности государства, включая и его контроль над информацией, неизменно входит в любой известный истории «набор» этих средств, является важным (а при умелом использовании и очень эффективным) инструментом проведения внешней политики. Даже кардинальные перемены в формах и способах осуществления государственной власти – изменения политического режима, смена способов формирования и ротации политической элиты, а также ее состава, перестройка механизмов выработки и проведения государственной политики – не отменяют государственного информационного контроля. Однако любое из перечисленных и многие другие обстоятельства могут изменить методы его осуществления. Правильное понимание роли и места государства в информационной сфере общественных отношений или (что, конечно, не одно и то же) в информационном обществе дает возможность оценить пер-

¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. И. О. Шкаратана. М., 2000. С. 75; см. также: *Castells M.* The state and Technology: Policy: A Comparative Anlysis of U. S. Strategic Defense Initiative, Informatics Policy in Brasil, and Electronics Policy in China. Berkeley, 1988.

спективы его информационной деятельности внутри страны и за рубежом¹.

Выработка эффективной стратегии цифровизации внешнеполитической деятельности РФ – проблема сложная, требующая анализа системы политических, управленческих, информационных и многих других отношений внутри российского социума, не говоря уже о его взаимодействии с другими факторами мировой политики. Важнейшее значение при этом имеет политическое решение о выборе стратегии, определении ее общей направленности, обеспечивающей как возможно более полное достижение поставленных целей, так и информационную безопасность внешнеполитической деятельности.

Анализируя ситуацию этого выбора, В.А. Садовничий формулирует две возможных стратегии: 1) стратегия реакции на события, факты или угрозы и минимизации их негативных последствий; 2) стратегия упреждающего контрдействия. Оценивая их эффективность, он подчеркивает, что «обе стратегии взаимно дополняемы. У каждой есть свои основания. Какой бы плотной ни была сеть противодействия, предупреждения, устрашения – будут возникать как предпосылки, так и нарушения информационной безопасности. Следовательно, необходима адекватная реакция на них. Вместе с тем, наличие упреждающих мер существенно повышает надежность всей системы безопасности. Средства, затраченные на развертывание упреждающих действий, на порядок ниже тех расходов, которые идут на устранение причин и последствий нарушений информационной безопасности»² Применительно к рассматриваемой теме эти суждения означают, что стратегия информационного обеспечения внешнеполитической деятельности России не должна носить исключительно оборонительный характер и не может быть направлена только на защиту информационной безопасности. Наряду с защитой информационная стратегия должна предусматривать возможность активных наступательных действий, задавать ориентиры при проведении информационных акций, способствующих успеху

¹ См.: *Фельдман Д. М.* Стратегии информационного обеспечения внешнеполитической деятельности Российской Федерации в условиях глобализации. Человек и современный мир. М., 2002. С. 146–155.

² *Садовничий В. А.* Информационная безопасность: новые угрозы мировому сообществу // Глобальная информатизация и безопасность России: к 250-летию Московского университета. М., 2001. С. 9.

нашего государства в политическом противоборстве и сотрудничестве на мировой арене. Именно этот успех в конечном счете служит мерилom эффективности стратегии информационного обеспечения внешнеполитической деятельности Российской Федерации.

Предлагаемый подход к выработке стратегии цифровизации внешнеполитической деятельности Российской Федерации и оценке ее эффективности, насколько известно, не вызывает принципиальных возражений у отечественных исследователей, специалистов, работающих над решением многообразных задач, возникающих в этой области. Однако конкретные пути достижения стратегических целей, практические шаги по их реализации, место и последовательность проведения тех или иных акций на мировой арене вызывают оживленную дискуссию¹. Так, видный специалист по ведению информационного противоборства в политической и военной сферах И.Н. Панарин, рассматривая основные направления деятельности органов государственной власти России во внешней политике, исходит из того, что «Европа готова к сближению с Россией, но сближение должно быть прежде всего информационным, а затем экономическим». При этом он считает, что необходима срочная, но «постепенная информационная интеграция России и европейских стран, прежде всего с Германией, Австрией, Францией. Это должно произойти к 2002 году». Следующие вехи на этом пути И.Н. Панарин видит так: «2002–2004 годы – информационная интеграция с Италией, Швейцарией, Грецией, Финляндией; 2005 год – создание Европейской единой интегрированной информационной сети..., 2010 год – Единое европейское информационное сообщество»². В противоположность этому другие аналитики указывают, что участие в международной интеграции «путем попыток жить на равных с богатыми странами можно, только принеся в жертву часть экономической и политической независимости». Отмечая, что «Россия серьезно отстала от мировой цивилизации – технически, инфраструктурно, экологически, социально, информационно», они подчеркивают, что «для того же, чтобы войти в клуб влиятельных богачей на равноправной основе, необходимо поднять технологический уровень российской промышленности до мирового, а также значительно поднять уровень

¹ См.: Фельдман Д. М. Указ. раб. С. 146–155.

² Панарин И. Н. Информационная война и Россия. М., 2000. С. 143.

и качество жизни»¹. Отсюда следует, что для выработки и реализации эффективной государственной стратегии информационного обеспечения внешней политики Российской Федерации сегодня необходимы как специальная разработка широкого спектра научных проблем информационной деятельности государства, так и ясное понимание значения активного, целенаправленного информационного воздействия на общество в целях повышения уровня его гражданских и духовных потребностей и запросов².

Совершенно ясно, что цифровая основа развития нашей страны может сыграть свою выдающуюся роль только в условиях совершенной цифровой инфраструктуры. Для ее создания, внедрения и придания ей роли эффективного средства реализации задач, стоящих перед нашим государством и обществом, прежде всего, необходимо развивать право в направлении формирования новых отраслей. Так информационное право появилось в Номенклатуре научных специальностей в России в 2002 году, а с 2012 года выделено в отдельную научную специальность – 12.00.134 – Информационное право. На современном этапе многие ученые начинают говорить о возможности развития цифрового права: «В современных обстоятельствах прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации. Подобно тому, как правила дорожного движения, рассчитанные на регулирование езды на лошадях, сменились правилами автомобильного движения, правилами авиаперевозок и космических полетов, так и сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта»³.

В то же время, можно засвидетельствовать, что у вполне оформившегося информационного права, в силу его комплексности появилась функция посредника, оно способно «связывать» публичное и частное право. Выполняя связующую роль, информационное право катализирует эволюцию системы законодательства в целом. Выступая катализатором процессов публикации и приватизации

¹ Илларионов С. И., Никулина О. В., Рукосуев Г. Н. Безопасность России. М., 1999. С. 100.

² См.: Фельдман Д. М. Указ. раб. С. 162.

³ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. № 7578.

права, оно одновременно способствует балансу публичного и частного права¹. Таким образом, общемировой тенденцией является цифровизации всех общественных процессов, в том числе права, результатом цифровизации становится появление принципиально новых субъектов и объектов права: виртуальное лицо, виртуальная собственность, криптовалюты, технологии блокчейн, кибербезопасность и многие другие. Что, в свою очередь, расширяет возможности правовой трансформации по пути создания новых отраслей права, среди которых можно выделить информационное право, цифровое право. В то же время, цифровое право по сути является продолжением информационного права и может развиваться в рамках подотрасли информационного права.

¹ См.: Бачило И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. М., 2012. С. 240–2414; См.: Талапина Э. В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 16; Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 6-17.

Николайченко О.В. (Саратов)

ЭВОЛЮТИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ПРАВОСУДИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: *новым вызовом современности стало эволютивное толкование права, которое набирает все большую популярность в правоприменительной деятельности судов. Причины этому разные, начиная от несовершенства и пробельности действующего законодательства, и заканчивая недостаточной научной обоснованности эволютивного толкования права*

Ключевые слова: *эволютивное толкование права, усмотрение судьи; аналогия права; аналогия закона; исполнение судом процессуальных обязанностей; суд; судебная практика.*

Уникальным методом развития современного российского права является его эволютивное толкование, сущность которого состоит в том, что при его применении содержание правовой нормы раскрывается в новых гранях. Толкователь обнаруживает при таком толковании иной смысл, соответствующий современным представлениями о действующем (весьма динамичном) правопорядке и нравственности, уровню экономического развития общества и достижениям современной, особенно юридической, науки. Эволютивное толкование свойственно в основном правоприменителям, которые консолидируют свою деятельность на защите нарушенных прав, свобод и охраняемых законов интересов. Проблемой, которую все чаще обнаруживают ученые, анализируя достижения теоретического правоведения и проблемные вопросы правоприменения, является несоответствие концептуальных основ, предложенных законодателем, и конечного результата, выразившего в принятии итогового акта, самым непосредственным образом затрагивающим незыблемо-гарантированные права человека.

Безусловно, правовой инструментарий и фактические обстоятельства определяют результаты судебного разбирательства,

но именно свобода усмотрения судьи, разрешающего гражданско-правовой спор, является определяющим в вынесении итогового судебного акта. Особенностью реализации судебного усмотрения является то, что не все жизненные ситуации могут быть урегулированы конкретными нормами закона. Это связано, как правило, с широким объемом общественных отношений, требующих законодательного регулирования, и с появлением новых имущественных отношений в результате постоянного развития общества и, как следствие, расширением материального субъективного права лица. И здесь неотъемлемым компонентом в принятии правильного законного судебного акта выступает усмотрение, предопределяющее возможность выбора судом одного из нескольких альтернативных решений. Именно этот признак определяет наличие и роль свободы в правоприменительном аспекте деятельности суда. Для разрешения спора, урегулированного только общими нормами, суд должен применять собственные знания и опыт, то есть действовать по своему усмотрению, чтобы «конкретизировать абстрактные нормы для применения к частным случаям»¹.

Трудности научно-организационного характера, невозможность провести исследование «успешного» и «неуспешного» судебного усмотрения в силу специфики этого явления и влияния личного фактора заставили ученых искать выход из, казалось бы, тупиковой ситуации, обращаясь к анализу правовых норм, регламентирующих институты аналогии права и аналогии закона.

Несмотря на сложность и многогранность понятий аналогия права и аналогия закона, ни у кого не вызывает сомнения их существование. Более того, российский законодатель, предотвращая смысловую путаницу раскрывает их сущность в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ. В этой связи методологически оправданно сразу перейти к соотношению аналогии права и аналогии закона с судебным усмотрением.

В процессуальной науке сформировалось несколько позиций относительно связи судебного усмотрения и аналогии права и закона. Согласно первой точке зрения, аналогия не зависит от судебного усмотрения. А.Т. Боннер объясняет это так: «Разрешение дела на основании аналогии закона или права не может быть признано формой судебного усмотрения, так как здесь отсутствует какая-либо свобода при выборе вариантов решения. В этом случае суд должен

¹ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Изд. 2-е, перераб. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1917. С. 139.

реализовать закон, регулирующий спорные правоотношения»¹. Таким образом, в случае аналогии права или закона суд должен руководствоваться законодательно установленной нормой, применение которой является единственно верным при вынесении судебного акта. Однако такое положение подразумевает дела, где есть явное сходство отношений. В иных же случаях суд должен самостоятельно определить, признаки какой нормы больше всего свидетельствуют о сходстве с признаками рассматриваемого отношения.

Исполняя обязанности по уточнению фактических обстоятельств и определению закона, которым следует руководствоваться при разрешении гражданского дела и установлению правоотношению сторон, судья реализует субъективное усмотрение еще до того момента как придет к необходимости применения аналогии закона в случае отсутствия необходимой правовой нормы.

Если рассматривать применение аналогии исключительно как творческий процесс, то есть целиком зависимый от знаний, опыта, компетентности судьи, это может привести к судебному произволу, так как нельзя будет указать на неверное принятие решения. Поэтому, если исходить из того, что суд, используя аналогию, несвободен, а его деятельность сводится к применению исключительно логических конструкций для выявления единственно верного решения, то судебное усмотрение не связано с аналогией. Если же суд свободен в выборе схожих отношений, а процесс установления связи между ними считается творческим и ситуативным, то аналогия может считаться формой судебного усмотрения.

Особое внимание следует обратить на то, чем именно ограничен суд, применяя аналогию права. Если применяется аналогия гражданского процессуального права в соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, то суд должен исходить из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации. Если же применяется аналогия гражданского права (ч. 3 ст. 11 ГПК РФ), то суд ограничен общими началами и смыслом законодательства. Но эти ограничения имеют размытую границу, так как нельзя однозначно определить, что законодатель понимает под терминами «общие начала» и «смысл законодательства». Применимо к аналогии гражданского процессуального права проблема также остается открытой, ведь существует несколько способов закрепления принципов: текстуальный, когда принцип непо-

¹ Боннер А. Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 37.

средственно закрепен, и смысловой, когда содержание принципа выводится из ряда норм. Наиболее затруднительным для определения пределов является смысловой способ, ведь каждый правоприменитель или ученый-исследователь вкладывает свое субъективное понимание в содержание того или иного принципа. Некоторые правоприменители могут выводить из содержания норм принципы, которые признаются далеко не всеми, что может вызвать сомнения в правильности вынесенного судебного решения или иного акта.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» можно заметить, что высший судебный орган понимает под законным решением такое, «когда оно ... основано на применении в *необходимых случаях* аналогии закона или аналогии прав¹, а также ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, где прямо указаны случаи применения аналогии (курсив наш – О.Н.). В этой связи нельзя категорично отрицать положительные связи эволютивного толкования права на развитие права вообще. Так, Верховный Суд РФ, выступая органом, осуществляющим надзор за деятельностью судов, стабилизирует правоприменительный процесс для дальнейшего обеспечения полноценной защиты прав и интересов заинтересованных субъектов. Кроме надзорных полномочий Верховный Суд РФ наделен правом толкования нормативных положений законодательства. В свою очередь, Конституционный Суд РФ в сфере гражданского судопроизводства осуществляет: толкование Конституции РФ; решение вопросов о соответствии Конституции РФ правовых норм, подлежащих применению в гражданском судопроизводстве, по запросам судов; рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан примененным в конкретном деле законом².

Судья или судебный орган, действующий коллегиально, разрешая дело по существу, руководствуются правовыми нормами на основе внутреннего убеждения и судебного усмотрения, опираясь на оценку фактических обстоятельств дела, исходя из собственных знаний, опыта и других субъективных моментов. В связи с этим многие участники гражданского судопроизводства обжалуют вынесенный судебный акт (постановление) в надежде, что мнение суда вышестоящей инстанции будет отличаться в более выгодную для

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23.06.2015) // Российская газета. 2003. 26 дек.

² Соловьева Т. В. Постановления высших судебных органов в Концепции единого ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 77.

обжалующего лица сторону. Так, суд апелляционной инстанции, пересматривая судебное решение, постановил следующее: «Несмотря на то, что такие критерии как разумность, справедливость, индивидуальные особенности потерпевшего, характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, являются оценочными, общими, воспринимаемыми каждым субъективно, судам необходимо руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки А.А. Веретенниковой на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 1101 ГК РФ, где сделаны важные для правоприменительной практики выводы. Конституционный Суд РФ в частности, указал следующее: применяя общее правовое предписание к конкретным обстоятельствам дела, судья принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (курсив мой – О.Н.), что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод гражданина (Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 276-О)»¹.

В российском законодательстве нет такого понятия как судебное усмотрение, несмотря на его давнюю историю и широкое применение. Однако его упоминание есть, например, в ч. 1 ст. 179 ГПК РФ: «Допрос свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и допрос свидетеля в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет производятся с участием педагогического работника, который вызывается в суд». А так же ст. 1301 Гражданского Кодекса Российской Федерации предполагает устанавливать компенсацию «в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения».

В определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» написано: «доводы истца о произвольном применении судом первой инстанции положений статьи 333 ГК Российской Федерации не могут быть признаны обоснованными в связи с тем, что вопрос о снижении неустойки в силу ее несоразмерности

¹ Апелляционное определение № 33-14465/2016 от 29 ноября 2016 г. по делу № 33-14465/2016 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 28.10.2018).

последствиям нарушения обязательства является оценочным и отнесен законом на судебное усмотрение»¹.

Признавая тот факт, что нормативные правовые акты принимаются в эталонной форме (международные договоры, конвенции, конституция) и законодатель не всегда имеет возможность вследствие интенсивного развития общественных отношений принять удобный правовой акт, отвечающий требованиям времени, зачастую судьям приходится маневрировать, применяя расширительную форму толкования права.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.06.2018).

Шошин С.В. (Саратов)

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В XXI ВЕКЕ

Аннотация: *процессы глобализации, свойственные XXI веку, оказывают влияние на самые разнообразные стороны общественных отношений, складывающиеся сегодня. Например, на формирование нового взгляда на перечень источников национального права. В ст. 208 ч. 2 УК РФ сегодня прямо предусматривает актуальность учета национального законодательства иностранного государства, в котором было совершено данное преступление. Таким образом, федеральный законодатель в РФ сформировал новый подход к бланкетным нормам.*

Ключевые слова: *источник, право, Россия, национальное, инновационные, уголовное.*

При кажущейся, на первый взгляд, стабильности с кругом источников действующего сегодня российского национального права, ситуация еще далека от полного и исчерпывающего правового регулирования. Оригинальным в данном отношении можно считать введение в современный научный оборот Осыченко Е.В. такого инновационного понятия, как негосударственные источники права¹. Традиционное преобладание среди источников российского права актов, принятых сугубо государственными структурами, сегодня можно уже отнести лишь к числу проявлений истории отечественного права. Теперь и в сфере общественной самоорганизации становится возможным на полностью легальной основе принятие негосударственных нормативно-правовых актов. Сегодня интерес исследователей способна вызвать и такая инновационная категория источников российского национального права, как обычаи². Прежде

¹ Осыченко Е. В. Негосударственные источники права в правовой системе демократического государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. М., 2011. С. 8.

² Сорокин В. В. Правовые обычаи Горного Алтая: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.

в качестве обычая в российском национальном уголовном законодательстве рассматривался лишь обычай кровной мести. И только в качестве квалифицирующего обстоятельства. Об отнесении обычая к числу источников национального права говорить было рано. Сегодня ситуация – существенно изменилась. Например, Панарина М.М. характеризует категорию “правовой обычай” как источник семейного права¹. Возможно, в будущем сфера применения категории “обычай” в качестве источника российского национального права может существенно расшириться.

С другой стороны, следует согласиться с мнением Кухниной Л.Ю., выделяющей в самостоятельную научную категорию (субстанцию) гибридные (нетипичные) источники права². Ею, в частности к числу гибридных источников права относятся акты Европейского Союза³. К числу таковых гибридных источников применительно к действующему сегодня российскому национальному праву (законодательству), на наш взгляд, можно отнести некоторые правовые нормы (акты), принятые Евразийским Экономическим Союзом. В частности, среди них отдельно можно выделить Договор о Евразийском экономическом союзе⁴. В пользу подобного вывода можно привести содержание ч.ч. 1 и 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. №12 “О судебной практике по делам о контрабанде”⁵. Другим весьма характерным подобным актом Евразийского экономического союза можно считать, руководствуясь содержанием указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Таможенный кодекс ЕЭС⁶. Если Договор о ЕЭС можно считать международным документом, то Таможенный кодекс ЕЭС, скорее, следует от-

¹ Панарина М. М. Правовой обычай как источник семейного права // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 45.

² Кухнина Л. Ю. О дефиниции гибридные (или нетипичные) источники права: научное обоснование и содержание термина // Правовое поле современной экономики. № 8. С.Пб.: Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности, 2015. С. 76–85.

³ Кухнина Л. Ю. Гибридные источники права: проблемы формирования и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 23.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (в ред. от 11.04.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2018) (режим доступа – свободный).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. 2017. № 997.

⁶ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2018 г.), (режим доступа – свободный).

носить к числу гибридных источников российского национального права (законодательства).

Сегодня, при анализе перечня источников российского национального права, интерес исследователей может вызвать и точка зрения Тер-Акопова А.А., отмечающего, что громадный пласт христианства ждет юридическую науку¹. Здесь, по нашему мнению, возможно и даже более серьезное утверждение, о том, что, возможно, этот пласт уже дождался юридическую науку. Среди разнообразных отраслей современного российского национального права сейчас чаще других оказывается в контакте с ценностями христианства уголовное право. При анализе данного сегмента современных общественных отношений, как минимум, стоит рекомендовать обратиться к оказавшимся во многом утраченными учебникам по истории и содержанию старого церковного права. Здесь, несомненно, многие российские юристы смогут возразить, что церковное право в условиях современной России не стоит считать актуальным и значимым. Однако, как показывает практика, это не совсем так. До однозначности в определении правильного подхода к решению данного вопроса еще довольно далеко. Например, оригинальной в данном отношении может оказаться ссылка на 15-е Правило Лаодийского собора в одном из приговоров от 17 августа 2012 года Хамовнического суда города Москвы². Мнение о якобы допущенной по данному уголовному делу судебной ошибке в суде первой инстанции ставится под серьезное сомнение последовавшими фактами рассмотрения указанного дела и вышестоящими судебными инстанциями Российской Федерации, включая и Верховный Суд РФ. Как нам представляется, данный вопрос способен привлечь к себе внимание, в том числе и теоретиков, специализирующихся в сфере российского права и государства.

Разнообразные бланкетные нормы уже много лет привлекают внимание российских исследователей³. Современные бланкетные нормы, используемые, например, в структуре действующего российского уголовного права (законодательства), порой, отличают-

¹ Тер-Акопов А. А. Нравственность и право: избранное: (к 75-летию со дня рождения). М.: Юрлитинформ, 2015. С. 394.

² Узланер Д. Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 2 (31). М.: РАНХиГС, 2013. С. 93–105.

³ Демин А. В., Кипарисов Ф. Г. Бланкетный и отсылочный способы формирования правовых норм: понятие, систематизация, проблематика // Вестник Нижегородской академии МВД России. № 2 (30). Н. Новгород, 2015. С. 25–32.

ся весьма высокой степенью изменчивости. Например, в ст. 144.1 УК РФ, именуемой как: “Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста”, фактически ссылается на Федеральный закон от 28.12.2013 г. №400-ФЗ “О страховых пенсиях”¹. Российский законодатель, формулируя указанную норму права, фактически, использовал весьма подвижную (изменяемую) им величину пенсионного возраста. Для качественного и обоснованного ее применения актуальным является использование специальной таблицы возраста, именуемого пенсионным, применительно к конкретному году применения такой нормы². Как минимум, использование подобной нормы на практике в значительной степени усложнит ее применение. На наш субъективный взгляд, в будущем федеральному законодателю стоит рекомендовать пытаться снизить количество подобных бланкетных норм в отечественном праве (законодательстве).

Очередной пример бланкетной нормы с оригинальным содержанием содержится сегодня в ст. 208 ч. 2 УК РФ, которая прямо предусматривает актуальность учета национального законодательства иностранного государства, в котором было совершено данное преступление. Называется ст. 208 УК РФ интересно: «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем». В ч. 2 речь идет об участии в подобных формированиях, не предусмотренных в текстах законодательства конкретного иностранного государства. Независимых государств в 2018 году, существующих в мире, имеется 195. Более того, существует в мире 252 страны. Конечно, теоретически, имеется возможность получения в той или иной степени полного доступа к конкретным источникам национального права каждого из таких государства. Однако, не представляется возможным включить в программу конкретного российского юридического высшего учебного заведения юридической направленности столь обширный объем информации о состоянии иностранного правового пространства. Хотя, несомненно, состояние истории пра-

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 12.11.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2018) (режим доступа – свободный).

² Яшунский Г. Повышение пенсионного возраста. Главное, что нужно знать. Кого затронет реформа и зачем она нужна? // Электронное периодическое издание «Ведомости». 14.06.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/06/14/772778-pensionnaya-reforma-samoe-vazhnoe> (дата обращения: 22.12.2018) (режим доступа – свободный).

ва и государства зарубежных стран, вместе с их сегодняшним состоянием, являются актуальными для дисциплин, изучаемых в процессе обучения в высших учебных заведениях. Соответственно, довольно сложно требовать от рядового применяющего подобную норму должностного лица правоохранительных и иных структур исчерпывающей полноты информированности о содержании столь объемного массива правового пространства иностранных государств. Кроме того, иногда, в отдельных государствах, происходит изменение содержания такого правового поля.

Несколько неоднозначная ситуация сложилась и с решениями Европейского Суда по правам человека. С одной стороны, сегодня преждевременно считать их источниками российского национального права¹. С другой стороны, Министерство юстиции РФ, признавая величину порой весьма значительных сумм денежных компенсаций, взысканных ЕСПЧ с Российской Федерации, фактически производит их полную выплату из федерального бюджета. Более того, порой, материалы конкретных дел, по которым состоялось вынесение соответствующего акта против России в ЕСПЧ, становятся объектами пересмотра в высших судебных инстанциях Российской Федерации. Хотя, периодически, Конституционный Суд РФ в своих актах и цитирует содержание конкретных решений, принятых ЕСПЧ, до полного признания документов ЕСПЧ источниками российского права еще довольно далеко. Здесь интересной, кроме того, является и та ситуация, что в России официально опубликованы с соблюдением установленного законом регламента лишь тексты решений ЕСПЧ против Российской Федерации. Соответственно, не имея официального опубликования в РФ текстов решений против иных государств, сложно ставить вопрос об отнесении их к числу источников национального российского права.

О различных проблемах, присущих процессу использования содержания решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации, имеется значительное количество публикаций. Например, интересно мнение Сыченко Е.В., характеризующую подобную практику термином: «неприглядная»². Здесь, несомненно, имеется обширное

¹ *Воронцова И. И.* Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 22.

² *Сыченко Е. В.* Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав граждан и права на социальное обеспечение [Текст] = The Practice of the European court of human rights in the sphere of protection of labour and social security rights. М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2014. С. 19.

пространство для дальнейших научных исследований и, соответственно, оживленной полемики. Интересная ситуация, позволяющая нам отнести к числу источников российского национального права, сложилась с решениями, принятыми Международным трибуналом ООН по морскому праву¹. Практике данного международного органа известны, как минимум, три рассмотренных дела, стороной по которым являлась Россия. Фактически, решения, принятые Международным трибуналом ООН по морскому праву, были исполнены Российской Федерацией в полном объеме.

Сложнее обстоит дело с актами, принятыми Международным уголовным судом. От ратификации Статута Международного уголовного суда Россия – отказалась². Возможно, в будущем, правовое положение Международного уголовного суда – изменится. Сегодня не представляется возможным отнесение документов, официально принятых Международным уголовным судом к числу источников российского национального права. Международно-правовой теории известны и примеры критического отношения к подобной точке зрения. В любом случае, дальнейшие научные исследования указанной проблематики, несомненно, способны вызвать интерес международной общественности.

Акты Комитета ООН по правам человека, формально, сегодня также не являются обязательными для исполнения на территории Российской Федерации³. Соответственно, пока не имеется оснований для отнесения их к числу источников российского национального права. Хотя сегодня и ведутся довольно оживленные научные полемики о необходимости реформирования структур ООН, о критическом отношении к актам указанной структуры, нам предполагается, что, впоследствии, решения, принятые Комитетом ООН по правам человека, вполне могли бы стать достойными включения в число источников российского национального права.

¹ *Смбатян А. С.* Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка : дис. ... д-ра юрид. наук. Специальность: 12.00.10. М., 2013. С. 6.

² *Байдакова А.* Россия вышла из-под юрисдикции Международного уголовного суда, пока там расследуют конфликт на Украине // Новая газета. 2016. № 129. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/16/70557-pochemu-rossiya-otkazalas-ratifikirovat-rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovnogogo-suda> (дата обращения: 22.12.2018 г.), (режим доступа – свободный).

³ *Гиони И.* Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.10. М., 2010. С. 44.

Довольно проблемная ситуация возникает при оценке неопубликованных актов как потенциально возможных источников права в современной России. Следуя содержанию ч. 3 ст. 15 Конституции России¹, можно сказать, что не должны применяться без надлежащего официального опубликования какие-либо нормативные правовые акты, которые оказываются затрагивающими права, свободы и обязанности человека и гражданина. Причем итогом такой публикации подобного акта должна быть его доступность для всех. Указанная конституционная норма была продублирована и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. №8 (в ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»². Однако, как показывает российская практика, с применением неопубликованных нормативно-правовых актов в России³ сегодня не все так просто. Например, имеют место и отмены решений судов по причине нарушения указанной выше конституционной нормы⁴. Весьма парадоксальным, кстати, можно считать момент отсутствия официальной публикации процитированного выше судебного документа. Несомненно, увеличение степени прозрачности документов, принимаемых всеми ветвями власти, их официальное опубликование в надлежащем объеме, должны стать одним из приоритетных направлений дальнейшего развития государственного строительства в современной Российской Федерации. К сожалению, фиксированные значения величины предельно возможного объема настоящей работы не позволяют с достаточной степенью подробности подвергнуть анализу все возможные инновационные источники отечественного права. Здесь были выделены лишь наиболее знаковые, наиболее актуальные для современной ситуации. Это совершенно не исключает появление и новых моментов. Например, о возможности отнесения к числу источников российско-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. от 03.03.2015) // Российская газета. 1995. № 247.

³ Соколова А. И. О нормоконтроле за неопубликованными (незарегистрированными) нормативными правовыми актами в сфере местного самоуправления // Вестник Оренбургского государственного университета. № 3 (139). Оренбург: ОГУ, 2012. С.178–183.

⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 18.03.2016 № 55-АД16-3 // Некоммерческая интернет-версия «Консультант-Плюс»: URL: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=\(дата обращения: 22.12.2018\) \(режим доступа – свободный\).](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=(дата обращения: 22.12.2018) (режим доступа – свободный).)

го права решений, принимавшихся Интерполом и (или) правоохранительными и (или) иными компетентными органами власти в процессе выдачи в Россию лиц, объявленных в международный розыск. Из практики российско-польского сотрудничества в подобной сфере отношений, например, известен случай, когда выдача конкретного находившегося в розыске и задержанного на территории Польши российского гражданина была обусловлена польской стороной обязательством российской стороны об исключении возможности привлечения его к уголовной ответственности по одной из статей УК РФ, ибо в Польше уголовная ответственность за подобное поведение – отсутствует. Такое обязательство было официально представлено российскими компетентными органами в Польшу. В итоге задержанный россиянин не только был оперативно выдан в Россию, но и оказался осужден. Причем – осужден с соблюдением взятых на себя по данному уголовному делу российской стороной указанных выше обязательств. Конечно, такая практика межгосударственных отношений не является широко распространенной практикой. Тем не менее, указанные примеры остаются интересными с точки зрения определения новых источников российского права. На наш взгляд, в процессе реализации всего комплекса дипломатических отношений между различными иностранными государствами и российской стороной, имеется возможность формирования и иных источников российского национального права.

Процессы глобализации способствуют формированию новых, прежде не входящих в предсказания, инновационных, источников российского национального права. Развитие науки, техники, технологий позволяют двигать вперед и соответствующие сегменты теории отечественного права. Подобный процесс сопровождается появлением некоторых неоднозначно воспринимаемых проблемных моментов. Возможно, в будущем, с дальнейшим развитием общественных отношений, теория российского национального права станет более качественной и доработанной. Традиционно, многие достижения теории права оказываются наглядно доступными лишь по истечении длительного периода их активного применения. Как и на многие иные проявления политики, на конкретные особенности формирования и совершенствования перечня источников российского национального права с большей долей объективности окажутся способными взглянуть лишь в будущем, историки, занимающиеся вопросами развития права и государства.

Ягудина А.Ю. (Саратов)

ПРАВОВОЙ КОНФОРМИЗМ В СФЕРЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация: *статья посвящена изучению правового конформизма в правотворческой деятельности. В ней рассматриваются такие виды правового конформизма, как правовой конформизм российского законодателя, заимствующего «западные» образцы правовых институтов; депутатов Госдумы по отношению к органам государственной власти; региональных субъектов правотворчества по отношению к федеральным; правовой конформизм в ведомственном правотворчестве; правовой конформизм субъектов муниципального правотворчества по отношению к государственным.*

Ключевые слова: *правовой конформизм правотворчества, эффективность права, правосознание, депутаты, муниципальные органы, правотворческая культура.*

Под правовым конформизмом понимается юридически значимое поведение, осуществляемое в форме действия или бездействия, отражающее социально значимые отношения между людьми, оцениваемое с позиции права, при котором субъект некритически относится к требованиям правовых норм, не обладает собственными правовыми принципами и индивидуальными установками, но имеет устойчивую интеллектуальную и психологическую зависимость от общепринятых социально-правовых идеалов, мнений, образцов поведений. Правотворческая деятельность напрямую влияет на эффективность правовой системы. Эффективность права понимается как соотношение между фактическим результатом его действия и социальными целями, которые ставит перед собой государство. Для реализации правовой цели необходимо наличие достаточных правовых средств. В.В. Нырков подчеркивает, что правовые средства являются адекватным способом решения задач, стоящих перед обществом¹.

¹ См.: Нырков В. В. Цели и средства правотворческой политики Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А. В. Малько. Саратов: Изд-во ФГБОУ

Выбор правовых целей и средств их достижения зависит прежде всего от правосознания правотворческих органов. Конформистское правосознание определяет особый подход к выработке концепций законопроекта, его соотношения с другими нормативно-правовыми актами, к содержанию закона.

Выделяют следующие виды правового конформизма в сфере правотворчества:

Конформизм российского законодателя, заимствующего иностранные, как правило западные образцы правовых институтов, что грозит России «разрушением фундамента государственности»¹, размыванием нравственных традиций, ростом протестных настроений. Интеграция права необходима, но она должна быть разумна и не угрожать сохранению самоидентичности Российской правовой системы. Следует не только перенимать опыт иных правовых систем, но и обеспечивать преемственность в правовом развитии российского государства. Для этого необходимо использовать законодательный опыт Советского Союза в области права социального обеспечения, трудового и иных отраслей права. Конформизм субъектов правотворческого процесса возникает от непонимания ими социально полезной цели принятия соответствующего закона. Используя рецепцию иностранного права, российские законодатели должны опираться на идею сохранения правового суверенитета, государственности, защиты национальных интересов. Принимаемые законы должны так же соответствовать Конституции РФ.

Конформизм депутатов Государственной Думы по отношению к органам государственной власти. В его основе лежит неуверенность депутатов в завтрашнем дне. Несмотря на депутатскую неприкосновенность депутаты фактически зависимы от органов исполнительной власти. Они опасаются неизбрания на следующий срок, своей будущей неустроенности в жизни. Показательным примером может служить комментарий депутат Госдумы Андрей Чернышев на встрече с избирателями, где он сказал: «Ну что толку, если б я просто хлопнул дверьми и вышел бы, кто меня завтра бы пригласил? ... Первый шаг был сделан, потому что мы все поняли, что отвязаться от правительства не удастся»².

ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 75.

¹ Баранов В. М. Очерки теории правотворчества. Избранные труды. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 391–392.

² Депутат Госдумы Андрей Чернышев провел встречу с избирателями, но что-то резко пошло не так. URL: <http://www.yaplakal.com/forum28/topic1821223.html> (дата обращения:

Конформизм региональных правотворческих органов по отношению к федеральным. Он выражается в дублировании положений федеральных законов в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации. И.Н. Сенякин отмечает, что «федеральные законы по предметам совместного ведения настолько подробны и детализированы, что у субъектов Федерации не остается правового поля для собственного законодательного регулирования, учитывающего специфику и особенности того или иного субъекта Российской Федерации»¹. Это мешает региональным субъектам правотворчества использовать имеющиеся возможности для удовлетворения специфических потребностей, определяемых особенностями социально-экономического, культурно-исторического, политического и религиозного состояния регионов. Законодательные акты субъектов РФ призваны отражать отличительные черты экономических, географических, климатических и иных особенностей, в том числе общественного уклада, правосознания населения. Правовой конформизм субъектов регионального законодательства выразился, к примеру в том, что были ограничены традиционные охотничье-рыболовные промыслы и иные занятия малочисленных народов, проживающих на севере и востоке страны, что не только поставило их в сложные экономические условия, но и существенно ограничило в естественных правах человека, в том числе в праве на жизнь, в свободном развитии и др.². Таким образом, правовой конформизм субъектов регионального правотворчества стал причиной формирования правового нигилизма малых народов.

Конформизм субъектов ведомственного правотворчества. Ведомственные нормативно-правовые акты обеспечивают «нормальное функционирование отдельных сфер жизнедеятельности общества (транспорт, производство, торговля и т.д.)»³. Правовой конформизм субъектов ведомственного правотворчества проявляется в защите интересов собственных организаций и учреждений в про-

30.07.2018).

¹ Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 303.

² См.: Винокуров А. Экономическая политика Центра на Севере // Обозреватель. 2000. № 1. С. 43–45.

³ Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. С. 106.

тивовес государственным. В его основе лежит расхождение интересов чиновников и общества.

Конформизм субъектов муниципального правотворчества по отношению к государственным. Наибольшее влияние на формирование данного вида правового конформизма имеет некомпетентность субъектов муниципального правотворчества, отсутствие необходимого количества специалистов-юристов на местном уровне¹. Необходимо также отметить влияние на усиление правового конформизма таких элементов законодательного дисбаланса как пробелы в праве и правовые коллизии. Средствами преодоления правового конформизма выступают здесь выработка четкой правовой процедуры, обучение депутатов основам правотворческой деятельности, гласность и др.

На степень правового конформизма субъектов правотворчества всех уровней влияет их низкая правотворческая компетентность, недостаточная правотворческая культура, профессиональная деформация разного рода. Отсутствие юридических знаний, навыков правотворческой деятельности, неумение пользоваться правилами юридической техники, предопределяют то, что депутаты и иные субъекты правотворческой деятельности вынуждены полагаться на мнение авторитетных для них лиц, что увеличивает уровень их конформизма.

¹ См.: Злобин А. В. Российская правовая политика в осуществлении реформы местного самоуправления: монография / под ред. А. В. Малько; РАН, Саратовский филиал ин-та гос-ва и права, ГОУВПО «Тамб. гос. Ун-т им. Г. Р. Державина», Науч.-образоват. центр правовой политики субъектов РФ. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 182.

Раздел 5.

**РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВА МИРОВЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ И РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ**

УДК 101.1

Арутюнян К. С. (Рязань)

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация: в данной статье показана роль философии в исследовании проблемы управления общественным сознанием. Рассматривается роль средств массовой информации в реализации созидательного и преобразовательного потенциала управления общественным сознанием. Для достижения поставленной цели проводится анализ механизма внедрения ценностей, идей и смыслов с помощью информационных технологий. Делается вывод о том, что средства массовой информации выступают наиболее эффективным инструментом воздействия на общественное сознание и управление социальными процессами.

Ключевые слова: управление, общественное сознание, манипуляция, СМИ, информационное общество.

Постиндустриальное общество характеризуется новым представлением человека о масштабе пространства и времени, появлением глобальной, трансграничной информационной среды как наиболее эффективного продукта глобализационного процесса.

В существующих условиях растущая стандартизация и формализация мышления оказывает формирующее влияние на восприятие информации, что можно объяснить растущей скоростью распространения информации, объемом информации, а также ограничен-

ными возможностями сознания для принятия решения в каждом конкретном случае.

В постиндустриальном обществе, в котором производство информации и новых знаний становится важнее производства материальных объектов, человек оказывается всё больше дегуманизован, закреплён рамками расписаний, необходимости своевременного (по возможности быстрого) принятия решений в условиях растущей взаимозависимости действий и событий, когда непредвиденные последствия могут быть вызваны взаимодействием событий, которые на первый взгляд кажутся совершенно несвязанными между собой и растущее количество факторов, влияющих на жизнь общества и индивида, со временем превращает развитие социума в хаотическую систему¹.

Современный мир уже невозможно вообразить без комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых технологических воздействий, которые формируют механизм реализации тех или иных управленческих решений.

При этом данный тренд базируется не только на естественнонаучных знаниях и технологиях, но и на технологиях социально-гуманитарных. В середине XX века английский физик и писатель Чарлз Сноу указывал на возникшую «пропасть двух культур»: естественнонаучной (ориентированной на будущее, на прогресс, на новые возможности) и гуманитарной (опирающейся на прошлое, на традицию)².

Однако в настоящее время произошла переоценка управленческого потенциала гуманитарных наук, обнаружена их способность стать внутренним двигателем прогресса. По словам Г.Г. Малинецкого, «главными технологиями сверхдержавы XXI века станут технологии стратегического и исторического прогноза, проектирования будущего, высокие гуманитарные технологии, методы “сборки” и “разборки” исторических субъектов»³.

В связи с этим актуальной темой в социально-философской науке выступает исследование созидательного и преобразовательного потенциала управления, а также анализ методов и инструментов воздействия на общественное сознание.

¹ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-Пресс, 2006. С. 123.

² Сноу Ч. П. Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 118.

³ Малинецкий Г. Г. Новая реальность и будущее глазами синергетики // Прогнозы и стратегии. 2008–2009. № 1. С. 51.

Поскольку в качестве объекта применения гуманитарных технологий выступает личность, общественная группа и общество в целом, важное место в изучении, конструировании и применении гуманитарных технологий занимает наука, эксплицирующая фундаментальные основания и смыслы взаимодействия человека и общества, – социальная философия.

При всем многообразии определений в научной литературе отмечается единство связи гуманитарных технологий с манипулятивным компонентом, который позволяет внедрять в общественное сознание ту информацию, которая желательна для определенной группы лиц под видом объективной и достоверной. Общественное сознание формируется посредством осознания людьми той информации, которую они воспринимают из СМИ, зачастую не подвергая ее внутренней переработке и переосмыслению, из социальных сетей, из социальных условий своей жизнедеятельности, своего социального бытия, социальной и политической коммуникации. В связи с этим СМИ представляют собой значимый источник формирования общественного мнения.

При этом под СМИ следует понимать «социальные институты (пресса, книжные издательства, агентства печати, радио, телевидение и т.д.), обеспечивающие сбор, обработку и распространение информации в массовом масштабе»¹. По словам одного из основоположников коммуникативистики У. Липпмана, «СМИ являются основным связующим звеном между событиями в мире и людьми, и они определяют, как эти события будут отражены в умах общественности»².

Современные технологии позволяют влиять на общественное сознание, на психику огромного количества людей одновременно, не имея прямого контакта и взаимодействия с ними. Именно поэтому СМИ выступают наиболее эффективным инструментом воздействия гуманитарных технологий на общественное сознание и управления социальными процессами. Так СМИ стали важнейшим ресурсом гуманитарных технологов для внедрения в массовое сознание нужных смыслов, идей и ценностей. Это осуществляется различными способами. Во-первых, внедрение в общественное со-

¹ Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 134.

² Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 7.

знание нужных идей осуществляется гуманитарными технологами путем формирования определенного мировоззренческого состояния общества при помощи СМИ.

Во-вторых, еще одним способом воздействия гуманитарных технологий на общественное сознание посредством СМИ является отвлечение внимания общества от наиболее важных проблем и непопулярных решений органов власти. Это достигается путем непрерывного насыщения информационного пространства освещением незначительных событий, не имеющих содержательной ценности. Такие события посредством тиражирования в различных СМИ искусственно приобретают статус актуальных и злободневных и привлекают к себе внимание общественности. Таким образом, с учетом изложенного, можно сделать вывод о том, что сегодня, вопреки своей обязанности отражать общественное мнение, СМИ активно конструируют его. Представленная в работе система методов образует механизм реализации гуманитарных технологий, направленных на манипуляцию общественным сознанием, а также на управление социальными процессами.

Таким образом, роль философии в формировании и управления общественным сознанием является актуальной темой для дальнейшего исследования и выработки мер по противодействию их манипулятивному и деструктивному воздействию.

Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. (Саратов)

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Аннотация: в статье обсуждается эвристический потенциал постнеклассической социальной философии в исследованиях процессов социального развития. Показано, что существенными характеристиками социальных систем на современном этапе являются нелинейность, множественность возможных состояний, поливариантность и критичность, и именно эта сложность обуславливает возможность выбора оптимального режима их развития, а также управления социальными и экономическими процессами.

Ключевые слова: постнеклассическая философия, социальное развитие общества, социум, нелинейность, поливариантность, критичность, множественность.

Поиск универсальных законов общественного развития был и остается важной проблемой философии, истории, социологии, политологии. Существуют великие концепции социального развития, такие как марксизм, обусловившие не только становление гуманитарной мысли, но и значимые общественные трансформации. Этапами общественного развития в разное время назывались общественно-экономические формации, цивилизации, различные типы социумов: традиционное, индустриальное, постиндустриальное, информационное общество, общество постмодерна, общество риска. Если говорить о характере общественных изменений, то классические философские концепции традиционно выделяют как две основные возможности революционное и эволюционное развитие, соединяющие все этапы общественного становления некоторой траекторией, обычно циклической или спиральной.

Становление нелинейного мировоззрения привело к необходимости переосмысления существующих философских представлений о мире вообще и о социуме как значимой его части. Сегодня

уже признанным фактом является то, что классические представления об общественном развитии слишком упрощают социальную действительность. И уже можно говорить о постнеклассической парадигме социального развития¹. Последняя радикально меняет осмысление социальной реальности, дает эффективную и эвристичную методологию исследования социальных процессов и систем, позволяет описать важнейшие социальные, экономические, политические феномены с помощью универсального формализма.

Начнем с того, что социум – это сложнейшая динамическая система, включающая в себя социальную, культурную, экономическую, техногенную, антропологическую, природную подсистемы и развивающаяся по чрезвычайно сложным законам. Динамичность социума очевидна: он всегда находится в процессах становления, изменения, перехода, обусловленных трансформацией исторических, экономических, культурных, демографических, экологических, техногенных его оснований.

Социум – это и принципиально неравновесная система: отличие средних значений любых характеристик, описывающих социальную систему в целом, от характеристик отдельных ее элементов и подсистем может быть весьма значительным. В постнеклассических теориях неравновесность оценивается как положительный, творческий, созидательный фактор развития; напротив, достижение статического равновесия для любого социума означает отсутствие возможности образования новых социальных и экономических структур, воспринимается как процесс, предшествующей стагнации или даже вырождению, умиранию.

Социум – это и открытая система. Открытость означает свойство социальной системы обмениваться с внешним миром энергией, веществом и (или) информацией и является неперенным условием развития любой системы; закрытость означает принципиальную невозможность роста и развития.

Важнейшим свойством социума как динамической системы является его мультистабильность. В нем всегда существует множество возможных социальных состояний, реализация которых определяется социальной и физической реальностью. Именно благодаря

¹ *Афанасьева В. В.* Детерминированный хаос: феноменологически-онтологический анализ. Саратов, 2002; *Афанасьева В. В., Анисимов Н. С.* Постнеклассическая онтология // Вопросы философии, 2015. № 8. С. 28–42; *Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А.* Постнеклассическая онтология. Саратов, 2016.

свойству мультистабильности социальные системы оказываются «гибкими», обладают способностью адаптироваться к внешнему окружению, сопротивляться неблагоприятному внешнему воздействию.

Не вызывает сомнения и факт чрезвычайно сложного изменения любых социальных систем во времени, однозначно свидетельствующий в пользу их нелинейности. Достаточно вспомнить, например, различные, сменяющие друг друга типы общественного устройства, периоды кризисов, революций или, напротив, роста.

Существование всех этих особенностей позволяет утверждать, что социум как целое и любые его части являются нелинейными системами, а значит – к ним можно и нужно применять представления о нелинейном развитии. Мы полагаем, что последние позволяют с универсальных позиций описать процессы генезиса, становления, трансформации и даже «смерти» любых социальных структур – словом, социальную динамику.

Начнем с социального генезиса. Пожалуй, наиболее эвристичной для анализа возникновения социальных систем является идея самоорганизации. Она позволяет описать социум и любые его подсистемы (от семей, общин, родов, племен до государств и транснациональных союзов) как самоорганизующиеся общественные структуры, возникающие благодаря росту некоторых общественных флуктуаций. Весь ход истории служит доказательством правомерности подобного рассмотрения.

Важнейшим при анализе социума является и поиск универсальных механизмов, отражающих происходящие в нем трансформации. Любые общественные изменения, такие как смена государственного устройства или политического режима, переход к новому типу экономики, изменения социальной, экономической, технологической, культурной структуры могут быть описаны как бифуркации той или иной социальной системы. В соответствии с принятой в теории бифуркаций классификацией, социальные бифуркации могут быть «жесткими» (революции, кризисы) или «мягкими» (реформы, эволюционные изменения). Отметим, что категория «бифуркация» позволяет описывать самые разные общественные трансформации и метаморфозы и не имеет однозначного классического аналога. Знаменитая категория «революция» оказывается всего лишь частным случаем бифуркации, другим значимым частным случаем бифуркации является кризис.

Достигнув определенного уровня сложности, социум, как и всякая нелинейная система, не только может, но и должен претерпевать множественные бифуркации, меняющие его социальную, экономическую, технологическую, информационную, культурные структуры. При этом социальная структура переходит на качественно иной уровень организации, далеко не всегда более сложный, чем предшествующий. Каждая бифуркация связана с некоторым поворотом развития социальной системы, иногда непредсказуемым. Разнообразные бифуркационные и критические явления оказываются столь типичными для нелинейных социальных систем, что разрушают сложившийся миф порядка, согласно которому желаемым и безопасным направлением протекания любого процесса объявляется упорядоченное бескризисное развитие. Согласно постнеклассическим представлениям, катастрофы и кризисы предполагаются не только неизбежными и закономерными, но в ряде случаев и полезными для развития, обуславливающими инновации и благоприятные возможности. Теория бифуркаций и теория катастроф позволяют исследовать различные типы критических состояний социальных систем и возможности выхода из них.

Множественность социальных трансформаций дает возможность ввести типологию социальных бифуркаций:

1) рождение социальной структуры – всегда мягкая бифуркация, в результате которой из малой социальной флуктуации при определенных природных, экономических, социальных, исторических условиях медленно, на протяжении исторических времен формируется и растет определенная социальная структура;

2) социальная трансформация (катастрофа) – жесткая бифуркация, приводящая к быстрому и значительному усложнению или упрощению социальной структуры;

3) социальный альянс – мягкая бифуркация, в результате которой несколько социальных структур сливаются в единую развитую;

4) социальное поглощение – жесткая бифуркация, во время которой «мелкая» социальная структура встраивается в «крупную»;

5) социальный кризис – мягкая или жесткая бифуркация, приводящая к трансформации хаотической социальной динамики;

6) смерть социальной структуры – мягкая или жесткая бифуркация, вызывающая медленное или быстрое исчезновение социальной структуры.

Анализ возможных типов бифуркаций для ныне существующих и уже исчезнувших социальных структур может дать интересный материал и для истории, и для социологии, и для политологии, и для социальной философии, выявить «внутренние механизмы» процессов социального нелинейного развития, а в некоторых случаях – сделать социальные прогнозы.

С точки зрения извлечения исторических уроков интересен известный из синергетики факт: развитые, сильные структуры очень редко испытывают бифуркацию полного исчезновения. Они могут количественно–качественно меняться, но практически никогда полностью не исчезают. В самом деле, известно, что политические катаклизмы, экономические кризисы, революции войны не могут «окончательно убить» социальную структуру с длительной историей, развитой культурой и значительным материальным субстратом. Так, Рим продолжает существовать, но уже как Италия, и сохраняет некоторые свои существенные особенности в других границах, с другим населением, в другой социальной и политической реальности. «Справиться» с подобной социальной структурой могут разве что экологические или техногенные катастрофы, разрушающие материальный субстрат.

Нелинейное развитие с необходимостью предполагает многообразие путей развития любой социальной системы, при этом все направления развития имеют равное право на существование. В результате само социальное развитие представляется не единой дорогой, а сложной сетью пересекающихся, переплетенных, петляющих путей.

И тут появляется искушение определить наилучший из возможных путей, повернуть развитие в нужном направлении – т.е. попытаться управлять социальной системой. В ряде случаев это представляется возможным, поскольку подобный анализ некоторых социальных систем фундируется математическими моделями, исследование которых и дает возможность выявить возможные направления развития, механизмы и условия, переводящие ту или иную систему на самый благоприятный путь. Изменение направления развития достигается выбором социальных параметров и иногда представляется вполне возможным. Подобное исследование обеспечивает принципиальную возможность управления нелинейным социальным развитием. Подчеркнем: изменяя параметры, можно только выбрать одно из возможных направлений, предусмо-

тренных законом развития системы, существующих виртуально или потенциально, но никакими усилиями нельзя создать новое направление развития. Новое направление развития может «создать» только сама система, когда сложные законы, управляющие происходящими в ней процессами, потребуют его появления.

В этом свете особо нелепыми кажутся многочисленные культурные и технические «революции», которые в двадцатом веке так много свершались, в тщетной надежде повернуть ход развития огромных социальных систем в несуществующих направлениях. Поддержание условий, которые мнятся необходимыми для выхода на такой несуществующий путь, требует таких значительных усилий, а условия эти настолько непригодны для естественного развития социальных систем, что они начинают «болеть» и прекращают развиваться.

И напротив, если социальная система уже готова изменить направление своего развития, то создать подходящие для этого условия возможно, а иногда и несложно. В этом смысле вполне естественной кажется политика перестройки в СССР, направленная на реализацию условий, способствующих уже назревшим социальным трансформациям. Но никогда и ни при каком стечении обстоятельств направление развития не может быть создано насильственно.

При описания различных типов нелинейного социального развития большое значение имеет представление о социальных аттракторах, или социоаттракторах. Социальным аттрактором мы будем называть устойчивый этап социального развития, существующий при определенных социальных, политических, экономических, технологических, экологических условиях и характеризующийся определенными социальными характеристиками.

Самыми известными социальными аттракторами являются циклы. Существуют многочисленные социальные и экономические циклические модели – выделяют множество социальных, политических, экономических, технологических природных циклов различной длительности. Самыми популярными были и остаются исследования экономической цикличности. Известны короткие экономические циклы Э. Митчела, Дж. Китчина (3–4 года), средние циклы Маркса (7–11 лет), К. Жугляра (8–10 лет), С. Кузнеца (15–23 лет), длинные циклы Н. Кондратьева¹.

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Однако можно показать, что представления о цикличности, несмотря на всю их популярность и значимость, оказываются недостаточными для описания всей сложности нелинейного социального развития. Еще в середине двадцатого века была обнаружена нестрогая периодичность исторических и экономических циклов. Действительно, смену государственного устройства или политического режима, переход к новому типу экономики, можно рассматривать как бифуркации отдельных циклов. Однако на поздних этапах развития, когда социальная динамика становится нелинейной, в социуме с необходимостью должны возникать сложные структуры, упорядоченные или хаотические – общественное и экономическое развитие адекватно описывается не циклами, а странными аттракторами.

Существование странного аттрактора в системе свидетельствует о развитии по некоторому сложному закону, предполагающему изменение всех характеристик в режиме «слабого» или упорядоченного хаоса, когда и период, и амплитуда колебаний меняются, но лишь слегка, сохраняя некоторую упорядоченность, ограничиваясь наперед известными пределами, неким «коридором». Траектория такого развития – сложная кривая, содержащая «намекы» на некоторую цикличность. Но именно такое поведение и рассматривалось ранее как «дефекты» теории циклов, в то время как оно является нормой хаотической динамики, которая предполагает и отсутствие точной повторяемости и Кондратьевское «наезжание» циклов друг на друга. Не точно повторяющееся, непериодическое, но «почти периодическое» поведение социальных систем, которое ставит в тупик приверженцев теории циклов, – это и есть детерминированный хаос, который рассматривается постнеклассической социальной онтологией как атрибут нелинейного развития.

Режим детерминированного хаоса не только не исключает, но даже обуславливает существование упорядоченных структур, в случае социума это государственные, политические, экономические институты и организации, инфраструктуры и т.д. Так что анархии, беспорядка и разрушения в случае социального детерминированного хаоса нет. Но детерминированный хаос обязательно связан с непредсказуемостью развития, которую могут испытывать как отдельные элементы социальной системы, так и все государство.

«Метод социального странного аттрактора» с легкостью объясняет нестрогую цикличность экономических и социальных про-

цессов, наличие «периодичностей» разной длительности, более коротких и менее коротких фаз и размытость фаз «циклов», которые на самом деле являются не циклами, а «кусками» детерминированного хаотического процесса.

Если анализировать историю, политику или экономику, то можно утверждать, что до определенного времени исторические, политические и экономические системы должны были развиваться циклически, поскольку именно такой вид развития свойственен нелинейным системам на ранних этапах существования, в «слабо нелинейных» режимах. Но к двадцатому веку мировые экономическая и политическая системы достигли такого уровня сложности, начиная с которого детерминированное хаотическое развитие становится не только возможным, но и необходимым. Рубежом, связанным с бифуркацией от цикличности к упорядоченной хаотичности, могла стать Первая Мировая война.

С помощью метода странных аттракторов можно объяснять и прогнозировать самые разные экономические феномены: колебания котировок акций, курсов валют, цен на товары. С другой стороны, этот метод обозначает принципиальную невозможность точных кратковременных прогнозов в экономических и социальных системах. В самом деле, из синергетики давно и хорошо известно, что в случае детерминированного хаоса невозможно говорить о точном значении характеристик детерминированной хаотической системы в определенный момент времени, хотя можно быть достаточно точно определить их средние и предельные значения. В этом случае точный прогноз заменяется вероятностным – и это все, чем должно довольствоваться исследование. Но это вероятностное знание все равно оказывается гораздо более точным, чем «точные» классические предсказания, которые не имеют отношения к реальности и поэтому не выполняются вовсе.

Постнеклассические представления позволяют исследовать и такие важные социальные и экономические феномены как кризисы. С точки зрения синергетики, экономические кризисы связаны с определенным типом бифуркаций – кризисами странных аттракторов. Кризис странного аттрактора – это качественное изменение хаотического состояния. Как и всякий бифуркационный процесс, кризис, по определению, краткосрочен по сравнению со «временем жизни» нелинейной системы. Можно выделить кризисы трех типов: 1) превращение хаотического состояния в упорядоченное;

2) превращение «слабого» хаоса в «сильный», усиление хаотичности; 3) превращение «сильного» хаоса в «слабый», ослабление хаотичности. Бифуркации и кризисы означают не только изменение характера развития системы, но и ее структурную перестройку, изменение характера связи между элементами.

Именно в силу своей неизбежности, закономерности, социальные и экономические кризисы предсказуемы, а значит, к ним можно подготовиться. Для прогноза кризисов необходима модель исследуемой системы, позволяющая определить, при каких значениях параметров в ней должны возникать бифуркации и кризисы. Именно такими моделями уже многие годы пользуются в физике, в биологии, в метеорологии. Задача исследования в подобных случаях сводится к тому, чтобы как можно точнее определить критические параметры и дать конкретные рекомендации, препятствующие их достижению или позволяющие уменьшить длительность нежелательных режимов.

Итак, постнеклассический формализм позволяет внести существенные коррективы в известные модели социального и экономического развития. Траекторией развития любых нелинейных социальных систем (а все реальные социальные системы нелинейны!) оказывается не прямая, не окружность, не гегелевская спираль, а куда более сложная, негладкая, извилистая, изломанная линия. Еще более усложняет процессы нелинейного развития фрактальность множества социальных объектов, всевозможных социальных сетей. Подчиняясь особым законам фрактального роста, социальные фракталы демонстрируют «ультранелинейное» развитие, которое нуждается в особом и тщательном изучении, и которое мы оставляем на перспективу.

Чрезвычайно важным является следующий факт. Нелинейный характер развития социальных и экономических систем предполагает, что развитием последних можно управлять. В самом деле, нелинейное развитие социальных систем поливариантно, а реализация вариантов во многом определяется собственными параметрами нелинейной системы. Это значит, что знание того, при каких параметрах реализуется тот или иной режим развития, предполагает возможность поворота в нужном направлении.

Для этого «всего лишь» нужно создать необходимые социальные, экономические, политические, культурные условия. Заметим, что классические представления о социальном развитии такой воз-

возможности не предусматривают: если возможное направление развития одно, то система с необходимостью должна следовать только по нему. Эта разница между «единственно-необходимым» и «множественно-возможным» – и есть разница между не существующим в реальности линейным и реальным нелинейным, разница между классическим и постнеклассическим.

Ахметова Э.И. (Уфа)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация: в статье проанализированы основные показатели научно-технического развития Российской Федерации и некоторые данные в международных рейтингах, отражающих научно-исследовательскую сферу. Было выявлено незначительное отставание от стран-лидеров по ряду показателей, что требует ведения целенаправленной деятельности для изменения этой ситуации.

Ключевые слова: наука, инновации, рейтинг, научные исследования, патенты, публикационная активность.

В последние несколько лет в условиях нового этапа модернизации научная сфера характеризуется значительными системными и структурно-функциональными преобразованиями, повлекшими за собой реорганизацию системы РАН, реформы в деятельности диссертационных советов, сокращение финансирования научных фондов и переориентация направленности деятельности научных организаций с фундаментальных на прикладные. Как отмечал В. Келле, важнейшей особенностью современной модернизации является переход к инновационному пути развития. В связи с этим наука, образование, интеллектуальный труд обеспечивают научно-технологический прогресс и становятся основными приоритетами государства. Создание и использование новых технологий является практической задачей развитых стран и способно обеспечить качество труда, повысить его производительность.²

При этом в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации отмечается, что в настоящее время высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00266 мол_а «Адаптационные стратегии молодых ученых в условиях институциональных изменений в науке: региональный контекст»

² Келле В. Ж. Состоится ли инновационная модернизация России? // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. №. 1.

являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности.¹

Одним из ключевых показателей научно-технического развития страны является уровень научно-исследовательской активности, который рассчитывается как общее количество научно-исследовательских статей, опубликованных в рецензируемых научных журналах и изданиях, включённых в систему индекса научного цитирования: Science Citation Index (SCI) и Social Sciences Citation Index (SSCI). Источником данного рейтинга является база данных научной статистики Thomson Reuters, Национального научного фонда США (US National Science Foundation) и международных научных организаций, а показатели публикуются в специальном отчёте «Science and Engineering Indicators» Национального научного фонда США. В 2018 г. Российская Федерация согласно данному рейтингу находилась на 15 месте из 195 обследуемых государств. На первых трех местах находятся такие страны, как США, Китай и Япония².

Уже в другом рейтинге, характеризующем публикационную активность в естественнонаучных областях, Россия занимает десятое место. Лидирующие позиции так же за Китаем и США. При этом, в этом рейтинге Россия по отдельным направлениям входит в пятерку лучших, в других, вносит незначительный вклад в мировую науку. Всего за 2015–2017 гг. в естественнонаучных областях учеными из РФ создано 3,7 % публикаций в международных научных журналах³.

Агентство Bloomberg ежегодно составляет рейтинг инновационных экономик – **Innovation Index**, основными критериями оценки являются количество и качество проведенных исследований в науке и инженерии, наличие высоких технологий и их распространенность, а также поддержка науке со стороны государства. Согласно

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-nadolgosrochnyy-period/> (дата обращения: 12.12.2018).

² Рейтинг стран мира по уровню научно-исследовательской активности. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/scientific-and-technical-activity/info> (дата обращения: 13.12.2018).

³ Экспресс-информация: Россия в рейтинге стран по публикационной активности ученых: естественные и точные науки от 19.07.2018 URL: https://issek.hse.ru/data/2018/07/19/1151513834/NTI_N_92_19072018.pdf (дата обращения: 11.12.2018).

данному рейтингу, Российская Федерация к 2018 г. ухудшила свои позиции. По сравнению с предыдущим обследуемым годом, Россия опустилась с 14 на 26 место¹.

В России объем внутренних затрат на исследования и разработки достиг к 2016 г. – \$37, 2 млрд, что практически в 5 раз больше по сравнению с 1995 г.². При этом, Россия заняла десятое место в рейтинге ведущих стран мира по величине внутренних затрат ИР, уступив свою позицию Бразилии. На первом месте рейтинга – США (\$502,9 млрд.), далее идут Китай (\$408,8 млрд.) и Япония (\$170 млрд.).

По другому показателю – удельного веса затрат на науку в ВВП – Россия (с 1,1 % ВВП) находится на 35-м месте в мире. В пятерке лидеров – Израиль (4,25 %), Южная Корея (4,23 %), Швейцария (3,42 %), Япония (3,29 %) и Швеция (3,28 %). США и Китай, лидирующие по объему внутренних затрат на ИР, по их доле в ВВП занимают 11-е и 18-е места (2,79 и 2,07 %).

По численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 10 000 занятых в экономике, РФ в 2016 году в мировом рейтинге занимал 26 место (111 чел.). Лидерами по данному показателю являются Тайвань (220 чел.), Израиль (211 чел.), Дания (210 чел.). Наименьший показатель наблюдается в Индонезии (6 чел.)

Несмотря на то, что за последние несколько лет в российской науке наблюдается увеличение числа исследователей (2005 г. – 99428 чел., 2016 г. – 108388 чел.), сокращается прием соискателей в аспирантуру. Так, в 2005 г. в аспирантуру поступила 46896 чел., то в 2016 г. почти вдвое меньше – 26421 чел.³

Еще одним ключевым показателем характеризующим сферу науки и инноваций является патентная активность. За период с 2011 г. количество патентных заявок на изобретения, поданных российскими учеными за рубежом и в России, увеличилось на 39 %, однако мы значительно отстаем от стран-лидеров. При этом, по данным за 2018 г., наибольшее число заявок отмечается в та-

¹ The U.S. Drops Out of the Top 10 in Innovation Ranking. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls> (дата обращения: 12.12.2018).

² Индикаторы науки: 2018: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018.

³ Регионы России Социально-экономические показатели. 2017: сб. ст. / Росстат. М., 2017. С. 588.

ких странах Китай, США и Япония, Россия же находится на 12 месте (в 2017 г. – 10 место)¹.

Таким образом, необходимо отметить, что Россия не значительно отстает от стран-лидеров по ряду показателей, характеризующих научную сферу. Не высокие позиции в рейтинге генерации новых знаний, выражающихся в публикационной активности в международных базах данных; низкая эффективность распространения знаний, выражающихся в практическом использовании полученных данных и результатов исследований; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; удельный вес затрат на науку в ВВП – это те показатели, над совершенствованием которых, необходимо вести планомерную работу.

¹ World Intellectual Property Indicators 2018 URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2018.pdf (дата обращения 12.12.2018)

Буланова М.Б. (Москва)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕЕТ-МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация: в статье предпринята попытка определить границы, выделить основные черты и дать социальный портрет НЕЕТ-молодежи. К этой группе относятся молодые люди 15–24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку. С появлением такой группы в составе молодежи в начале XXI в. столкнулись развитые страны, в том числе и Россия. НЕЕТ-молодежь образует прекарную группу современного общества, поскольку находится под угрозой бедности, отчуждения и социальной эксклюзии.

Ключевые слова: молодежь, поколение Z, НЕЕТ-молодежь, безработная молодежь, экономически неактивная молодежь.

В конце 1990-х гг. на смену поколению X пришло новое поколение, получившее у исследователей наименование – поколение Z. Новая генерация представлена реалистичными людьми, которые недоверчиво относятся к медиа и политикам, рассуждающим о будущем без опоры на настоящее. Они сложно поддаются внушению и управлению со стороны тех, кто воспринимается ими как чужой, предпочитая во всем руководствоваться своим мнением и здравым смыслом.

В отличие от предшествующих поколений, представители поколения Z никогда не смешивают работу и свою личную жизнь. Их отношение к труду можно считать нейтральным: они не совершают трудовых подвигов во имя общего дела, но только ради построения собственной профессиональной карьеры. Больше, чем на работу, они ориентированы на досуг, в организации которого требовательны и изобретательны. Это дерзкие люди, настаивающие на уважении к себе, к своим потребностям и интересам.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

И, наконец, это настоящие цифровые аборигены (digitalnatives), для которых естественно жить в социальных сетях. Они являются первым поколением, которое растет в публичной сети, документируя там свою жизнь¹.

NEET-молодежь является частью поколения Z, наследуя черты, присущие данному поколению. Термин NEET (Not in Employment, Education or Training) в отношении к молодежи был впервые упомянут в 1999 г. и только в 2010 г. Евростат разработал стандартизированное определение NEET-молодежи. Это молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку. Показатель доли представителей NEET рассчитывается отдельно для возрастных групп 15–19 гг. и 20–24 гг. Однако в последнее время для более детального анализа Евростат рекомендует рассчитывать этот показатель для возрастной группы: от 15 до 34 лет.

Следует подчеркнуть, что анализ масштабов, динамики и отличительных характеристик данной группы в конкретной стране проводится на основе общенациональных обследований рабочей силы. Ряды NEET-молодежи пополняются естественным образом за счет увеличения численности поколения Z и за счет уменьшения численности других поколений в составе рабочей силы.

В настоящее время в Европе численность NEET-молодежи в среднем составляет 14,7 % трудоспособного населения в возрасте 15–34 лет. В большой степени этот показатель зависит от общего числа безработной молодежи, поэтому несколько варьируется по странам. Например, максимальная численность NEET в Италии – 25,5 %, Греции – 24,2 %, Испании – 17,9 %; минимальная – в Норвегии – 7,9 %, Швеции – 6,9 %, Исландии – 4,5 %².

Феномен NEET-молодежи достаточно активно исследуется за рубежом в связи с наметившимися общими негативными тенденциями. Одна из них: увеличение числа безработной молодежи. Согласно оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2016 г. мировой уровень безработицы среди молодежи составлял 13,1 % и оста-

¹ AlexWilliams. Move Over, Millennials, Here Comes Generation Z. The New York Times, 18.09.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/20/fashion/move-over-millennials-here-comes-generation-z.html> (дата обращения: 14.10.2018).

² Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labour status (NEET rates). http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en (дата обращения: 11.10.2018).

вался на этом уровне до 2017 г. (с 12,9 % в 2015 г.). Как отмечается, тревожной тенденцией является увеличение доли и количества молодых людей, которые живут в крайней или умеренной бедности, несмотря на то, что у них есть работа. По данным МОТ 2017 г. в этом положении находятся 156 миллионов или 37,7 % рабочей молодежи¹. Понятно, что на таком негативном фоне НЕЕТ-молодежь выглядит особенно незащищенной.

Социологические подходы к НЕЕТ-молодежи связаны, прежде всего, с изучением ее структуры. В настоящее время в составе группы НЕЕТ выделяют две подгруппы: *безработную молодежь*, которая не имеет работы, но готова к ней приступить, как только найдет, и *экономически неактивную молодежь*, использующую альтернативные трудоустройству практики.

В подгруппе временно безработных, например, находится та часть НЕЕТ-молодежи, которая попала в естественный разрыв между окончанием учебы и устройством на работу. Причем, чем больше период разрыва, тем чаще эта часть молодежи прибегает к коллективным методам поиска работы (регистрация на бирже труда) или учебы (продолжение образования или переквалификация). Однако в последнее время японские исследователи обращают внимание на появившийся феномен SNEP – индивидуальную безработицу и формирование нового социального типа – изолированного безработного.

Выбор НЕЕТ-молодежью альтернативных трудоустройству практик также включает несколько вариантов. Среди них: ведение домашнего хозяйства, уход за теми членами семьи, которые еще не могут работать (дети) или уже не могут работать (престарелые родители или родственники). Этот вариант практик является традиционным и, в той или иной степени, он присутствует и в других поколениях.

В каждом поколении присутствуют люди, имеющие те или иные проблемы со здоровьем, в том числе и среди НЕЕТ-молодежи. Отказ от работы и учебы по причинам тяжелой инвалидности ставит этих людей в зависимость от помощи родственников и государства. Эти люди нуждаются в социальной защите и в той или иной мере получают ее, проявляя подчас личный героизм сопротивления как болезни, так и жизненным обстоятельствам.

¹ Gen Z: Get Ready for the Most Self-Conscious, Demanding Consumer Segment. URL: <https://www.funglobalretailtech.com/research/gen-z/>(дата обращения: 14.10.2018).

Отдельно можно выделить NEET-молодежь, представители которой сознательно на время отказываются от работы или учебы. Например, эта часть молодежи предпочитает после завершения учебы отправиться в путешествие, подумать о смысле жизни и о своем предназначении прежде, чем начинать поиски работы. Однако если период самопознания затягивается, вероятность удачного трудоустройства тоже отодвигается.

Во время поиска работы молодежь испытывает большой стресс, усугубляющийся при росте числа неуспешных попыток трудоустройства. Так, в категорию NEET попадают классические неудачники – отчаявшиеся, не нашедшие работу.

И, наконец, в составе NEET-молодежи можно выделить подгруппу тех, кто добровольно сделал выбор в пользу данного варианта жизни. Если все остальные представители NEET, так или иначе, ищут выход из ситуации, эта категория старается извлечь ту или иную выгоду из сложившегося положения. Привычка «сидеть на шее» у родителей и жить за их счет порождает тревогу у общества – а кто будет заботиться о них, когда родителей не станет? В этой связи в Японии изучается молодежь, получившая название «хикикомори» (находящиеся в уединении), т.е. добровольно изолирующие себя от общества и общественной жизни на срок более 6 месяцев¹.

Социологи исследуют и факторы попадания в NEET-молодежь. Следует отметить, что свой путь пополнения NEET есть у каждой из выделенных подгрупп. Как правило, к группе риска можно отнести тех, кто получил основное или среднее образование, но по тем или иным причинам не смог сразу выбрать подходящую образовательную или профессиональную траектории. Одной из причин может быть недостаточный уровень образовательного и социального капитала семьи. Так, дети безработных родителей или родителей с низким уровнем образования имеют высокие шансы пополнить ряды NEET-молодежи. То же самое относится и к многодетным семьям, а также домохозяйствам, имеющим низкий уровень доходов. Часто, чтобы продолжить учебу или найти хорошее место работы от семьи требуются немалые материальные вложения, которые зачастую попросту отсутствуют. Проживание в небольших или отдаленных населенных пунктах также становится причиной того,

¹ Голюсова Ю. В. Формирование группы NEET-молодежи в современном мире. URL: file:///C:/Users/marin/Desktop/NEET-молодежь/Goliusova_Formirovanie_gruppy_NEET_molodezhi_2017.pdf (дата обращения: 09.10.2018).

что молодежь не может найти работу или продолжить образование на родине, а, получив статус мигранта, рискует пополнить ряды безработных либо в больших городах, либо в другой стране.

Кроме объективных обстоятельств попадания в данную категорию, существуют и субъективные причины. К их числу исследователи чаще всего относят: недостаточный уровень и качество полученного образования, а также плохое состояние здоровья. В группу риска попадают девушки, рано родившие ребенка. В этом случае, без помощи родителей и родственников, молодая женщина рискует остаться и без достойной работы, и без качественного образования.

Эмпирические исследования NEET-молодежи в России проводились Е.Я. Варшавской в 2015 г. и А.А. Зудиной в 2016 г. на основании данных Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимых Росстатом. ОНПЗ представляет собой выборочное обследование домохозяйств, проводимое Росстатом с 1992 г. во всех субъектах Российской Федерации (с 1999 г. до августа 2009 г. ежеквартально, а затем ежемесячно). Его репрезентативная годовая выборка составляла около 270 тыс. человек при ежеквартальном сборе данных, и примерно 800 тыс. человек при ежемесячном.

По данным ОНПЗ в 2014 г. в России общая численность молодежи в возрасте 15–24 лет составила 18,0 млн человек. Из них более половины (9,6 млн, или 53,6 %) были учащимися или студентами, треть (6,0 млн, или 33,4 %) являлись занятыми, 2,3 млн (13,0 %) относились к категории NEET. Иначе говоря, каждый восьмой россиянин в возрасте 15–24 лет находился вне сферы занятости и образования, т.е. не работал и не учился.

Среди подгрупп: NEET-безработных в 2014 г. было 5,3 %, экономически неактивных – 7,7 %. Другими словами, около 40 % молодого населения в возрасте 15–24 лет, включенного в группу NEET, являлись безработными, а 60 % относились к экономически неактивным и не участвовали ни в каких формах обучения¹.

Российские социологи отмечают, что подавляющее большинство NEET-молодежи разных возрастов обладает невысоким уровнем образования, что, по всей видимости, и препятствует трудоустройству. При этом безработные NEET, как правило, вообще не имеют опыта работы, что в дальнейшем может усугубить их незавидное положение.

¹ Варшавская Е. Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.

ние на рынке труда по сравнению с теми, кто получил профессиональное образование и имеет стаж работы по специальности.

Еще одна негативная тенденция связана с увеличением рисков попадания в данную категорию сельской молодежи, прежде всего, в связи с отсутствием достаточного количества рабочих мест и высокими издержками территориальной мобильности.

Кроме того, вовлечение НЕЕТ-молодежи в образовательную траекторию, связанную с получением высшего профессионального образования, лишь ненадолго может решить проблему, так как в данный статус будут все чаще попадать выпускники некачественных вузов¹.

Социологов также волнуют последствия попадания в группу НЕЕТ-молодежи. В зависимости от продолжительности пребывания в группе НЕЕТ, у молодых людей могут наступить различного рода социальные последствия.

Во-первых, это – уменьшение шансов на дальнейшую стабильную занятость. Отсутствие привычки к каждодневному постоянному труду является причиной пополнения представителями НЕЕТ экономических групп неформально занятых или самозанятых.

Во-вторых, сложности с построением профессиональной карьеры могут привести впоследствии к низкому уровню доходов и бедности.

В-третьих, длительная социальная и индивидуальная невостремленность может привести к проблемам с физическим и психическим здоровьем личности. Желание привлечь к себе внимание, а также стремление немедленно удовлетворять все возрастающие потребности порождает склонность к правонарушениям, вплоть до участия в социальных конфликтах.

Тревога современного общества связана с возможностью пополнения отдельными представителями НЕЕТ групп социальной патологии. Достаточно долгое неучастие в социальной жизни, а также уход в виртуальную реальность может способствовать уменьшению доверия со стороны этой части молодежи к социальным институтам.

В заключении можно сделать следующие выводы. НЕЕТ-молодежь представляет собой социальную группу, сформировавшуюся в рамках поколения Z в силу определенных объективных и субъективных изменений мирового общества. НЕЕТ-молодежь имеет как

¹ Зудина М. «Не работают и не учатся»: НЕЕТ-молодежь на рынке труда в России. М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2017.

общие черты (связанные с принадлежностью к поколению Z), так и специфические характеристики, связанные со страновой принадлежностью.

Появление такой группы среди молодежи вызывает тревогу у работодателей в связи с их отличным от других групп отношением к труду и к своему образовательному и профессиональному статусу. Стимулирование представителей НЕЕТ-молодежи к повышению квалификации и переобучению, которое имело бы четкую связь с требованиями рынка труда, а также создание новых рабочих мест на селе могло бы привести к сокращению численности данной группы.

Молодежь, которая нигде не учится и не работает, образует прекарную группу, поскольку подвержена рискам маргинализации, бедности, отчуждения и социальной эксклюзии.

Специфика НЕЕТ-группы, оказывающая влияние на положение и поведение молодежи в современном обществе, порождает необходимость ее дальнейшего теоретического и эмпирического изучения.

Новичкова И.Ю. (Саратов)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: гражданская культура рассматривается в контексте общественных систем российского общества. Определены критериальные признаки гражданской институциональности. Сделан акцент на диалектическую процессуальность гражданской культуры. В качестве одного из теоретико-методологических оснований определения моделей современной гражданской культуры рассматривается теория модально-базовой личности.

Ключевые слова: гражданская культура, гражданственность, этапы развития гражданской культуры, институциональность гражданственности.

Важное теоретическое и практическое значение имеет разработка концептуальных основ, принципов, критериев типологии различных видов гражданской культуры на разных этапах ее процессуальной динамики. Эта проблема имеет особое значение применительно к гражданской культуре, развивающейся в контексте весьма противоречивого социоисторического бытия России пережившей не единожды глубочайшие системные кризисы, характеризующиеся сложными, болезненными процессами коренных модернизаций.

Предварительный анализ различных аспектов развития гражданской культуры позволяет выдвинуть тезис о том, что в не всегда целенаправленном процессе генезиса и развертывания, гражданских начал бытия можно выделить ряд этапов. Этап примитивно-естественной корпоративно-поселенческой, доинституциональной гражданской культуры. Это этап обогащения зачатков естественной гражданственности элементами определенных навыков, традиций, знаний, опыта гражданского солидарного существования. Следующий этап становления гражданской культуры связан с развитием социальных институтов общества, таких как государство, семья, церковь, трудовая корпорация и т.д. На этом этапе граждан-

ская культура начинает сопрягаться с профессионально-трудовой, должностной компетентностью.

Именно на этом этапе происходит процесс определенного расчленения гражданственности на доминанты содержания и формы естественности и ритуальности. Определенные интенции гражданственности из сферы внутренних значимых побуждений перемещаются в пространство профессиональных обязанностей если уж не быть гражданином, то хотя бы добросовестно выполнять обязанности гражданина.

Можно предположить, что при благоприятных внутренних мотивациях и внешних условиях гражданская культура как феномен духовной реальности, воплощаемой в определенных принципах, нормах, традициях, вещественных атрибутах начинает приобретать институциональный статус.

Заняв свое место в системе общественного сознания, гражданская культура может изменить вектор своего развития как это случилось, к примеру, в нашей стране в 90-е годы XX века, а еще раньше в период революционных событий 1917 года.

По своей сути в подобных социоисторических условиях происходит смена типа гражданской культуры, причем этот процесс растягивается на многие годы и десятилетия и сопряжен с глубокими, качественными изменениями в мотивационных, ценностных, нравственных основаниях гражданственности.

В более благоприятных условиях возможно обострение противоречий между более стабильной, консервативной институциональной формой гражданской культуры и ее динамично меняющимся содержанием.

Формируется своеобразная постинституциональная гражданская культура, нередко принимающая формы гражданского бунта, инновационного гражданского раскрепощенного ренессанса, борьбы носителей традиционной и инновационной, «бесформенной» гражданской культуры. Обоснование подобного исходного тезиса о формах и моделях гражданственности и ее высших проявлениях выражаемых феноменами гражданской культуры связано с множеством нерешенных теоретических и методологических проблем.

Одна из них связана с определением базового критерия классификации гражданственности.

С нашей точки зрения в качестве такового можно использовать гражданский поступок, рассматривая его и как онтологическую ре-

альность и как социологическую категорию. Под гражданским поступком понимаются действия субъекта гражданственности, ограниченные временными параметрами, в которых проявляются внутренние гражданские мотивационные ресурсы, функциональные и иные признаки гражданственности.

В качестве основного субъекта гражданского поступка целесообразно рассматривать личность, причем не обязательно имеющую юридический статус гражданина.

В качестве одного из теоретико-методологических оснований определения моделей современной гражданской культуры можно рассматривать теорию модально-базовой личности, активно разрабатываемую современными философами, антропологами, психологами, социологами.

Можно использовать множество уровневых, аспектных, структурных, функциональных критериев выделения, классификации феноменов гражданственности, в той или иной точке жизненного, социокультурного пространства. Весьма эффективен метод выделения в социальном мире доинституциональных и собственно институциональных свойств, ресурсов, практических проявлений гражданственности.

Продуктивность подобного подхода обусловлена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, он позволяет с максимальной полнотой представить два класса гражданственности – неупорядоченный, детерминированный лишь индивидуальными свойствами, интересами, ценностными установками «одинокого человека», причем одинокого и в своем собственном жизненном мире и в социальном мире – мире семьи, группы, страты, государства, общества и гражданственности институциональной. Данный подход, в некоторой мере, снимает противоречие, противопоставление институциональных методов научного анализа гражданственности и иных приемов осмысления, в большей степени сориентированных на «автономную» личность, «бунтующего», «не укорененного» в актуальности человека.

В доинституционализированном социальном пространстве можно выделить несколько видов жизненного, гражданского бытия и поведения субъектов.

Начнем с пессимистического диагноза нашего времени, поставленного Карлом Ясперсом: «Сегодня мы живем, ощущая невозможность найти нужную нам форму жизни. Мир предлагает нам теперь

не много истинного и прочного, на что отдельный человек мог бы опереться в своем самосознании. Поэтому человек живет либо в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя, чтобы... не размышляя, предаться своему витальному существованию, теряя свою индивидуальность, перспективу прошлого и будущего, и ограничиться узкой полоской настоящего, чтобы, изменяя самому себе, стать легко заменяемым и пригодным для любой поставленной перед ним цели, пребывать в плену раз и навсегда данных, непроверенных, неподвижных, недиалектических, легко сменяющих друг друга иллюзорных достоверностей. Тот же, кто таит в себе недовольство, проявляющееся в вечном беспокойстве, постоянно ощущает внутренний разлад. Он вынужден всегда носить маску, менять эти маски в зависимости от ситуации и от людей, с которыми он общается. Он... перестает постигать самого себя, так как, нося постоянно маску, он, в конце концов, сам уже не знает, кто он»¹.

Подобный контекст бытия, или жизненное пространство, обозначенное К. Ясперсом как не истинное, не прочное, не диалектическое, видимо не очень благоприятное для генезиса и развертывания гражданских потенций личности. Но это с одной стороны.

С другой стороны, сама изображенная К. Ясперсом личностная модель, не осознает себя в качестве свободного, самодостаточного, целеустремленного активного субъекта осмысленной жизнедеятельности, в том числе и реализации своих гражданских устремлений или гражданских обязанностей.

Диагноз, поставленный известным социологом верен в принципе, но в каждом конкретном историческом, социокультурном контексте степень распространенности подобных феноменов весьма вариативна. В социальных пространствах, где доминируют явления, процессы кризисной переходности от одного типа социальности к другому, точнее к иным вариантам социальности, состояния жизненной, гражданской неопределенности, социального пессимизма относятся к классу наиболее массовых. Причем оно типично для субъектов различного экономического положения, политической, идеологической ориентации, нравственных, культурных предпочтений.

К сожалению, диагностика данных состояний сопряжена с рядом и методологических, и методических трудностей. Классические принципы, методики структурирования населения, граждан по эко-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М., 1994. С. 115–116.

номическим, политическим, идеологическим, религиозно-конфессиональным, поселенческим и иным критериям не всегда позволяют с высокой степенью надежности измерить степень распространенности субъектов данного жизненного, гражданского поведения. В эту своеобразную социальную страту могут быть причислены и состоятельные работодатели, и безработные граждане, представители творческой элиты и жители отдаленных сельских регионов, просвещенные и малообразованные, женщины и мужчины, представители различных поколений.

Эта доминирующая в современном российском обществе, имеющая весьма своеобразную пространственную конфигурацию страта, сегодня и в обозримой перспективе во многом будет предопределять те или иные варианты становления доинституционализированной, институционализированной гражданской оптимальности и гражданской целостности России.

В социальном пространстве России необходимо обратить внимание на явления критической, а нередко и деструктивной, с точки зрения современных правовых, политических норм и ценностей, гражданственности. Наиболее типична данная форма гражданской лично-индивидуальной самореализации для представителей творческой интеллигенции, для некоторых категорий технико-технологической элиты, средств массовой информации, служащих религиозных культов. Как правило, занимая активную гражданскую позицию, ее субъекты весьма скептически, а подчас и критически относятся к институциональным практикам гражданственности, предпочитая действовать свободно, независимо от корпоративных и иных институциональных регламентаций.

Гражданственность в процессуальном смысле является одной из альтернатив самореализации, причем такой самореализации, которая имеет граждански значимый целевой характер, субъектна и предметна одновременно. Институциональность гражданственности указывает на то обстоятельство, что она реализуется в тех формах, видах, которые предопределяются определенным набором типичных принципов, правил, универсальных процедур. Важнейший критерий современной институциональности гражданственности – это свободная, добровольная идентификация ее субъекта с нормами, ценностями того или иного социального института.

Институционализм занимает достаточно прочные позиции в системах социологических наук.

На статус классической парадигмы претендует теория институционализации, разработанная известными американскими социологами П. Бергером и Т. Лукманом. Базовые положения теории применимы к осмыслению проблематики институализации гражданственности.

Концептуальное ядро данной теории образуют идеи об институализации как последовательности привыкания или адаптации к режимам социальности, типизации и легитимации.

Процесс привыкания к гражданственности как особому состоянию человеческого духа и как способу практической самореализации имеет не только системный, но и вариативный, многоаспектный, многоуровневый характер. Механизм гражданской самореализации как привычки имеет достаточно сложную структуру, в которой центральное место занимает не собственно периодическая гражданская деятельность как таковая, а процесс ее осмысления, фиксации ее смысла, целей, содержания, последствий в сознании личности. Именно таким образом формируется привычность тех или иных граждански значимых действий. Таких, например, как участие в голосованиях, в деятельности общественных организаций, социальных движений, в работе представительных органов власти, управления и самоуправления и т.д.

На этом этапе привычное, осмысленное гражданское поведение еще не превращается в определенный стиль деятельности. Подобная диалектичность складывается на последующем этапе институционалистического процесса.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями, иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия»¹.

Второе очень важное обстоятельство заключается в том, что П. Бергер и Т. Лукман распространяют принцип определенной универ-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 89–90.

сализации не только на индивидуальные действия, но и на индивидуальные деятели. Подобное понимание институционализации создает методологические предпосылки для системы измерительных процедур, в нашем случае реальной, а не только формальной гражданственности. Принадлежность человека к тому или иному политическому сообществу, имеющему статус социального института, априори не обуславливает его гражданственность. Личность формирует гражданский потенциал посредством взаимодополняющего, синтетического процесса типизации, как гражданских действий, так и типизации самих субъектов гражданственности, которые обуславливает универсализацию стиля гражданского поведения.

В качестве высшего, как наиболее качественного этапа институционализации П. Бергер и Т. Лукман рассматривают процесс легитимации. Как отмечают авторы, «легитимация говорит индивиду, не только почему он должен совершать то или иное действие, но и то, почему вещи являются такими, каковы они есть. Иначе говоря, «знание» предшествует «ценностям» в легитимации институтов. Аналитически можно разделить легитимацию на различные уровни (которые на практике, конечно же, пересекаются). Зачатки легитимации появляются сразу же, как только систему лингвистических объективаций человеческого опыта начинают передавать последующим поколениям»¹.

Авторы обосновывают очень важное методологическое положение об исходных механизмах социокультурной, исторической преемственности на уровне так называемого массового, донаучного сознания, когда тот или иной феномен реальности воспринимается обыденным сознанием, оценивается, становится бытийной традицией и передается последующим поколениям.

Подобный механизм преемственности действует и в пространстве динамичного развития гражданских отношений и гражданских ценностей.

Первый, или исходный, уровень легитимации органично сопряжен со вторым. На данном этапе реалии гражданских поступков и действий выражаются и фиксируются в виде донаучных, нередко образных формул и понятий.

«Второй уровень легитимации, – отмечают П. Бергер и Т. Лукман, – содержит теоретические утверждения в зачаточной форме. Здесь

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 90.

можно обнаружить различные объяснительные схемы относительно ряда объективных значений. Эти схемы всегда прагматичны, непосредственно связаны с конкретными действиями. Пословицы, моральные максимы, народная мудрость, сказки, легенды, часто передаваемые в поэтической форме, – примеры этого уровня»¹.

В пространстве динамичного развития гражданственности, гражданских традиций, символов гражданской состоятельности и значимости в качестве примеров данного уровня выступают факты селективного восприятия и оценки тех или иных граждански значимых действий, поступков, поведения авторитетных субъектов гражданственности, анализа норм Конституции, других базовых нормативных правовых документов, регламентирующих гражданские свободы, права и обязанности.

Это уровень определенной переходности от гражданского опыта к гражданской культуре в ее исходно-обыденных формах.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «третий уровень легитимации содержит явные теории, с помощью которых институциональный сектор легитимизируется в терминах дифференцированной системы знания. Такие легитимации предусматривают хорошо понятные системы отсчета для соответствующих секторов институционализованного поведения. Из-за их сложности и специализации они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения... Иначе говоря, вместе с развитием специализированных теорий легитимации и с тем, что они все время находятся в распоряжении экспертов в этой области, легитимация выходит за пределы практического применения и становится «чистой теорией»².

Третий уровень легитимации – легитимности феноменов гражданственности достигается путем диалектического синтеза цивилизованной культуры, сформировавшегося научного мировоззрения, социальной самодостаточности ее субъектов. Именно на этом этапе развертывания содержательной, качественной гражданственности корректно вести речь о целостном современном гражданском обществе. Важное теоретико-методологическое значение для нашего исследования имеют выводы П. Бергера и Т. Лукмана о сущности завершающего этапа легитимации.

¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 90.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 91.

«Четвертый уровень легитимации, – пишут авторы, – составляют символические универсумы. Это системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности... Символические процессы – это процессы сигнификации (обозначения), имеющие отношения к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни. Нетрудно заметить, что символическая сфера связана с самым всесторонним уровнем легитимации и что эта сфера выходит за пределы практического применения раз и навсегда. Легитимация теперь осуществляется посредством символических совокупностей, которые вообще не могут быть восприняты в повседневной жизни, за исключением, конечно, «теоретического опыта...»¹.

Рассматривая данные положения применительно к проблематике легитимации гражданственности, можно предположить, что гражданственность данного уровня не только перемещается в сферу духа, но и становится компонентом культуры.

Симптомы подобного диалектического перемещения гражданского опыта, гражданских действий в область гражданского духа проявляются на различных этапах гражданского развития субъекта, закладывая некие предпосылки формирования гражданского характера с теми или иными доминантными признаками.

Диалектика переходных состояний российского общества и гражданской культуры органично сопряжена с диалектичностью гражданского универсализма и гражданской уникальности. Особый слой или ресурс гражданственности образуют феномены контрмедиальной, срединной гражданственности, выполняющей стабилизирующую функцию.

Таким образом, в любом гражданском пространстве, в любой гражданской системе, на уровне любого субъекта гражданственности, имеется некий универсально-стабилизирующий гражданский ресурс.

Важнейшим критерием гражданского универсализма выступает толерантность его носителей и чувство гражданской солидарности.

Гражданская типичность, в контексте процессуальности, диалектичности гражданских отношений есть сфера бытия в наибольшей степени характерная для внутренней текущей ситуации переживаемой её субъектами и адекватная текущему социально-историческому контексту.

¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 92.

Если измерителем бытия гражданского универсализма служит эпоха, то гражданская типичность проявляется в пределах более короткого исторического этапа.

Практически не исследована проблематика гражданской уникальности. Гражданская уникальность – это не только и даже не столько характеристика её субъекта, сколько характеристика процесса гражданской самореализации, отличающегося инновационностью, не повторяемостью, а иногда и не логичностью и не рациональностью гражданских поступков.

Категория «гражданская уникальность» не всегда совпадает с категорией «гражданская элитарность». Гражданская элитарность проявляется в конструктивной гражданской уникальности, она есть лучшая, образцовая гражданственность. Определенный элитарный слой или элитарное ядро существует в структуре универсальной и типичной гражданственности.

Потенциал гражданской уникальности в наиболее концентрированном виде проявляется на этапе переходных состояний общественного, цивилизационного развития, в периоды революционных модернизаций.

В различных моделях уникальности могут доминировать как конструктивные, так и деструктивные начала, причем меры этих начал, их критерии субъективны и весьма плюралистичны.

Один и тот же гражданский уникальный поступок может рассматриваться и как гражданский подвиг и как уголовное преступление. Типичный пример – гражданские поступки отечественных экстремистов совершавших покушения на представителей царской и советских правящих элит.

В 90-х годах XX века, энергично вытесняя ресурсы социалистической гражданской типичности, причем, не встречая, как правило, со стороны последних ни какого противодействия, в гражданском пространстве России стали формироваться ресурсы деструктивной гражданской уникальности.

Переходные состояния общественного развития, в целом, предопределяя контекст переходности гражданской культуры, смены её моделей, структуры и функций, задают определенные детерминационные предпосылки для интенсификации, хаотизации данного процесса.

Однако, как нам представляется необходимо поставить под сомнение принципы ступенчатого, последовательного развития-раз-

вертывания социальных, в том числе и гражданских процессов в направлении от менее сложных к более сложным к более гуманным и цивилизованным.

Подобная упрощенная диалектичность удобна для анализа социальной динамики на уровне методологического механизма, но она не продуктивна в рамках комплексной методологии познания.

Как пишет А.А. Зиновьев « В мире... переплетаются различные эволюционные линии. Порой они совпадают так, будто они образуют одну важную линию. Обрыв одной линии не обязательно есть начало другой. Так конец монархического режима в России не был началом коммунистического строя,-линия последнего уходит в глубь общественной жизни и в прошлое так, что она долгое время сосуществует с линией монархического режима»¹.

Данный методологический вывод применим и в анализе степени синхронизации развития гражданственности на этапах переходности. Каждая из этих линий развития имеет свои особенности. В одних случаях прогрессивный вектор общественной активности может сосуществовать с регрессивной логикой гражданского бытия и наоборот – прогрессивное развитие гражданственности довольно длительный период может сосуществовать с кризисным бытием и общества и государства.

¹ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 38.

Суркова И.Ю. (Саратов)

РЕПЕРТУАР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация: в статье освещаются различные теоретические интерпретации социально-трудовых конфликтов в подразделениях пожарной охраны. Акцентируется внимание на теориях структурно-функциональной парадигмы в классическом осмыслении природы социальных противоречий, возникающих в служебном коллективе. Современный репертуар социологический теорий представлен концепцией перераспределения ресурсов М. Фуко и концепцией самовоспроизводства и конструирования профессиональных групп через конфликтологический потенциал.

Ключевые слова: социально-трудовые конфликты, профессиональная идентичность, социальные изменения, структурно-функциональный подход, противопожарная служба.

Коллектив сотрудников силовых структур, к которым, бесспорно, относится и противопожарная охрана, являясь структурным элементом жестко иерархизированной организации, зачастую вступает в сложную систему социально-психологических взаимодействий, как с гражданским социумом – извне, так и с представителями самой организации – изнутри. В структуре взаимоотношений сотрудников силовых структур (аналогично армейскому социальному пространству) можно выделить несколько сфер: служебную, общественно-политическую, неслужебную (бытовую), а также систему межличностных психологических отношений¹. Однако, довольно сложно разделить данные сферы взаимодействий в повседневных практиках общения сотрудников, поскольку помимо официально регламентируемых интеракций, в момент несения службы сотруд-

¹ Чернобай А. Женщины на военной службе: социальный статус и проблемы социального характера // Женщина. Образование. Демократия. Минск: ЭНВИЛА-М, 2002. С. 153.

ники вступают в разнообразно складывающиеся отношения, которые могут возникнуть стихийно.

В своих научных исследованиях В.О. Микрюков, Э.Н. Яковлева, А.М. Фролова обращали внимание на то, что «характер взаимоотношений влияет на уровень морально-психологического состояния личного состава и проявляется в таких показателях, как уровень удовлетворенности отношениями в коллективе, отсутствие конфликтов среди различных категорий военнослужащих, уверенность в своих сослуживцах»¹. К этим показателям можно добавить высокую степень солидарности и доверия не только к сослуживцам, но и к командованию, что способствует формированию определенного типа служебных отношений, представляющих собой важнейшую основу взаимодействия людей при решении профессиональных задач.

К сожалению, служебные отношения не всегда строятся на взаимном доверии и согласии, создавая благожелательную социально-психологическую атмосферу трудового коллектива или подразделения силовых структур. Барьерами для налаживания оптимальной модели служебных отношений становятся конфликты, которые, с одной, стороны, являются неотъемлемыми элементами любых повседневных интеракций, а, с другой, провоцируют серьезные разногласия в среде сослуживцев, консолидируя тем самым негативные тенденции выполнения профессиональных задач по обеспечению защиты населения в области противопожарной безопасности. При этом конфликты в частях государственной противопожарной службы МЧС, учитывая пространственно-временные лимиты, опосредованно или непосредственно влияющие на межличностные отношения, построенные на принципах субординации и единоначалия, переживаются острее, а их последствия могут оказаться более серьезными, чем в гражданском социуме.

Конфликт, выступая наиболее острой формой разрешения сложившихся между оппонентами противоречий, интерпретируется учеными с различных теоретических перспектив, в рамках которых очень сложно найти унифицирующее определение этому сложному общественному явлению. Что касается изучения трудовых кон-

¹ Микрюков В. О. Социологический анализ межличностных отношений и причин конфликтов в воинских коллективах Академии гражданской защиты МЧС России / В. О. Микрюков, Э. Н. Яковлева, А. М. Фролова // ГОСРЕГ: Государственное регулирование общественных отношений. 2017. №4. С. 205–209.

фликтов, то Г. Хасанова и Н. Исхакова, обобщив различные определения, пришли к выводу, что трудовой конфликт рассматривается как¹:

- прямой вызов внутреннему порядку и стабильности трудового коллектива, позволяющий выявить интересы, разногласия, взаимные претензии и проблемы;
- способ регулирования взаимоотношений, налаживания оптимального порядка в организации производства и трудовых отношениях;
- необходимый этап в развитии трудового коллектива.

В логике данной работы конфликты в системе МЧС представляют собой разновидность организационных конфликтов. Вслед за Р.Х. Галимуллин²мы понимаем конфликт в федеральной противопожарной службе как противостояние, противодействие или борьба двух или более субъектов (сотрудников, формальных и неформальных групп сотрудников, караулов одной части) за ценности и притязания на определенный статус, власть и ресурсы внутри организации. Фактически, исходя из этого определения, все конфликты берут свое начало из выстроенной в социальном пространстве шкалы неравенств, проявляющихся в потенциальных возможностях или реальном доступе людей к ценным благам, таким как материальный достаток, власть, престиж, образование³. Человек, попадая в пространство социальных неравенств, каждое из которых имеет свою стратификационную шкалу, занимает определенное место, получает доступ к редким ценностям и обретает социальный статус. При этом взаимоотношения между людьми выстраиваются через сравнительную перспективу, обостряя проблему социальной справедливости в распределении потенциальных и реальных возможностей, что расширяет взгляд на природу конфликта в подразделениях противопожарной службы.

Управление человеческими ресурсами в организации в той или иной степени связано с проблемами урегулирования конфликтных ситуаций, что фокусирует внимание исследователей на использовании различных конфликтологических парадигм. Классический ре-

¹ См.: Хасанова Г. Б. Психология управления трудовым коллективом / Г. Б. Хасанова, Р. Р. Исхакова. Казань: КНИТУ, 2012 .

² Галимуллин Р. Х. Управление конфликтами в Вооруженных Силах. Казань: КГТУ, 2006. С. 76.

³ Суркова И. Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. М.: ООО «Вариант» ; ЦСПГИ, 2013. С. 92.

пертуар теоретических подходов, который предлагается в учебной литературе для анализа конфликтных ситуаций, обращен к следующим основным теоретическим векторам: теориям конфликтного функционализма; социального конфликта и позитивно-функционального конфликта¹.

Так, идеи теории конфликтного функционализма подробно изложены у Г. Зиммеля, который полагал, что вся наша история проходит «в борьбе, компромиссах и в медленно достигаемых и быстро утрачиваемых примирениях, которые совершаются между растворением в нашей социальной группе и выходом из нее»². Такая социальная группа вполне может воплощаться в социально-трудовых (служебных) коллективах, представленных специализированными частями по тушению пожаров, в которых фактически через смену борьбы и примирения, череду компромиссов и конкуренции, формируется групповая идентичность, поддерживается сплоченность и дифференцированность, отличающая эти части от других профессиональных групп. Соответственно, конфликты представляют собой неотъемлемую часть жизни, создают ее фон, представляя собой «форму общественного соединения, осуществляя стабилизирующие и интегрирующие функции»³.

Г. Зиммель обращал особое внимание на централизацию группы, когда вступает в силу вектор сплоченности, демонстрируя обратно-пропорциональную связь: чем больше уровень централизации, тем лучше она подготовлена к борьбе. Собственно, любые силовые структуры (армия, ФСБ, МЧС, ФСИН) представляют собой идеальный макет сильно централизованных, сплоченных групп, в любой момент времени готовых к «бою». Однако такая консолидация зачастую происходит из-за сильного противника, внешней угрозы, которая консолидирует групповое взаимодействие и обеспечивает внутреннюю стабильность организации. В данном контексте важно учитывать, что внутренние конфликты будут ослаблять организацию в целом, способствуя централизации малых групп, а внешние конфликты, напротив будут способствовать поддержанию устой-

¹ Муслимов А. М. Анализ философских теорий конфликта в аспекте их содействия педагогическим исследованиям: проблемы профилактики межличностных конфликтов студентов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2015. № 3. С. 44–48.

² Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. Т. 2. С. 265.

³ Ландман М. Георг Зиммель: контуры его мышления // Избранное. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. Т. 2. С. 536.

чивости больших организационных форм, вплоть до социальных институтов. Согласно теории Р. Дарендорфа, социально-трудовые конфликты директивно не приводят к состоянию крайнего напряжения, наоборот, они становятся составной частью непрерывных социальных изменений. Как пишет Р. Преториус, с одной стороны, конфликт рассматривается как регулируемый, допускающий компромиссы процесс, с другой, конфликт растворяется в других отношениях¹. Основная идея данной теоретической концепции сводится к тому, что разрешить конфликты нельзя, как невозможно устранить и причины конфликтов, поэтому важно выделить их главные формы, манифестировать и установить единые правила игры.

Еще одним направлением исследования конфликта выступает позитивно-функциональная теория, в которой делается акцент на том, что «взаимное отталкивание, которое возникает в результате конфликта, помогает сохранить целостность социальной системы, устанавливает определенное равновесие между составляющими ее частями»². Л. Козера утверждал, что социальные структуры различаются по степени терпимости в отношении конфликтов, или по дозволенным способам выражения антагонистических требований. Именно дозволенность через такой императив, как легитимность является фактором, сдерживающим агрессивное поведение оппонентов. При этом следует отделять конфликт и чувства его сопровождающие. Так, конфликт «служит установлению и поддержанию самоидентичности и границ общества или групп»³. Конфликты, обращенные к целям, ценностям и интересам, не противоречащим базовым условиям функционирования группы, будут функционально позитивны, если же оппоненты не воспринимают единых ценностей функционирования организации, то негативный формат конфликта может привести к разбалансировке и, в конечном счете, краху всех социальной структуры.

Внутренние конфликты являются стимулами изменений внутригрупповых норм, т.е. способствуют социальным изменениям и повышают уровень адаптивности коллектива. Опять же такая ситуация возможна в гибких социальных системах, к которым противопожарная часть не относится. В жестких условиях иерархического

¹ Преториус Р. Теория конфликта // Полис. 1991. № 5. С. 139–141.

² Васильева С. И. Л. Козер о социальном конфликте // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 4. С. 54–58.

³ Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 58.

подчинения речь идет о четкой расстановке властных приоритетов и модификация соотношения сил как результат конфликта, просто не возможен.

Современные теоретические концепции от структурного функционализма зачастую обращаются к структурализму. Так, высокая централизация и консолидация профессиональной группы в силовых структурах является продуктом стратифицирующей стратегии руководства, когда через механизмы паноптикона и всеобщей поднадзорности власть становится не атрибутом государственного управления, а неотъемлемым элементом борьбы за режим производства истинных или ложных дискурсов, о чем писал М. Фуко¹. С одной стороны, пожарные находятся на пересечении властных дискурсов, которые способствуют тому, что различные министерства и ведомства начинают передавать противопожарную службу из одного подчинения в другое. С другой, как и любая силовая структура, противопожарная служба попадает в режимы тотального контроля государства, а, учитывая специфику и миссию данной организации, и под гражданский контроль.

В обществе постмодерна конфликтологический подход развивал А. Турен, который полагал, что конфликт не означает противоречия, а является социальной формой историчности и формой воспроизводства общества². При этом в обществе накапливается конфликтологический потенциал, который воплощается в концепции самовоспроизводства и конструирования себя, исходя из различных культурных моделей. Как пишет А. Турен «центральным социальным механизмом является конфликт, посредством которого поле историчности, совокупность культурных моделей трансформируется в систему социальных отношений, каковые всегда представляют собой отношения неравенства, отношения власти»³. Нельзя сказать, что такая модель всецело подходит противопожарной службе, поскольку, ценностные ориентации на самоактуализацию через миссию обеспечения социальной безопасности, изначально были приоритетными в данной профессиональной страте.

Обобщив теоретические подходы к анализу конфликта, Е.Н. Соломатина пришла к выводу, что проблемное поле конфликта может

¹ См.: Foucault M. Power // Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Hampstead: Vintage, 1980.

² Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 82.

³ Там же. С. 59.

быть представлено по схеме: «анализ различных форм стратификации – анализ различных форм организации – анализ поведения структур – разработка модели организационного конфликта и на ее основе, собственно, теории конфликта – применение различных вариантов теории конфликта (парадигмы) для объяснения всех феноменов социальной реальности – дополнение теорий макроуровня теориями микроуровня (концепции взаимодействий повседневной жизни)¹.

Таким образом, классический конфликтологический дискурс имеет векторную направленность структурного функционализма, основными позициями которого является признание конфликта неизбежным социальным явлением в деятельности любых организаций, причины которого многоформатны и вариативны. Важнейшим атрибутом профессиональных сообществ, в том числе противопожарной охраны, является социальная интеграция, на которую влияет система распределения ресурсов. Эти ресурсы представлены финансами, властью, престижем. Готовность частей противопожарной охраны к выполнению задач обеспечения безопасности государства от угроз и пожарных рисков зависит от уровня квалификации сотрудников и освоенных ими компетенций, технического и материального обеспечения пожарно-спасательных частей, от морально-психологического климата, организационной культуры, лояльности сотрудников к руководящему составу (начальников караулов, частей, отрядов и т.д.), а также от уровня эскалации конфликтных ситуаций, как внутри подразделений, так и во внешнем социальном пространстве.

¹ Соломатина Е. Н. Конфликт как фактор социальных изменений в теории Алена Ту-рена / Е. Н. Соломатина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 6–7.

Суслов И.В. (Саратов)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: СЛУЧАЙ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В РОССИЙСКУЮ СОЦИАЛЬНУЮ НАУКУ

Аннотация: в тезисах раскрывается особенность эпистемологической интервенции экономического научного термина через дисциплинарные границы в соседнюю социологическую область знания. Показывается как социологи использовали понятие «человеческий капитал» для объяснения особенностей экономического развития региона, выходя как на макроуровень социального познания, так и на микроуровень – знакомства с жизненными стратегиями конкретных индивидов.

Ключевые слова: эпистемологическая интервенция, человеческий капитал, миграционные настроения, регион, постсоветский транзит.

Интер(транс)дисциплинарность научного знания – симптом нашего времени¹. Нарушение дисциплинарных границ в ходе эпистемических интервенций призвано обогащать процесс познания. Так, например, термин человеческий капитал, возникший в рамках экономической науки, успешно используется и в пространстве социальных исследований. Капитал (с экономической точки зрения) – некая ценность, которая позволяет получать доход. Существуют определенные правила, позволяющие приобрести капитал с целью использования его в будущем. В данной парадигме первоначально рассматривали ценности материального плана (заводы, оборудование, сырье, деньги). С 1960-х гг. благодаря Т. Шульцу² и Г. Беккеру³

¹ Эльстер Ю. Объяснение социального поведения. Еще раз об основах социальных наук. М.: ГУ-ВШЭ, 2011; Латур Б. Политика объяснения // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143; Вахштайн В. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4.

² Шульц Т. Ценность детей // THESIS. 1994. № 6.

³ Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

в качестве разновидности капиталов стали рассматривать человеческие качества и умения способные приносить доход (как обществу в целом в форме ВВП, так и индивиду в частности – в форме заработной платы). Именно в такой жесткой связке «вложение – отдача», «инвестиции – доход» предлагает рассматривать человеческий капитал С.Н. Сахаровский¹.

Экономисты предлагали рассматривать уровень человеческого капитала как интегральную характеристику государства, нации, региона, города, другими словами сообществ всех видов и рангов. Несовершенство или же высокий уровень человеческого капитала использовался для объяснения успехов и неудач макроэкономического развития. Были предложены такие макроэкономические показатели качества и уровня человеческого капитала, как инвестиции государства, общественных организаций или домохозяйств; уровень образования населения и др. Инвестиции в человеческий капитал могут быть определены в следующих показателях: расходы на здравоохранение, расходы на образование.

Однако последующие исследования показали, что регионы с высоким уровнем человеческого капитала не всегда демонстрируют высокие темпы экономического роста. Данный парадокс объясняется негативной институциональной структурой или негативным влиянием институтов на экономическое развитие².

В тоже время человеческий капитал может использоваться в качестве характеристики индивида. Смена работы, получение образования, переезд в другой регион могут объясняться как способ увеличения или более эффективного использования человеческого капитала.

Экономисты выделяют два вида человеческого капитала: специфический и общий. В качестве компонентов для измерения общего человеческого капитала могут выступать уровень образования, знание иностранных языков, организаторские и предпринимательские способности³. Организаторские способности операционализируются через количество численность работников, находящихся

¹ Сахаровский С. Н. Институциональные факторы формирования человеческого потенциала // Журнал институциональных исследований. 2012. № 2. С. 83–92.

² Соболева И. В. Парадоксы измерения человеческого капитала. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.

³ Смыслов Д. А. Динамика и воспроизводство человеческого капитала жителей России в контексте социально-групповой и поселенческой дифференциации // Мир России. 2007. № 3. С. 167–189.

в подчинении респондента, а предпринимательские способности через наличие опыта создания собственного дела и владения ценными бумагами.

Специфический капитал – навыки и знания полезные для работы в конкретной организации. Уровень специфического капитала определяется (достаточно механическим образом) длительностью трудовых отношений, а его значимость через отдачу в форме прироста заработной платы. Высокий уровень трудовой мобильности (смены мест работы) в 1990-е и 2000-е годы говорит об отсутствии ценности специфического человеческого капитала¹.

Термин человеческий капитал осуществил эпистемическую интервенцию в область социальных исследований. Оказалось, что человеческий капитал может быть операционализирован в более широкой понятийной рамке нежели затраты или вложения в обучение и доходы, получаемые благодаря этим вложениям. Социологи стали использовать человеческий капитал в узком смысле как набор ценностей и умений, определяющих экономическое поведение. В широком смысле термин капитал (благодаря Пьеру Бурдьё) стал пониматься как совокупность связей, знаний, умений, позволяющих достичь успеха во всех сферах социального взаимодействия (от политики до «сердечных дел»).

Теория человеческого капитала оказалась удобной для анализа распределения социально-экономического неравенства в пространстве и времени. Возраст и размер поселения рассматривались как факторы, влияющие на качество и уровень человеческого капитала. Исследование распределения человеческого капитала позволяет вскрыть существование территориального неравенства между столицами, мегаполисами и небольшими поселениями. Уровень человеческого капитала непосредственным образом зависит от размера городского поселения. Кроме того увеличение возраста уменьшает индивидуальный объем человеческого капитала.

Региональное неравенство в распределении человеческого капитала усугубляется потоками трудовой миграции. Трудовая миграция как социальное явление зарождается еще в Российской Империи. Неземледельческий отход крестьян на заработки, не связанными с сельским хозяйством, появился в северных районах нечернозем-

¹ Мальцева И. О. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2. С. 243–278.

ной полосы еще до эпохи Великих реформ Александра II. Во второй половине XIX века в связи с бурнымипослереформенным развитием капитализма и промышленности неземледельческий отход превращается в массовое явление, затрагивающее в отдельных центральных губерниях до 40 % населения¹. Первые исследователи определяли отходничество как одну из стадий «расстройства крестьянского хозяйства», первый шаг к отдалению народа от «земли» и соответственного «разорения»². К отходничеству предъявляли скорее моральные, чем экономические претензии. Крестьяне повышали свое благосостояние, одновременно приобретая «дурные наклонности»³.

Правда экономические плюсы отходничества сопровождались рисками и издержками для крестьянских домохозяйств, связанных с тратами на проезд, лечение, пьянства и «всякого рода разгула», некоторые отходники в городах приобретали «наклонности к щегольству»⁴. Кроме того уже в конце XIX века отмечалось негативное влияние отходничества на демографическое воспроизводство.

Отходничество как явление получило второе рождение после 1991 года. Распад Советского Союза и последующая трансформация российского общества и развитие рыночной экономики открыли широкие перспективы для трудовой мобильности. С одной стороны, уход государства от тотального контроля экономикой предоставил больше свободы гражданам определять место обучения и трудоустройства. С другой стороны, кризис, связанный с ликвидацией административно-командной системы, нанес колоссальный урон региональной и местной экономике.

Российские регионы и города с разной долей успешности встраивались в новый формат рыночной экономики, предполагающий развитие отраслей и предприятий, приносящих прибыль, что, в свою очередь, неотвратимо порождало территориальное неравенство. Множество предприятий и целые отрасли экономики, созданные в советский период, оказались неподготовленными к работе в изменившихся условиях.

¹ Отхожие промыслы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

² Ленский Б. Отхожие земледельческие промыслы в России. // Отечественные записки. 1877. № 12. С. 209, 257.

³ Весин Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни крестьянства. // Дело. 1886. № 7. С. 132–133.

⁴ Жбанков Д. Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома. 1891. С. 5–6.

Экономический кризис 1990-х сопровождался ростом безработицы, одним из способов адаптации к которой, становилась трудовая миграция, как временная (работа вахтовым методом, «отходничество»), так и окончательная. Следует отметить, что работники с высоким качеством человеческого капитала предпочитали смену места жительства, а с низким – поиск работы по вахтовому методу.

Регионы лишались качественных трудовых ресурсов, вымывался человеческий капитал, что лишь обостряло экономические проблемы и способствовало увеличению оттока рабочих рук. Данный замкнутый круг – основная трагедия современной региональной экономики.

Экономический анализ позволяет определить человеческий капитал как важнейший фактор развития региона, что было продемонстрировано, например, в исследования башкирских ученых. Понятие человеческого капитала оказывается полезным и в рамках качественных исследований профессиональных биографий мигрантов. В глубинных интервью затрагиваются вопросы использования профессиональных навыков на новом месте, раскрываются причины успеха или неудач адаптации¹.

Таким образом, человеческий капитал превращается в важный аналитический концепт для анализа жизненных стратегий, что позволяет выделить следующие направления концептуализации понятия:

Во-первых, накопление человеческого капитала начинается с раннего детства. В качестве важнейшего фактора может быть выбран образование и род деятельности родителей и родителей родителей.

Во-вторых, реализация человеческого капитала зависит от структуры ценностей, задающих отношение к работе. Концептуализация набора трудовых ценностей предполагает выяснение важных характеристик, которыми индивид наделяет трудовую деятельность. Например, работа должна быть интересной, связанной с семейными традициями, иметь высокую социальную значимость, статус, вводить в определенный круг общения, приносить высокий денежный доход.

¹ *Войлокова Т. Н.* Человеческий капитал высококвалифицированных русскоязычных специалистов в эмиграции: траектории профессионального и карьерного развития иммигрантов // Мониторинг общественного мнения 2013. № 5. С. 87–100.

Щебланова В.В. (Саратов)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Аннотация: *в статье проводится анализ социально-экономических факторов, способствующих распространению терроризма. Террористические практики представляются как следствия значительных стратификационных сдвигов, способствующих рассогласованности социально-экономической системы, усугубляющих её поляризованность, гипертрофированное неравенство, появление новых конфликтов и угроз. Отмеченные социально-экономические факторы являются лишь частью комплексной интерпретации возникновения террористических практик.*

Ключевые слова: *терроризм, террористические практики, социально-экономические факторы.*

В исследовании причин проявлений терроризма необходимо привлекать комплексный подход с учётом разнообразия типов терроризма, множества источников и содействующих им обстоятельств¹. Объяснения возникновения явления в различные эпохи присутствуют в ракурсе анализа отличительных политических, социально-экономических, культурных особенностей развития общества. Агентами террористических практик становятся группы и индивиды, основывающиеся на мотивах, значимо определённых их точкой в иерархическом социальном пространстве. И в статье будут подвергнуты анализу именно социально-экономические факторы террористических действий.

Как известно, в экономическом поле, относительно самостоятельном, но, безусловно, зависимом от других систем общества, оказывающем значительное влияние на развитие социума, в целом, для удовлетворения материальных потребностей человека воссоздаются, наличествуют, дифференцируются и используются мате-

¹ Щебланова В. В. Динамика рисков современного терроризма. Саратов: Изд. СГТУ, 2010. С. 58.

риальные ресурсы. Их производство формирует различные виды общественных отношений, инициируя развитие новых процессов и структурных особенностей. В причинно-следственных связях с экономическим пространством социума находятся и проявления терроризма, поскольку в ряду источников терроризма – причины социально-экономического характера, а террористические практики, в свою очередь, инициируют новые формы социального неравенства в обществе, влекут ряд последствий для социально-экономической структуры.

Среди оснований современных социальных стратификаций – понятия богатства, имущества, доступа к благам и культурным ценностям. Остановимся на особенностях экономического неравенства как источника возникновения насильственных действий, террористических проявлений. Как отмечал ещё Аристотель, насилие основано на неспособности власти установить в обществе равенство¹. А некоторые люди не могут принять свою позицию как само собой разумеющуюся, что влечёт бунтарское, революционное поведение, направленное на разрушение существующей иерархии и реализацию альтернативного проекта².

Существование связи между насилием и неравенством доказывают результаты ряда исследований. Согласно марксистской концепции насилие находится в непосредственной связи с экономическими производственными отношениями антагонистического общества³. П. Сорокин, исследуя предпосылки социальных конфликтов, восстаний, революций, делает вывод, что к ним принадлежит возрастание подавленных базовых инстинктов большинства населения и невозможность минимального их удовлетворения⁴. М. Мидларски отмечает, что стержневой причиной социальных потрясений в аграрных странах было неравенство в распределении земли⁵. Как пишет А. Дмитриев, анализ политической истории 49 государств мира показал, что экономическое неравенство порождает политическое насилие⁶. Произошедший в 2018 году теракт в Архан-

¹ Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т.4. С.420–422.

² Ильин В. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 84.

³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 23. С. 761.

⁴ Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 272–273.

⁵ Midlarsky M. The Disintegration of Political Systems: War and Revolution in Comparative Perspective. Columbia (S.C.): University of S. Carolina Press, 1986. P. 155–158.

⁶ Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 63.

гельске является словно продолжением традиции народовольцев, пропагандировавших изменение, переустройство России террористическим действием «снизу», призванным надломить устойчивость системы. Так студент техникума, подорвавший себя в здании областного управления ФСБ, через теракт выразил протест против несправедливости мира (о чём сообщил в предсмертной записке в телеграм-канале)¹. Возможно, эта террористическая акция знаменует одну из тенденций современного молодёжного терроризма, ещё бессистемного, неорганизованного, трудно прогнозируемого и предотвращаемого.

Хотя постоянно присутствующее и неустранимое из жизни обществ экономическое неравенство автоматически не инициирует насильственные формы политических действий (к крайним формам которых принадлежит терроризм). Экономические процессы воздействуют на политические отношения опосредованно, «продвигаясь» через социальную структуру общества². И именно крупные сдвиги в социальной структуре, поляризация социального неравенства вызывают насилие в политической сфере. Так в Западной Европе беспримерный и угрожающий по масштабам рост терроризма (с 1970 по 1985 гг. совершено около 3000 терактов в развитых промышленных странах Запада³) случился в 1960–1980 гг., когда послевоенное время стремительного экономического развития многих стран сменилось спадом в экономической конъюнктуре, энергетике, инфляцией и безработицей⁴.

Также террористические действия обладают экономической составляющей и потому, что зачастую совершаются не из-за политико-идеологических воззрений, а из меркантильных побуждений – для получения денег за исполнение теракта. Такие исполнители, зарабатывающие на доходных терактах, оказывают оплачиваемые услуги и выполняют свою «экономическую» роль.

Необходимо отметить, что вследствие терроризма происходит и обновление конфигураций неравенства – возникновение групп

¹ Брицкая Т. Взрыв протеста? // Новая газета. 2018. № 122. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/01/78426-vzryv-protesta>

² Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 66.

³ Беглова Н. С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология, 1991. №1. С.42.

⁴ Витюк В. В., Эфиров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. С. 248.

пострадавших, жертв, носителей посттравматического стрессового расстройства, «чеченского», «сирийского» синдромов, травм и инвалидности; нарастание процессов вынужденной миграции, вызывающих напряжённость на рынках труда, занятости, жилья.

В условиях расширяющихся процессов экономической глобализации всё более очевидна масштабность последствий проводимых террористических акций. Сеть «Аль-Кайды» при совершении терактов 11 сентября 2001 года «обошла» американских военных, нанеся удар непосредственно по экономической инфраструктуре западного общества. Стратегической целью воздействий на США было остановить или нарушить потоки людей и капиталов, в качестве мишеней выбирались легко уязвимые гражданские объекты. В результате терактов в США, некая террористическая группа в одно мгновение стала новым глобальным актором, войдя в противостояние с мощнейшими государством и экономикой¹. Также серия терактов в 2008 году в Индии направлялась на разрушение функционирования основной инфраструктуры Мумбая: террористами были захвачены два пятизвёздочных отеля, рестораны, аэропорт, вокзал.

Так глобализация, превращающая мир во всё более взаимозависимую систему, влечёт за собой дополнительные эффекты уязвимости. Как известно, в ряду факторов глобализации – прежде всего, технологические изменения, электронные средства коммуникации, сжимающие время и пространство, разъединяющее людей. При подготовке ко всем терактам, совершённым и предотвращённым в России за 2017 год, для координации использовались мессенджеры (в том числе с территории Сирии и Ирака). По словам главы Федеральной службы безопасности России А.Бортникова, террористы всё предприимчивее используют «Ай-Ти»-технологии (такие как средства шифрованной интернет-коммуникации, электронного банкинга и криптовалют) в схемах удалённого управления террористической деятельностью и её финансирования, расширяют связи «в хакерском сообществе»².

Таким образом, к важнейшим факторам террористических практик относятся процессы, проистекающие в социально-экономической системе общества, вызывающие её рассогласованность, по-

¹ Бек У. Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска. URL: <http://www.academy-go.ru/Beck5.shtml>

² Бортников А. ФСБ: все совершенные и предотвращенные теракты в России за год «координировались посредством мессенджеров» // Медиазона. 2018. 4 апреля. URL: <https://zona.media/news/2018/04/04/facetime>

ляризованность, гипертрофированное неравенство и умножение глобализирующихся рисков. Однако отмеченные факторы не следует экстраполировать исключительно на рост террористических действий, так как они могут приводить и к иным распространённым результатам, последствиям – апатичности, мирной политической активности, суициду, уголовной преступности, различным катаклизмам и трагедиям. Необходимо учитывать все вышеуказанные факторы, которые всё же не будут достаточны для объяснения возникновения террористических практик.

Раздел 6.
**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА
В РЕАЛИЯХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

УДК 332.1; 314.15; 314.114; 316.3

Логинова Л.В. (Саратов)

**МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ
И РЕАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ
И ВЫЗОВОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ**

Аннотация: *нарастание миграционной активности населения ставит социально-экономическое развитие периферийных регионов России в условия зависимости от качества трудовых ресурсов и вынужденной конкуренции за человеческий капитал. Обосновывается модель эффективной реализации человеческого потенциала регионов в целях социально-экономического развития, которая предполагает повышение привлекательности территории, создание конкурентных преимуществ с учетом новых форм и причин миграции.*

Ключевые слова: *трудовой потенциал, трудовая миграция, социально-экономическое пространство региона, региональное развитие, привлекательность региона.*

В современных условиях приоритетом социально-экономического развития любого государства является достойный уровень жизни населения и благоприятные условия для реализации трудового потенциала. Исследование вопроса о взаимодействии центра и периферийных территорий на примере зарубежных стран, показало наличие различных типов государственного управления региональным развитием, ориентированных на максимальную реализацию внутренних потенциальных возможностей и ресурсов

каждого региона, в зависимости от сложившейся ситуации¹. В России одним из препятствий для эффективной реализации человеческого потенциала выступают углубляющиеся диспропорции в развитии регионов². Большинство регионов России находится в условиях хронического бюджетного дефицита, попадая во все большую зависимость от помощи федерального центра. По оценкам пять самых развитых российских регионов создают более 40 % валового регионального продукта³. Государственное управление межрегиональными экономическими пропорциями не решает данную проблему. Диспропорции в социально-экономическом развитии регионов нарастают.

Поэтому вопрос о региональном развитии, его основополагающих принципах, целях, приоритетах, способах продолжает интересовать учёных и практиков. Основные усилия сосредоточены на поиске путей преодоления отсталости периферии, снижения межрегиональных диспропорций. При этом ведутся дискуссии и по вопросу определения сущности понятия «региональное развитие», наряду с которым используются понятия «территориальное развитие», «устойчивое развитие региона», «управление региональным развитием». Во всех случаях под развитием понимают прогрессивное изменение экономики. Когда происходит количественное изменение, подразумевают экономический рост, предполагающий положительные тенденции в экономической динамике. Но проблему экономического роста нельзя сводить лишь к количественной стороне, на первый план выдвигается понятие качества экономического роста, которое связано с усилением социальной направленности экономического развития. В связи с этим различают экономический рост как в количественную категорию и экономическое развитие – как состояние экономики с качественной стороны.

Итак, региональное развитие – это комплексный социально-экономический процесс, включающий экономический рост, структурные изменения в экономике и качественное улучшение условий жизни населения региона. Характеризуя качественные изменения

¹ Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. С. 67.

² Кузнецова В. А. Диспропорции экономического развития регионов России // Экономика. Менеджмент. Человек. 2017. № 3. С. 266.

³ Мидов А. З. Дифференциация регионов России по уровню стратегических конкурентных преимуществ: методологические подходы и стратегический анализ // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 168.

в региональном развитии, говорят о преобразованиях в структуре социально-экономической системы региона, приобретении ей новых характеристик, изменении содержания развития. При этом помимо экономических характеристик анализируют социальные и институциональные параметры регионального развития.

Уровень развития региона во многом зависит от показателей, характеризующих демографическое состояние, а также трудовую миграцию населения¹. Так, в Саратовской области наблюдается неблагоприятная тенденция, связанная со старением населения и убылью числа постоянных жителей. В результате происходит увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население и региональный бюджет². Численность трудоспособного населения региона сокращается. Растет коэффициент демографической нагрузки. За последние 10 лет его увеличение составило 17,83 % (с 62,09 % в 2008 г. до 79,92 % в 2018 г.)³.

По прогнозу в Саратовской области до 2036 года число жителей в трудоспособном возрасте сократится на 10,4 % (на 143,3 тыс. человек). При этом численность женщин уменьшится на 86,6 тыс. человек (13,2 %), а мужчин – на 56,8 тыс. человек (7,9 %), что можно объяснить преобладанием женского населения в структуре населения по полу. Особенно неблагоприятная ситуация происходит в сельской местности, где потери трудоспособного населения составят 32,5 %, тогда как городское трудоспособное население сократится на 3,6 %. Среди 14 субъектов ПФО РФ по доле трудоспособного населения и моложе трудоспособного в общей численности населения региона Саратовская область занимает 9–10-е место⁴. Ситуация осложняется отрицательным миграционным сальдо. Саратовская область в межрегиональном миграционном обмене является донором, что оказывает ещё более неблагоприятное воздействие на трудовой потенциал.

Для исследования факторов миграционной привлекательности в аспекте поиска путей развития региона весьма значимо по-

¹ *Логинова Л. В.* Социальные риски масштабной трудовой миграции для российского общества // Россия в системе современной социальной реальности. М.: РГСУ, 2017. С. 269.

² Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года, утвержденная Постановлением Правительства Саратовской области 30 июня 2016 года № 321-П К.

³ Общая демографическая нагрузка. URL: <http://russia.duck.consulting/maps/91/2008> (дата обращения: 05.12.2018).

⁴ *Головина Н. В.* О демографическом прогнозе Саратовской области. URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/resources/.pdf (дата обращения: 05.12.2018).

нимание сущности миграции, которое имеет разное толкование. Миграция в узком смысле определяется как «территориальное перемещение населения через границы страны или её административно-территориальных единиц, связанное с переменой постоянного места жительства, т.е. законченный вид территориального перемещения (переселение)»¹. Миграция в широком смысле рассматривается как «территориальные перемещения между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности»². В понятие миграции в этом случае вкладываются все формы пространственного перемещения людей. В результате стало возможным изучение различных временных форм миграций населения: трудовой, маятниковой, образовательной и др.

Исследование трудовой миграции в социально-экономическом пространстве региона требует широкой трактовки, так как все её формы, обладают потенциалом для развития региона. В связи с этим возникла необходимость формирования расширительного подхода к объяснению феномена трудовой миграции, во-первых, как *территориальной мобильности трудоспособного населения, обусловленной его интересами накапливать и реализовать активы своего человеческого капитала. Во-вторых, как способа оперативно реагирования трудоспособного населения, бизнеса других субъектов на изменения в социально-экономическом пространстве региона, позволяющий сохранить или повысить благосостояние, снизить дефицит человеческих ресурсов, компенсировать растущий спрос на труд, что способствует росту регионального производства и благосостояния населения, эффективной реализации человеческого потенциала территории.*

При формировании миграционной привлекательности территории следует учитывать причины миграционного движения населения.

Экономический подход к исследованию причин трудовой миграции заложен в работах зарубежных авторов Дж. Беккера, Д. Массея, Дж. Саймона, П. Стокера, в которых исследовались вопросы необходимости привлечения трудовых мигрантов в связи с дефицитом рабочих рук. Следует отметить модель миграции, разработанную

¹ Харченко Л. П. Демография. М.: Омега-Л, 2011. С. 190.

² Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. С. 26.

в 1960-х гг. Э. Ли, согласно которой на каждой территории действуют специфические факторы миграции (удерживающие, притягивающие и выталкивающие), в различном сочетании определяющие привлекательность миграции¹.

М. Тодаро и Дж. Харрис разработали миграционную модель, объясняющую причины перемещения сельских жителей в города, несмотря на рост в них безработицы, разницей в уровнях зарплаты и безработицы². Позднее эта модель была уточнена и в анализ причин миграционного движения стали включать неэкономические факторы, например, «психологические издержки», связанные с возможностями общения с родными, поддерживать связь с привычной социальной средой и т. д.³.

В отечественных исследованиях миграционные потоки изучались в зависимости от региональных и отраслевых различий в соотношении спроса и предложения рабочей силы, уровнях зарплаты⁴. Объяснялись причины, снижающие привлекательность трудовой миграции, связанные с высокими затратами на переезд, слабо развитой транспортной сетью, отсутствием доступного арендуемого жилья, низким уровнем доходов значительной части населения. Хотя данные ограничения сдерживают трудовую эмиграцию населения из депрессивных регионов, тем не менее, хроническая миграционная убыль остаётся одним из проявлений социально-экономической депрессии.

Экономические теории трудовой миграции упускают из виду возможности миграционной политики принимающих территорий действовать как ограничивающий, или стимулирующий фактор⁵. Так, институт регистрации снижает привлекательность миграции, порождая сложности для мигранта при трудоустройстве, организации собственного дела, получении социальных услуг. Требуется

¹ Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. P. 47–57.

² Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. No. 60.

³ Todaro M. P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // *Population and Development Review*. 1987. No. 13; Schiff M. How Trade, Aid and Remittances Affect International Migration. Washington, 1994; Bauer T., Zimmermann K. Causes of International Migration: A Survey // *Crossing Borders: Regional and Urban Perspectives on International Migration* / ed. by P. Gorter, P. Nijkamp, J. Poot. Aldershot, 1998.

⁴ См.: Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973; Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.

⁵ Рыбаковский О. Л., Тяунова О. А. Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // *Социс*. 2016. № 6. С. 34–41.

отмена ряда устаревших и неэффективных практик управления миграционными процессами¹.

Интерес граждан к эмиграции из неблагоприятного региона сопряжён с естественным желанием человека обеспечить благополучие своей семье, подыскать для жизни более благоприятное место. Трудовая миграция выполняет «функцию амортизатора социального недовольства», поскольку значительной части россиян даёт возможность «не только избежать обнищания, но и повысить благосостояние»². При отсутствии в регионе условий для реализации этих интересов отток экономически активного населения в другие регионы увеличивается. Но, рост уровня дохода на определённой территории может стать стимулирующим фактором трудовой эмиграции, так как для большего числа людей миграционные расходы станут более приемлемыми. Решение об эмиграции ими часто принимается не на объективной основе, когда сопоставляются показатели различных регионов в контексте преимуществ в условиях проживания, а на основе обыденных представлений и мнений окружения (знакомых, друзей, родственников)³.

Сравнительные исследования структуры внутрироссийской трудовой миграции часто осуществляются в разрезе федеральных округов, что объясняется доступностью статистической информации⁴. Но, характер межрегионального миграционного движения внутри одного того же округа может существенно отличаться, а так же по отраслям. Саратовская область – не исключение. Наибольшие потери населения наблюдаются в Турковском (-11,5 %), Самойловском (-10 %) и Романовском (-9,7 %) районах области, где в силу отсутствия рабочих мест с достойной оплатой труда, жители вынуждены искать самостоятельно источники доходов в других районах, или областном центре. По статистическим данным за январь – май 2018 г. размер заработной платы в Саратовской области по видам экономической деятельности различается от 6992,9 до 69015,7руб., т.е. в 9,9 раз⁵.

¹ Воробьева О. Д., Топилин А. В. Современная миграционная политика России: иллюзии и реальность // Социс. 2016. № 7. С. 134–140.

² Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция. М., 2001. С. 10.

³ Иванова Н. А., Кутейников А. Е. Выездная миграция жителей Магаданской области // Социс. 2015. № 9. С. 85.

⁴ Зайончковская Ж. А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.

⁵ Наибольший размер зарплаты на предприятиях по добыче полезных ископаемых, превышает среднюю зарплату в 1,9 раза. Наименьший размер (ниже средней в 4,9 раза)

Саратовскую область покидают жители преимущественно трудоспособного возраста и молодёжь. В «Основах государственной молодёжной политики Российской Федерации до 2015 года» молодёжь расценивается как основной носитель инновационного потенциала развития страны. Следовательно, теряя специалистов, особенно молодых, регион ставит под угрозу свое развитие в будущем. Основные причины, побуждающие молодёжь уезжать: низкий уровень заработной платы, неразвитость инфраструктуры, отсутствие возможностей для самореализации и перспектив роста, недостаточное количество досуговых организаций¹. Для региона – миграционного донора такая миграция несет угрозу, так как сокращается трудовой потенциал, теряется человеческий ресурс поддержания благосостояния будущих поколений.

Проблема регионального развития исследуется в рамках теории устойчивого регионального развития², предусматривающей реализацию трёх базовых условий: 1) успешные технологические и инфраструктурные преобразования в регионе; 2) поддержание широкой инициативы местного населения в области развития и реализации своего потенциала; 3) обеспечение устойчивого регионального экономического роста. Все эти характеристики отражаются на качестве человеческого капитала и сопряжены с ним. Доказано, что человеческий капитал стал генерирующим фактором экономического роста Китая, обеспечив 38 % экономического роста в 1978–2008 гг. (особенно – в 2000-х гг.), что было основано в большей степени на развитии среднего специального образования³.

Развитие предполагает расширение возможностей человеческого выбора, полноценного, активного участия в жизни местного сообщества. Основным динамическим фактором человеческого развития является трудовая деятельность. Создание и поддержание на высоком уровне «условий для качественной трудовой и по-

наблюдается на предприятиях по обработке древесины и изготовлению изделий из дерева. См.: Анализ социально-экономического положения г. Саратова за январь-май 2018 г. URL:<http://www.saratovmer.ru/files/data/news/2018/avgust/31646dea1a130638721cade85b60b7e6.pdf> (дата обращения: 05.12.2018).

¹ См.: *Половинко В. С., Арбуз А. В.* Анализ миграционных установок молодежи г. Омска // *Экономические науки*. 2016. № 11(144). С. 42–46; *Сайданова С. В.* Регион с низкой привлекательностью для молодёжи? // *Арктика и Север*. 2016. № 22. С. 130–139.

² *Кремлев Н. Д.* Устойчивое развитие региона в период нестабильности (на примере Курганской области): монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015

³ *Аникин В. А.* Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 4. С. 120.

вседневной жизни обуславливают не только способность сохранять население на своей территории, но и привлекать высококачественные человеческие ресурсы из других регионов»¹. Создавая привлекательные условия для труда и жизни по сравнению с другими регионами, миграционная политика регионов будет сопровождаться положительными социальными и экономическими эффектами².

Согласно концепции человеческого капитала миграция может рассматриваться как инвестиционное решение, связанное с получением образования, повышением квалификации, поддержанием здоровья и т. д.³.

В последнее время стали получать распространение новые формы миграции: деловая (бизнес-миграция) и, связанная с ней инвестиционная миграция – миграция инвесторов для выгодного вложения денег⁴. Ряд стран (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) получают выгоды, привлекая мигрантов-инвесторов, предоставляя им в упрощенном порядке вид на жительство и гражданство при определенных условиях. Активизировались налоговая миграция – смена места жительства с целью уменьшения налогов; брачная миграция – для создания семьи (например, в США и Франции)⁵.

В условиях роста ответственности регионов за результаты социально-экономического развития на своей территории, активизировались поиски внутренних конкурентных преимуществ, а так же адекватных инструментов управления развитием⁶. При этом «должны не только формироваться цели и задачи развития, но и оцениваться эффективность институтов, определяться, какие из них

¹ *Логинова Л. В.* Формирование миграционной привлекательности региона в условиях сокращения численности трудовых ресурсов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 203.

² *Логинова Л. В.* Межрегиональные миграционные процессы в современной России: тенденции и проблемы управления / Л. В. Логинова, О. В. Понукалина // Вестник СГУО. 2015. № 6. С. 229.

³ *Becker G. S.* Investments in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. No. 70.

⁴ *Огородов А. С.* Предпринимательство как способ карьерной миграции работников промышленного региона // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 86–95.

⁵ *Чернышев К. А.* Трансформация территориальной организации населения депрессивного региона. Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2016.

⁶ *Рыбачкова А. В.* Современная оценка миграционной привлекательности регионов Центральной России и Поволжья // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22877792_69832589.pdf (дата обращения: 21.12.2018)

помогут направить регион на развитие»¹. Данные обстоятельства вызывают потребность в моделировании и институционализации политики позиционирования региона как центра эффективной реализации трудового потенциала, удержания и притяжения молодёжи, талантливых предпринимателей, инвесторов, бизнесменов. Миграционная привлекательность территории для экономически активных, предприимчивых, талантливых людей – это особый ресурс регионального развития, формирующийся под влиянием комплекса экономических, социальных, институциональных и демографических факторов, которые будут способствовать выведению территории на устойчивый путь развития.

Итак, территория должна формировать новые конкурентные преимущества, привлекая экономически активное население на постоянное место жительства благоприятным инвестиционным и деловым климатом, достойным уровнем зарплаты, высоким качеством социальной инфраструктуры, развитой индустрией для отдыха, развлечений и туризма.

¹ *Логинова Л. В.* Институционализация региональных интересов: субъективные и объективные мотивации // Регионология. 2008. № 4 (65). С. 243.

Прущак О.В. (Саратов)

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: *показана роль концепции устойчивого развития в решении глобальных проблем: экономической (отсталость большого числа густонаселенных стран), демографической (перенаселение в развивающихся странах и недовоспроизводство населения развитых стран), продовольственной (нехватка продовольствия, голод), экологической (исчерпание невозобновимых ресурсов, ущерб окружающей среде). Необходима ориентация на устойчивое развитие – непрерывный процесс предотвращения экономических, социальных и экологических угроз.*

Ключевые слова: *концепция устойчивого развития, преодоление экономической отсталости, демографические проблемы, продовольственная безопасность, угрозы экологического характера.*

Современное мировое сообщество осознало необходимость смены модели социально-экономического развития и поиска новых векторов цивилизационного развития. В настоящее время неприемлема ситуация, связанная с экономическим ростом в сочетании с истощением природного капитала и деградацией экосистем. И даже рост благосостояния населения не вызывает оптимизма на фоне роста угроз экологического характера. Поэтому концепция устойчивого развития стала новой парадигмой, способствующей обеспечению баланса между экономической, социальной и экологической составляющей.

Устойчивое социально-экономическое развитие первоначально рассматривалось как процесс, сохраняющий существенные характеристики экономической системы, а также свойства ее хозяйственной деятельности. Впоследствии это понятие было дополнено

и сейчас трактуется как формирование единой сбалансированной системы социальных, экономических и экологических процессов.

Концепция устойчивого социально-экономического развития предусматривает распределение производимых ресурсов с применением значительно более мощных рычагов централизованного регулирования как на национальном уровне, так и в рамках всего мирового сообщества. Анализ и систематизация глобальных проблем современности выявляет приоритет проблемы сохранения экологического равновесия, однако ее решение связано с решением других глобальных проблем. В настоящее время мировое сообщество стоит перед лицом четырех взаимосвязанных глобальных проблем.

Прежде всего, следует отметить проблему экономической отсталости значительного числа густонаселенных стран с большой численностью населения. Усиливающаяся поляризация мира в сторону богатых и бедных стран ведет к росту международной напряженности и создает угрозу безопасности. Для экономики отсталых стран свойственны: общие неблагоприятные условия развития экономики, технико-технологическая отсталость производственной базы, низкая производительность труда и эффективность использования трудовых ресурсов на фоне высокого уровня безработицы, слабость государственного управления, перенаселенность в результате демографического взрыва, неграмотность, наличие социальных конфликтов и экологических проблем. Не имея средств для модернизации отсталого производства, отсталые страны воспроизводят бедность. Подобная деградация технико-технологического уровня производства ведет к увеличению уровня загрязнения окружающей среды, к усилению негативного влияния на природопользование, к росту числа экологических катастроф.

Выход на траекторию устойчивого развития для таких стран возможен за счет прогрессивных преобразований экономики при условии активной помощи развитых стран, включая активизацию взаимной торговли, передачу технологий, помощь в подготовке кадров.

Среди глобальных проблем мирового сообщества следует выделить и демографическую проблему, включающую целый спектр негативных проявлений. Во-первых, это резкий рост численности населения (демографический взрыв) в развивающихся странах. Если в 1950 г. численность населения составляла 2,5 млрд человек, то в 2017 г. – уже 7,5 млрд чел. Наибольший прирост (свыше 80 %) и, как следствие, абсолютное перенаселение зафиксированы в стра-

нах Азии, Африки и Латинской Америки. Исследователи предполагают, что к 2100 г. там может быть сконцентрировано 95 % всего мирового населения. Такой рост численности населения вызывает резкий рост антропогенного давления на окружающую среду, что увеличивает экологические риски. Перенаселенность чревата еще и ростом безработицы, снижением уровня потребления, ухудшением условий жизни населения и обострением других социальных проблем.

Другой стороной демографической проблемы является недопроизводство населения в развитых странах. Это связано с сокращением рождаемости, старением населения, сокращением доли трудоспособного населения на фоне роста числа пенсионеров. Все это проблемы актуальны и для России.

В рамках концепции устойчивого развития оба аспекта демографической проблемы нуждаются в рационализации за счет регулирования демографических процессов. Усилия развитых стран должны быть направлены на нормализацию рождаемости, обеспечивающем как минимум простое воспроизводство населения. В отсталых и развивающихся странах рост населения должен быть сбалансирован с экономическим развитием, что позволит повысить уровень жизни и решить острые социальные проблемы.

Среди глобальных проблем экономики особое место занимает продовольственная проблема, связанная с острой нехваткой продовольствия в ряде стран, распространенностью недоедания и голода, несбалансированностью питания. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), абсолютное число мирового населения, страдающего от хронического лишения продовольствия, увеличилось с 775 млн человек в 2014 г., до 815 млн человек в 2016 г.¹

Международные организации, постоянно осуществляющие мониторинг состояния продовольственной безопасности во всех ее аспектах, исходят из главных требований концепции устойчивого развития. В докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2017» обозначены цели в области устойчивого развития и продвижения к миру, свободному от голода и неполноценного питания. Так, к 2030 году мировое сообщество

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года // http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf

было призвано «ликвидировать голод, обеспечить продовольственную безопасность, улучшить питание и содействовать устойчивому развитию сельского хозяйства»¹. В рамках обозначенной цели устойчивого развития обоснована необходимость решения следующих задач: голод, продовольственная безопасность, питание, устойчивое сельское хозяйство. Международное сообщество должно продвигаться к пониманию взаимосвязи этих направлений, содействовать реализации интегрированных политических подходов и практических действий².

Следует отметить, что проблема голода в слаборазвитых странах связана не только с их перенаселенностью, но и экономической и технико-технологической отсталостью. С площадей, пригодных для сельского хозяйства в Азии и Африке, при условии применения современных сельскохозяйственных технологий можно собрать урожай, достаточный для обеспечения продовольствием всего населения мира. Однако использование устаревшей агротехники и отсталость доминирующих в сельском хозяйстве слаборазвитых стран технологических укладов не только не позволяет решить продовольственную проблему, но еще и обостряет проблемы экологии.

В соответствии с концепцией устойчивого развития решение продовольственной проблемы возможно за счет:

- увеличения инвестиций в сельскохозяйственные активы, включая сельскую технику и поголовье скота, что способствует росту собственного производства продовольствия;
- повышения местного спроса в целях стимулирования производства продовольствия;
- реализации мер по улучшению доступа к продовольствию через сети социальной защиты и подобных им мер;
- реализации программ социальной поддержки населения (денежные переводы и программы по распределению денежных средств и ваучеров);
- повышения эффективности сельскохозяйственного производства прежде всего в отсталых странах, развитие производства продовольствия в русле «зеленой революции».

¹ ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2017 год. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности. Рим, ФАО.

² Киреева Н. А., Прущак О. В., Сухорукова А. М. Агропродовольственная система региона: эволюция, проблемы, перспективы развития / под ред. О. В. Прущак. Саратов: ССЭИ (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова, 2018. С. 116–123.

Суть следующей глобальной мировой проблемы состоит в повышении антропогенной нагрузки на окружающую среду, что вызывает рост уровня ее загрязнения, ведет к исчерпанию ограниченных природных ресурсов и нарастанию угроз экологического характера. Очевидно, что экономический рост невозможен без наращивания объема потребления энергетических ресурсов. Однако массивная добыча природных ресурсов часто сопряжены со значительными экологическими угрозами по причине вмешательства в экосистему и нарушения сложившегося в ней равновесия. Ежегодный объем отходов, поступающий в окружающую среду, приближается к 1 млрд т, причем часть этих отходов – токсична. Это приводит к истощению минерально-сырьевой базы, необратимым изменениям природных ландшафтов, росту заболеваемости людей и животных.

В некоторых странах (в том числе и в России) экономический рост основан на эксплуатации природного потенциала, в результате чего происходит деградация экосистем и истощение природного капитала. При этом даже рост благосостояния населения не выглядит оправданным на фоне роста экологических угроз. Поэтому для обеспечения устойчивого социально-экономического развития необходимо сохранение баланса между экономической, социальной и экологической составляющей.

Одним из направлений устойчивого развития является решение проблемы солидарности поколений. Современный экономический рост не должен обеспечиваться за счет ресурсов развития будущих поколений. Это направление теории устойчивости признано экономической политикой многих стран, что отражено в действующих во многих странах национальных программах перехода к устойчивому развитию.

В российской экономике развитие антиустойчивых трендов приобрело угрожающий характер в 1990 г. Это было связано с либерализацией рынка и особенностями реструктуризации экономики, носящими природоёмкий характер и направленными на развитие сырьевых секторов в ущерб загрязнению окружающей среды. Выбор вектора устойчивого развития актуализирует необходимость модернизации экономики на базе ресурсосберегающих и высокотехнологичных производств. Сложившиеся в 2000 г. условия роста цен на нефть и энергоносители усугубили антиустойчивые тенденции экономического развития национальной экономики. Су-

щественно снизился вклад в экономику машиностроения и других отраслей, оказывающих незначительное воздействие на окружающую среду. На фоне этого значительный сдвиг в пользу природоёмких отраслей привел к усилению сырьевой зависимости российской экономики.

Устойчивое социально-экономическое развитие возможно требует модернизации экономики на основе радикального технико-технологического обновления. Устаревшее оборудование не обеспечивает эффективное использование природных ресурсов, способствует росту загрязнения окружающей среды, следовательно, не соответствует критериям устойчивого развития. Необходимость модернизации наглядно иллюстрируют данные о росте удельного веса полностью изношенных основных фондов в экономике России. Физической и моральной деградации подвержена значительная часть машин и оборудования – полностью изношенными признано 17 % основных производственных фондов, и 26 % машин и оборудования. Настораживает и тот факт, что за последние годы этот показатель увеличивается¹.

Особая роль модернизации связана с внедрением инновационных продуктов и технологий, с развитием научно-технического прогресса, с применением информационных технологий. Внедрение новых материалов, продуктов и технологий способствуют многократному снижению затрат природных ресурсов и объемов загрязнений в расчете на единицу выпускаемой продукции. Технологическая рационализация экономики и соответствующие структурные сдвиги позволят высвободить от 30 до 50 % объема неэффективно используемых природных ресурсов, что приведет к сокращению потерь природных ресурсов и снижению уровня загрязнения. Для России актуальна стабилизация добычи и площадей разработок энергетических ресурсов, полезных ископаемых, территории обрабатываемых сельскохозяйственных угодий, вырубки леса. Это подтверждает и Энергетическая стратегия РФ на период до 2030 г., предусматривающая сбережение почти половины потребляемой сейчас энергии на основе распространения достаточно простых энергосберегающих технологий².

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: сб. ст. / Росстат. М., 2017. URL: <http://www.gks.ru>.

² Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» / http://energoeducation.ru/wpcontent/uploads/2015/11/LAW94054_0_20151002_142857_54007.pdf

Усиление экологических требований к устойчивому развитию требует соответствующего пересмотра экономического курса. Векторы такого развития определены в инициативе ООН по переходу к «зеленой экономике». Данная инициатива поддержана многими странами, в том числе и Россией, что отражено в программах «зеленого роста» стран ОЭСР¹.

Рассмотрение глобальных проблем современности в контексте концепции устойчивого развития позволило сделать следующие выводы. Устойчивое социально-экономическое развитие – целенаправленный процесс управления экономической системой в направлениях экономического роста и повышения качества жизни населения при минимизации экологических угроз. Концепция устойчивого развития формируется с учетом экономических, социальных и экологических критериев. К факторам, препятствующим устойчивому развитию российской экономики, можно отнести: технологическую отсталость и низкую эффективность многих производств, слабое государственное управление и недостаточные стимулы повышения инвестиционной и инновационной активности, низкие темпы обновления основных производственных фондов и недостаточные вложения в человеческий капитал, значительную долю теневой экономики, нерациональную нагрузку на экономику, вывоз капитала за границу и другие. Реализация и концепции устойчивого развития предполагает обоснование базовых показателей устойчивого развития, выбор критериев и показателей устойчивого развития, комплексно отражающих все его аспекты.

¹ Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ конференции ООН, Рио-де-Жанейро. 19.07.2009.

Султанова Л.Ш. (Ташкент)

КОНЦЕПЦИЯ АБСОРБЦИОННОЙ СПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ К ИННОВАЦИЯМ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ

Аннотация: абсорбционная способность – это готовность страны институционально, экономически, культурно воспринимать новые идеи, теории, технологии, методы управления в целях полноценного экономического развития. Родившись в рамках микроэкономики конструкция стала востребована и на макроэкономическом уровне, заполнив пробел в теории инновационного развития. Тем самым был сделан вклад в возможность анализа многих детерминант экономического развития, включая анализ социо-культурных факторов.

Ключевые слова: абсорбция инноваций, абсорбционная способность экономики, трансфер технологий, национальная инновационная система, детерминанты экономического роста

Отход от линейного подхода к попыткам осмыслить сложные взаимодействия в инновационной системе является результатом осознания того, что успешное экономическое и промышленное развитие тесно связано с увеличением способности страны приобретать, внедрять и распространять современные технологии, то есть абсорбционной способностью.

Понятие «абсорбционная способность» (АС)¹ было изначально введено как характеристика фирмы, а именно, как ее «способность к выявлению ценности новой внешней информации, ее усвоению и коммерческому использованию» (Cohen, Levinthal, 1990)². Позже это понятие стали относить и к стране в целом. Имеется ряд теоретических и эмпирических исследований, показывающих, что абсорбционная способность является важным фактором, ко-

¹ Здесь и далее будет использоваться для обозначения термина «абсорбционная способность» и его синонимов – «поглощающая способность», «потенциал освоения»

² Cohen, W.M. Levinthal, D.A. Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation, in: Administrative Science Quarterly, 35. Jg., 1990. S. 134.

торый определяет успех поступательного развития. Абсорбционная способность связана с инновационной способностью, которая согласно формулировке – это «способность страны как политического и экономического субъекта производить и коммерциализировать поток инновационных технологий в течение длительного периода»¹.

Концепция АС относится к способности усваивать и управлять знаниями в целях повышения производительности инноваций и конкурентных преимуществ. Концепция, однако, остается нечеткой, несмотря на растущий объем эмпирической литературы. Особенно остро стоит вопрос измерения различных аспектов абсорбционной способности и попытки связать этот показатель с более традиционными экономическими показателями.

Развитие концепции АС имеет свои корни. О том, что способность фирмы усваивать внешние знания является следствием ее собственных усилий по R&D, наблюдали несколько авторов, такие как Tilton (1971)², Evenson and Kislev (1975)³, Mowery (1983)⁴ и Allen (1977)⁵. Однако, основополагающими стала серия статей Cohen & Levinthal⁶. В них впервые прозвучал термин «потенциал освоения», как способность фирмы определять, усваивать и использовать знания из окружающей среды. Эти три документа стали основой для будущего развития концепции абсорбционной способности.

Можно отметить, что концепция была улучшена и расширена, однако пока нет единого понимания относительно многих аспектов АС. И это дает почву различным толкованиям и искажениям в контексте адаптации концепции к конкретным потребностям экономики. Первая попытка обобщить исследовательский поток по поводу кон-

¹ Suarez-Villa L. (1990) Invention, Inventive Learning and Innovative Capacity. Behavioral Science, vol. 35, no. 4, pp. 290–310.

² Tilton J. H. (1971). International Diffusion of Technology: The Case of Semiconductors. Washington, D.C.: Brookings Institution.

³ Evenson R. E. and Kislev Y. (1973). 'Research and productivity in wheat and maize,' Journal of Political Economy, vol. 81, pp. 1309–29.

⁴ Mowery D. C. (1983). 'The relationship between intrafirm and contractual forms of industrial research in American manufacturing, 1900–1940,' Explorations in Economic History, vol. 20, pp. 351–74.

⁵ Allen T. J. (1977). Managing the Flow of Technology. Cambridge: MIT Press.

⁶ Cohen W. M. and Levinthal D. A. 1990. "Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation," Administrative Science Quarterly (35:1), pp. 128–152. Cohen, W. M., and Levinthal D. A. 1994. Fortune Favors the Prepared Firm, Management Science (40:2), pp. 227–251.

струкции АС был предпринят Lane et al (2006)¹, которые более 10 лет назад дали исчерпывающий обзор библиографии о поглощающей способности на определенный период времени. Они выделяют основные вклады Cohen/Levinthal в развитие понимания абсорбционной способности. Прежде всего, это положение о том, что через R&D деятельность организация может разработать конкретную базу знаний, которая позволит добиться лучшего понимания и выявления внешних знаний с ценным потенциалом относительно уже использующихся внутри организации. Это касается первой части определения, связанного с *выявлением знаний и оценкой*. Так, Cohen/Levinthal наблюдая кумулятивный характер процесса, в котором больше знаний генерируют более высокую поглощающую способность, а все большая поглощающая способность позволяет выявлять и усваивать больше знаний, говорят о так называемом «добродетельном круге». Более того, подчеркивается, что со временем, организация разрабатывает процессы и условия, которые облегчают *распространение и усвоение* знаний внутри организации, отрасли и страны. Вторая часть определения Cohen/Levinthal связана с усвоением внешних знаний. Третий вклад касается *составления прогнозов* процесса совершенствования технологии, который позволяет фирме определить ранние сигналы о тенденциях и основных изменениях в окружающей среде, обеспечивая заранее значительное преимущество в стратегическом использовании возможностей.

Почему концепция АС столь популярна у экономистов. Обзор литературы по данной теме привел нас к выводу, что это связано с общим реформированием экономической теории. Долгое время мейнстрим экономической науки основывался на идеях неоклассической школы. На сегодняшний день существует много других направлений экономической науки, начиная от институциональной школы до эволюционной экономики, однако не было идеи, которая смогла бы убедительно объяснить новые теоретические и эмпирические аспекты современной экономики. Хотя пока АС является лишь конструкцией, она создает объединяющий эффект для множества взглядов и концепций, она создает единое поле для исследований. Сама по себе АС как категория не работает, она есть потенциал, она медиатор между факторами и явлениями в экономике, основанной на знаниях и информации. Более 30000 цитирований за последние

¹ Lane, P.J., Koka, B.R. & Pathak, S. 2006. The reification of absorptive capacity: A critical review and rejuvenation of the construct. *Academy of Management Review*, 31(4): 833–863.

25 лет. Это может говорить лишь о том, что найдена «точка опоры» для исследователей. Разработка ее теоретических основ находится на значительном уровне и позволяет вполне успешно идентифицировать ее. Поэтому конструкция АС не вполне абстракция, а конкретный инструмент исследования. В последнее десятилетие наблюдался стремительный рост вкладов в концепцию абсорбционной способности на различных уровнях (подразделение, фирма, отрасль и страна). Многие ученые признали, что абсорбционная способность не является целью сама по себе, но значительно увеличивает возможности инновационного развития.

Так, Schmidt (2005)¹ анализирует влияние на абсорбционную способность таких факторов: R&D-деятельность, человеческие ресурсы, организация обмена знаниями внутри фирмы. Schmidt различает три типа абсорбционной способности фирмы для трех различных типов знаний, а именно абсорбционную способность по использованию знания внутри отрасли, из других отраслей и знания, полученные из научно-исследовательских учреждений. Результаты его оценки показывают, что детерминанты освоения потенциала различаются по соответствующему типу знаний.

Концепция абсорбционной способности страны связана с вопросами передачи международных технологий. В имеющейся литературе подчеркивается важность каналов, посредством которых происходит передача международных технологий (Keller, 2004²). Определены два основных канала: ПИИ (Markusen, 2002)³ и международная торговля (Grossman/Helpman, 1991)⁴. Обзор эмпирических данных показал, что влияние этих каналов в разных странах неоднозначно. Gorg/Greenaway, D. (2004)⁵ предполагают, что вероятные источники этих противоречий в каждой стране зависят от абсорбционной способности.

¹ Schmidt T. What determines absorptive capacity, paper presented at the DRUID Summer Conference 2005 on Dynamics of Industry and Innovation: Organizations, Networks and Systems, Copenhagen. 2005.

² Keller Wolfgang (1996) Absorptive capacity: On the Creation and Acquisition of Technology in Development, *Journal of Development Economics*, 49, 199–227.

³ Markusen James R. 2002. *Multinational Firms and the Theory of International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press. Formal theory and empirical estimation of MNE models; concentrates somewhat on defining, developing, and estimating the knowledge-capital model.

⁴ Grossman Gene M. and Elhanan Helpman (1991) *Innovation and Growth in the Global Economy*, MIT Press.

⁵ Görg H. and Greenaway D. (2004). Much Ado About Nothing? Do Domestic Firms Really Benefit from Foreign Direct Investment? *World Bank Research Observer*, Vol. 19, pp. 171–197.

Продолжаются попытки определить, какие характеристики принимающей страны составляют более благоприятные условия для распространения технологий. Так, Verspagen (1998)¹ приводит две основные группы факторов, которые определяют успех «договорящего развития» путем распространения новой техники. К ним относятся: технологические сравнения и социальные возможности. Технологические сравнения определяются как разница между технологиями, используемыми в развитой стране и теми, которые наиболее подходят для внедрения в отсталой стране. Это означает, что некоторые технологии, используемые в развитых странах, просто не подходят для передачи странам с переходной экономикой из-за ряда факторов. Социальные возможности определяются с точки зрения институциональных факторов, таких как системы образования, банковская система, политическая система и т.д.

Fagerberg/Srholec (2008)² также указывают, что бедные страны из-за отсутствия возможностей освоения, гораздо менее вероятно получают выгоды от ПИИ, чем другие страны. Детерминанты экономического развития для стран с развивающейся экономикой, влияющие на абсорбционную способность, по Fagerberg/Srholec (2008) следующие: Наука, исследования и инновации: научные публикации, патенты, R&D (всего / бизнес); Открытость: открытость для торговли, прямых иностранных инвестиций, лицензирование технологий, иммиграция; Качество продукции / стандарты: стандарты ИСО; Информационно-коммуникационные технологии: телекоммуникации, интернет, компьютеры; Навыки: начальное, среднее и высшее образование, управленческие и технические навыки; Финансы: доступ к банковским кредитам, фондовый рынок, венчурный капитал; Качество управления: закон и порядок, независимость судов, дружественное к бизнесу регулирование; Общественные ценности: общественная деятельность, доверие, терпимость; Тип политической системы и др.

Существует также дискуссия между исследователями о влиянии *внутренних или внешних* факторов на инновационность, как результат успешной абсорбции новых знаний. Аргумент о важности

¹ Verspagen B. Long run growth, convergence and factor prices 1998 :MERIT Research Memoranda 018. Maastricht: MERIT, Maastricht Economic Research Institute on Innovation and Technology.

² Jan Fagerberg & Martin Srholec, 2007. National innovation systems, capabilities and economic development, Working Papers on Innovation Studies 20071024, Centre for Technology, Innovation and Culture, University of Oslo.

внутренних движущих сил состоит в том что, имеющийся внешний положительный импульс должен быть интерпретирован и преобразован в конкретные действия руководителей и сотрудников.

Знание абсорбционной страны к инновациям является важной информацией, от которой зависит выбор экономической политики. Исследования стран «экономического чуда» показывают, что все они осуществляли модернизацию путем заимствования технологий у передовых стран. Переход к собственно инновационному развитию происходил постепенно, по мере приближения к «мировой технологической границе». При этом период заимствования был достаточно длительным.

Обеспечение эффективного заимствования западных технологий и методов управления должно стать основной задачей НИС на начальном этапе ее развития. Такая система должна быть способна модифицировать и дорабатывать заимствуемые новшества. При этом далеко не всегда следует ориентироваться на самые передовые технологии: они могут оказаться неэффективными или даже вовсе неработоспособными в других условиях. Лишь по мере увеличения производительности труда следует делать все большую ставку на инновации. При этом процесс заимствования включает выбор технологии, получение прав на ее использование, ее адаптацию к условиям реципиента; фактически это весь производственный цикл (проектирование, опытный образец, испытания и т.п.). Кроме того, адаптация включает также и модификацию, а значит, и усовершенствование (создание «нового для страны»).

Результаты исследований по проблеме стабильного экономического роста показывают, что поглощающая способность и инновации постепенно становятся более важными двигателями роста. Это связано с тем, что сложность экономической системы увеличивается по мере перехода от менее экономически развитых стран к странам со средним уровнем дохода, а затем к группе технологически передовых стран. Абсорбционная способность в широком понимании – это многосторонняя и сложная конструкция, разработанная для обозначения широкого набора технологических, экономических и социальных факторов, которые формируют способность страны к подражанию и поглощению передовых иностранных технологий.

Фенин К.В. (Саратов)

О НЕРАВЕНСТВЕ МЕТОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация: данная работа посвящена проблеме неравноценности различных научных методов исследования в экономической теории (экономической науке, экономике). С помощью ретроспективного и историографического анализа прослежена эволюция необходимости и значимости применения математических методов в экономической теории. Установлено, что математика, став главенствующим методом экономических исследований, ограничила использование иных научных методов и тем самым снизила эвристическую ценность экономической теории.

Ключевые слова: экономика, математика, позитивизм, абстракция, формализация, ясность, ценность.

Если кратко проанализировать историю становления главенствующей роли математических методов в экономике, можно заключить, что данный процесс совпадает с развитием позитивизма в качестве ведущей научно-исследовательской парадигмы. Хотя абстрактную алгебру применяли для экономического анализа ещё итальянские экономисты в середине XVIII в. Однако те же итальянцы в скором времени отказались от излишнего формализма, который усложнял процесс экономического исследования, вместо того чтобы придавать ему большую ясность¹.

Первым, кто основательно и фундаментально стал использовать математический (алгебраический) метод в экономике в 1848 г, был А. Курно. Во второй половине XIX в. к французскому экономисту присоединились «очарованные» открытиями в области термодинамики У.Ст. Джевонс и Л. Вальрас, а позднее В. Парето, Ф. Эджуорт и И. Фишер, уподобившие экономику физике и «породившие» неоклассический «economics», который стал, по мнению некоторых учёных,

¹ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С.76.

«одним из главных виновников Великой рецессии 2008 г.»¹. Тот же А. Курно был первым, кто применил графический метод для отображения функциональной зависимости между объёмом продаж товаров и их ценами. Однако всеобщее употребление среди экономистов графический метод получил только после выхода работ А. Маршалла в области микроэкономической теории равновесия на рынке отдельного товара².

Желание выдающихся учёных-экономистов второй половины XIX в., многие из которых (У. Ст. Джевонс, В. Парето, Л. Вальрас, А. Маршалл) имели техническое (инженерное), математическое или естественнонаучное образование, сделать экономику точной фундаментальной дисциплиной полностью отражает специфику позитивистского развития социальных и гуманитарных наук того времени. Именно тогда и возникла потребность «очистить» общественные науки, в том числе и экономическую теорию, от «тяжеловесного» литературного метафорического и метафизического нагромождения. Поскольку многие политэкономические метафоры такие, как знаменитая «невидимая рука» А. Смита, были заимствованы из классической механики и астрономии, то они с лёгкостью были возвращены в своё «позитивистское лоно», то есть, формализованы и в дальнейшем стали применяться для прикладных исследований и теоретизации в неоклассической экономической теории (мейнстриме)³.

Впрочем, есть и другое объяснение истинного содержания политэкономической метафоры «невидимой руки». Известно, что А. Смит начинал свою карьеру как профессор нравственной философии, написавший трактат по эмпатии. Эмпатия, – способность к сопереживанию, – предполагала наличие сходной системы ценностей, определяемых в случае со А. Смитом протестантскими религиозными воззрениями, опирающимися на концепцию предопреде-

¹ Куреев А. П. Puzzle Кругмана // Экономическая школа: альманах. Т. 7. Международная экономика. СПб., 2011. С. 282; Мальцев А. А. Обманчивое обаяние постмодернизма или подводные камни новой методологии истории экономических учений // Российские регионы в фокусе перемен: сб. ст. X Междунар. конф. (Екатеринбург, 12–14 ноября 2015 г.). Екатеринбург, 2016. С. 130.

² Куреев А. П. Puzzle Кругмана // Экономическая школа: альманах. Т. 7. Международная экономика. СПб., 2011. С. 282.

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332; Мальцев А. А. Обманчивое обаяние постмодернизма или подводные камни новой методологии истории экономических учений // Российские регионы в фокусе перемен: сб. ст. X Междунар. конф. (Екатеринбург, 12–14 ноября 2015 г.). Екатеринбург, 2016. С. 130; Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 56, 83.

ления – заданности событий Проведением. Сопоставив концепцию предопределения и «смитанское» представление об экономике, становится понятным принцип действия механизма «невидимой руки Божьего Провидения», которая преобразует любые эгоистические корыстные действия «человека экономического» (лат. «*Homo economicus*»), максимизирующего полезность потребляемых им благ, во вклад в рост всеобщего благосостояния социума. В итоге, экономическая система как совокупность различных людских волеизъявлений стремится к всеобщему равновесию¹.

Интенсифицировало позитивистские настроения в экономической теории распространение во многих странах во второй половине XIX в. практики ведения регулярного статистического учёта природных и социальных явлений. С появлением большого массива цельных статистических данных и с совершенствованием количественных методов их обработки и анализа граница между естественными и общественными науками начала размываться. Данный процесс был встречен с восторженностью многими известными западными и российскими учеными. Так, выдающийся представитель отечественной хозяйственной мысли А.И. Чупров в своём знаменитом выступлении «Статистика как связующее звено между естествознанием и обществоведением», которое он сделал на общем собрании IX съезда естествоиспытателей и врачей в Москве 11 января 1894 г., указал на то, что «лишь с тех пор, как обществознание стало в широкой степени пользоваться статистическим методом, оно получило некоторое право на приравнение к рангу точных наук. <...> Данный метод – это метод массовых наблюдений, который предоставляет нам: 1) возможность безошибочно описывать факты из области обществознания; 2) ключ к открытию причин и выяснению законов общественных явлений; 3) средства делать заключения о других неизвестных ещё фактах на основании знакомства с некоторую частью уже известных фактов. <...> По этой причине статистика и её метод являются связующим звеном между науками о природе и науками об обществе»².

Недочёт экономистами-позитивистами специфики экономических отношений, которые являются одними из самых сложных

¹ Фенин К. В. *Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Том 17. Серия Экономика. Управление. Право. 2017. Выпуск 2. С. 148–156; Смит А. Теория нравственных чувств. М., С. 185, 335.*

² Чупров А. И. *Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. М., 2009. С. 90–96.*

из всех, имеющих в окружающем мире, привёл к появлению абстрактных экономических моделей, содержательно ничем не превосходящих отвергнутые классические метафоры¹. Прогресс в экономической науке был сведён к внешней смене декораций – всё усредняющий закон больших чисел как величайшее открытие в статистике заменил собой «невидимую руку» А. Смита. Математика для своего удобства «породила» в экономике множество абстракций. Наиболее ярким примером типичной экономической абстракции стал упомянутый «человек экономический» (лат. «Homo economicus»). Рациональный, всезнающий и мгновенно приспосабливающийся к любым изменениям «Homo economicus», имеющий отношение к социально-экономической действительности не больше, чем материальная точка к физической реальности, но поведение которого с лёгкостью можно описать математическими функциями, корреляцией и регрессией, стал на долгое годы идеальным объектом исследования в экономической теории.

В дальнейшем экономическая наука продолжила следовать по пути «наименьшего математического сопротивления»². С середины XX в. описательный метод, изложение результатов экономических исследований с помощью прозы, а также рефлексия в экономических трудах полностью уступили место математическому методу³. Многих современных экономистов, занятых математическим моделированием, не смущает тот факт, что в их научных трудах отсутствует реализм. Напротив, в этом они видят преимущество, потому что под защитой сложных математических построений они всё более решительно движутся к объективному познанию, ограждая его от несовершенной действительности⁴.

При этом, положив в качестве одной из ведущих предпосылок «квазиэстетические соображения» при математическом изложении доказательства экономических теорий, многие экономисты загнали себя в методологический тупик⁵. Попытка сделать экономику точной наукой с помощью математики: алгебры, геометрии, стати-

¹ Сулов И. П. Методология экономического исследования. М., 1983. С. 9.

² Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 73.

³ Киреев А. П. Puzzle Кругмана // Экономическая школа: альманах. Т. 7. Международная экономика. СПб., 2011. С. 282.

⁴ Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011. С. 143

⁵ Самуэльсон П. Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия // Вехи экономической мысли: Т. 6. Международная экономика. М., 2006. С. 409.

стики, а затем и «агрессивного» эконометрического регрессионного анализа, – привела к тому, что многие её постулаты стали приниматься исключительно на веру, потому что тщательное изучение и анализ математического громоздкого формального доказательства экономических теорий становились всё более затруднительными. В связи с этим будет уместно привести ироничное замечание Р. Скидельски о том, что «...не известно верят ли сами экономисты-теоретики в свои математические модели или считают их элегантным инструментом, полезным для экономических построений»¹.

Хотя к концу XX – началу XXI вв. инструментарий математики используется экономистами преимущественно для проведения эмпирических исследований, а не поддержания образа «крутых чудаковатых парней, живущих в вымышленных идеальных мирах», проблема математической формализации экономической теории в научной и учебной сфере всё ещё остаётся актуальной². На практике значимым экономическим исследованием считается лишь то, которое содержит формальную математическую модель изучаемого явления с возможными пояснениями на английском языке³. Подобная ситуация вызывает затруднение восприятия и признания представителями неоклассического мейнстрима научных экономических результатов, полученных отличными от формально-математических методов способами.

С другой стороны, представители альтернативных экономических школ гетеродоксального «русла» с растущим подозрением и даже пренебрежением относятся к достижениям лидирующего неоклассического направления, обвиняя последнее в мелкотемье и превращении экономической науки в «прикладную отрасль математики». Кроме того, многие положения экономической теории, представленные в математическом виде, оказываются трудными для восприятия людей, не получивших должную математическую подготовку. Хотя ещё Ф. Лист, отец немецкой исторической школы политэкономии заметил, что «ясность, общедоступность – вот главная потребность в изложении экономической науки»⁴.

¹ Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011. С. 139.

² Мальцев А. А. Современная экономическая наука: на пути от ортодоксии к плюрализму // Российские регионы в фокусе перемен: мат. XI Междунар. конф. (Екатеринбург, 17–19 ноября 2016 г.). Екатеринбург, 2016. Т. 2. С. 1151.

³ Киреев А. П. Puzzle Кругмана // Экономическая школа: альманах. Т. 7. Международная экономика. СПб., 2011. С. 282.

⁴ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.; Челябинск, 2017. С. 46.

Тем не менее, особо изощренная «математическая изящность» при изложении экономических идей по-прежнему гарантирует их автору признание научного сообщества. Нобелевская премия по экономике за 2008 г., вручённая американскому экономисту П. Кругману, яркое тому подтверждение. П. Кругман внёс вклад в анализ неравномерного размещения экономической активности в пространстве. Хотя американский учёный, по собственному признанию, в одной из своих основополагающих работ развил и более «ясно» изложил посредством формализации и математизации идеи экономико-географов Ч. Харриса и А. Преда, которые были ими предложены ещё в 1950–60-е гг.¹ Проблема здесь состоит в том, что никакой новый способ представления идеи не делает её новой, если по существу она старая. Перевод экономической идеи с вербального на алгебраический или графический язык не означает, что математик-переводчик становится её автором. Подлинный прогресс научного исследования состоит не в чисто формальном изложении, а в открытии направляющих идей, лежащих в основе любой теории².

В завершении стоит отметить, что не следует путать анализ математической экспансии экономической науки, осуществляемый в данной работе, с предложением о полном отказе от формальных методов в экономических исследованиях. Математика – это ценное средство для научных изысканий. Как средство математические методы могут быть первыми среди равных, но отнюдь не единственными. При непосредственном использовании математических методов в экономическом исследовании полезным будет придерживаться требования или свойства их простоты и экономичности, то есть достижения цели с наименьшими затратами средств и времени³. Экономическая теория охватывает широкий спектр количественных и качественных социальных характеристик. Поэтому данная отрасль знания может двигаться по пути естественных наук, нацеленных на формальное обобщение и концептуализацию, и по пути общественных наук, изучающих цели и ценности⁴. Стремление к лучшему пониманию экономики и как науки, и как практики требует использования широкого спектра методов гуманитарных и естественных дисциплин при условии принятия их равнозначности и равноценности.

¹ Кругман П. Пространство: последний рубеж // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 127.

² Алле М. Современная экономическая наука и факты // *THESIS*. 1994. №. 2(4). С. 14.

³ Суслов И. П. *Методология экономического исследования*. М., 1983. С. 8.

⁴ Райнерт Э. Роль государства в экономическом росте // *Прогнозис*. 2009. № 2. С. 174.

Раздел 7.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 316.334.2

Алексеев В.Э. (Саратов)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО НА БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ВОИНСКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье отмечается важность поддержания боевой готовности подразделения на высоком уровне и ее зависимость от морального духа военнослужащих. Определяются факторы, влияющие на морально-психологическое состояние военнослужащих, и устанавливается их взаимосвязь с социальными факторами. В статье показана большая значимость социального статуса индивида. Выявляется зависимость морально-психологического состояния военнослужащих от их социального статуса.*

Ключевые слова: *социальный статус, социальная стратификация, боевая готовность, морально-психологическое состояние.*

В настоящее время, благодаря слаженной работе различных силовых ведомств, сокращается количество совершенных в России преступлений террористической направленности. Так, за 2017 год таких преступлений уменьшилось на 25 %. В течение года пресечена деятельность более 50 подпольных террористических ячеек, задержано 1060 бандитов, уничтожено 90 боевиков, включая 13 главарей бандгрупп¹. Однако напряженная ситуация на фронте борьбы

¹ Выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина о результатах деятельности общегосударственной системы противодействия терроризму

с международным терроризмом сохраняется. Только в октябре 2018 года пресечена противоправная деятельность законспирированных террористических ячеек на территории Московского региона, в республике Татарстан, обезврежены участники незаконных вооруженных формирований на территории Хасавюртовского района Республики Дагестан¹.

Необходимым условием ведения успешной антитеррористической деятельности является поддержание высокой степени боевой готовности подразделений силовых структур, которая характеризуется как «способность подразделений в установленные сроки начать и успешно выполнить поставленные боевые задачи». Данная характеристика является «главным качественным показателем состояния воинских подразделений»². Она немыслима без высоких морально-психологических качеств военнослужащих. Великий полководец М.И. Кутузов о роли морального духа войск говорил: «не численность войск, но именно их храбрость, рвение и дух, их оживляющие, по большей части решают успех». Морально-психологическое состояние воинских подразделений влияет на уровень его боеспособности. Морально-психологическое состояние – вид всестороннего обеспечения войск и представляет собой «характеристику реального состояния сознания личного состава, сформированного под воздействием военно-политических, социальных, психологических, экономических и других факторов, проявляющегося в его боевой и повседневной активности, готовности к выполнению поставленных служебно-боевых задач»³. Исследования показали, что при низком уровне морально-психологического состояния боеспособность подразделений теряется при 10–20 % потерь, а при высоком – только при 50–60 %⁴. М.Ю. Зеленков указывает, что достижение высокого морально-психологического состояния личного состава

в 2017 году // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2018. № 1 (18). С. 11.

¹ Национальный антитеррористический комитет // Хроника событий. [сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyiy@page=2.html> (дата обращения: 15.11.18).

² Резник Н. И., Бусловский В. Н., Нурдин Ю. Ф. Система морально-психологического обеспечения в вооруженных силах Российской Федерации: учебное пособие для слушателей и курсантов военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации. М.: 2005. С. 301.

³ Приказ Росгвардии от 14 ноября 2017 г. № 487 «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации». Ст. 11. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-rosgvardii-ot-14112017-n-487-ob-utverzhdanii-polozhenija/> (дата обращения: 15.11.18).

⁴ Резник Н. И., Бусловский В. Н., Нурдин Ю. Ф. Указ. соч. С. 19.

есть приоритетная задача военной организации в области обеспечения национальной безопасности¹.

Если выявить причины от которых зависит уровень морально-психологического состояния военнослужащих, то возможно утверждать об их влиянии и на боевую готовность подразделения. Так, рассмотрение работ А.М. Тютченко, Э.И.К. Шафиевой, М.Ю. Зеленкова, А.А. Александрова позволяет выделить объективные и субъективные факторы, определяющие уровень морально-психологического состояния подразделения:

А) Объективные факторы:

1. Профессиональные: опыт ведения боевых действий, уровень слаженности подразделений;
2. Физические: физическая выносливость;
3. Организационные: эффективность системы управления.
4. Экономические: своевременное и всестороннее обеспечение войск, удовлетворение нужд и запросов военнослужащих.
5. Обстоятельства: сложность обстановки, характер предстоящих действий, условия выполнения задач, опасность, отношение к войне общества, успешность ведения боевых действий.
6. Природно-климатические: состояние погоды, условия местности, отдаленность от своих границ, дома;
7. Информационные: степень информированности об обстановке, неопределенность, новизна ситуации;
8. Юридические: соблюдение социальных гарантий и прав военнослужащих и членов их семей;
9. Технические: высокая надежность вооружения и военной техники.

Б) Субъективные факторы:

1. Осознание целей служебно-боевых действий.
2. Моральные: моральная готовность к выполнению к выполнению служебно-боевых задач, твердая воля к победе, постоянная работа над повышением морально-боевых качеств, гордость за служение стране и ее войскам, убежденность в надежности ВВТ, эффективность восстановления боеспособности военнослужащих, моральные качества индивидуума.
3. Психологические: удовлетворение личностными качествами, степень психической готовности, адаптации к обстановке.

¹ Зеленков М. Ю. Морально-психологическая подготовка войск в армиях зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2000. № 11. С. 5–11.

4. Почетные: авторитет командиров, офицеров.

5. Удовлетворенность: степень удовлетворения потребностей военнослужащих.

Отдельные из вышеперечисленных факторов обуславливают социальные изменения и могут быть отнесены к социальным факторам. К таким факторам относятся: профессиональные, организационные, экономические, юридические, информационные, т.к. образование, политика, экономика, право, средства массовой информации являются социальными институтами; природно-климатические, удовлетворенность, почетные т.к. самоидентификация населения, социальное настроение относятся к внутренним факторам социального развития¹. Таким образом, факторы морально-психологического состояния военнослужащих в основном представляют социальные факторы. В результате можно осуществить сравнение факторов морально психологического состояния и факторов, оказывающих влияние на социальное положение индивида в обществе.

Социальное положение человека в обществе, т.е. его социальный статус играет значительную роль, т.к. оказывает влияние на его внутреннее психологическое состояние. Социальный статус – это «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование, и т.п.), природными признаками (пол, возраст), престижем и местом в структуре власти»². Он представляет собой один из элементов структуры общества, наряду с социальными группами и социальными институтами³.

Исследования американских ученых показывают, что повышение социального статуса укрепляет иммунную систему, увеличивает стрессоустойчивость, что позволяет снизить заболеваемость организма. Следовательно социальный статус является фактором, от которого напрямую зависит сама жизнь человека⁴.

Для определения социального статуса используются показатели социальной стратификации, т.е. – «социальной дифференциации

¹ Исанова М. Н. Факторы, влияющие на социальное развитие общества // Экономический вестник. 2017. № 1. С. 20.

² Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М), 2000. С. 343.

³ Романова Н. П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 3 (54). С. 141–142.

⁴ Там же. С. 142–143.

на основе критериев социального престижа, самоидентификации, профессии, дохода, образования, участия во властных отношениях и т.д.»¹. Анализ социологических исследований авторов П.А. Сорокина, М. Вебера, С. Холла, И.С. Кона, Р. Шулера, О.Д. Данкена, Дж. Л. Спэфа, М.М. Гордона, А.Н. Гальцовой, С.В. Назаренко, О.Ю. Быстрыковой, А.В. Капелько, Р.Г. Побегайлова, А.И. Смирнова, С.С. Соловьева, Л.В. Певень, Т.А. Сиростановой, С.И. Бурды, В.А. Романова, Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана позволяет рассмотреть основные показатели социального неравенства индивидуумов,

Вывод: на морально психологическое состояние, а в конечном итоге и на боевую готовность воинского подразделения влияют характеристики статусной позиции военнослужащего в социальной системе военной организации.

Так, на боевую готовность воинского подразделения оказывает влияние множество факторов, среди которых выделяются:

- человеческие: уровень образования, наличия опыта, специальных знаний и умений военнослужащих;
- экономические: степень укомплектованности воинского подразделения офицерами, личным составом, возможность карьерного роста, размер денежного довольствия;
- место прохождения службы: тип населенного пункта, сложность климатических, экологических условий, качество предоставления услуг сферы обслуживания, социальной сферы, наличие спортивных сооружений, жилищно-бытовые условия военнослужащего и членов его семьи, удаленность от места службы, характеристики занятости населения региона прохождения службы, количество и доступность учреждений культуры;
- юридические: соблюдение социальных гарантий и прав военнослужащих и членов их семей;
- физические: физические особенности организма, логико-мыслительный аппарат;
- субъективные: уровень удовлетворения потребностей военнослужащих, оценка своего социального положения;
- почетные: авторитет военнослужащего в воинском коллективе, репутация, уважение.

Таким образом для поддержания постоянной боевой готовности воинского подразделения государству необходимо создавать для военнослужащих условия для постоянного повышения своего про-

¹ Социологический энциклопедический словарь. Указ. соч. С. 347.

фессионального уровня, совершенствования своей физической подготовки. Обеспечивать военнослужащих ежегодную индексацию денежного довольствия, своевременно предоставлять жилые помещения для проживания самого военнослужащего а также его семьи, создавать необходимые условия жизни и быта в военных городках, гарантировать соблюдение социальных гарантий и прав военнослужащих и членов их семей.

Вербина О.Л. (Курск)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье рассматривается понятие и виды публичной собственности на землю, основания возникновения прав на землю у частных лиц. В свете существенных изменений и дополнений последних лет, внесенных в Земельный кодекс РФ, с помощью сравнительного, аналитического, прогнозического методов анализируется процедура предоставления земельных участков из государственной и муниципальной собственности, определяются причины рассматриваемых изменений, а также отдельные проблемы правоприменения и пути их преодоления. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при разработке изменений земельного законодательства, в рамках образовательного процесса в юридических вузах.

Ключевые слова: земельный участок, публичная собственность, торги, аукцион, договор купли-продажи, аренда земельного участка.

Форма собственности есть политико-экономическое понятие, которое отражает особенности взаимоотношений субъектов в процессе хозяйствования, характеристик осуществления господства над объектами имущества и, в конечном счете, роли разных видов собственности в экономической модели¹. Конституция РФ закрепляет следующие формы собственности: государственная, муниципальная, частная и иные виды собственности. Государственная и муниципальная собственность являются разновидностями пу-

¹ Мазеев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-forma-sobstvennosti-kak-instrument-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 27.11.2018).

бличной собственности. Понятие публичной собственности является дискуссионным в юридической науке. Многообразие позиций авторов опирается, на наш взгляд, на неоднозначность правовых норм. Достаточно распространенной является позиция об отсутствии вообще публичной собственности, а лишь о наличии общей собственности, которая имеет схожие характеристики. В то же время обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения о выделении публичной собственности в отдельную форму, как принадлежащей публично-правовым образованиям. Данный термин используется в различных нормативных актах и включает в себя государство, субъектов Федерации и муниципальные образования. Так, Д.В. Пятков указывает, что понятие публичной собственности означает не только совокупность государственной и муниципальной форм собственности, а суждение об их принципиальном сходстве и противопоставление их другим формам собственности, не обладающими такими же характеристиками.¹

Еще дореволюционные авторы рассматривали особенности собственности государства. И.И. Янжул выделял два подхода к государственному имуществу: в широком смысле – всякое движимое или недвижимое имущество, которое принадлежит государству как нравственному лицу, как юридическому субъекту и/или находящееся во всеобщем пользовании всех жителей государства, или же вверенное правительству как представителю страны (дороги, правительственные здания, водные пути сообщения и т.д.). В узком смысле – те объекты, которые способны приносить доход казне (земля, леса, вещные права на пользование частным имуществом, всякого рода капиталы, принадлежащие правительству)². Как верно отмечает А.И.Зырянов, публичная собственность характеризуется следующими признаками³:

¹ Пятков Д. В. перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-veschnogo-prava-publichnaya-sobstvennost-i-edinoe-pravo-sobstvennosti> (дата обращения: 27.11.2018).

² Мазеев В. Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-forma-sobstvennosti-kak-instrument-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 27.11.2018).

³ Зырянов А. И. Понятие права публичной собственности (государственной и муниципальной) на земельный участок // Юридическая наука. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prava-publichnoy-sobstvennosti-gosudarstvennoy-i-municipalnoy-na-zemelnny-uchastok> (дата обращения: 27.11.2018).

1) соединяет определенные качества собственности вообще с государственной властью;

2) императивный характер указанного властвования с учетом уровней публичной власти, их иерархии, компетенции и объема полномочий в отношении нижестоящих уровней власти по вопросу о собственности;

3) собственники осуществляют свою деятельность преимущественно по владению и распоряжению природными объектами, предоставляя их в пользование и потребление физическим и юридическим лицам;

4) отличается по элементам, образующим структуру публично-го правоотношения собственности: а) по объектам – по земельным участкам, которые могут находиться в публичной и частной собственности (изъятые, ограниченные и допущенные к гражданскому обороту), в собственности государства может находиться любой природный объект, включая изъятые из оборота; б) по способам и основаниям приобретения (прекращения) права собственности (национализация, конфискация, изъятие для публичных нужд, приватизация и т. д.); в) по объему и характеру ответственности (например, орган местного самоуправления практически не может быть признан банкротом, отчужден от принадлежащих ему полезных ископаемых);

5) публичный собственник не может отказаться от права собственности на земельный участок, возникновение права публичной собственности на землю и другие природные объекты не обязательно связывалось с государственной регистрацией права собственности на них, в целях устранения неопределенности в гражданских правах на земельный участок действует правило о презумпции права государственной собственности на земельный участок, если не представляется возможным установить его собственника (согласно подп. 1, 2 ст. 214 Гражданского Кодекса РФ);

б) имеет существенные ограничения (обременения), обеспечивающие необходимость выполнения государственных и муниципальных функций, охраны собственности, обеспечения требуемого направления использования природных объектов и ресурсов.

Понятие публичной собственности принято рассматривать через призму ее отличия от частной собственности. Следует согласиться с позицией В.Д. Мазаева, который выделяет отличительные аспекты публичной собственности:

- а) принадлежность вещей публично-властным субъектам
- б) целевое назначение собственности, направленное на достижение общественного (и/или публичного) интереса.¹

Таким образом, государственная или муниципальная собственность закреплена за РФ, субъектами Федерации и муниципальными образования, распоряжение которыми осуществляют соответствующие государственные и муниципальные органы. Так, в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплены специальные нормы, определяющие экономическую основу деятельности органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления соответственно.

Как отмечают специалисты, ряд нововведений в земельном законодательстве в последнее время можно назвать «земельной реформой» в государстве.² Актуальным является вопрос о разграничении полномочий государственных и муниципальных органов по распоряжению земельными участками.

Преобразования 90-х годов прошлого века в первую очередь коснулись публичной собственности, которая в ходе приватизации переходила в частную собственность. Этот процесс способствовал появлению различных форм собственности, в том числе и на земельные участки. В то же время, это привело к слабому контролю и учету земельных ресурсов со стороны государства. Огромная территория РФ, наличие земельных участков, не принадлежащих частным лицам и фактически являющихся государственной или муниципальной собственностью, отсутствие государственной регистрации прав на большое количество земельных участков явились причинами преобразований в земельном законодательстве последних лет. Их цель: упорядочить земельные ресурсы и их использование.

¹ *Мазаев В. Д.* Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-forma-sobstvennosti-kak-instrument-konstitutsionno-pravovogo-regulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 27.11.2018).

² *Вербина О. Л.* Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: новое в российском законодательстве // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2016. № 2. С 28–31.

В свете изменений в Земельный Кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (далее – ЗК РФ) определена процедура возникновения прав на земельные участки, в том числе и из публичной собственности. Так, все основания возникновения прав условно можно разделить на 2 группы: основания приобретения земельных участков и основания их предоставления.

Первая группа оснований в большей степени относится к частной собственности, когда в результате гражданско-правовых сделок возникает право собственности на земельные участки. В первую очередь это касается договоров купли-продажи, дарения, мены, вступление в наследство и т.д.

Предоставление земельных участков из государственной и муниципальной собственности предполагает два способа, когда можно получить участок безвозмездно и возмездно. Бесплатно земельные участки предоставляются только в случаях прямо указанных в нормативно-правовых актах.

Так, например, действующий ЗК РФ устанавливает, что при предоставлении религиозным организациям земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, вид права на земельный участок предопределяется видом ее права на здания, строения, сооружения, расположенные на этом участке. Таким образом, согласно ст. 39.5 ЗК РФ, если в собственности религиозной организации находятся здания, строения, сооружения религиозного или благотворительного назначения, расположенные на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, то такой участок предоставляется в собственность религиозной организации бесплатно.

Бесплатно также предоставляются в собственность земельные участки, находящиеся у религиозной организации на праве постоянного (бессрочного) пользования и предназначенные для сельскохозяйственного производства этой организации в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ. Например, закон Курской области от 19 декабря 2011 года № 104-ЗКО «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения на территории Курской области» содержит нормы о бесплатном предоставлении земель религиозным организациям из земель сельскохозяйственного назначения и предназначенных для сельскохозяйственных целей.

Земля в собственность религиозным организациям предоставляется в соответствии с религиозными или благотворительными

целями. Стоит отметить, что если здание, строение или сооружение, принадлежащее на праве собственности определённой религиозной организации, располагается на земельном участке, относящемся к территории памятников истории и культуры или к особо охраняемой зоне, то земельный участок и сами сооружения религиозного значения могут стать предметом спора между учреждениями образования и культуры, которые воспринимают религиозные сооружения как исторические и культурные памятники, а не как религиозные постройки.

Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ в подобных ситуациях защищает религиозные организации, устанавливая, что они могут иметь на праве собственности земельные участки, относящиеся к памятникам истории и культуры, если это необходимо для обеспечения их деятельности.

Получив земельный участок в собственность, а не в безвозмездное пользование, религиозная организация становится полноценным хозяйствующим субъектом.

Право на получение участков бесплатно имеют и отдельные категории граждан, перечень которых закреплён в нормативно-правовых актах. Так, например, Законом РФ от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» предусмотрено бесплатное получение земельных участков для отдельных категорий граждан. Иные категории граждан устанавливаются и федеральными законами и законами субъектов Федерации.

Таким образом, если лица не имеют законных оснований на бесплатное предоставление, то единственным шансом получить земельный участок из публичной собственности является возмездное приобретение: без проведения торгов или на торгах. Статья 39.3 ЗК РФ предусматривает продажу участков без проведения торгов.

Новелла ЗК РФ указывает на проведение торгов на приобретение земельных участков из государственной и муниципальной собственности только в форме аукциона. Данная позиция считается неоднозначной по мнению ряда ученых. Справедливо указывается, что аукцион предполагает победу участника, который предложит лучшую цену. В то же время, следует согласиться с Т.В. Геворкян, которая отмечает, что сохранение в отдельных случаях конкурсного подхода

¹ Федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс».

в процедуре предоставления было бы более уместным, например, относительно предоставления сельскохозяйственных участков, когда интерес общества состоит не столько в максимизации прибыли от их продажи, сколько в возможности сравнить набор мероприятий, которые должны быть реализованы покупателями в целях наиболее выгодного и безопасного использования таких земель¹.

Процедура проведения торгов закреплена в ст. 39.11–39.13 ЗК РФ. Следует отметить, что требования к организации и проведению аукциона в основном дублируют требования гражданского законодательства, при не соблюдении которых аукцион признается несостоявшимся или незаконным. Важным положением является нормативное закрепление возможности проведения торгов по заявлению заинтересованных лиц. Это может касаться земельных участков, которые не прошли государственный учет и на которые государственная собственность не разграничена. Распоряжение ими в этом случае будет осуществляться в соответствии со ст. 3.3. Федерального Закона РФ от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса РФ».

Серьезной проблемой, на наш взгляд, для желающих приобрести земельный участок у государства или муниципального образования может стать подготовка и согласование схемы расположения земельного участка, что будет осуществлено за счет заинтересованного лица без всякой гарантии его получения в дальнейшем. Логичным представляется предусмотреть законодателю компенсацию из казны государства или муниципального образования кадастровых работ для заинтересованного лица в случае, когда он не станет победителем аукциона и участок будет предоставлен участнику торгов. В то же время судебная практика показывает, что заинтересованное в приобретении участка лицо может провести все предварительные работы, а органы публичной власти не осуществляют процедуру аукциона. Так, Решение Арбитражного суда Омской области от 03.05.2018 по делу № А46-25314/2017 оставлено без изменения постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2018 г. о признании незаконным бездействия уполномоченного органа. ООО «АРПС СЕРВИС» обратилось в Арбитражный

¹ Геворкян Т. В. Актуальные вопросы продажи с торгов земельных участков, находящихся в публичной собственности // Вопросы российского и международного права. 2016. № 8. С. 240–250.

² URL: <http://www.admoil.ru/informatsiya-o-pravoprimeritelnoj-praktike>

суд Омской области с заявлением о признании незаконным бездействия департамента имущественных отношений Администрации г. Омска, выразившегося в непринятии в установленный законом срок решения о проведении аукциона по продаже земельного участка. Распоряжением Департамента от 23.06.2017 № 1324 утверждена схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории. ООО «АРРС Сервис» обеспечило подготовку межевого плана и постановку на государственный учет земельного участка. Письмом от 03.08.2017 Общество направило в адрес Департамента выписку из ЕГРН о земельном участке в качестве подтверждения его постановки на государственный кадастровый учет и просило произвести действия, предусмотренные ст. 39.11 ЗК РФ по подготовке и организации аукциона. Однако, органы местного самоуправления так и не объявили аукцион. Суд удовлетворил иск ООО и признал бездействие органов публичной власти.

Анализ норм ЗК РФ о проведении аукциона позволяет сделать вывод о необходимости большей систематизации, конкретизации норм и ликвидации противоречий между введенными в действие нормами о признании аукциона несостоявшимся и о возможности заключения договора с одним участником аукциона в то же время.

Примеры судебной практики свидетельствуют и об очевидных нарушениях при проведении торгов органами публичной власти. Так, например, Решением Сухобузимского районного суда Красноярского края от 10 сентября 2015 г. по делу № 2-758/20151 по иску прокурора Сухобузимского района Красноярского края к администрации Атамановского сельсовета и гр. Л. о признании недействительными торгов по продаже земельного участка, признании недействительным договора купли-продажи земельного участка, иск был удовлетворен. При проведении аукциона по продаже находящегося в муниципальной собственности земельного участка ответчиками были допущены нарушения требований земельного законодательства, установленные ст. 39.11, 39.12 ЗК РФ, повлекшие нарушение интересов муниципального образования Сухобузимский район и РФ: несмотря на решение уполномоченного органа об отмене ранее объявленного аукциона по продаже указанного земельного участка, аукцион, тем не менее, был проведен; в сети «Интернет» сведения о проведении аукциона размещены менее чем за 30 дней до даты торгов; ограничили срок подачи заявок с 5 до 15

¹ URL: <http://sudact.ru/>

дней; единственный заявитель Л. не представила в заявке на участие в аукционе документов, подтверждающих внесение задатка, и фактически задаток не внесла. Несмотря на это, она была незаконно допущена к участию в аукционе, впоследствии с ней незаконно был заключен договор купли-продажи земельного участка, её право собственности было незаконно зарегистрировано. Решением суда договор купли-продажи от 22.05.2015 года заключенный между администрацией Атамановского сельсовета и Л. земельного участка признан недействительным, признать отсутствующим право собственности Л. на земельный участок. Указанное решение является основанием для погашения в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним записи о праве собственности Л. на земельный участок.

Таким образом, действующее земельное законодательство развивается в сторону широкомасштабного расширения возможностей законного предоставления земельных участков из публичной собственности частным лицам. Однако, для устранения возникающих трудностей в этом направлении законодателю следует упорядочить нормы права, устранив существующие пробелы и коллизии правового регулирования.

Гаврилов Е.В. (Красноярск)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛНЕНИЯ СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ ТРЕБОВАНИЯ ОБ УДАЛЕНИИ ПОРОЧАЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: *в статье описаны новеллы российского законодательства об исполнении решения суда об удалении порочащей информации, распространяемой на сайте в сети «Интернет». В результате анализа действующего законодательства выявлена проблема, связанная с указанным исполнением, в случае, если ответчиком будет признан администратор доменного имени, не являющийся непосредственным владельцем сайта. Автор высказывает свое мнение о том, кто должен признаваться надлежащим ответчиком.*

Ключевые слова: *удаление информации, Интернет, честь, достоинство, деловая репутация.*

Удаление информации из сети «Интернет» – это один из способов защиты чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц¹.

Согласно п. 5 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать *удаления соответствующей информации*, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет». Данные правила могут быть применены судом и к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине,

¹ Об этом подробнее см.: Гаврилов Е.В. Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 49–53.

если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ), а также к защите деловой репутации юридических лиц (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

В силу п. 7 ст. 152 ГК РФ применение к нарушителю мер ответственности за неисполнение судебного решения не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие.

За неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространенной информации в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора, с 2018 года установлена административная (ч. 12, 4 ст. 1715 Кодекса РФ об административных правонарушениях) и уголовная ответственность (ст. 315 Уголовного кодекса РФ).

Специфика и проблемы удаления информации из сети «Интернет» привели к тому, что в 2018 году гл. 13 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» была дополнена новой ст. 1094. Согласно этой статье, в случае, если должник в течение срока, установленного для добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети «Интернет», порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица (далее – порочащая информация), не удалил порочащую информацию, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к порочащей информации. В течение 1 рабочего дня с момента вынесения постановления судебного пристава-исполнителя об ограничении доступа к порочащей информации судебный пристав-исполнитель направляет такое постановление в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере СМИ, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

Данное постановление судебного пристава-исполнителя является одним из оснований для включения доменного имени и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», сетевого адреса, на которых содержится порочащая информация, в ЕАИС «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интер-

нет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – ЕАИС) (п. 3 ч. 5 ст. 151 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Согласно пунктам 7–10 ч. 5 ст. 151 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в течение суток с момента получения от оператора указанного реестра уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в ЕАИС провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им *владельца сайта* в сети «Интернет» и уведомить его о необходимости незамедлительного удаления интернет-страницы, содержащей информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Сделать он это должен также в течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в ЕАИС. В случае отказа или бездействия владельца сайта в сети «Интернет» провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту в сети «Интернет» в течение суток. В случае непринятия провайдером хостинга и (или) владельцем сайта в сети «Интернет» вышеуказанных мер сетевой адрес, позволяющий идентифицировать сайт в сети «Интернет», содержащий информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, включается в ЕАИС. После этого в течение суток оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обязан ограничить доступ к такому сайту в сети «Интернет».

Таким образом, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» возлагает на владельца сайта, на котором содержится порочащая информация, определенную обязанность (удалить информацию с сайта), а также обременение (принудительное ограничение доступа к сайту).

При этом обращаем внимание, что надлежащими ответчиками по требованию об удалении информации из сети «Интернет» не всегда является владелец сайта, иногда надлежащим ответчиком признается *иное лицо, которое размещает информацию на сайте* (п. 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защи-

те чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года).

Как показало проведенное нами исследование, надлежащим ответчиком преимущественно является *администратор доменного имени* (при различном обозначении данного субъекта информационных отношений в судебной практике), который может и не являться непосредственным владельцем сайта, однако имеет реальные технические возможности без ущерба для своих прав и законных интересов удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство или деловую репутацию¹.

Возложение в судебном решении обязанности удалить порочащую информацию с сайта в сети «Интернет» на администратора доменного имени, а не на непосредственного владельца сайта, означает, что в случае реализации вышеназванных новелл (ст. 1094 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 5 ст. 151 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») определенное воздействие в виде возложения обязанности удалить информацию с сайта, а также обременение (принудительное ограничение доступа к сайту) будут касаться не администратора доменного имени, а владельца сайта, который не был признан ответчиком по конкретному делу. В этом видится нарушение его прав.

С целью устранения такой ситуации предлагаем закрепить в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» нормы, разграничивающие понятия «владелец сайта» и «администратор доменного имени». При этом при судебной защите по правилам п. 5 ст. 152 ГК РФ предлагаем исходить из презумпции, согласно которой администратор доменного имени является владельцем сайта, на котором размещена оспариваемая информация. Заинтересованные лица вправе в судебном процессе опровергнуть эту презумпцию.

В целом считаем, что надлежащими ответчиками при распространении порочащей информации в сети «Интернет» независимо от конкретных исковых требований должны быть автор порочащей

¹ Об этом подробнее см.: *Гаврилов Е. В.* О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // *Судья*. 2018. № 10. С. 11–14.

информации и лицо, создавшее реальные технические возможности (непосредственно или через подконтрольных ему модераторов), условия для размещения порочащей информации на сайте в сети «Интернет» (далее для целей настоящей статьи – реальный владелец сайта), а в случаях, если установить автора порочащих сведений невозможно, – только реальный владелец сайта.

По нашему мнению, для юридической науки в условиях глобальных перемен XXI века перспективным является исследование способов защиты чести, достоинства, деловой репутации от порочащей информации, распространяемой в сети «Интернет», в частности изучение удаления сведений из сети «Интернет» с определением по этому требованию надлежащих ответчиков.

Горелова И.В., Лепетухина Е.В. (Волгоград)

АКТЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ИЗДАНИЯ ДО КОНТРОЛЯ НАД ИСПОЛНЕНИЕМ

Аннотация: *нормотворчество Президента Российской Федерации характеризуется охватом всех сфер государственного управления, поэтому его акты должны быть эталоном как по содержанию и по официальному оформлению, так и по результатам исполнения. Во избежание возникновения правовых коллизий, во-первых, необходимо закрепить полный перечень издаваемых Президентом актов, а также определить их статус. Во-вторых, необходимо формализовать порядок осуществления контроля над исполнением актов Президента.*

Ключевые слова: *акты Президента, указ, распоряжение, контроль над исполнением актов Президента.*

Президент Российской Федерации (далее – Президент) выполняет важную роль в осуществлении государственной власти. Правовое положение Президента является уникальным, так как по своему статусу фактически он является не просто лицом, замещающим государственную должность – функции главы государства сравнимы с функциями органа управления. Его исключительный статус позволяет выполнять определяющую роль в становлении и осуществлении правовой политики государства. Большая часть функций главы государства осуществляется с помощью издания им актов, которые регулируют различные направления внутренней и внешней политики, поэтому важным моментом является определение правового статуса, понятия, признаков, порядка опубликования и вступления их в силу.

Однако на практике помимо указов и распоряжений можно встретить директивы, резолюции, концепции, программы, положения, доктрины, утверждаемые указами, запросы, заключения, письма, заявления, стратегии, послания, декларации и т.п. В них отсутствуют нормативные установления и преобладают программно-политические установки. Стоит согласиться с А.М. Гайдарбеко-

вой, которая считает, что следует однообразно регулировать правовую форму документов, принимаемых Президентом, а также его действий и решений, установить их императивную важность и неуклонное исполнение всеми субъектами, которым они адресованы, а также соблюдать транспарентность в ознакомлении граждан через СМИ, сеть Интернет, иные источники¹.

Считаем, что в виде указа необходимо оформлять только нормативные акты, а распоряжения должны быть ненормативными и носить индивидуальный характер. Иначе говоря, имеющийся массив указов Президента, принятых по вопросам гражданства, помилования, награждения государственными наградами, присвоения почетных званий, высших воинских и специальных званий представляют собой акты индивидуального характера и должны издаваться в форме распоряжений. После разведения понятий «указ» и «распоряжение» относительно содержания в них правовых норм будет облегчена процедура исполнения данных актов Президента, так как не будут возникать вопросы по поводу правового статуса акта, а, следовательно, и всех влекущих за собой процедур их реализации и контроля за их исполнением.

Конституция Российской Федерации определяет основные гарантии законности в стране, в том числе издания, исполнения федеральных законов, правовых актов Президента и других актов, а потому является основополагающим документом в области контроля над исполнением данных документов. Важным моментом является соблюдение всех правил при издании актов, затем надлежащее их исполнение, а также своевременный и поэтапный контроль до момента «снятия с контроля». Для достижения поставленной Президентом задачи необходимо понимание важности трех взаимосвязанных процессов (издание – исполнение – контроль) на всех уровнях власти. Контроль над исполнением является важным этапом в процессе реализации актов главы государства, так как он обеспечивает достижение намеченных целей и по его результатам производится корректировка ранее принятых решений. Для достижения поставленных Президентом целей необходимо определение порядка осуществления каждого из этапов (издание – исполнение – контроль). Данные этапы взаимосвязаны и не

¹ *Гайдарбекова, А. М.* Место и роль посланий Президента Российской Федерации в политико-правовой жизни общества [Текст] // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 35–37.

могут существовать отдельно друг от друга. Контроль необходим как в процессе издания акта, так и в процессе его исполнения. А исполнение акта Президента осуществляется, прежде всего, на уровне субъекта.

Контроль над исполнением актов (нормативно-правовых и правовых) обеспечивает эффективность управления на основе организации выполнения управленческих решений, а также слежения за сроками, объёмами и качеством их исполнения, принятия своевременных мер по выполнению этих решений. От систематичности и целенаправленности организации выполнения правовых актов и контроля над их исполнением зависит своевременное и качественное выполнение решений вышестоящих органов государственной власти и других органов.

В управлении обозначены такие определения контроля, как:

- функция управления (контроль – это деятельность);
- завершающая стадия процесса управления (контроль – это форма обратной связи);
- неотъемлемая составляющая процесса принятия управленческих решений (контроль – это стадия управленческого цикла).¹

Контрольные функции в различном объеме выполняют все органы власти Российской Федерации. Контроль над правильностью и своевременностью опубликования актов Президента осуществляют структурные подразделения Администрации Президента. Контроль над исполнением актов главы государства осуществляют также структурные подразделения Администрации Президента и Генеральная прокуратура Российской Федерации. Основная нагрузка в сфере контроля над исполнением актов Президента возложена на Государственно-правовое управление и Контрольное управление, которые контролируют и проверяют исполнение указов и распоряжений главы государства федеральными органами исполнительной власти субъектов Федерации, их должностными лицами и организациями.

За 2017 год из 8687 поручений Президента и Правительства, находящихся на контроле, федеральным органам исполнительной власти было допущено 9 нарушений установленных сроков представления докладов о реализации поручений Президента и Правительства.

¹ Козбаненко В.А. Государственное управление: основы теории и организации [Текст]: учебник. . в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2002.

Контрольное управление аппарата Губернатора Волгоградской области является структурным подразделением аппарата Губернатора Волгоградской области. В своей деятельности контрольное управление руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, Уставом Волгоградской области, законами Волгоградской области, постановлениями и распоряжениями Губернатора Волгоградской области, постановлениями Администрации Волгоградской области, распоряжениями аппарата Губернатора Волгоградской области, а также Положением о контрольном управлении аппарата Губернатора Волгоградской области. Контрольное управление осуществляет свою деятельность как непосредственно, так и во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, их территориальными органами, органами исполнительной власти Волгоградской области, структурными подразделениями аппарата Губернатора Волгоградской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Волгоградской области, организациями и гражданами. Оно не является юридическим лицом, имеет бланк со своим наименованием¹. Контрольное управление состоит из трех структурных подразделений: отдел инспектирования, отдел документального контроля, сектор аналитической работы.

В ходе исследования были выявлены и сгруппированы недостатки в порядке осуществления контрольной деятельности. Во-первых, то, о чем уже говорилось выше, в российском законодательстве нет единого определения понятия нормативно-правового акта и характеристики видов нормативных правовых актов в зависимости от их юридической природы. С принятием Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» предполагается дать единое определение понятия нормативно-правового акта и характеристику видов нормативных правовых актов в зависимости от их юридической природы, закрепить иерархию нормативных правовых актов в Российской Федерации, определить порядок регулирования вопросов планирования подготовки нормативных

¹ Российская Федерация. Губернатор. Об утверждении Положения о контрольном управлении аппарата Губернатора Волгоградской области [Текст] : постановление Губернатора Волгоградской области от 10.02.2015 № 116 (дата обращения: 10.05.2018).

правовых актов и их принятия, правил подготовки и оформления их текстов, а также имплементации норм международного права.

Во-вторых, Президент, занимаясь правотворческой деятельностью, согласно Конституции Российской Федерации издает указы и распоряжения. В теории указы Президента должны быть нормативными, а распоряжения не должны носить нормативный характер. Однако, исходя из сложившейся практики, часть указов Президента являются ненормативными актами (назначение и освобождение от должности руководителей федеральных органов, подотчетных непосредственно Президенту; процедура, связанная с вопросами российского гражданства; награждение государственными наградами; присвоение классов чин, почетных званий, высших воинских и специальных званий и другие), а часть распоряжений содержат правовую норму. В этом случае отличие актов Президента друг от друга несколько условно и может рассматриваться применительно к каждому конкретному случаю. Подобное смешение внутри одного акта предписаний нормативного и ненормативного характера влечет за собой затруднения в применении такого акта. Считаем, что в виде указа необходимо оформлять только нормативные акты, а распоряжения должны быть ненормативными и носить индивидуальный характер. Имеющийся массив указов Президента, принятых по вопросам гражданства, помилования, награждения государственными наградами, присвоения почетных званий, высших воинских и специальных званий представляют собой акты индивидуального характера и должны издаваться в форме распоряжений. Возникающие коллизии между указами и распоряжениями должны решаться в пользу первых, так как указы обладают большей юридической силой. Для разграничения данных актов на нормативные и ненормативные необходимо разработать правовые критерии такого разграничения и закрепить их в Федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», проект которого находится на рассмотрении, а также в Федеральном конституционном законе «О Президенте Российской Федерации», который необходимо принять.

В-третьих, помимо указов и распоряжений Президента выделяют директивы, резолюции, концепции, программы, положения, доктрины, утверждаемые указами, а также официальные документы – запросы, заключения, письма, заявления, стратегии, послания, декларации и т.п. В них преобладают программно-политические

установки и отсутствуют нормативные установления. Документам, издаваемым Президентом и имеющим важное значение в определении политики государства, следует придать статус официальных политических документов государственной стратегии. Необходимо дать текстуальное закрепление дефинициям в проекте разрабатываемого Министерством юстиции Российской Федерации Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», а также в законе о Президенте (Федеральный конституционный закон «О Президенте Российской Федерации»), которые следует принять.

В-четвертых, для надлежащего исполнения актов Президента необходимо осуществление контроля. Контроль над реализацией актов Президента на региональном уровне выполняют соответствующие органы. Однако на федеральном уровне нет формализованного порядка осуществления контроля над исполнением актов Президента в субъектах Российской Федерации, что служит следствием невозможности отслеживания деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации в ходе практической реализации проводимого курса Президентом Российской Федерации. Поэтому необходимо закрепить на федеральном уровне формализованный порядок осуществления контроля над исполнением актов Президента Российской Федерации.

В-пятых, в Волгоградской области контроль над исполнением актов Президента осуществляет, в частности, контрольное управление аппарата Губернатора Волгоградской области. В постановлении Губернатора Волгоградской области «Об утверждении Положения о контрольном управлении аппарата Губернатора Волгоградской области» от 10.02.2015 № 116 отсутствует структура и штатная численность работников контрольного управления. Это может привести к неполному отражению характеристики деятельности конкретных структурных подразделений контрольного управления аппарата Губернатора Волгоградской области. Необходимо закрепить в Положении о контрольном управлении аппарата Губернатора Волгоградской области структуру и состав работников.

Подобная регламентация деятельности позволит минимизировать возникновение трудностей в реализации контрольной деятельности над исполнением актов, служебных документов Президента. Структурная регламентация деятельности контрольного управления аппарата Губернатора Волгоградской области приве-

дет к стабильности, слаженности работы и упрощению внутреннего взаимодействия между подразделениями или сотрудниками.

Таким образом, в статье представлены и обоснованы проблемы теоретического и практического характера в сфере издания, исполнения, а также контроля над исполнением актов Президента, даны рекомендации по оптимизации организации контроля на региональном уровне.

Жирнов О.Н. (Саратов)

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ПОПУЛИСТСКОГО И УТИЛИТАРИСТСКОГО ПОДХОДОВ

Аннотация: *повышение пенсионного возраста вызвало бурные дискуссии относительно целесообразности и справедливости такого решения и существенно повысило социальную напряженность в современном российском обществе. В предлагаемой статье анализируются основные концепции справедливости и акцентируется внимание на особенностях доминирующих в отечественном политическом дискурсе популистского и утилитаристского подходов к решению этой острой социально-экономической проблемы.*

Ключевые слова: *пенсионная реформа, справедливость, социальная справедливость, теории справедливости, популизм, утилитаризм.*

Вступившие в силу с начала 2019 года изменения в законодательство, связанные с изменением пенсионного возраста, вызвали недовольство у значительной части населения России, повысили социальное напряжение в обществе и способствовали существенно снижению рейтингов институтов законодательной и исполнительной власти. В адрес президента и ведущей политической партии зазвучала критика со стороны консолидировавшейся по этому поводу политической оппозиции, которая подвергла сомнению не только справедливость, но и социально-экономическую целесообразность нововведений. Все попытки правящей власти объяснить неизбежность повышения пенсионного возраста с позиций сложной демографической ситуации наталкиваются на глухое непонимание в обществе.

Поскольку среднестатистический россиянин вряд ли склонен погрузиться в тщательное исследование всех предпосылок и предполагаемых социальных последствий пенсионной реформы,

то первостепенный интерес вызывают именно моральные оценки нововведений с позиций распространенных в отечественном обществе представлений о справедливости. Историческая практика свидетельствует о том, в условиях обострения социальных противоречий проблема справедливости приобретает особое значение и выходит на передний план социально-политического дискурса. Цивилизованный выход из этой непростой ситуации может быть найден лишь путем совместных усилий на основе диалога правительства и общества.

Важная роль нравственного начала в оценке общественной жизни прослеживается на всем протяжении истории российской государственности. Указывая отличительные особенности российской ментальности, Н.А. Бердяев пронизательно отмечал, что «мысль, жизнь идей всегда подчинялась русской душевности, смешивающей правду-истину с правдой-справедливостью»¹. Предстоятель Русской православной церкви патриарх Кирилл, выступая 1 ноября 2018 года на заседании XXII Всемирного русского народного собора, охарактеризовал чувство справедливости в качестве неотъемлемой части русской идентичности, русского мира и русской души².

Сложность осуществления общественно-политического дискурса относительно справедливости повышения пенсионного возраста определяется рядом факторов. В первую очередь, следует отметить затруднения гносеологического характера, определяющие сложность определения понятия «справедливость». Философско-методологические основы понимания феномена справедливости в европейской традиции были заложены в эпоху античности. Софисты, стоявшие у истоков возникновения этики как особой науки, впервые отметили необычайное разнообразие и изменчивость нравственных воззрений, их непосредственную связь с социально-историческими условиями³. Развивая принцип субъективизма, софисты Продик и Гиппий указывали на относительность понятия добра и полагали, что оно включает в себе лишь те признаки, которые добру приписывают отдельные граждане или государство. Нетождественность, изменчивость содержания этических понятий подтверждалась указанием на разнообразие законотворческих под-

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 84.

² См.: <https://regnum.ru/news/2512147.html>

³ См.: Гусейнов А. А., Ирлиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. С. 55.

ходов к решению одной и той же государственной проблемы¹. Аристотель, автор знаменитой доктрины «золотой середины», полагал, что любую добродетель следует рассматривать как нечто среднее между двумя крайностями, каждая из которых представляет собой порок. Соответственно в понятие справедливости философ «включает не равенство, а правильное соотношение, которое лишь иногда является равенством».² Метафоричность аристотелевской формулы середины наводит на мысль о том, что сущность справедливости обуславливается конкретным социально-экономическим устройством общества.

В эпоху Нового времени И. Кант проницательно отмечал, что этика не может служить настольной книгой для политиков при выработке конкретных решений. Она лишь может указать некие общие условия, которые могут служить ориентирами при определении целей политической деятельности³.

Значительное влияние на развитие политической теории и практики оказало разработанное И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем утилитаристское понимание морали, которое в современных условиях достаточно часто используется при выработке политических решений. С позиций утилитаризма решение проблемы может быть признано этическим лишь в случае, если обеспечивает наибольшее количество положительных последствий по сравнению с альтернативными вариантами решения. И, напротив, решение расценивается как недостаточно этическое, если приводит к наибольшему числу отрицательных последствий и приносит меньшее благо меньшему числу людей. И. Бентам презрительно относился к учению о правах человека. Права человека он называл явной чепухой, а неотъемлемые права человека – «чепухой на ходулях»⁴. Главную задачу законодательной власти философ видел в установлении гармонии между общественными и личными интересами.

Современные отечественные исследователи проблемы социальной справедливости отмечают отсутствие общепринятых в гуманитарном познании универсальных принципов социальной справедливости. В зависимости от конкретной области гуманитарного знания они наполняются соответствующим философским, социоло-

¹ См.: Антология мировой философии: Античность. Мн.: Харвест; М.: ООО АСТ, 2001. С. 155–156.

² Рассел Б. История западной философии. Т. I. М.: Миф, 1993. С. 194.

³ См.: Гусейнов А. А., Ирлиц Г. Указ. Соч. С. 447.

⁴ См.: Рассел Б. История западной философии. Т. II. М.: Миф, 1993. С. 290.

гическим, экономическим, политическим и правовым содержанием. Так, философы акцентируют внимание на моральной компоненте проблемы справедливости, социологи – на ее социально-исторической обусловленности, экономисты анализируют взаимосвязь принципов социальной справедливости с экономическим укладом общества, политологи направляют усилия на исследование справедливости под углом зрения прав и свобод человека, а внимание юристов нацелено на решение задач правового обеспечения деятельности государства и личности¹.

Особые методологические возможности для исследования справедливости предоставляет социологический подход, рассматривающий социальную справедливость как исторически и культурно конкретную проблему, которая отражает степень соответствия представлений субъектов о собственных правах на равное положение и свободное самоопределение и реальным их состоянием.

В числе правовых концепций справедливости особого внимания заслуживает теория нормативизма, разработанная Г. Кельзенем. Видный австрийский юрист называл абсолютную справедливость «прекрасной мечтой человечества» и пришел к весьма любопытному выводу о том, что нормы права следуют требованиям логики, а не принципам справедливости. Соответственно принцип справедливости носит относительный характер, наполняясь в различных социально-исторических условиях конкретным содержанием².

Значительное разнообразие теоретико-методологических подходов к пониманию справедливости, переходный характер современного российского общества, определяющий особенности массового сознания, а также наличие острых экономических и социальных проблем обуславливают гетерогенность суждений о социальной справедливости у россиян и затруднительность достижения консенсуса.

Характерной особенностью традиционных отечественных представлений о социальной справедливости, по мнению исследователей³, является рассмотрение справедливости в соотношении с равенством, что создает весьма благодатную почву для политическо-

¹ См.: *Зараева Л. В.* Социальная справедливость как феномен массового сознания: сравнительный социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-spravedlivost-kak-fenomen-massovogo-soznaniya-sravnitelnyi-sotsiokulturnyi-anali>.

² См.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: сб. переводов. М., 1988. Вып. 2. С. 128–131.

³ См.: *Зараева Л. В.* Указ. соч.

го популизма. Анализ обстоятельств выработки решения о повышении пенсионного возраста, а также аргументации, обосновывающей необходимость этого нововведения, позволяет предположить о том, что методологической основой для выработки изменений в пенсионное законодательство послужил именно утилитаристский подход.

По словам президента РФ В. Путина повышение пенсионного возраста нельзя было откладывать на будущее, поскольку потом пришлось бы вводить резкие меры без всяких переходных периодов и льгот¹. Премьер-министр Дмитрий Медведев в своем интервью российским телеканалам назвал повышение пенсионного возраста «меньшим из зол», исходя из всех возможных обсуждаемых вариантов². Решение повысить пенсионный возраст расценивалось как наиболее безобидный выход на фоне прочих альтернатив – заставить бизнес повышать зарплаты, увеличить страховые взносы или сократить пенсии. Нынешняя ситуация такова, что используемая властью аргументация целесообразности нововведений в пенсионное законодательство не встретила понимания в обществе. Причиной тому могли послужить противоречия между свойственными российскому массовому сознанию ожиданиями, связанными с доминирующими популистскими представлениями о социальной справедливости и ее реальным состоянием в обществе.

¹ См.: URL: <https://ria.ru/20181220/1548367692.html>

² См.: URL: <https://ria.ru/20181206/1547516528.html>

Калинникова М.В., Калугина Т.А. (Саратов)

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Аннотация: *сфера образования в социальной структуре общества обладает особым ценностным статусом, проявляющимся на государственном, социальном и личностном уровнях. Образование, являясь «агентом» будущего, находится в постоянной динамике, в поиске путей своего дальнейшего развития, чутко реагируя на мировые тенденции и адаптируясь к условиям российских реалий. В статье дается характеристика инновационных подходов к реформированию современной системы высшего образования в России. Рассмотрены особенности таких процессов как фундаментализация, гуманизация, экологизация. Показана их роль в становлении нового экогуманитарного мировоззрения в рамках постнеклассической научной картины мира.*

Ключевые слова: *система образования, высшее образование, фундаментализация, гуманизация, экологизация.*

Сфера образования в социальной структуре общества обладает особым ценностным статусом, проявляющимся на государственном, социальном и личностном уровнях. Образование, являясь «агентом» будущего, находится в постоянной динамике, в поиске путей своего дальнейшего развития, чутко реагируя на мировые тенденции и адаптируясь к условиям российских реалий.

О необходимости фундаментализации высшего образования как широком социальном процессе, требующем коренной перестройки всего содержания образования, российские ученые начали говорить в 90-х годах XX века. Существующее в это время высшее образование оценивалось исследователями¹ как излишне специализированное, имеющее большое количество специальностей узкого профиля. Поэтому фундаментализация рассматривалась

¹ Голубева О., Кагерманьян В., Суханов А. Как реформировать общее естественно-научное образование? // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 46–53.

ими как процесс, направленный на становление целостной научной картины мира и интеллектуальный расцвет личности¹. В связи с этим перед высшим образованием ставились задачи формирования общей и профессиональной культуры; формирования широкого, энциклопедического взгляда на современный мир и место человека в этом мире; преодоление разобщенности и изолированности естественно-научных и гуманитарных дисциплин². Эти задачи предлагалось решать путем интеграции процессов фундаментализации, гуманизации и экологизации. Цель данного исследования состоит в том, что бы показать новые черты системы высшего образования, сформировавшиеся в результате внедрения данных процессов, на примере учебного курса «Социальная экология», преподаваемого в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского.

Важнейшим элементом процесса фундаментализации является изучение цикла наук, чьи основные определения, понятия и законы первичны и не являются следствием других наук, так же используется междисциплинарный подход к изложению основных профессиональных дисциплин, основанный на систематизации знаний.

Сфера образования, по мнению Б.С. Гершунского, призвана «формировать целостную картину материального и духовного мира, передавать ценности духовные, культурные, нравственные в их национальном и общечеловеческом понимании»³. Этой цели отвечает принцип гуманизации образования, который ориентируется на потребности и интересы формирующейся личности, на диалоговый режим обучения и воспитания. Такое образование отвечает личностно-ориентированному образованию.

Область, в которой пересекается фундаментализация и гуманизация образования представляет собой мировоззренческую основу для единства мира человека и мира природы, то есть для экологизации образования. В процессе экологизации все подчинено реализации постнеклассической картины мира, суть которой сложность, нелинейность, непредсказуемость. Растущий научно-технический прогресс провоцирует бесконечный рост потребностей человека

¹ Голубева О. Н. Концепция фундаментального естественно-научного курса в новой парадигме образования // Высшее образование в России. 1994. № 4. С. 23–27.

² Кинелев В. Образование и цивилизация // Высшее образование в России. 1996. № 3. С. 3–12.

³ Гершунский Б. С. Философия образования. М.: Моск. псих.-соц. ин-т : Флинта, 1998. С. 48.

при изначальной ограниченности природных ресурсов. В результате в обществе возникла потребность в массовом сознании с новой этикой взаимоотношений человека с природой. Новое экологическое сознание предполагает в качестве меры всех вещей уникальность жизни вообще (биоцентрическая парадигма), признание безусловной ценности природы при относительной ценности человека как части природы.

Добиться выше поставленных целей возможно при условии реализации принципа экологизации образования¹. Сегодня экологическая составляющая признана обязательным компонентом образовательного процесса, а ее развитие стимулируется потребностью в развитии ноосферного сознания и научного управления развитием окружающей среды, необходимостью её защиты от антропогенных разрушений².

Одной из дисциплин социально-экологической направленности, которая получила развитие в высшей школе является «Социальная экология». Содержание этой дисциплины включает в себя различные естественно-научные, философские, социологические, экономические, географические, технические и другие аспекты. Социальная экология, в отличие от общей экологии и социологии ориентирована на углубленное осмысление проблем взаимоотношения человека, социальных общностей и среды обитания. Социальная экология – есть теория формирования ноосферы и одновременно наука о конструировании оптимальных отношений между обществом, человеком и природой.

Исходными методологическими принципами здесь выступают:

- представление о едином мировом процессе самоорганизации;
- коэволюция во взаимоотношениях человека со средой обитания;
- стратегия устойчивого развития общества.

В соответствии с общеобразовательной концепцией³ фундаментальный курс должен соответствовать следующим критериям:

- выполнять функцию образования, воспитания и развития;

¹ Калининкова М. В., Ивченков С. Г. Система экологического образования в условиях глобализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 17–20.

² Ноосферная экология в становлении образовательных систем: коллективная научная монография / под научной ред. А. И. Субетто. СПб.: Астерион, 2017.

³ Суханов А. Д. Концепция фундаментального высшего образования и ее отражение в ГОСах // Высшее образование в России. 1994. № 4. С. 17–23.

- соответствовать структуре научного знания, базирующимся как на внутренней логике самой науки, так и на ее место в развитии человеческой цивилизации;
- обеспечивать целостность курса путем комплексирования его разделов вокруг основных методологических концепций, теорий и принципов;
- проводить изложение законов и принципов фундаментальных наук с единых методологических позиций;
- формировать независимый тип мышления личности и создавать интеллектуальный фундамент для ее саморазвития и самореализации.

Соответствие социальной экологии выше обозначенным требованиям является наличие у нее:

- теоретического ядра – экологической концепции общественного развития, которой является неустранимая и возрастающая зависимость человека и общества от биосферы, переход к ноосферным условиям их существования;
- общих принципов структурирования научного знания, которыми выступают структуры и процессы, включая социальные изменения и конфликты, возникающие в ходе все более масштабной и глубокой «социализации природы»;
- целостности курса, что обеспечивается интеграцией всех его разделов вокруг стержневых теорий и принципов постнеклассической картины мира, в которой главным являются новые понятия – сложность, нелинейность, непредсказуемость;
- изложение материала с единых методологических позиций исходя из принципов гуманизации, прогностичности, взаимосвязанного раскрытия глобальных, региональных и локальных экологических проблем, непрерывности, интеграции, научности, системности.

Таким образом, на основе изучения дисциплин экогуманитарной направленности можно отметить сформировавшиеся новые черты современной системы высшего образования – это, прежде всего, интерактивный уровень научного знания, синтезирующий в себе достижения различных естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплин.

Квятковский Г.Ю. (Челябинск)

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА И ГАБИТУСА ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА (НА ПРИМЕРЕ РОК-МУЗЫКАНТА) СРЕДСТВАМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: автор рассматривает специфику и механизмы двух стратегий практической философии: метатеоретизирования и философствования, описывает порожденные ими альтернативные художественные картины мира, демонстрирует возможности философствования в освоении габитуса рок-музыканта. На материале анализа автобиографических книг Дж. Симмонса и Н. Мейсона сформулированы гипотезы о самопроизвольности формирования габитуса и о важной роли творческой среды в повышении ответственности и наращивании социального и творческого опыта рок-музыканта.

Ключевые слова: практическая философия, философствование, метатеоретизирование, рок-музыка, габитус, социальный опыт, творческий опыт, художественная картина мира.

Формирование философского знания и его инструментария ведется, главным образом, с позиций академической философии, представители которой имеют специальное образование, используют каналы академической коммуникации, вовлечены в системные процессы приращения научного знания. Однако вне академической философской традиции ведутся активные дискуссии, пишутся авторские работы, ведется осмысление смысложизненных проблем – и зачастую при этом используется философский инструментарий, а также поднимаются философские вопросы. При этом неакадемическая философия, преимущественно, ориентированная на решение практических проблем, крайне редко становится объектом осмысления.

В неакадемической практической философии в настоящее время сформировалось две традиции: философствование (осмысление личного опыта в универсальном) и эзотерическое метатеоретизи-

рования (осмысление проблем планетарного масштаба с субъективных позиций). Первая традиция ориентирована на поиск оснований продуктивного существования человека, вторая – на оправдание существующих порядков власти. Первая традиция имеет своим предметом противоречия существования мыслящего человека в сложном мире, вторая – простые принципы управления сложным миром.

Различие принципиальных гносеологических установок и механизмов технологизации знания. Разделяя стремление реализовать 11 тезис о Фейербахе К. Маркса и стремясь к технологизации социального знания¹, метатеоретизирование и философствование предлагают начать процессы социального преобразования в первом случае с изменения категориальной сетки, на основании которой понимается функционирование общества, чтобы затем изменить то, что не вписывается в существующую сетку категорий, сохраняя при этом целостность, автономность и самоидентичность субъекта преобразований, во втором же случае предлагается начать с выработки самоидентичных первичных оснований, которым субъект преобразований будет вынужден соответствовать, поэтому преобразования общества будут начаты с преобразования субъекта действия.

Основу традиции метатеоретизирования составляет: 1) абстракция субъекта, 2) локализация философской проблематики, 3) авторский терминологический аппарат, 4) эзотерический характер полученного знания. В силу этого мы утверждаем, что философствование сохраняет дух философии, в то время как метатеоретизирование лишь симулирует принадлежность к философскому знанию.

Существование неакадемической метатеоретической мысли опирается на эсхатологическую религиозную философию XVI–XVII вв., моралистскую философию XVIII в., философию сверхчеловека Ф. Ницше, теории локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Л.Н. Гумилева, геополитические теории А.А. Дугина, эзотерический космизм Е.П. Блаватской, Н.К. Рериха и Д.Л. Андреева, всеобщие теории всего М.Ю. Веллера.

В мире академической философии неакадемическая метатеоретическая мысль ближе всего стоит к философии истории, понимая под историей не столько процесс становления человека и общества, сколько совокупность непреложных законов, следование которым

¹ Розин В. М. Природа социальности. Проблемы методологии и онтологии социальных наук [Текст]. М.: Ленанд, 2016. С. 9.

единственно способно обеспечить нерушимость хрупкого мироздания. Как правило, большинство представителей этого направления примеряют на себя героическую роль спасителя мира или хотя бы пророка, возвещающего конец света и условия его откладывания, и предлагают конкретные рецепты спасения – как индивидуально, так и коллективного, в этом проявляется практический характер их мышления. Между тем, представляется, что подобные вопросы в принципе выходят за пределы практической философии, пределы которой, на наш взгляд, исчерпывающе описаны И. Кантом в «Критике способности суждения»: «Философию по справедливости делят на две, уже по принципам совершенно различные части, – на теоретическую как натурфилософию и на практическую как моральную философию (ибо так здесь будет называться практическое законодательство разума по понятию свободы)»¹. Таким образом, в область практической философии, как мы ее понимаем, входят по преимуществу размышления индуктивного характера, выявляющие закономерности в области свободного формирования опыта человека, а не поиск непреложных законов человеческой природы, в соответствии с которыми должна ограничена свобода.

В противоположность метатеоретизированию, основу традиции философствования составляют: 1) логически корректное использование понятий и концептов, 2) критическое восприятие личностного опыта, 3) рефлексия по поводу отражения личного во всеобщем и всеобщего в личном, 4) открытость полученного знания.

Представляется, что методологическая основа философствования заложена именно Б. Паскалем, исследовавшим пределы возможностей методов М. Монтеня и Р. Декарта. Принципиальным вкладом Паскаля в формировании методологии философствования является: 1) акцент на противоречиях чувства и разума, 2) описание процесса размышления как борьбы человека с самим собой, 3) подчеркивание принципиальной значимости личностного знания, 4) обоснование значения разума и чувств как единственных средств самоосознания человека в неразумной и бесчувственной Вселенной, 5) призыв уравновесить рациональное и иррациональное начало в картине мира. Дальнейший вклад в развитие метода философствования внесли И. Кант (относившийся к традиции академической философии, но определивший предмет и основные

¹ Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения [Текст]. М.: Э, 2018. С. 367.

понятия практической философии), С. Кьеркегор, Н.А. Бердяев, А. Камю и многие другие.

В XX в. практическая философия получила новые возможности развития за счет специализации философского знания. Усложнение инструментальной составляющей человеческой деятельности, прогрессирующая специализация профессионального знания, возрастание значения иррационального компонента в процессах индивидуализации и социализации, перманентное кризисное состояние сферы искусства приводят субъекта творческой художественной деятельности к дилемме механического выполнения навязанных извне операций, ведущее к тотально отчужденному существованию, либо свободной и продуктивной деятельности, получающей смысл вследствие подведения под нее осмысленных при помощи практической философии оснований. Бывшая ранее прерогативой образованной элиты, философия становится насущной необходимостью каждого субъекта художественной творческой деятельности. Именно таким образом практическая философия оказалась возможной в образовании, управлении, науке, технике, искусстве. Более того, мы полагаем, что спецификой современного искусства является отражение авторских философских поисков – поисков подлинного себя, подлинного мира, подлинного искусства и так далее.

Именно в таком ключе мы рассматриваем возрастающий вал биографической, справочно-энциклопедической, пропедевтической литературы по проблемам художественного творчества. Не всякий автор, однако, является философом, но все философствующие авторы укрепляют габитуальные характеристики творческого деятеля.

Рассмотрим это положение подробнее на примере автобиографической литературы о рок-музыке. П. Бурдые определяет габитусы как «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непременное овладение необходимыми операциями по ее достижению»¹. Влияние габиту-

¹ Бурдые П. Структура, габитус, практики [Текст] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2. С. 45.

са легко прослеживается (и не требует специальных философских усилий) в устойчивых системах, где функционирование организующих практик и представлений закреплено конвенциями, правилами, кодексами, регламентирующими процесс их приобретения и закрепления. Но в динамичных системах, а также в системах, где габитуальные структуры не даны в явном виде, а скорее ощущаются интуитивно, практическая философия должна быть привлечена для ответа на ключевой вопрос: «что означает быть (кем-либо)?» (в рассматриваемом случае – рок-музыкантом).

В таких системах габитус складывается, скорее, в результате единичных успешных действий отдельных индивидов, чем стабильно воспроизводящихся массовых процессов. Он копируется с успешных представителей рок-музыки, адаптируется в соответствии с конкретными жизненными условиями субъекта, дополняется представлениями о целях и критериях достижения успеха, а в дальнейшем сам может стать успешной моделью, которая будет скопирована, адаптирована и дополнена. Включая в процесс преобразования габитуса элементы философствования, субъект получает возможность не только достижения цели деятельности, но и получения ответа на вопрос о том, что означает быть включенным в систему габитуса, а также расширяет возможности самопознания. Фактически, следуя установкам К. Поппера, обозначенным в статье «Все люди – философы, или Как я понимаю философию»¹, нужно рассматривать практическое философствование не как устранение ошибок мышления, размышление о понятиях, посредством которых производится мышление, или установку определенных рамок, позволяющих решать перспективные проблемы, а как анализ и коррекцию предрассудков субъекта. Философия становится нужной не в тот момент, когда человек выстраивает систему целей и средств их достижения (и в этом отношении практическое философствование серьезно расходится с тем, как понимает философию бизнес), а лишь после их частичного крушения и необходимости восстановить в измененном, улучшенном виде и обеспечить при этом не только возможность продолжения избранной деятельности, но и целостность и осмысленность процесса существования.

Далее мы продемонстрируем, каким образом происходит принятие, освоение и корректировка габитуса рок-музыканта на примере

¹ Поппер К. Все люди философы [Электронный ресурс]. М.: Едиториал УРСС, 2003. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4307/4309> (дата обращения: 14.12.2018).

двух автобиографических книг: «KISS. Демон снимает маску» Джина Симмонса и «Pink Floyd: Личная история» Ника Мейсона.

Джин Симмонс выстраивает свое жизнеописание как последовательное воплощение четкого жизненного плана, сформулированного вскорости после переезда из Израиля в США в 1958 г. С самого начала книги он вводит в повествование аксиоматическую систему, на которой основывались его дальнейшие действия («я всю жизнь жил для себя... но еще я жил для наших фанатов»¹, «чтобы я не натворил глупостей, мама разрешила мне заниматься группой и чем угодно, пока у меня есть запасной план»², «мы не собирались просто стоять столбом и брэнчать на гитарах... Мы хотели наделать шуму»³). Дальнейший рассказ подчинен правилам аксиоматического метода, в случае нарушения каких-либо аксиом вводятся новые, позволяющие легитимировать действия вне прежнего аксиоматического порядка. Тем неожиданнее стало признание, относящееся ко времени прощального тура 2001 г.: «мне стало ясно, что «KISS» никогда не реализуют полностью весь свой потенциал, поскольку изначально группа создавалась как полноприводный автомобиль, но слишком часто нам приходилось ездить на лысых шинах»⁴, и далее: «возможно, не в том качестве, в котором все ожидают, но мы будем жить»⁵. Таким образом, от конкретного плана достижения цели профессиональной самореализации автор переходит к философским построениям относительно изменившихся собственных представлений о мире вокруг себя, вечности, благе, правилах морали и так далее.

Освоение габитуса рок-музыканта в его случае началось с телетрансляции выступления «The Beatles» в «Ed Sullivan Show» (9 февраля 1964 г.): «Феномен битлов буквально оглушил меня... Никогда прежде я не испытывал ничего подобного... Мне нравилась сама мысль, что я считаю их классными, а мама – нет. Меня привлекало само различие... такой своего рода бунт. И в тот момент все, о чем я размышлял последние месяцы, начало приобретать смысл. В ту ночь родились мои первые мысли о поп-музыке»⁶.

¹ Симмонс Дж. KISS: Демон снимает маску [Текст]. СПб.: Амфора. ТИД «Амфора», 2013. С. 12.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 44–45.

Дальнейший путь представлял собой попытки «покорить девчонок с соседского двора»: сбор группы – исполнение известных композиций – победа в конкурсе талантов – одновременно учеба в школе и колледже. Серьезные корректировки первоначальных планов и аксиом произошли, когда в кругу общения появились такие же энтузиасты, отличавшиеся от большинства уровнем исполнительского мастерства и степенью готовности разделять новые идеи.

В противоположность первому случаю, освоение габитуса рок-музыканта описано в книге ударника «Pink Floyd» Ника Мейсона как происходящее без заранее сформулированного четкого жизненного плана – возможно, заданное в большей степени ценностно-рациональными действиями. Описывая собственный жизненный путь в группе, он говорит о себе не как об источнике творческой фантазии и жизненной энергии, сколько как о части группы, которая была возможна лишь в том случае, когда отдельные части собирались вместе. Весь путь группы представлен как движение по спирали, задаваемой стабильно воспроизводимым паттерном «возникновение творческих идей у авторов репертуара – коллективная доработка идеи, в процесс которой включены различные случайные факторы – тяжелая в эмоциональном плане и трудоемкая работа по записи студийного материала – технические изобретения, помогающие адекватно передать творческий замысел и фактуру музыкального материала во время живых выступлений – конфликтные ситуации, возникающие в силу индивидуальных амбиций членов группы и технического персонала – разрешение конфликтных ситуаций с течением времени либо за счет внешнего фактора», после чего паттерн повторяется при участии большего количества вовлеченных людей и в процессе воплощения более сложных музыкальных идей.

Философствование Н. Мейсона построено вокруг трех сквозных тем: приобретения опыта, который добавляет ответственности при принятии последующих решений, радости совместного творческого труда и счастья от общения с другими более опытными людьми. Собственное становление как рок-музыканта он описывает как поступательное приобретение новых навыков и новой ответственности (начатое с нуля – когда была собрана первая группа, ее участники располагали только энтузиазмом и хорошими идеями, «то, что никто из нас не знал, как играть, представлялось совсем небольшой

проблемой, поскольку инструментов у нас все равно не имелось»¹), требующее лишь упорной работы и поддержания контактов с окружающими. Как правило, именно с рассогласованием коммуникации внутри группы связываются наибольшие потери: уход основного автора Сида Барретта (в 1968 г.), перемены в составе технического персонала, переход клавишника Ричарда Райта в число оплачиваемых сессионных музыкантов (в 1978 г.), раскол внутри группы на два лагеря (в 1980-е гг.). К моменту перевода на русский язык книга выдержала уже два издания, возможно, в последующих изданиях и прочих публикациях автобиографического характера будет описан опыт, приобретенный в 2000-е гг.

Из вышесказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, в отношении методологических оснований нашего исследования представляется, что рассмотрение автобиографической литературы как разновидности практического философствования способно привести к расширению количества первоначальных исследовательских гипотез, а также формированию представления об объекте исследования как сложной системе и процессах его реального функционирования. Во-вторых, можно сформулировать исследовательскую гипотезу относительно характера освоения габитуса рок-музыканта в период складывания первоначальных представлений о специфике творческой деятельности в рок-музыке: эти процессы протекали преимущественно как самопроизвольные, неуправляемые и лишь отчасти основывались на целе- и ценностно-рациональных действиях, однако с образованием коллективов единомышленников эти процессы интенсифицируются и регулируются стремлением к достижению конвенционально установленных целей. В-третьих, представляется, что даже в современных условиях, когда о габитусе рок-музыканта стало известно гораздо больше, чем в 1960-х гг., характер его освоения принципиально не изменился, и по-прежнему коллективы единомышленников и среда, в которой можно расширить первоначальный опыт выступают ведущими факторами его формирования.

Возвращаясь к противопоставлению традиций метатеоретизирования и философствования, укажем, что осуществленное нами исследование габитуса рок-музыканта было возможно лишь во второй традиции. Формируемая философствованием художествен-

¹ Мейсон Н. «Pink Floyd»: личная история (Вдоль и поперек: Личная история «Pink Floyd») [Текст]. СПб.: Амфора. ТИД «Амфора», 2007. С. 17.

ная картина мира рассматривает в качестве своей основы в целом рациональные человеческие действия, свободное воплощение индивидуальных авторских образов, плюрализм отчасти взаимопроникающих художественных миров, ориентируется на правдоподобие либо обоснованность созданной авторским воображением вселенной, которая в процессе повествования «расколдовывается». Стратегия метатеоретизирования создает альтернативную художественную картину мира, в большей степени мистифицированную, наполненную баталиями сверхчеловеческих сил, онтологизирующую и апологизирующую насилие, стремящуюся выдать созданную вселенную за единственно возможную, и роль человека в этой картине заключается в том, чтобы выбрать, чью сторону он примет. Бинарный характер противостояния в данной картине резко сужает возможности практической философии, но при этом включает художественное произведение в процессы реальной или мнимой политической борьбы.

Киреева Н.А. (Саратов)

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ: СМЕНА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Аннотация: *в статье рассматривается институциональная среда аграрной экономики России, которая характеризуется на каждом этапе развития специфическими институциональными дискурсами: развитие фермерского уклада; либерализация продовольственного рынка; достижение продовольственной безопасности; импортозамещение, переход на неиндустриальную модель роста, которые задают «центры развития» и формируют государственную политику. Показаны проблемы становления институтов, приводящие к наличию комплекса институциональных противоречий и «ловушек».*

Ключевые слова: *аграрная экономика, институциональная среда, импортозамещение, продовольственная безопасность агропродовольственная политика.*

Происходящие в настоящее время изменения макроэкономических условий функционирования аграрной экономики России, связанные с введением санкций и «антисанкций», принятием ряда новых мер в сфере агропродовольственной политики, направленных на реализацию стратегии импортозамещения, обуславливает важность критического осмысления институциональной среды с точки зрения ее адекватности стратегическим целям развития: обеспечение продовольственной безопасности, повышение конкурентоспособности и укрепление конкурентных позиций не только на национальном, но и на мировом продовольственном рынке за счет наращивания экспортного потенциала.

В основе авторского исследования в качестве методологической базы приняты концептуальные положения, изложенные в работах, посвященных содержанию категорий «дискурс», «институциональный дискурс», «институт». Так, О. Русакова, В.Русаков пишут: «В ос-

нове концепции институционального дискурса лежит положение о том, что дискурс – это властный ресурс, представляющий собой систему способов означивания, интерпретаций, оценок, позиционирования и идентификации общественных субъектов, отношений и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами¹. Согласно неоинституциональной парадигме, институты – это структуры, которую люди накладывают на свои взаимоотношения, определяя таким образом стимулы, наряду с другими ограничениями (бюджетными, технологическими и т.д.) очерчивающие границы выбора, а они, в свою очередь, задают рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного времени². Институты также трактуются как определенные «правила игры», организующие и развивающие взаимоотношения между индивидуумами как в политике, так и в социально-экономической сфере³.

Проблемам формирования институциональных условий развития российской экономики посвящены многочисленные исследования, однако следует учитывать, что аграрная экономика в отличие от других секторов экономики обладает более сложной институциональной структурой. Здесь взаимодействию основных акторов (государства, общества, бизнеса) наиболее присущи противоречивость интересов, разнонаправленность действий, неоднозначность реакции на изменение институциональных условий.

Попытаемся проанализировать смену институциональных дискурсов, которые сформировали агропродовольственную политику на разных этапах развития аграрной экономики. На наш взгляд, такой анализ позволит оценить, насколько действующие в настоящее время институты комплементарны, в какой степени институциональные условия обеспечивают достижение стратегических целей развития российского сельского хозяйства.

Институциональным дискурсом трансформационного этапа развития (1990–1998 гг.) российской аграрной экономики стала ориентация на резкое реформирование сельского хозяйства, сопровождающееся трансформацией форм собственности, разукрупнением

¹ Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Институт философии и права УРО, РАН-институт МО, 2008.

² Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // mathecon.cemi.rssi.ru

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и развитие экономики. [Текст]. М.: Фонд экономической книга «Начала», 1997.

хозяйств, уменьшением государственной поддержки. Ставка была сделана на фермеризацию сельского хозяйства. И действительно существовал период, когда достаточно активно формировался данный уклад. Однако он так и не стал основным производителем сельскохозяйственной продукции. Преобладающую долю в валовой продукции сельского хозяйства занимают сельскохозяйственные организации и хозяйства населения. При этом наблюдается тенденция снижения числа К (Ф)Х, правда при увеличении их размеров. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в 2016 г. число К (Ф)Х сократилось на 117.5 тыс.единиц.

Следствие либерализации аграрного рынка и практического ухода государства из сферы регулирования аграрной экономики явились трансформационный спад, сокращение доли сельского хозяйства в ВВП, усиление зависимости от импорта продовольствия, ухудшение финансового состояния товаропроизводителей, деградация социальной сферы села. Институциональные «ловушки» этого периода – неплатежи, уход от налогов, стагнация производства, монополизация рынков земельных, инвестиционных и материальных ресурсов, пессимистические ожидания, демотивация сельскохозяйственного труда и др.

Импульсом к преломлению негативной тенденции в развитии аграрной экономики послужили рост реальных доходов населения и фактор импортозамещения в связи девальвацией рубля в 1998 г., что привело к определенной положительной динамики. В этот период (1999–2005 гг.) наблюдаются рост пищевой промышленности, послуживший мультипликатором роста сельского хозяйства. Происходит укрепление межотраслевых связей аграрного сектора и переработки, повышение инвестиционной привлекательности агробизнеса, реинтеграция на новой институциональной основе, формирование потенциальных региональных агрокластеров. В начале этого периода сложились сравнительно высокие темпы роста валовой продукции сельского хозяйства, которые в последующие годы стали снижаться. Оживление в отдельных отраслях продовольственной системы (птицеводство, свиноводство) было связано, главным образом, с притоком в них внешних инвестиций. В то же время остается высокой затратность производства, что приводит к ценовой неконкурентоспособности продукции, дефицит отечественного сырья, актуализируются проблемы с достижением продовольственной безопасности.

Следует отметить, что в 1999–2001 гг. отмечается минимальный объем импорта (около 7–9 \$ млрд.), что явилось следствием девальвации курса национальной валюты в 1998 г. Но мере исчерпания данного эффекта последовал устойчивый рост импорта продуктов питания и сельскохозяйственной сырья. На данном этапе тенденция снижения уровня государственной поддержки не переломлена.

Начиная с 2006 г. можно отметить «поворот» на правительственном уровне в сторону увеличения государственной поддержки. В это время приняты и реализуются Национальный приоритетный проект «Развитие АПК» и госпрограммы на 2008–2012 и 2013–2020 гг., значимые региональные и ведомственные целевые программы и проекты.

Однако, на наш взгляд, при всех позитивных изменениях в развитии аграрной экономики, данный этап можно охарактеризовать как «псевдоренессанс». Такие феномены, определяющие эволюционное развитие экономической системы, как «гистерезис» (зависимость конечных результатов системы от ее предшествующих результатов) и «блокировка» (lock-in) (неоптимальное состояние системы, которое является результатом прошлых событий и из которого не существует мгновенного выхода) объективно сохраняют институциональные «ловушки», в которые аграрная экономика попала ранее (рентоориентированное поведение и превалирование протекционистских ожиданий, преобладание тактических целей над стратегическими, неконгруэнтность различных механизмов и мер государственного регулирования стратегическим целям развития, высокие транзакционные издержки и т.д.). Но возникли и новые «ловушки», обусловленные изменениями экономических, политических институтов в последние годы.

Институциональным дискурсом данного этапа становится принятие Доктрины о продовольственной безопасности РФ, где закрепляется и легитимируется проблема продовольственной безопасности, а начиная с 2014 г. актуализируется проблема импортозамещения в связи с введением санкций со стороны ряда зарубежных государств и ответных мер в виде продовольственного эмбарго. Если оценивать действенность данной политики, то следует отметить, что в тактическом плане данные меры дали отдачу: В 2014 г. наблюдалось беспрецедентное по меркам последних лет падение импортных поставок, что связано с введением продовольственного эмбарго, а также ослаблением обменного курса рубля по отноше-

нию к валютам основных торговых партнеров. К концу 2016 г. произошло дальнейшее, еще более существенное сокращение импорта продовольствия из-за значительной девальвации рубля. В 2017 г. импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья снизился по сравнению с 2013 г. на треть. В то же время в 2017 г. по сравнению с 2016 г. отмечается тревожная тенденция роста импорта в долларовом выражении (на 15 %). Россия продолжает оставаться устойчивым нетто-импортером продовольствия и сельскохозяйственно-го сырья. Импорт в 2017 г. превышал экспорт почти в 1,4 раза.

В общем объеме российского импорта продовольствие занимает третью позицию после импорта машин и оборудования, продукции химической промышленности. Так, в 2017 г. удельный вес импорта продовольствия составил 12,6 % всего товарного импорта.

Возникла новая институциональная «ловушка» – протекционистская политика посредством введенного эмбарго при отсутствии эффективных институциональных механизмов такой политики. На наш взгляд, введение продовольственного эмбарго не стало решающим инструментом реализации политики импортозамещения, так как действие контрсанкций осуществляется на фоне существенного ослабления курса рубля. Анализ показал наличие достаточно четкой обратно пропорциональной зависимости между динамикой курса рубля по отношению к доллару и объемом импорта продовольствия в долларовом эквиваленте.

Введение продовольственного эмбарго, хотя и сократило импорт продовольствия, однако не привело к росту физической и экономической доступности продовольствия. Доля импорта в объеме товарных ресурсов розничной торговли снизилась за последние десять лет с 36: до 22 %, но данная положительная тенденция отмечается на фоне снижения розничного товарооборота продовольственных товаров.

Характеризуя аграрную экономику страны с точки зрения ее эффективности, необходимо отметить, что несмотря на высокую ресурсную составляющую, Россия пока не обеспечивает внутренние потребности населения в продовольствии, в сельском хозяйстве остается низкой производительность труда и высокая импортная производственная зависимость.

На наш взгляд, институциональной «ловушкой» современного периода развития аграрной экономики является также «ловушка» инерционного развития. Так, аграрный сектор демонстрирует за

последние четыре года положительные темпы роста, однако его динамика остается неустойчивой, определяемой в основном темпами роста продукции растениеводства, которые, в свою очередь, зависят от погодно-климатических условий.

В настоящее время эта «ловушка» наиболее опасна. Положительные темпы роста последних лет порождают иллюзию приемлемости инерционного развития, однако в настоящее время производительность труда в российском сельском хозяйстве в два раза ниже по сравнению со среднемировым уровнем. Преломление тенденции инерционного развития требует существенных затрат, увеличение средств государственной поддержки, которая в настоящее время существенно отстает от уровня развитых стран¹.

Существенной на данном этапе является такая институциональная «ловушка» как неэффективная система субсидирования аграрного сектора при возрастающей потребности в финансировании. Несмотря на оказываемую поддержку сельскохозяйственным товаропроизводителям в рамках реализации Госпрограммы по развитию сельского хозяйства, существуют значительные проблемы, и это не только недостаточный размер выделяемых средств. Проблемы кроются также в разной доступности субсидий для крупного и малого агробизнеса, для регионов с разной бюджетной обеспеченностью, высоких бюрократических издержках получения и т.д.

Подводя итог анализу институциональной среды на разных этапах трансформации аграрной экономики России, следует сделать следующий вывод. Смена институциональных дискурсов – от полной либерализации продовольственного рынка, ускоренной смены институтов – до признания важности перехода на инновационную модель развития с целью решения проблем продовольственной безопасности, а также укрепления конкурентных позиций России на мировом рынке – соответствует реалиям развития данного сектора российской экономики в условиях мировых и национальных вывозов. Однако следует признать, что сама по себе смена институциональных дискурсов не решает всего круга проблем, обеспечивающих решение стратегических задач, стоящих перед аграрной экономикой. Есть опасность, что институциональный дискурс, формирующий восприятие и интерпретирующий современный этап развития аграрной экономики как устойчивый тип экономического

¹ Пруцак О. В. Устойчивое развитие предприятий в условиях турбулентности экономики: теоретический аспект // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 5. С. 63–72.

роста, обладающий резервами для перехода к неиндустриальной стадии развития, может приобрести характер «постмодернистской мифологизации».

Для того, чтобы этого не произошло, необходимо дальнейшее совершенствование и повышение результативности агропродовольственной политики. Во-первых, требуется соблюдение принципа долгосрочности и предсказуемости принимаемых управленческих решений, например, это касается долгосрочности существования введенных «контрсанкций». Во-вторых, необходимо использовать весь арсенал эффективных, доказанных мировой практикой регулирования сельского хозяйства мер, в частности, мер по стимулированию внутреннего спроса посредством прямой продовольственной помощи малообеспеченных групп населения. В-третьих, требуется обеспечить согласованность внешнеторговой, кредитной, налоговой, ценовой, антимонопольной политик, их нацеленность на решение стратегических задач, так как зачастую они действуют разнонаправлено. Например, повышение ставки НДС негативно скажется на ценовой конкурентоспособности продукции, использование нетарифных мер в регулировании импорта является одним из факторов снижения мотивации отечественных производителей к повышению конкурентоспособности своей продукции и т.д. В-четвертых, следует обеспечить принцип прозрачности и равенства для различных товаропроизводителей и регионов при выделении средств государственной поддержки. В-пятых, необходимо переориентировать государственную поддержку в рамках реализуемых программ и проектов с краткосрочных целей поддержания доходности на модернизацию всей продовольственной цепочки создания стоимости, что даст возможность для перехода на новую инновационную модель развития.

Полагаем, что санкции западных стран и контрсанкции России (продовольственное эмбарго) носят временный характер. Они могут дать (и уже дали во многих отраслях) толчок к ускоренному развитию отечественного производства и притоку инвестиций, но в средне- и долгосрочной перспективе расценивать их как источник роста и конкурентоспособности аграрной экономики не имеет смысла. Это означает, что в перспективе протекционизм должен осуществляться преимущественно не в форме прямых защитных мер заградительного характера (что может привести к дисбалансу спроса и предложения на определенные группы продуктов питания

и потере конкурентных позиций на мировом рынке), а «скрытых», финансовых методов, эффективного использования всего комплекса мер государственного регулирования, более активного применения мер поддержки в рамках «зеленой корзины», направленных на поддержку отечественных товаропроизводителей, стимулирование экспорта и внутреннего совокупного спроса, в том числе за счет прямой продовольственной помощи малообеспеченным группам населения.

Выходом из рассмотренных институциональных «ловушек» является, на наш взгляд, реализация новой *стратегии развития аграрной экономики – селективный протекционизм с одновременным встраиванием в мировой продовольственный рынок*, с учетом особенностей ее отдельных продуктов сегментов. Только их сочетание позволяет обеспечить как внутреннюю, так и внешнюю конкурентоспособность на национальном и мировом продовольственном рынке.

Кони́на Е. Н. (Саратов)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: *В статье исследуются особенности основных направлений воздействия юридической практики на окружающую действительность. Практика изучается как сложное системное единство юридической деятельности, результатов последней и социально-правового опыта. Отражается содержание функций, изучаются способы организации и внешнего выражения содержания практики, выделяются специфические свойства, характеризующие функции юридической практики, рассматривается связь целей и задач юридической практики с функциями последней.*

Ключевые слова: *юридическая практика, правовое регулирование, функция, сущность.*

В современных условиях развития отечественной правовой науки проблема, касающаяся обозначения способов влияния юридической практики на общественную жизнь, приобретает особую актуальность. В области обеспечения развития и функционирования правовой системы, в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности нередко возникают вопросы, которые не имеют единообразного понимания, но находят понятийное разрешение в общетеоретическом аспекте. Юридическая практика, выступая в качестве разновидности социальной практики, являясь важнейшим компонентом, от которого зависит возникновение, развитие и функционирование всей правовой системы общества, направлена на объективное изменение общественной жизни. Результатами деятельности субъектов юридической практики являются при этом определенные юридические последствия, ведущие к изменениям в политической, социальной и других сферах. В функциях юридической практики раскрываются её сущность, проявляются отличительные особенности её отдельных сторон и свойств.

Они отражают социально-преобразующие свойства практики, обнажая достижения и погрешности работы законодателя, профессионализм или отсутствие последнего в деятельности правоприменителя.

Познание сущности понятия юридической практики, исследование её структуры и содержания функций юридической практики нацелено на формирование теории юридической практики.

Разработка понятия «юридическая практика», как формы отражения явлений и процессов в мышлении, направлена на раскрытие связей между исследуемыми явлениями и процессами, обобщение наиболее важных их признаков и сторон. Юридическая практика своего рода индикатор полноты и качества правового регулирования, способ критической оценки законодательства, показатель качественных характеристик норм права. Изучая юридическую практику, мы приходим к выводам об эффективности или неэффективности норм права, о полноте или пробельности правовой регламентации тех или иных общественных отношений, тем самым воздействуя на процесс формирования норм права.

Исследуя специфические особенности функций юридической практики, мы выявляем и изучаем её активную деятельную природу, познаем и определяем роль и социальную ценность, востребованную направленность юридической практики в жизни российского общества.

Изучая и интерпретируя отношения между субъектом и объектом, когда первый оказывает целенаправленное воздействие на второй, изменяя так или иначе окружающую действительность согласно своим потребностям и возможностям, можно познать сущность самой категории «практика», которая, прежде всего, есть материальная деятельность, опосредованная сознанием. Она, как представляется, являет собой единство различных аспектов деятельности:

- познавательных и предметно-преобразующих;
- материальных и идеальных,
- объективных и субъективных,
- позитивных и негативных.

Юридическая практика – это системное единство компонентов её составляющих, в качестве таковых выступают юридическая деятельность, результаты юридической деятельности плюс социально-правовой опыт.

Юридическая деятельность, как структурные элемент юридической практики, выступает её динамичной стороной.

Сущность юридической практики во многом определяется её государственно-властным характером, ибо осуществление юридической деятельности есть прерогатива государственных органов, прежде всего законодательных и правоприменительных, а обеспечение её осуществляется посредством разнообразных по характеру государственных средств:

- экономических;
- политических;
- социальных;
- воспитательных.

Юридическая деятельность сопряжена с наступлением тех или иных юридических последствий, в этом её особенность.

Как уже было отмечено выше, структурным элементом юридической практики является также результат юридической деятельности (юридическое решение той или иной социальной ситуации).

Итог конкретной юридически значимой деятельности может быть:

- положительный и отрицательный;
- промежуточный и окончательный;
- временный и постоянный.

Социально-правовой опыт (навыки, знания, мастерство и др.) – третий элемент содержания юридической практики. Это статическая сторона юридической практики, в противовес её динамической стороне.

В качестве оснований деления юридической практики на виды можно назвать следующие:

- вид юридической деятельности;
- субъекты юридической практики;
- вид поведения субъекта права;
- функциональная направленность и др.

«Функции юридической практики есть основанные на обобщенном юридическом опыте основные направления по совершенствованию правовой материи, юридической деятельности и социальной действительности в целом»¹.

¹ Палагина Е. Н. Функции юридической практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 9.

Для них свойственны следующие признаки:

- производны от целей и задач практики, а также от целей и задач, стоящих перед обществом на определенном этапе его развития
- сущность права и его социальное назначение предопределяют содержание и виды функций;
- являются исторически изменяющимися направлениями воздействия юридической практики на реальную действительность;
- выполняются всеми участниками юридически значимой деятельности;
- в основе устойчиво сложившаяся в различных сферах социальной действительности, повторяющая и объективно необходимая особая предметная деятельность (использующая определенные наборы средств, способов и методов познания и регулятивного воздействия);
- обеспечивают реализацию функций юридической практики преимущественное использование властно-принудительных, юридических методов воздействия;

Классификацию функций юридической практики можно проводить по различным основаниям:

- по времени действия;
- по критерию значимости для общества;
- в зависимости от задач, решаемых практикой;
- в зависимости от сферы распространения;
- в зависимости от объекта воздействия;
- в зависимости от уровня функционирования практики и др.

Особый интерес имеет изучение и познание особенностей осуществления отдельных специфических функций юридической практики. Так, вектор действия правообеспечительной функции юридической практики направлен на обеспечение эффективных форм развития и функционирования общественных отношений, на достижение тактических и стратегических целей, в данной функции находит выражение сущность практики в правовой системе общества.

Правообеспечение в рамках юридической практики нацелено на формирование и организацию необходимых условий, для полноценного функционирования механизма правового регулирования.

С помощью различных видов практики в правовой сфере формируются необходимые предпосылки, создаются определенные условия, определяются средства и способы, нацеленные на обеспечение

деятельность тех или иных субъектов права. Данное направление деятельности юридической практики, однако, не ограничивается подготовкой «благоприятной почвы», созданием необходимых условий для реализации положений правовых предписаний. Её можно рассматривать в качестве средства, обеспечивающего процесс правового регулирования.

Например, правовое обеспечение деятельности правотворческого органа подразумевает наличие системы правовых актов, регламентирующих его правовой статус, вопросы формирования данного органа и осуществления функций, плюс совокупность действий, имеющих правовое значение и обеспечивающих реальное исполнение указанных норм, а также законность и обоснованность принимаемых правовых актов.

Правообеспечительная направленность юридической практики оформляется в процессе создания и своевременного совершенствования четкой, логичной, развернутой и непротиворечивой нормативно-правовой базы, основанной на Конституции РФ, опирающейся на принципы правового государства. Базируясь на таком нормативно-правовом «фундаменте», правовое обеспечение деятельности правотворческого органа просматривается в тех или иных формах работы данного органа, его структурных подразделениях, в работе аппарата служащих, и других организаций, способствующих эффективной работе законодателя по принятию законов и решению конкретных вопросов в ходе правореализации.

Информационное обеспечение деятельности субъектов правотворческой деятельности также составляет содержание рассматриваемой функции юридической практики, преследуя цель обеспечить ее законность и максимальную эффективность. Законодателю необходимы сведения о лицах и предметах, явлениях и процессах, фактах и событиях, содержащихся в различных документах, правовых актах, архивах и т.д.

Информационно-правовое обеспечение законодательной деятельности – это есть целостная система мер по поиску, сбору, накоплению, хранению, обработке, распространению информации, предназначенной для удовлетворения информационных потребностей субъектов законодательной деятельности, взаимодействующая с иными разновидностями обеспечения:

- финансово-материальным;
- кадровым;

- социологическим;
- техническим и др.

Особенности информационных нужд субъектов законодательной деятельности обусловлены предметом правового регулирования разрабатываемого нормативного акта, тенденциями развития современного законодательства, объективными социальными потребностями. Формирование механизма обеспечения этих информационных нужд, имеющих место, как на этапе планирования законопроектных работ, так и в ходе создания законопроекта, следует признать одной из основных задач теории информационно-правового обеспечения законодательной деятельности.

Правообеспечительная функция юридической практики находит свое отражение и в социологическом обеспечении законотворчества. Эффективность принимаемых законов во многом зависит от соответствия их сложившимся и формирующимся реалиям социальной жизни. Поэтому должны иметь место различные социологические исследования, нацеленные на поиск оптимального сочетания общечеловеческих и классовых интересов (реалии социальной действительности говорят об их наличии), на обеспечение соответствия искомого нормативного предписания социальным условиям, на включение нормы права в социальный контекст, гарантируя и обеспечивая тем самым поддержку социумом, необходимую для ее реализации.

Эффективность правотворческой деятельности во многом обусловлена сформировавшимся и активно функционирующим общественным мнением и невозможна без его постоянного учета законодателем. Последний должен брать во внимание все многообразие проявлений общественного мнения, вооружившись социологическими результатами комплексных теоретических исследований существующих проблем.

В процессе реализации правообеспечительной функции юридической практики создаются специальные структурные подразделения в органах, обеспечивающих достижение намеченных целей, проводятся мероприятия по определению субъектов деятельности, на которые возложены обязанности по обеспечению нормального и эффективного осуществления этой деятельности.

В ходе реализации данной функции юридической практики может иметь место материальное (экономическое) обеспечение посредством осуществления действий по формированию материаль-

ной базы, необходимой для претворения в жизнь той или иной деятельности. Возможно организационное обеспечение деятельности путем формирования системы специальных органов государственного управления, действующих на различных уровнях. Может осуществляться специально-юридическое обеспечение деятельности через создание необходимой нормативно-правовой базы и т.д.

Таким образом, юридическая практика одним из своих направлений деятельности имеет обеспечение существования права как такового, достижения целей правового регулирования, эффективной реализации норм права, реального воплощения правовых предписаний в фактическом поведении участников общественных отношений.

Особое внимание следует уделить позитивным и негативным проявлениям реализации функций юридической практики. Так, можно выделить следующие формы проявления отрицательного влияния юридической практики на окружающую нас действительность:

- нацеливание на удовлетворение корпоративных интересов в ущерб общественным интересам;
- превалирование экономической заинтересованности;
- отсутствие скоординированной, единой правоприменительной практики;
- противопоставление законности и политической целесообразности.

Современному состоянию российской общественной жизни свойственны ситуации, когда поспешная, неумелая, а порой пролоббированная правотворческая деятельность входит в противоречие с потребностями общества и социальной практикой. В таких ситуациях юридическая практика выявляет и заставляет внести определенные коррективы в действующее законодательство. Об этом также свидетельствуют многочисленные публикации в периодической печати, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Красильников О.Ю. (Саратов)

ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩАЯ СТРАТЕГИЯ СТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются два варианта импортозамещающей стратегии структурных сдвигов в экономике России:

1) *внутриориентированный* – освоение внутреннего рынка промышленных и продовольственных товаров, порождающий структурные сдвиги в экономике России в направлении ее индустриализации;

2) *внешнеориентированный* – нацеленный на продвижение российских изделий на мировой рынок, способный в то же время породить сдвиги в структуре экономики в направлении ее постиндустриального развития

Ключевые слова: структурные сдвиги, импортозамещение, инновации, постиндустриализм.

С точки зрения прогрессивного развития экономики России не всякий экономический рост может сопровождаться положительными сдвигами в ее структуре. Возможен рост как за счет увеличения доли добывающих, индустриальных, так и постиндустриальных отраслей и производств в структуре экономики. Наиболее оптимальным для нас было бы развитие последних. Однако пока процесс импортозамещения идет по пути замены импорта собственным производством наименее технологичной продукции и продуктов питания.

Именно так, от производства продуктов питания и наиболее простых изделий потребительского спроса до выпуска какой-то части необходимых для их производства средств производства, происходили импортозамещающие структурные сдвиги в экономике ряда стран (азиатские новые индустриальные страны, Индия, Мексика, Бразилия и Китай).

В одном случае, на передний план выдвигается создание всеобъемлющих промышленных комплексов, призванных насытить

и структурировать внутренний рынок с помощью изделий местного производства и только потом развернуть их экспорт. В другом – во главу угла ставится интернационализация, международная промышленная специализация и кооперация, с развитием которых связываются надежды и на насыщение внутреннего рынка, и на его структурирование. Первый путь обречен на постоянное «догоняющее» развитие: импорт новых техники и технологий из развитых стран. Второй позволяет постепенно, на основе перманентного облагораживания экспорта добиться не только ускоренной индустриализации, но и сделать определенные шаги в направлении постиндустриального развития структуры экономики.

В соответствии с этими путями, на наш взгляд, можно выделить два варианта импортозамещающей стратегии структурных сдвигов в экономике:

- внутриориентированный – освоение внутреннего рынка промышленных и продовольственных товаров, порождающий структурные сдвиги в экономике России в направлении ее индустриализации;

- внешнеориентированный – нацеленный на продвижение российских изделий на мировой рынок, способный в то же время порождать сдвиги в структуре экономики в направлении ее постиндустриального развития.

Первая стратегия ведет к самодостаточности, структурной замкнутости, прежде всего в сфере технологического и научно-технического сотрудничества. Структура экономики как бы варится в собственном соку, структурные сдвиги могут происходить в направлениях, отличных от общемировых тенденций. Структурная распыленность и безудержная диверсификация обуславливают огромные потери экономики на масштабе предприятий и производств. Из-за постоянного развития общественного разделения труда, подпитываемого НТП, создание всеобъемлющих индустриальных комплексов уже давно не по силам даже самым крупным и развитым государствам мира. В перспективе осуществления подобного импортозамещения потребность в импорте не уменьшается, а возрастает. Возникает необходимость во внешних займах и иностранной помощи. Складывается порочный круг: обращение к внешним займам, не обеспеченное необходимым прогрессивным приростом в структуре производства и экспорта, лишь увеличивает потребность в новых займах – отсюда дальнейшее сокращение

темпов экономического роста, увеличение финансовой, технологической и товарной зависимости экономики.

Вторая стратегия – интернационализации структурных сдвигов, посредством структурного взаимодействия экономики России и развитых стран постоянно отслеживает прогрессивные тенденции развития экономической структуры, согласует направление внутренних структурных сдвигов в соответствие с ними.

На пути осуществления подобной стратегии возникает ряд проблем. Во-первых, это сырьевая ориентация российского экспорта. Сегодня на природные ресурсы и продукты их переработки приходится до 80 % всего объема экспорта. Если экспорт состоит преимущественно из сырья, как в России, то ориентация структурных сдвигов на экспорт равносильна ориентации на развитие сырьевого комплекса в ущерб обрабатывающему, поскольку добывающие отрасли переманивают к себе трудовые, финансовые и технологические ресурсы страны, оттягивают на себя приток инвестиций из-за рубежа. Экспорт сырья может оказать стимулирующее влияние на экономический рост лишь при условии, что заработанные средства будут вложены в развитие высокотехнологичных производств, сферы услуг, всего того, что называется экономикой постиндустриального общества. Внешнеориентированная стратегия осуществления структурных сдвигов на основе импортозамещения неразрывно связана с повышением конкурентоспособности отечественных производителей товаров и услуг.

Отсюда возникает проблема места и роли государства в процессе интернационализации структурных сдвигов в российской экономике. Очевидно, что основные экспортеры сырья – негосударственные компании, отстаивая свои узкокорпоративные интересы, вряд ли будут добровольно направлять экспортную выручку на осуществление структурной перестройки экономики России. Нужна всесторонне продуманная, хорошо сформулированная рентоориентированная экономическая политика государства, нацеленная на масштабные структурные преобразования за счет перераспределения рентных по своей сути доходов от экспорта сырья и полезных ископаемых.

Согласимся с А.В. Бузгалиным в том, что необходим контроль за экспортом, «централизация экспорта», подчинение экспорта сырья и природных ресурсов задаче увеличения национального дивиденда, «получения максимальных валютных поступлений на об-

щациональном уровне»¹. В противовес политике либерального монетаризма во внешней торговле нужна политика разумного протекционизма, не допуская ее сочетание с финансовыми вливаниями в устаревшие доиндустриальные, добывающие и сырьевые отрасли.

Третья проблема заключается в осуществлении первого этапа стратегии интернационализации структурных сдвигов. Мировой рынок уже насыщен простейшими товарами или близок к насыщению, тем более что за новыми индустриальными странами уже выстроилась очередь претендентов на те рыночные ниши, которые им приходится высвобождать в связи с развитием техники, технологий и ростом стоимости рабочей силы. При этом они располагают более дешевой, чем Россия, рабочей силой (страны Африки, Центральной и Южной Америки).

В решении этой и предыдущих проблем может помочь умелое использование конкурентных экономических преимуществ России заключающихся в высокой квалификации рабочей силы при относительно низкой ее цене; большом образовательном и научном потенциале; наличии развитой индустриальной базы и высокотехнологичных производств (особенно в отраслях ВПК, ракетнокосмической и авиационной промышленности); высоком сырьевом потенциале; огромном количестве неиспользуемых земель, в том числе производственного, сельскохозяйственного назначения; стратегическом геополитическом положении страны как связующего моста между западной и восточной цивилизациями.

Кроме того, нельзя не воспользоваться последствиями валютно-финансового кризиса, когда курс рубля, катастрофически обвалившись в 1998 г., больно ударив по жизненному уровню россиян, одновременно создал солидные предпосылки для импортозамещения. Именно заниженный курс национальной валюты ряда восточноазиатских и латиноамериканских стран во многом способствовал успеху индустриализации национальной экономики на основе экспортоориентированного процесса импортозамещения. При осуществлении подобной стратегии большое подспорье могут оказать доходы от развитого сырьевого экспорта, чего не было, например, у восточноазиатских новых индустриальных стран, обладающих скудными природными ресурсами.

¹ Бузгалин А. В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. М., 1994. С. 358.

Стратегия интернационализации структурных сдвигов в экономике России требует параллельного их осуществления в нескольких направлениях. Первое состоит в реализации импортозамещающих структурных сдвигов в трудоемких отраслях экономики, производящих продукты питания и простейшие промышленные товары (предприятия сельского хозяйства, пищевой, текстильной, швейной, кожевенной, обувной, деревообрабатывающей, мебельной промышленности и др.). Указанные мероприятия призваны максимально задействовать фактор трудовых ресурсов и ликвидировать возникшую на этапе спада трудоизбыточность российской экономики.

Второе направление осуществления прогрессивных структурных сдвигов – капиталоемкое – требует больших инвестиций в развитие индустриального сектора в экономике и высокотехнологичных отраслей, определяющих постиндустриальное будущее России. Основной упор необходимо сделать на развитие обрабатывающей промышленности с перспективой постепенной замены экспорта сырья продуктами его переработки. Нужно повысить долю “промежуточных” и конечных промышленных изделий и услуг, товаров инвестиционного спроса в структуре экспорта.

Третье, основное направление – осуществление структурного сдвига в сторону увеличения информационных, знание- и наукоемких секторов общественного производства, доли образования, науки, здравоохранения социального обеспечения. Экспорт знаний, идей, информации в перспективе должен стать основным источником дохода формирующегося постиндустриального сектора экономики.

Переход к самоподдерживаемому экономическому росту на основе стратегии интернационализации структурных сдвигов сопряжен с налаживанием взаимоусиливающегося динамического взаимодействия между импортозамещающими сдвигами и сдвигами в структуре экспорта, сбережений и инвестиций. Необходима постоянная конвертация доходов от экспорта и импортозамещающих структурных сдвигов в сбережения и далее в эффективные инвестиции. На современном этапе, когда национальные сбережения крайне ограничены, весома доля инвестиций за счет внешних источников, необходим жесткий контроль со стороны государства за распределением имеющихся доходов с целью приоритетного направления их на структурную перестройку экономики России.

Красовская Н.Р., Гуляев А.А. (Москва)

РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕШЕНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: *в статье анализируется понятие «мягкой силы» как эффективной стратегии выстраивания международных отношений в современных условиях. Мягкая сила основывается на привлекательности идеалов, культуры, ценностей, политических и социальных программ. Привлекательность этих ценностей и идеалов для многих стран и народов помогают государству проводить свою политику и добиваться эффективных результатов. В качестве основных методов работы были использованы компаративный метод и метод анализа.*

Ключевые слова: *«мягкая сила»; народная дипломатия; внешняя политика России*

Известная фраза Чжоу Эньлай гласит, что дипломатия – это продолжение войны другими средствами. На современном этапе, когда мир движется от монополярности к множеству центров силы, а человечество находится на той стадии развития технологий, при котором даже неглобальный военный конфликт может обернуться гибелью цивилизации как таковой – сфера деятельности дипломатии серьезно расширилась. Более того, сформировались новые ее виды: медийная (DigitalDiplomacy) и публичная (PublicDiplomacy). Вместе они входят в состав так называемой «мягкой силы», использование которой для России является необходимым фактором усиления геополитического влияния, отстаивания собственных интересов.

В 2004 году вышла в свет книга профессора Гарвардского университета Джозефа Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American». Этот труд, написанный еще в начале 90-х, впервые ввел в обиход понятие «мягкой силы» – в противовес силе «жесткой», под которой политолог понимал прежде всего способность экономически развитой страны с сильной армией навязать свои ценности

и миропонимание другим государствам. В истории есть масса примеров такого способа расширения сферы влияния. При этом стоит обратить внимание на их эффективность только на ближней дистанции для государства, которое использует прямое военное или экономическое вмешательство в дела соседей (и не только соседей: достаточно вспомнить тот день, когда президент США Билл Клинтон объяснял американскому народу, где находится Сербия, которую следует подвергнуть бомбардировкам во имя демократических ценностей). Огромные бюджетные затраты, упущенная выгода в реализации различных проектов, нарастающее социальное напряжение – в том числе из-за проблем с мигрантами, которые бегут из зон военных действий туда, где у них есть шанс на нормальную жизнь: в конечном итоге все это ведет к дестабилизации страны, использующей «жесткую силу». В дальнейшем граждане начинают требовать от своего правительства сменить фокус внимания и начать решать вопросы, актуальные для населения.

В этой связи «жесткая сила» не может рассматриваться как самый эффективный и тем более единственный способ разрешения геополитических проблем и позиционирования страны в мире. Результат недолговечен, и чтобы его удержать, нужно постоянно сохранять статус-кво в зоне конфликта, провоцировать периодически эскалацию конфликта, вливать все новые и новые финансовые и, что самое главное, человеческие ресурсы. Тем более неэффективна «жесткая сила» там, где речь идет о восстановлении влияния, ранее утраченного из-за распада прежних государств и формировании новых. Россия находится именно в таком положении. Восстановив силы после распада СССР, наша страна столкнулась с необходимостью не только отстаивать свои интересы на мировой политической арене, но и, по сути, заново формировать собственный имидж развитой, сильной и цивилизованной страны. И все это на фоне эмоциональных и традиционных представлений времен «холодной войны», которые сейчас активно поддерживаются рядом представителей западной элиты, сделавшими враждебность к России своей «профессией».¹ Тотальный характер ведущейся против России информационной атаки не вызывает сомнений. В ход идут как старые стереотипы, так и постоянное искажение истинной ситуации в стране во всех сферах. Малоизвестные даже россиянам факты пре-

¹ Наумов А. О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспективы. 2015. № 4. С. 21–32.

подносятся как симптоматичные и распространенные для «российского имперского режима». Те же факты, которые широко известны – принимают искаженный характер. Стоило России активно заявить о самостоятельности во внутренней и внешней политике, не считаясь с интересами коллективного Запада – как пренебрежительный тон иностранных СМИ сменился на такой, который не будет преувеличением назвать кликушеским.

Противопоставить этому давлению можно только одно: «мягкую силу» – то есть, по Наю, способность добиваться желаемого на основе добровольного согласия союзников, а не с помощью принуждения или подкупа.

В противоположность «жесткой силе», «мягкая сила» дает возможность достигать результатов, сохраняющихся длительное время, которые при этом не требуют постоянного поддержания внешнего давления¹. «Мягкая сила» – это прежде привлекательность цивилизационной модели. Используя ее, мы говорим: смотрите, на нашей стороне здравый смысл, милосердие, человечность, ответственность. Сегодня страны Запада пытаются приписать себе исключительное использование данных понятий в мировой политике. Государства, относящиеся к так называемому «золотому миллиарду», имеют серьезные преимущества: факторами их преимущества в использовании «мягкой силы» являются высокий уровень жизни и национального дохода, высокоразвитой культуры, литературы и искусства, политической системы, опирающейся на демократические ценности, уважение к правам человека. Однако все это мы можем сказать и о России. За последние два десятилетия положительные тенденции в ее социальном, экономическом, политическом развитии налицо. Сокращается смертность и увеличивается рождаемость. Растет продолжительность жизни. Несмотря на наложенные санкции и ряд экономических кризисов, происходит развитие производства и промышленности, сельского хозяйства. Идет развитие гражданского общества. Таким образом, Россия имеет немало преимуществ в потенциале мягкой силе. Ее цивилизационная модель на сегодня оказывается так же привлекательна, как и западная. Грамотное и активное использование этого потенциала поможет не только выдержать все информационные атаки, но и способствовать формированию нового имиджа государства.

¹ Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» перевод. Новосибирск-Москва, 2006. С. 43–44.

В российской науке на настоящий момент нет общепринятого определения «мягкой силы». Г.Ю. Филимонов исследует «мягкую силу» в контексте глобальных экономических, политических, социальных и культурных процессов, которые видоизменяют имеющуюся систему международных отношений, формулируя новую, в рамках которой классические иерархические модели взаимоотношений международных акторов начинают уступать место сетевым структурам. Эти структуры имеют многообразный характер и строятся на основе гражданского общества. Публичная дипломатия формирует потенциал мягкой силы государства¹. А.В. Будаев определяет понятие «мягкая сила» как одну из форм стратегии в сфере внешней политики со стороны государства, а также как комплексный механизм воздействия посредством системы «привлекательных предпочтений». Они могут выражаться в экономических стимулах, инвестиционных проектах, инициативах в области культуры. Мягкая сила является основой для дружеских отношений государств².

Интересно, что в политических кругах России, где понимают необходимость использования «мягкой силы» как особого рода управленческой политики, направленной на достижение геостратегических целей при помощи ненасильственных способов воздействия, понятие начинает наполняться новыми смыслами и назначениями³. Например, В.В. Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года в городе Сочи высказался следующим образом: «Несомненно, что в глобальном соревновании вырастет роль гуманитарных факторов: образования, науки, здравоохранения, культуры. Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс так называемой «мягкой силы» будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощренности пропагандистских приемов»⁴. Таким образом, для современной России «мягкая сила» – это и ресурс, и влияние, а также возможность более дипломатическими и искус-

¹ Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С. 38.

² Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильский отношений): дис. ... канд. полит. наук. 23.00.04. М.: ДА МИД РФ, 2014. С. 42.

³ URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-sovremennoygeopolitiki.html> (дата обращения 19.10.2018).

⁴ URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/46860.html> (дата обращения: 17.10.2018).

ными средствами достигать своих целей. В этой связи огромное значение приобретают крупные международные соревнования, фестивали, конкурсы, которые привлекают большое количество зрителей из других стран. Нельзя переоценить тот эффект, который возымел проведенный в России Чемпионат мира по футболу: здесь мы имеем дело с классическим примером эффективности воздействия «мягкой силы», потенциал которой был применен в полном объеме и очень грамотно.

Обратимся к тому, что происходило в течение полутора лет в западной прессе при освещении этой темы. Вот один из заголовков того времени: «Вы готовы к чемпионату мира по позору?». Перечислять все эти материалы не имеет никакого смысла: их посыл был одинаков. Крестовый поход западных СМИ против Чемпионата мира в России фактически начался с окончанием Чемпионата Европы по футболу во Франции. Поводом послужили известные марсельские события 2016 года, в которых участвовали не только российские, но и английские болельщики, которые известны своей агрессивностью: собственно, хулиганские традиции в околофутбольном мире идут именно из Британии. Однако пресса мгновенно забыла об этом факте, выставив английских болельщиков пострадавшей стороной, а российских – как агрессоров, жестоких громил. Такая картина не соответствовала действительности – но соответствовала задачам информационной войны. В результате болельщики из Европы в Россию приехали в гораздо меньшем количестве, чем это бывало на других Чемпионатах мира. Запуганные «кровожадной, отсталой, угрюмой, серой и несвободной» Россией, большинство европейцев и прежде всего британцев остались дома.

Впоследствии они пожалели об этом. Всего неделю спустя после начала чемпионата эти же СМИ стали описывать одновременно восторг тех, кто доехал¹, и отчаяние тех, кто остался дома и пропустил отличный праздник². Пиар-эффект от проведения чемпионата сложно вместить в привычные измеряемые величины типа количества доброжелательных публикаций: «Ах какой мундиаль, господин Путин» (мексиканская газета ElUniversal), «Победителем стала Россия»(турецкая Milliyet), «Россия устроила отпадный чем-

¹ URL: <https://www.politico.eu/article/fifa-world-cup-2018-russia-vladimir-putin-syria-eastern-ghouta-damascus-are-you-ready-for-shame.html>. (дата обращения: 12.10.2018).

² URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-5912709/Thousands-optimistic-England-fans-descend-Moscow-World-Cup-16-showdown-Colombia.html>. (дата обращения: 14.10.2018).

пионат мира» (австралийская SydneyMorningHerald) и так далее, сотни статей и новостных сюжетов в самых разных медиа по всему миру. Название сюжета канадской телекомпании CBC отражает рефлексию самих медиа по поводу новой реальности, в которой Россия предстает жертвой, а не источником манипуляций: «Празднование чемпионата мира показывает Россию со стороны, которую обычно игнорируют западные СМИ»¹. К этому добавились социальные сети: болельщики, приехавшие все же в Россию, были поражены тем, что увидели – красивые и чистые улицы, доброжелательных людей, которые искренне рады гостям, и эффективное, но ненавязчивое и незначительное присутствие полиции. Болельщики искренне поражались: «Почему у Запада проблемы с Москвой? Это один из главных вопросов, возникших у болельщиков, которые, вернувшись на родину, теперь сомневаются в правильности политики собственных правительств. Они очень удивлены тем, как сильно отличаются их собственные впечатления от того, как Россию изображают западные СМИ»². Таким образом, Россия в ходе Чемпионата мира добавила к своим спортивным победам еще и победу внешнеполитическую – буквально перенастроив очень большую часть людей в свою пользу.

Интересен и еще один эффект от Чемпионата: Катар, который готовится принимать к себя эти игры в следующем году, заявил, что ставит своей целью затмить российский. Такие слова означают, что уровень позитивного эффекта, атмосфера праздника и радости прочно ассоциируются теперь в сознании огромного количества людей именно с Россией. Эта маленькая и малоизвестная страна очень хочет обойти нас в качестве организаторов лучшего Чемпионата мира по футболу прежде всего, чтобы увеличить потенциал своей «мягкой силы».

Возникает вопрос: долго ли продлится такой эффект? Можно с уверенностью сказать, что мгновенный эффект действия «мягкой силы» всегда очень силен – и будет длиться дальше на почве уже сформировавшегося имиджа Азербайджана и России как стран открытых и цивилизованных. Теперь, когда информационные атаки на страны продолжают – им противостоят все те люди, которые могут отделить пропаганду от реальности, побывав на месте про-

¹ URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-5912709/Thousands-optimistic-England-fans-descend-Moscow-World-Cup-16-showdown-Colombia.html>. (дата обращения: 10.10.2018).

² URL: <https://www.cbc.ca/news/world/world-cup-festivities-showing-a-side-of-russia-not-usually-seen-in-western-media-1.4725902.html>. (дата обращения: 09.10.2018).

ведения соревнований. Таким образом, благодаря использованию «мягкой силы» Россия добилась результата, который был бы невозможен при применении силы «жесткой», которая является необходимым, но не уже далеко не основным средством в проведении политики в современном мире.

Максименко М.В. (Пермь)

СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Аннотация: в статье раскрываются сущность и признаки социальной стабильности как характеристики процесса общественного развития, исследуется влияние различных факторов на социальную динамику, оценивается их стабилизирующий и деструктивный потенциал, в качестве аргументов приводятся конкретные исторические факты.

Ключевые слова: социальная стабильность, социальная структура, факторы социальной динамики, право, культура, идеология.

Социально-философский подход к изучению свойств социальных систем оперирует понятиями антиподами: «стабильность» и «нестабильность». Будучи характеристиками социальной системы, данные определения имеют, соответственно, позитивный и негативный смысл. Под полезным свойством стабильности общества традиционно принято понимать такое его состояние, при котором высокая жизнеспособность общества обеспечивается его гибкостью, восприимчивостью к преобразованиям и способностью к самотрансформации при сохранении структуры и функциональности.

Исходя из данного определения можно выделить следующие критерии стабильности общества:

- высокая жизнеспособность общества;
- ориентация общества на интересы большинства его членов;
- способность воспринимать внешние воздействия, информацию, максимально компенсировать их негативную составляющую, трансформировать в позитивную, с точки зрения эволюции энергию, при этом сохраняя свою структуру, основные параметры, темпы и характер развития;
- адаптивная способность социальной системы, позволяющая совершенствовать собственную организацию в соответствии с изменяющимися условиями, она определяется уровнем организации

социальной системы, функциональностью ее структуры, всех подсистем и элементов¹.

Система представляет собой совокупность подсистем, которые, в свою очередь, также обладают определенными сущностными характеристиками, в том числе и стабильностью или нестабильностью. Общество, как и любая система, выступает по отношению к внешней среде как единое целое. Означает ли стабильное состояние подсистем общества стабильность общества в целом? По этому поводу высказываются различные мнения. Не будет стабильной экономика при нестабильности права; невозможна стабильность сферы социального воспроизводства при нестабильной сфере социального регулирования². Согласно другому мнению, даже если система стабильна по отношению к внешней среде и обладает внутренней стабильностью в целом, она может содержать нестабильные элементы и подсистемы. Например, новые элементы и подсистемы часто оказываются на протяжении длительного времени нестабильными. Нестабильность присутствует до тех пор, пока они не будут «переработаны» системой на базе собственного субстрата и структуры. Таким образом, в социальной системе могут сосуществовать подсистемы и элементы с разной степенью и видами стабильности, а также возможно одновременное функционирование стабильных и нестабильных подсистем³.

Стабильность общества как сложной системы предполагает баланс социальных подструктур при постоянном поиске путей и средств устойчивости. Этот процесс, в свою очередь, позволяет корректировать внутренние и внешние связи, модернизировать в соответствии с изменяющимися условиями существующие элементы социальной системы и создавать новые, является важнейшим показателем динамичного развития социальной системы и ее устойчивости благодаря динамичности и высокой адаптивности.

Жизнеспособность социальной системы, в первую очередь, определяется ее возможностями приспособливаться к окружающей среде, способностью изменяться в соответствии с изменяющимися условиями, не теряя при этом собственной сущности. Жизнеспособность также определяется уровнем практической реализации таких

¹ Максименко М. В. Право как фактор стабильности современного российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2010. .

² Антюшин С. С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (Социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. С. 60.

³ Гуц А. К., Паутова Л. А. Глобальная этносоциология. М.: Либроком, 2019.

возможностей, основанной на степени осознанного участия в этих процессах индивидов, составляющих данную систему.

Жизнеспособность общества зависит от многих условий:

1. Экономического потенциала, определяемого величиной национального богатства.

2. Геополитического потенциала – участия и политического веса государства в престижных международных организациях, в принятии важных международных решений.

3. Историко-культурного потенциала, отражающего общечеловеческую значимость общего исторического прошлого нации, уровень развития науки, образования, культуры.

4. Человеческого потенциала – способности человека к удовлетворению своих потребностей от первичных до высших социальных.

Важно помнить, что жизнедеятельность любого, особенно современного, общества происходит во внешней среде под влиянием различных внешних и внутренних условий. Явления и процессы объективной реальности, выступающие существенными детерминантами социальных изменений, принято называть факторами общественного развития. Именно этим движущим силам социальной динамики уделяется значительное внимание со стороны различных гуманитарных наук, так как каждое, на первый взгляд, несущественное воздействие на общество может оказаться критическим.

Факторы, воздействующие на систему, можно классифицировать по различным критериям. По направлению и интенсивности воздействия можно выделить факторы, движущие глубинными изменениями в обществе, определяющие его существенные характеристики, направление и уровень развития, и факторы, обуславливающие отдельные изменения в обществе. Факторы могут быть постоянно действующими и случайными. По объему и масштабу факторы могут быть локальными, затрагивающими только одну или несколько подсистем общества, а также глобальными – воздействующими на социальную систему в целом. Источник воздействия может находиться как внутри системы, и тогда это – внутренние факторы, та и за ее пределами – внешние факторы. С точки зрения устойчивости социальной системы факторы могут быть условно разделены на стабилизирующие и дестабилизирующие. Особенностью данной классификации является диалектическое свойство факторов менять свое качество при количественных изменениях. Иными словами, например, при длительном воздействии како-

го-либо стабилизирующего фактора результатом его воздействия на социальную систему может стать приведение системы в нестабильное состояние. Ярким примером тому может послужить внедрение плановой экономики, призванное обеспечить стабильное развитие промышленности и гарантированное удовлетворение потребностей всех членов общества, а на деле приведшее к полному отрицанию законов экономического развития и последующему глубочайшему кризису производства.

На наш взгляд, среди прочих факторов социальной динамики особого внимания заслуживает правовой фактор¹. В юридической науке, оперирующей понятием право, данный термин имеет исключительно позитивистское толкование (право есть закон, формально принятый, закрепленный, действующий). В философской науке выделяют несколько значений, первое из которых идентично юридическому, второе – в свой объем помимо писанного закона включает совокупность идей и представлений о праве (естественно-правовой тип правопонимания), третье – под правом понимает ту часть позитивного права, которая соответствует представлениям данного общества о справедливости, формальном равенстве, свободе (либертарно-юридический тип правопонимания).

Право как сложное общественное явление с социально-философской точки зрения интересно тем, что обладает некоторой самостоятельностью по отношению к своему творцу – обществу: оно зависит от общества и в то же время оказывает существенное влияние на это самое общество. В философской науке принято даже говорить о существовании правовой реальности, самостоятельной и обезличенной системе, состоящей из знаковых форм (законодательных актов), мира идей и собственно регулируемых законом общественных отношений.

Отношения между индивидуумами в обществе требуют регулирования, и это регулирование осуществляется различными социальными нормами: нормами традиций, обычаев, морали и, конечно же, права. Право как социальный регулятор обладает определенными свойственными только ему чертами: формальной определенностью, общеобязательностью, обеспеченностью исполнения

¹ Крыжевская Н. Н., Максименко М. В. Понятие социальной стабильности в произведениях научной фантастики // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества: сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД РФ. 2017. С. 87–90.

посредством принуждения. Возникновение права обусловлено, прежде всего, обезличиванием системы, регулирующей общественные отношения: когда спор между двумя индивидами решает не обладающий религиозной или традиционной харизмой арбитр, а служащий системы, подчиняющийся системе, решающий спор не только согласно внутренним убеждениям, но и руководствуясь продиктованным системой норм алгоритмом.

Право меняется вместе с обществом, иногда опережая социальные изменения, иногда отставая от них. Так экспроприация частной собственности, объявленная правительством большевиков сразу после революции 1917 года и облеченная в законодательную форму (Декрет ВЦИК от 20.08.1918 об отмене права частной собственности на недвижимость в городах) явилась толчком к значительным социальным переменам. Отставание развития системы права от стремительных социальных перемен имело место в современной отечественной истории во время перестройки, когда все отрасли права, в особенности цивилистика, существенно отставали от бурно развивающихся общественных отношений в экономической сфере.

Таким образом, видно, что правовой фактор может выступать как стабилизирующая или деструктивная основа социального развития. Рассматривая процесс стабилизации социальной системы как этап, завершающий кардинальную социальную трансформацию, право можно считать средством закрепления свершившихся коренных изменений в обществе.

Большинство революций отмечены принятием новых законодательных актов, действие которых, по замыслу авторов, должно распространиться на века. Вновь принятая конституция, как правило, провозглашает новый общественный и государственный строй, а последующее законодательство развивает ее положения. Любая конституция предусматривает очень сложный порядок изменения своих положений. Действие конституции направлено на стабилизацию общественных, государственных, экономических и политических процессов. В то же время в современных государствах существует относительно гибкий механизм изменения и дополнения законов и подзаконных нормативно-правовых актов, что, в свою очередь, говорит о способности законодательной системы адаптироваться к возникновению новых общественных отношений и трансформации существующих. Такая способность изменяться, не затрагивая незыблемые правовые основы, свидетельствует о высо-

ком уровне приспособления к внешней по отношению к праву реальности и, следовательно, значительной устойчивости системы.

Право регулирует наиболее важные общественные отношения и поддерживает внутреннюю организацию и устойчивое функционирование социальной системы, однако может выступать и внешним стабилизирующим фактором. Речь идет о международных правовых актах, согласно которым договаривающиеся стороны обязуются исполнять совместно принятые нормы. Указанные соглашения между государствами имеют силу лишь тогда, когда они включены в законодательную систему государства, а за законом признается высшая регулятивная сила. Так Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» гласит, что международные договоры – существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами, функционирования правового государства.

Потенциал влияния правового фактора на социальную стабилизацию может иметь и негативный вектор, а именно: справедливый, эффективный закон вызывает одобрение или по крайней мере согласие большинства населения, но несправедливый – может вызвать большие социальные возмущения, и история знает тому множество примеров.

Сила воздействия правового фактора на общество зависит также от уровня развития общей культуры и правовой культуры в частности. Культурный фактор также играет значительную роль в развитии национального самосознания. Современное развитие межнациональных отношений, обострение этнических противоречий как в России, так и в некоторых других полинациональных государствах актуализируют вопросы формирования национального самосознания. В некоторых случаях становление и рост национального самосознания могут сыграть деструктивную роль. Межнациональные конфликты и сепаратистские настроения могут привести к дестабилизации ситуации в стране, последствиями которой могут произойти значительные социальные изменения вплоть до распада целостного государства на отдельные образования. «Фармацевтический эффект» стабилизационного потенциала данного элемента культуры действует таким образом, что в определенных дозах «лекарство» способствует социальной стабилизации, укрепляет связи между государствами, способствуя поддержанию внешних условий

устойчивого функционирования общества, но в чрезмерно больших дозах – приводит к национальному сепаратизму либо насаждению определенной исторически не свойственной данному обществу культуры (культурной оккупации), то есть действует как внутренний дестабилизирующий фактор.

Относительно самостоятельным фактором, влияющим на стабильность социальной системы выступает идеология. Так, У. Джемс писал, что влияние идеологического фактора распространяется не только на сознание индивидуумов, но и на реальность: «Мысль истинна постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни»¹. Это, прежде всего, относится к основному инструменту идеологии – социальным технологиям или PR-технологиям, которые, вопреки расхожему мнению, используются не только коммерческими предприятиями, но и государственными структурами. В широком смысле PR – это налаживание таких условий, как внешних, так и внутренних, в которых организация могла бы развиваться наиболее гармонично, способствуя при этом гармонии общества в целом.

Государственный аппарат заинтересован в формировании такого контекста своей деятельности, при котором бы все средства массовой информации получали примерно одинаковые сведения. Говоря словами американского исследователя общественного мнения Дж. Цаллера «СМИ – это рупор, назначение которого состоит в доведении до масс позиций и мнений политических элит»². Рядовой гражданин информационного общества никогда не имеет непосредственного доступа к положению дел, «каково оно есть». «Положение дел» предъявлено ему через линзы тех партийных и политических установок, которые доступные или привычные для него СМИ разделяют и транслируют.

Иллюстрацией дезорганизационного потенциала PR-технологий в масштабе страны могут послужить события 19–21 августа 1991 года в Москве, когда средства массовой информации не сообщали населению о происходящем, чем, быть может, сузили рамки переворота до границ Москвы и области. Здесь бездействие средств массовой информации сыграло стабилизирующую роль, не дав событиям в Москве разрастись в массовое гражданское противостояние.

¹ Блинников Л. В. Великие философы: словарь-справочник. М.: Логос, 1999. С. 134.

² Фрумкина Р. Общественное мнение и неосведомленные граждане (рецензия на книгу Дж. Цаллера «Происхождение и природа общественного мнения») // Социальная реальность. 2006. № 5. С. 107–109.

Таким образом, можно заключить, что их созидательный и деструктивный потенциал нуждается в детальном исследовании. Общество как сложная система находится в постоянном развитии, приживающем периоды роста и кризиса, грозящего порой прекращением существования самой социальной системы. Для выработки действенных технологий противостояния дестабилизационным процессам в современном обществе требуется изучение всех факторов социальной динамики, как в совокупности, так и дискретно.

Максимов В.А. (Саратов)

ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: значение цифровой экономики в экономическом развитии России раскрывается исходя из национальных интересов и приоритетов страны. Акцент целей и задач этой сферы должен делаться на глобальном подходе реформирования экономической системы, что подчеркивается последними указами Президента РФ. Существующие ограничения в цифровизации несомненно коррелируют с классическими параметрами обеспечения экономической безопасности: доступность, наличие и использование ресурсов.

Ключевые слова: экономические цели и задачи, ограничение экономического развития, цифровизация.

1 декабря 2016 г. Президент дал поручение Правительству разработать программу «Цифровая экономика», иначе заложить долгосрочную основу для роста экономики страны.

28 июля 2017 г. выходит Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Этому предшествовали публичные обсуждения и экспертные оценки более широкого круга проблем, с которыми столкнулось российское общество на фоне стагнации экономики. Цифровизация, как ключевая задача, была обозначена в Федеральном законе «О стратегическом планировании в РФ» от 28.06.2014 (в ред. от 30.10.2017), в Указе Президента РФ от 09.05.2017 «О Стратегии информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹.

Экс-вице-премьер А. Дворкович на Красноярском экономическом Форуме «Вызовы Цифровой экономики России» (2017 г.) ука-

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

зывает, что кто-то делает акцент в мире на развитии технологий, кто-то на внедрение технологий. «В России же надо обратить внимание на три составляющие при подготовки программы цифровой экономики (далее ЦЭ): существующие разработки, которые необходимо внедрять в кратчайшие сроки; технологии, которые существуют, но пока не являются доминирующими; технологии, которые только разрабатываются». Причем, уточнил А. Дворкович, «это должна быть программа не только Министерства или Правительства, а это должна быть программа всего общества», По сути, выделены субъекты и объекты (промышленной технологии).

Экс-министр Минкомсвязи Н.Никифоров обозначил: «ЦЭ – это про то, как мы будем ускорять экономический рост, делать жизнь россиян удобней, использовать maximum из технологических возможностей, которые нам приносит сегодня ИТ – революция, технологическая революция». С его точки зрения (ведомства) объект – ИТ, но предметно ЦЭ предназначена чтобы «ускорять экономический рост». 30.05.2017 состоялось совещание под руководством премьер-министра РФ Д.А.Медведева, на котором была создана Межведомственная рабочая группа при Минкомсвязи России, в которую вошли представители бизнеса и международные эксперты. Было озвучено, что цель Программы – создать экосистему ЦЭ РФ, в которой данные в цифровом виде будут являться ключевым фактором во всех сферах социально-экономической деятельности. Понятие экосистемы неопределенно, а объектом становятся цифровые данные во всех сферах (без упоминания промышленного производства). 27.07.2017 проходит Совещание при Д.А.Медведеве «Об обеспечении выполнении поручений Президента по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 05.07.2017 года». Были сделаны поправки к будущей программе, которые, судя по всему, включили положения Президентского указа о «Национальной безопасности» (декабрь 2016 г.), в частности:

- учет интересов потребителей в пользовании цифровыми технологиями;
- совершенствовании правовых гарантий;
- развитие телекоммуникационной и вычислительной инфраструктуры;
- создание искусственного интеллекта и совершенствование робототехники.

Последний пункт является акцентированным переносом конкретного направления, выдвинутого западными специалистами на Давосском форуме – 2017. Впервые появляется новый объект – государственные услуги в дистанционном виде. Ответственным исполнителем становится некоммерческая организация Агентство стратегических инициатив, с обязательным созданием проектного офиса для выполнения функции организационно-методологического и аналитического сопровождения реализации мероприятий по выполнению программы. Дополнительно создается подкомиссия по ЦЭ для оперативного управления реализацией программы, для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Станным в указе видится формулировка, что «для управления программой определены пять базовых направлений, совершенно не касающихся источников экономического роста, не новых производственных и информационных технологий, ни увязки с более крупными совершенствованиями экономики РФ, в формате стратегического планирования и приоритетных проектов. Кроме того, сама Программа должна быть ориентирована на выработку принципов и целей организации (управления) цифровой сферы, а не на оборот.

Постановлением от 15.08.2017 нормотворчество усиливается: вводится оперативное управление реализации программы ЦЭ. Причем, подкомиссия по этому управлению становится инструментом при Правительственной комиссии. Это не только технический, но и методологический нонсенс. На этом совещании (15.08.2017) Д.А.Медведев объяснил, что ЦЭ «призвано обслуживать экономическую деятельность в целом, это инфраструктурный проект». Следует ли понимать, что создание и внедрение новых технологий отходит на второй план? В речи Председателя Правительства дается понять, что сама инфраструктура ЦЭ не совсем готова, не разработана инфраструктура инфраструктурного проекта. «Надо подумать, чтобы бизнес приходил в «цифру», устранить административные барьеры, законодательство должно адаптироваться к инициативе предпринимательства в этой сфере». О новой правовой базе в программе, говорится в смысле только нормотворчества (надо полагать ведомственных указов), и не понятно к какому уровню ответственности это относится. Некоммерческая организация «Цифровая Экономика» становится составной. Одной из главных задач ее будет формирование запросов от бизнеса, мониторинг программы (не по-

нятно, какой же субъект будет «управлять»), то есть, де-факто становится совещательным органом управления. Подчиненную роль будут занимать стратегические моменты и техника. Научной среде, по словам Д.А.Медведева, достанутся такие направления «управление», как кадры и нормативное регулирование. Значимость последнего намного выше, чем создание нового технологического продукта: «сложнейшая история... протолкнуть все это через горнило исполнительной власти». Наконец-то было указано, что оборотная сторона всей вообще современной новой экономики, основанной на «цифре» – это информационная безопасность. По этому, для лучшей управляемости, будет создана еще одна подкомиссия, теперь уже внутри аппарата Правительства, и новый проектный офис.

31.08.2017 г. состоялось первое заседание межведомственной комиссии, на котором были рассмотрены методические указания по разработок планов реализации Программы ЦЭ. Решено, что вся дальнейшая работа будет вестись в рамках специальной информационной системы, создаваемой в 2018 году. То есть признано необходимость обеспечение новых информационных технологий новой информационной системой. Как отмечалось на заседании за два месяца работы «было вовлечено более 15 органов исполнительной власти, свыше тысячи экспертов и двести компаний. Намечено 1,5 тысяч мероприятий». Д.А.Медведев подчеркнул, что разработка проектов новых нормативных актов рассчитана на несколько лет – «это очень важная задача... мы не должны обмануть сами себя, когда мы будем три года нормативные акты готовить и у нас никакого движения вперед не будет». Так же было отмечено, что киберпреступления наносят вред государству, бизнесу и обычным людям. Задача – повысить грамотность рядовых пользователей и обеспечить им правовую защиту (вопрос – от чего, от ошибок интернет сервисов или киберугроз?).

По плану на «управление» программой заложены затраты 520 млн руб., из них 150 – бюджетное финансирование; но пока утверждение отложено на конец 2018 г. в рамках планирования бюджетного цикла.

Экономическая безопасность страны на любом уровне (личность, общество, государство) является составляющей социально-политического развития, устойчивого порядка. Постулатами его обеспечения становятся наличие, доступность и использование ресурсов и продуктов в широком смысле. Вероятность возникновения

неблагоприятных условий и возможного ущерба для экономики страны, её жизненно важным интересам определяется в виде вызова, опасности, угрозы и риска.

В.В. Путин выделил следующие стратегические национальные интересы:

- государственная и общественная безопасность¹,
- повышение качества жизни российских граждан,
- экономический рост,
- наука, технологии и образование.

В области государственной и общественной безопасности им было выделено:

1. Меры по развитию информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества.

2. Стратегическая цель – развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития.

3. Угрозами НБ в сфере экономики являются:

- низкая конкурентоспособность,
- отставание в разработке и внедрении перспективных технологий,
- уязвимость информационной инфраструктуры.

4. Обеспечение ЭБ осуществляется путём развития промышленно-технологической базы и национальной инновационной системы.

5. Развитие новых высокотехнологичных отраслей, восстановление электронной и лёгкой промышленности.

Странно, что опасения и установки Президента практически не нашли отражения в «Программе ЦЭ», на которых он не преминул остановиться. По его мнению, существуют негативные факторы в виде отставания в развитии высоких технологий; зависимость от импортных поставок оборудования, приборов и компонентов; недостаточный уровень технологической безопасности, в т.ч. в цифровой сфере. Детализация разделов Программы не только не учитывает аспекты национальной ЭБ или оттесняет их на периферию, она не системна и представляет определенный «слепок» рекомендаций Давосского форума 2015 г., следуя которым «цифровизация» приведёт к преобразованию информационной и коммуникацион-

¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 «О национальной безопасности»

ной среды к 2025 году. Но, если на Западе они «желательны» и приспособлены (доступны) небольшому числу населения, то в России они не актуальны, не реальны и не необходимы в силу экономической целесообразности и неопределённости вектора развития, современного состояния и возможностей экономики страны.

Учёт такого рода ограничений, в какой степени, нашёл своё отражение в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Постановлено:

- ускорение технологического развития РФ, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации до 50 % их общего числа;

- обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере

- Правительству РФ разработать и представить (скорректировать)...до 1 октября 2018г...национальные проекты(программы) по... цифровой экономике

Наиболее существенно изменены приоритеты в сфере «Цифровой экономики». Поставленные задачи делают акцент на комплексную роль отечественных производителей и решении задач стратегического характера. Указ придаёт глобальное значение не нормотворчеству (первый вариант «Программы ЦЭ»), а совершенствованию промышленности и технологий, созданию конкурентоспособной российской экономики. Правительству поставлены:

а) цели и целевые показатели:

- увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 г.;

- создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств;

- использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами местного самоуправления и организациями;

б) решение следующих задач:

- создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий;

- создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок;
- обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики;
- обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок..., гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства;
- создание сквозных цифровых технологий, преимущественно на основе отечественных разработок;
- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в т.ч. в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимательства;
- преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы... посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений;
- создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития¹.

Внимание к цифровой экономике обусловлено глобальным вызовом, стоящим перед мировым сообществом и имеющий как технологический, так и гуманитарный (антропологический) характер. По сути, речь идёт об обосновании «новой экономики», учитывающую быстроту изменений социально-экономической среды и реализующую через концентрацию «рассеянного знания» посредством информационных коммуникаций. Общетеоретические подходы были заложены М. Полани и Ф. Хайеком в середине XX века и продолжены Ф. Махлупом, Э. Тофлером и М. Кастельсом, обозначившие постиндустриальную эпоху как информационное общество. Ф.Махлуп в работе «Производство и распределение знания в США» не только связал формирование этого общества с цифровым инструментарием, но и указал на «подводные камни» и риски, возникающие в связи с этим².

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

² Кунцман А. Специфика адаптации современных компаний к условиям цифровой экономики // Инновации. 2017. № 9. С. 14.

Э. Тоффлер, рассматривая деятельность компаний и метаморфозы менеджмента, замечал, что быстрота изменений в бизнес-среде и борьба за рыночную власть буквально «заставляют» организации становиться адаптивными структурами. Усиливаются системные риски и сложность на низшим и/или среднем структурном уровнях, что негативно для высшего регулятивного органа, который будет углублять администрирование и тотальный контроль за авторами¹. М.Кастельс, характеризуя информационное общество писал, что произойдёт установление «особой формы организации социума, при которой сбор, обработка и передача информации в рамках новых технологий представляют собой фундаментальную основу производительных сил»². Цифровая экономика становится культурной доминантой развития. Современный исследователь Дж Салливан в своём докладе на Международном саммите HR-Digital 2016 называет «происходящие процессы бурной средой, которой присущи следующие свойства: нестабильность, вызванная тем, что основные изменения происходят часто и неожиданно; неопределённость – трудно предвидеть изменения и их последствия, они непредсказуемы; сложность – проблемы и возможности их решения достаточно сложны; неясность – процессы в настоящее время носят хаотичный характер; информация противоречива, что может привести к неверным выводам»³.

Согласно Докладу Всемирного банка «Цифровые дивиденды – 2016» и данным БКГ, доля цифровой экономики в ВВП стран G20, существенно возросла – с 2010 г. по 2016 г. Лидером остаётся Великобритания – 12,4 %; Россия находится в конце списка, хотя и увеличила показатель с 1,9 % до 2,8 %. В рейтинге по индексу развития, ИКТ Россия занимает 43 место

(Корея – первое, Исландия – второе); по индексу готовности к сетевому обществу – 41 место (Сингапур – первое, Финляндия – второе)⁴. Существуют определённые сложности точного подсчёта результата, создаваемого IT-технологиями: нет общепризнанной методики выделения вклада этой сферы⁵. И, действительно, по отдельным

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века*. М. 2008. С. 195.

² Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М. 2000. С. 39.

³ Чинаева Т. *Информационно-коммуникационные технологии и развитие цифровой экономики*. // Экономист. 2018. № 6. С. 66–68.

⁴ Чинаева Т. *Указ. соч.* С. 62–68.

⁵ Колодная Г. *Цифровая экономика: особенности развития в России* // Экономист. 2018 № 4. С. 63.

странам прирост есть, а в мире – стагнация. Мировой прирост ВВП составил в 2015–2016 г. 2,4 % и 2,3 %, а IT-рынок соответственно – 6,0 % и +0,3 %. Прогноз на 2017 г. предполагает, что разрыв сохранится: прирост ВВП составит около 3 %, рынка – 2,7 %.

Россия по уровню цифровизации значительно отстаёт от ведущих стран ЕС: в ИКТ – на 22 %, в образовании – на 27 %, в финансах – на 29 %, в торговле – на 38 %, в строительстве и здравоохранении – на 45 %, в обрабатывающей промышленности, транспорте и нефтегазовой отрасли – около 55 %, в добыче полезных ископаемых – на 66 % (по данным БКГ). Доля электронной торговли в общем объёме розницы в России составляет 4 % (в ЕС – 7 %), доля граждан, совершаемых покупки онлайн – 23 % (ЕС – 55 %), доля организаций, имеющих свой веб-сайт в России равна 43 % (в ЕС – 77 %)¹. Последний рейтинг (2017 г.) Международного института управленческого развития, посвящённый цифровой конкурентоспособности и прогрессу стран в цифровизации отвлёл России 40-е место. Критериально (всего – 50) все факторы ориентированы на виды экономической безопасности; наибольший вес имеют 3 субфактора: знания, технологии и готовность к будущему или иначе: наличие инвестиций, доступность капитала, динамичность бизнеса и IT-интеграция. Глобально это означает, что перед каждой страной стоит вызов: насколько общество готово «переварить» и освоить имеющиеся цифровые технологии; от бизнеса требуется гибкий подход к внедрению технологий и изменению бизнес-моделей. По шкале знаний Россия заняла 24-е место, технологий – 43-е место (в т.ч. низкая доступность капитала – 58 место), по шкале готовности к будущему – 51 (по активности бизнеса – 62 место из 63 стран, отражённых в рейтинге). Слабыми сторонами РФ оказались: высокий инвестиционный риск, подходы к глобализации и слабое использование big data и аналитики².

В мае 2018 г. в РФ происходит управленческий переворот в сфере цифровизации: ответственным за проведение и реализацию «Программы ЦЭ» назначается новый объект – Министерство цифрового развития (бывшее Минкомсвязи). На встрече 15 мая 2018 г. с Президентом РФ Д.А.Медведев попросил усилить полномочия нового

¹ Чинаева Т. Информационно-коммуникационные технологии и развитие цифровой экономики. // Экономист. 2018. № 6. С. 66–68.

² Краснушкина Н. Цифровой недостаток списали на бизнес // Коммерсант. 2018. 21 июня.

ведомства и назначить его главой К.Носкова, бывшего руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. И уже 23 мая даёт поручение МЦР обеспечить «Указ Президента о национальных целях и стратегических задачах развития РФ до 2024 г.». По словам нового министра, ожидается трансформация не только целей, но и субъектной значимости. Будет усиливаться роль государства в противовес бизнесу, что увеличит риски предпринимательской активности и управляемости национальным проектом. В теории за развитие «отвечает» Центральный банк в любой стране, за прогнозы и «оценку» будущего экономики (в России) – МЭР, за практическое воплощение – МПТ. Судя по всему, будут ликвидированы все комиссии и проектный офис, зато в каждое значимое министерство направляется «куратор» в ранге замминистра. Теперь прежде проработки методологической и нормативной базы, необходима «разработка конкретного набора инициатив и определить какие у нас приоритеты, во что мы верим и готовы вложить деньги» – заявил первый замглавы проектного офиса программы г-н Месропян. Хорошо, что Премьер-министр обозначил здесь срок до 01.10. 2018, а не трёхлетку как в первом варианте Программы¹.

¹ Краснушкина Н. Власть переделат на цифру. // Коммерсант. 2018. 5 июля.

Мельчекова О.Г. (Екатеринбург)

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация: *излагаются теоретические и практические вопросы подготовки управленческих кадров в современных условиях. Отмечены особенности и проблемы современной образовательной среды в процессе подготовки менеджеров. Определена необходимость своевременной профессиональной диагностики и ориентации будущих менеджеров для повышения эффективности их труда. Сформулированы направления исследований по программам повышения результативности менеджмента и эффективности подготовки кадров для менеджмента.*

Ключевые слова: *менеджмент, менеджеры, проблемы подготовки управленческих кадров.*

Анализ образовательных процессов в высшей школе в современных условиях свидетельствует об их значительной вовлеченности в систему социальных связей и институтов, в том числе и в контексте международной образовательной интеграции. Образование отражает требования, определяемые внешней средой его осуществления, устанавливающей формы, методы и принципы обучения, наделяющей систему образования ресурсами, устанавливающей контроль за соблюдением принятых стандартов. Образование в той или иной степени традиционно отражает существующее социально-экономическое состояние общества, являясь показателем происходящих перемен и выражая запросы общества на удовлетворение возникающих потребностей.

Одним из главных запросов современного общества выступает объективная необходимость повышения эффективности экономических процессов, обеспечивающих развитие общества в целом. Образование в реализации данных целей играет важную и значимую роль.

Действенным фактором обеспечения развития эффективной экономики в современных условиях является формирование стабильного и активного потенциала блока «бизнес-экономика-управление-труд-образование». Значительную роль в этом процессе призвано сыграть наличие современных управленческих кадров, обладающих высоким профессионализмом, владеющих глубокими теоретико-методологическими знаниями менеджмента, пониманием основополагающих основ его практического применения в достижении намеченных целей, и, как следствие, – своей деятельностью создающих основу воплощения в жизнь как действующих, так и инновационных парадигм управления социально-экономическими процессами.

Функционирование организаций в условиях рыночных отношений обусловило появление в системе образования дисциплин, направленных на подготовку специалистов в области управления, обладающих особыми профессионально-личностными качествами, позволяющими осуществлять руководство в соответствии с современными требованиями.

Опыт управления показывает: формирование и развитие производственно-хозяйственного комплекса страны невозможно без эффективного менеджмента и менеджеров – современного аппарата управления и современных руководителей, «которые должны ясно представлять миссию и цели организации, определять стратегию и тактику руководства, структурировать организационные процессы, организовывать деятельность персонала, направляя все усилия на достижение общих целей организации»¹.

Основу такой парадигмы составляют системный и ситуационный подходы к управлению, сформировавшиеся под воздействием необходимости учета внутренних и внешних условий деятельности организации, прежде всего: рассмотрения организации как открытой системы, функционирование которой определяется ее умением приспосабливаться к переменам во внешней среде; потребностью тщательной подготовки и отбора менеджеров, способных принимать все более усложняющиеся управленческие решения и нести за них персональную ответственность.

Системный подход к формированию современных управленческих кадров предполагает организацию эффективной системы под-

¹ Мельчекова О. Г. Теория и практика менеджмента организации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. С. 3.

готовки кадров как в системе высшего образования, так и в сфере повышения квалификации уже работающих специалистов.

Исследования, относящиеся к процессам управления, носят междисциплинарный характер, объединяя различные области знаний. Предметом изучения наряду с количественными методами становятся методы, позволяющие находить, анализировать и оценивать качественную информацию, например, экспертное оценивание, многокритериальный и содержательный анализ ситуаций и др. В разработке положений, касающихся менеджмента, принимают участие математики, экономисты, социологи, психологи, юристы, философы и другие специалисты.

Практическое применение основных инструментов менеджмента – функций, методов, стилей управления должно базироваться на основополагающих принципах управления, обеспечивающих выполнение поставленных задач и повышение эффективности управленческой деятельности. Особый акцент должен быть сделан на особенностях управленческого труда и факторах повышения эффективности управления, что позволяет изыскивать дополнительные резервы и рационально использовать имеющиеся ресурсы в процессе управленческой деятельности.

При этом весь набор знаний, умений и навыков, необходимых современному менеджеру, должен быть нацелен на формирование философии системного представления о менеджменте как ключевом факторе обеспечения эффективности производственных процессов.

Подобные цели предполагают построение и постоянное совершенствование системы подготовки управленческих кадров, включающей в себя, в частности, организацию эффективных форм подбора и обучения кадров.

Подбор и обучение управленческого персонала являются важнейшими элементами системы менеджмента на всех уровнях управления, поскольку их результаты напрямую сказываются на работе любого предприятия в целом.

Среди целей подбора и обучения: выявление лиц, способных к управленческой деятельности; развитие навыков будущих менеджеров в разработке, выборе и реализации управленческих решений, умении работать с людьми, способности эффективным способом решать поставленные перед организацией задачи и др. Чем качественнее будет подготовка будущих специалистов-менеджеров, тем

эффективнее будут результаты их управленческой деятельности, тем меньше окажется производственных потерь, конфликтов, социальных проблем и т.д., что в конечном «определяет уровень результативности и эффективности всей системы и процессов управления организацией»¹.

Указанные цели приобретают особую актуальность в современных условиях бизнес-среды, характеризующихся динамичностью и неопределенностью результатов деятельности, с особым значением предопределяя необходимость своевременной профессиональной диагностики и ориентации будущих управленческих кадров, способных принимать необходимые решения и нести за них ответственность.

«Современный менеджер должен хорошо ладить с людьми, разбираться в структурных механизмах организации, иметь математические способности, художественное чутье и творческое воображение. Иными словами, нужен универсальный гений, каковых в реальной действительности практически не существует», – отмечал известный специалист в области менеджмента П. Друкер².

Таким образом, роль и значение профессиональной деятельности управленческих кадров в современных условиях вызывают, в первую очередь, необходимость выявления людей, способных к такому виду деятельности; определяют важность оценки их личностных качеств и умений, способностей принимать ответственные управленческие решения в различных сферах, наличия опыта работы, понимания сущности делового общения и специфики взаимодействия с людьми.

Выявление соответствия данных человека на овладение той или иной профессией основано на применении известных методов: тестирования, анкетирования, собеседований, деловых тренингов, психологического анализа, ролевого эксперимента и наблюдения, оценки способности к руководству и лидерству и др., широко применяемых в различных странах.

Например, неотъемлемым атрибутом личностного менеджмента, предполагающего непрерывное самопознание и самооценку как руководителей, так и других сотрудников, является тестирование.

¹ Мельчекова О. Г. Управленческие решения: теория и практика принятия и реализации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 4.

² Цит. по: Веснин В. Р. Менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 119.

Тестирование представляет собой способ выявления особенных качеств личности, характера и интенсивности их выражения с помощью набора испытаний и использования методических разработок (вопросов, ситуаций, задач, упражнений и т.п.). Тестирование позволяет достаточно оперативно выявить у тестируемых необходимые предпосылки для выполнения определенных видов работ.

Однако следует согласиться с имеющимся мнением, что оценить человека с помощью тестирования не так просто, как это может показаться. Для того, чтобы тестируемый мог откровенно отвечать на вопросы, необходимо создать соответствующую комфортную атмосферу, мотивировать его на полноценные и «открытые» ответы, снять эмоциональную напряженность, препятствующую проявлению свободы выражения мыслей и чувств. Применение тестов может вызвать у тестируемых страх и скованность, сдерживающих их мыслительные способности и возможности, что также негативно может отразиться на результатах тестирования¹.

Следует также отметить, что применяемые методики тестирования, успешно реализуемые в других условиях, могут оказаться недостаточно приемлемыми в случае их однозначного переноса в российскую среду без учета ее особенностей. Причина, на наш взгляд, кроется в имеющихся ментальных различиях; в исторически сложившемся опыте ведения дел; в условиях жизни, в психологии и социальном поведении людей.

В системе профессиональной подготовки менеджеров достаточно широко применяются переводные учебные издания. Это следует воспринимать как положительный факт обогащения отечественных теории и практики управления опытом менеджмента зарубежных стран. Однако эффективный образовательный процесс должен максимально учитывать реалии, специфику и тенденции социально-экономического развития России.

Учитывая современные социально-экономические условия ведения бизнеса, подготовка управленцев, на наш взгляд, должна быть основана на российской модели экономики с учетом положительно-зарубежного опыта управления и особенностей российского менеджмента, что требует, в свою очередь, дальнейшего углубленного изучения российского опыта управления.

¹ Мельчекова О. Г. Тестирование как форма диагностики профессиональных качеств работников управления // Ученые записки ИОУ РАО. 2017. № 3. С. 62–66.

В этой связи необходимо более широкое вовлечение бизнес-объектов к образовательному процессу, исключая при этом формальное решение проблем. Целесообразно привлечение реально функционирующей производственной базы для организации практического обучения студентов, результаты которого составляют основу формирования навыков и умений будущих специалистов, подкрепляя и развивая их теоретические знания, полученные в процессе обучения в вузах. Следует также учитывать мотивацию и заинтересованность хозяйствующих субъектов в создании условий для эффективного образовательного процесса, создавать новые формы интеграции образовательных и производственных центров.

Существенное повышение профессионального уровня менеджеров и качества управленческого труда возможно при условии дополнения вузовского обучения практикой управленческого консультирования непосредственно на рабочих местах, в повседневной практике руководства производством, трудовым коллективом. Практическим внедрением данного положения, на наш взгляд, могло бы стать создание или развитие консультационных центров различной направленности на базе крупных учебных заведений высшего образования.

Достоинствами таких научно-производственных консультационных центров могли бы стать: во-первых, наличие высококвалифицированных кадров, способных оказать помощь любого вида (предоставление информации, консультация, экспертиза, обучение и т.д.); во-вторых, наличие производственной базы для исследований и консультирования, где можно было бы опробовать и развивать предлагаемые варианты совершенствования организационно-управленческих механизмов. Немаловажное значение могла бы иметь и возможность привлечения студентов (бакалавров и магистрантов) к осуществляемым процессам консультирования (на стадии сбора и обработки информации, участия в реализации предлагаемых проектов и т.д.), предоставляя им возможность получения профессиональных знаний, необходимых для формирования и повышения их образовательного уровня.

Подобные проблемы возникают и при решении задач повышения квалификации уже действующих управленческих кадров: необходимы сотрудничество и мотивация всех участников образовательного процесса в достижении желаемых результатов на взаимовыгодной основе.

Следует отметить, что в современных условиях, несомненно, значимый интерес представляет изучение зарубежного теоретического и практического опыта управления производственными, логистическими, сбытовыми и другими бизнес-процессами; организации систем обеспечения качества, обучения персонала и др., позволяющего расширить представление о возможностях применения эффективного инструментария современного менеджмента. Такой интерес также требует дальнейшего изыскания приемлемых форм интеграции отечественных и зарубежных подходов к решению конкретных управленческих проблем в целях повышения эффективности управления.

Современные вызовы в сфере образовательной подготовки управленческих кадров, на наш взгляд, обуславливают необходимость проведения углубленных исследований по следующим направлениям:

- установление требований к профессионально-личностным характеристикам деятельности менеджеров на основе типологии их функций и структуризации управленческих задач с учетом современных условий и факторов их работы;
- изучение, анализ и более тщательный учет особенностей российского опыта управленческой деятельности;
- выявление возможностей целесообразной интеграции зарубежного и отечественного опыта в теории и практике управления;
- изучение и анализ теоретических, практических, традиционных и инновационных подходов к совершенствованию процессов подготовки управленческих кадров в условиях международной образовательной интеграции;
- совершенствование организационно-методических основ подготовки специалистов в сфере управления с учетом современных социально-экономических и политических условий осуществления бизнес-процессов;
- научно-методическое обеспечение качества подготовки и переподготовки управленческих кадров в соответствии с современными требованиями социально-экономического развития страны.

Михайлов В.А. (Саратов)

ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ДОСУГ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ

Аннотация: в статье рассматривается значение, задачи, цель и порядок организации различных форм досуга для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Военнослужащие выполняют служебно-боевые задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Выполнение возложенных на них задач, связано с риском для жизни и здоровья. Качественно организованный досуг позволяет военнослужащим восстановить свои духовные и физические силы для дальнейшего выполнения служебно-боевых задач.

Ключевые слова: корпоративный досуг, культурно-досуговая работа, функции, военнослужащий, войска национальной гвардии РФ.

Досуг является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Его значение можно определить, рассмотрев основные направления деятельности досуга. Досуг способствует восстановлению духовных и физических сил человека (рекреацию), посредством отдыха после работы (службы, учебы); просвещению и самообразованию, путем посещения библиотек, музеев, лекций, конференций, чтение книг; физической подготовке, благодаря занятиям физкультурой и спортом, кроме того восстановлению сил способствует посещение развлекательных учреждений театров, кино, дискотек, кафе и т.д.

Автор предлагает следующую структуру досуга:

1. Внеорганизационный досуг, где индивид организует свою досуговую деятельность вне места работы. Он в свою очередь подразделяется на индивидуальный, семейный, коллективный;

2. Внутриорганизационный или корпоративный – где досуг организует работодатель для своих сотрудников.

Рассмотрим внутриорганизационный досуг более подробно.

Значение корпоративного досуга в общественных отношениях изучались разными учеными.

В.В. Медведенко рассматривает данный вид досуга, как досуг представителей одной организации¹.

По мнению М.Э. Вильченской-Бутенко, внутриорганизационный досуг направлен на приобщение служащих к ценностям организации, предприятия и вырабатывают у них положительный стиль поведения и соблюдение принятых социальных установок².

Й. Ивасаки считает, что благодаря досуговым практикам развиваются общественные и культурные связи личности, положительные черты характера, происходит развитие человека³.

Таким образом, согласно мнениям исследователей корпоративный досуг является досугом служащих определенной организации, способствует развитию личности, сплочению коллектива, достижению общих целей.

По мнению В.В. Медведко, корпоративный досуг выполняет функции направленные на оптимизацию престижа профессии, повышение статуса рабочего, служащего, объединение людей, работающих в организации⁴.

Автор считает, что основными направлениями деятельности досуга должно быть самосовершенствование и воспитание.

Для качественного функционирования досуг должен соответствовать таким принципам как доступность и дифференцированность, которые выражаются в возможности человека пользоваться различными, многообразными досуговыми практиками.

Таким образом, корпоративный досуг направлен на создание благоприятной морально-психологической обстановки в трудовом коллективе, его сплочение, мотивирует работников для дальнейшей трудовой деятельности. Качественно организованный досуг может решить такие задач как: повышение мотивации труда, дости-

¹ Медведенко В. В. Проблемы корпоративного досуга России в историческом аспекте. Горно-Алтайск: Мир науки культуры, образования. 2016. № 6.

² Вильченская-Бутенко М. Э. Мероприятия корпоративного досуга как средство приобщения персонала к организационным ценностям. Челябинск: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2013. С. 164.

³ Iwasaki Y. Leisure and quality of life in an international and multicultural context: what are major pathways linking leisure to quality of life?// Social Indicators Research. 2006. № 2.

⁴ Медведенко В. В. Проблемы корпоративного досуга России в историческом аспекте. Горно-Алтайск: Мир науки культуры, образования. 2016. № 6.

жение как личных, так и общих целей¹. Кроме того, корпоративный досуг имеет большое значение для организации, так как благодаря ему решаются задачи по сплочению трудового коллектива и достижения поставленных целей. Рассмотрим внутриорганизационный досуг в воинских частях войск национальной гвардии РФ.

Культурно-досуговая деятельность в войсках регламентирована приказом Директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, который определяет, что культурно-досуговая работа – это деятельность органов управления войсками (должностных лиц) по удовлетворению культурных и духовных потребностей, формированию и у личного состава средствами культуры и искусства государственно-патриотического сознания, морально-психологических и боевых качеств, а также организации досуга военнослужащих, сотрудников и членов их семей и гражданского персонала².

Целью культурно-досуговой работы является поддержание на должном уровне физического и морально-психологического состояния личного состава, формирование и воспитание у них средствами культуры высоких морально-боевых качеств, духовно-эмоционального настроения, снятие стрессовой напряженности, мобилизация их на успешное выполнение служебно-боевых задач.

Достижение поставленных целей культурно-досуговой работы решается посредством следующих задач:

- воспитанием у личного состава художественными средствами культуры и искусства беззаветной преданности своему народу и Отечеству, верности Конституции Российской Федерации и воинскому долгу, военным традициям и традициям войск, мужества, смелости и отваги, утверждением в их сознании оптимизма и уверенности в своих силах, чувства дружбы народов России и воинского товарищества;

- развитием военной культуры, духовной мобилизацией военнослужащих на исполнение обязанностей военной службы и неуклонное соблюдение ими воинской дисциплины;

¹ Милинчук Е. С. Корпоративный досуг в контексте социально-культурной деятельности. Казань: Материалы Международной научно-практической конференции: Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. 2017.

² Приказ Директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации № 487 от 14 ноября 2017 г. «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

■ нравственно-этическим воспитанием военнослужащих, сотрудников, гражданского персонала, членов их семей, приобщением их к общенациональным культурным ценностям;

■ организацией полноценного досуга личного состава, поддержанием на должном уровне его физического и морально-психологического состояния;

■ снятием стрессовых ситуаций, восстановлением морально-духовных сил воинов после выполнения служебно-боевых задач;

■ осуществлением культурно-художественного обслуживания войск, формированием, развитием и удовлетворением культурных потребностей военнослужащих и сотрудников войск;

■ поддержанием в воинских коллективах здоровой морально-психологической обстановки, отношений между военнослужащими на основе воинского этикета, привитием им навыков культурного поведения;

■ организацией и поддержанием художественного самодеятельного творчества военнослужащих, гражданского персонала и членов их семей;

■ сохранением и приумножением традиций войск, увековечиванием памяти о боевой славе, героических подвигах и примерах мужественного выполнения служебно-боевых задач воинами;

■ обобщением, хранением и изучением истории и боевого пути войск, исторических фактов, примеров служебно-боевой деятельности, документов и материалов.

■ Организация досуговой деятельности предопределяется её функциями: информационно-воспитательной, культурно-воспитательной и рекреационной¹.

Реализация этих функций осуществляется по следующим направлениям:

1. Организация художественного самодеятельного творчества военнослужащих и членов их семей, включает в себя постановку любительских спектаклей, выступление вокально-инструментальных ансамблей из числа военнослужащих, проведения КВН, организацией проведением конкурсов художественной самодеятельности. Данные мероприятия направлены на развитие у военнослужащих,

¹ Михайлов В. А. Сущностные характеристики досуга военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Саратов «Саратовский источник»: Материалы V Международной научно-практической конференции: Социальные инновации в жизни Россиян: тенденции и парадоксы. 2018. С. 330.

сотрудников и членов их семей творческих способностей, культуры и дружбы

2. Организация досуга военнослужащих и членов их семей направлена на восстановление у них духовных и физических сил, самосовершенствование, сплочение воинских коллективов, семей, на развитие детского творчества и реализуется путем посещения театров, участия в спортивно-массовых мероприятиях, организацией кружков для детей.

3. Библиотечное обслуживание заключается в организации посещения библиотеки воинской части, организацией выставок вновь поступившей литературы, а так же посвященным историческим событиям. Мероприятия проводимые библиотеками направлены на самообразование военнослужащих и членов их семей и их духовно-нравственное и государственно-патриотическое воспитание.

4. Кино-, теле-, видео- и радио обслуживание предназначено для воспитания и отдыха военнослужащих, сотрудников и членов их семей.

5. Организация музейного дела и работы комнат боевой славы (истории) воинских частей¹ происходит благодаря посещению городских музеев, а так же музея (комнаты боевой славы) воинской части. Посещение музеев развивает кругозор военнослужащих, сотрудников и членов их семей, знакомит их с историей Государства, войск. Выполняет духовно-нравственное и государственно-патриотическое воспитание.

Таким образом, все направления культурно-досуговой работы взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. Качественная организация досуга по всем вышеперечисленным направлениям будет способствовать всестороннему и гармоничному развитию личности. Ее эффективность должна достигаться постоянной готовностью сил и средств культурно-досуговой работы, качественным планированием и организацией, разнообразием форм и методов культурно-досуговой деятельности.

Рассмотрим при помощи каких досуговых практик реализуются функции досуга и какие при этом достигаются цели.

Информационно-воспитательная реализуется по средством посещения театров, музеев, конференций, выставок, библиотеки, уча-

¹ Приказ Директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации № 487 от 14 ноября 2017 г. «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

ствия в тематических викторинах, просмотра фильмов, посвященных служебно-боевой деятельности войск, историческим событиям страны, организации встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, Боевых действий, воинской части, представителями культуры и искусства. Данные мероприятия направлены на государственное-патриотическое и воинское воспитание, способствуют интеллектуальному развитию личности, повышению профессионализма, самообразованию.

Культурно-воспитательная реализуется путем организации в воинских частях концертов художественной самодеятельности, в которых принимают участие военнослужащие, служащие и члены их семей. Ими организуются театрализованные представления, выступления любительских музыкальных ансамблей, проводятся свои игры Клуба веселых и находчивых. Большую роль играют выступления оркестра воинской части. В репертуар оркестров входит музыка и песни различных направлений (военные марши, классическая музыка, песни времен Великой Отечественной войны, популярные эстрадные песни). Многие из музыкантов являются заслуженными деятелями искусства. Благодаря взаимодействию командования воинской части с городскими культурно-досуговыми учреждениями, для военнослужащих, сотрудников и членов их семей выступают со своими программами приглашенные творческие коллективы. Детские кружки раскрывают творческие способности детей, осуществляют воспитательную роль. В рамках воспитания у детей нравственности, патриотизма в войсках организуются выставки детского рисунка, освящающих такие темы, как: «Образ военнослужащих войск национальной гвардии РФ», «Великая Отечественная война глазами детей», «Моя любимая мама».

Автор считает, что рекреационная функция объединяет в себе информационно-воспитательную и культурно-воспитательную функцию, так как человек может восстанавливать свои духовные и физические силы посещая культурные учреждения, научные конференции, участвуя в художественной самодеятельности. Кроме того здесь следует рассмотреть такой вид рекреационного досуга, как физическое развитие военнослужащих и членов их семей. Должностные лица воинской части организуют и проводят соревнования по футболу, волейболу, спортивные и военизированные эстафеты, семейные спортивные праздники под девизом – «Мама, папа, я – спортивная семья».

В рамках данной функции реализуются следующие цели: восстановление духовных и физических сил, физическое развитие, сплочение воинских коллективов, семей военнослужащих и служащих, готовности к выполнению служебно-боевых задач.

Автор считает, что мероприятия культурно-досуговой работы должны быть направлены на достижение следующих целей:

- понимание всеми военнослужащими, служащими, членами их семей важности досуга и его значение для саморазвития;
- использование свободного времени с пользой для реализации своих способностей;
- умение организовывать свой досуг и использовать различные досуговые практики;
- приобретение таких качеств как коммуникация и культура зрителя;
- сплочение воинских коллективов, повышение культуры межличностного общения, соблюдение воинской дисциплины в результате их совместного участия в различных культурно-досуговых мероприятиях;
- поддержание государственных, воинских традиций, а так же формированием на их основе традиций воинской части.

Анализ обзоров о состоянии культурно-досуговой работы в войсках национальной гвардии РФ в 2018 году показал, что она была направлена на повышение художественного и организационного уровня мероприятий культурно-досуговой направленности, создание необходимых условий для развития самостоятельного художественного творчества личного состава и членов их семей, а так же формирование и развитие у них нравственно-эстетических качеств.

Помимо проведения культурно-досуговой работы в воинских частях, досуговые мероприятия проводятся и в масштабе всех войск. В 2018 году проведены следующие мероприятия:

- смотр-конкурс самостоятельного художественного творчества «Солдаты антитеррора»;
- XXI открытый фестиваль-конкурс армейской песни «За Веру! За Отчизну! За любовь!», в котором приняли участие профессиональные и самостоятельные творческие коллективы Вооруженных Сил РФ, других силовых ведомств Российской Федерации и стран СНГ;
- проведен фотоконкурс «В объективе – Росгвардия»;
- создавались электронные цифровые библиотеки;

■ организовано проведение акции «Книга для Росгвардии», направленной на передачу книжными издательствами и авторами новых книг в библиотеки воинских частей;

■ проведение музейной работы. Так в Центральном музее войск национальной гвардии подготовлены по различным темам истории войск 40 выставок, 38 передвижных тематических выставок, 143 экскурсии;

■ Академическим ансамблем и ансамблями песни и пляски округов войск национальной гвардии РФ было подготовлено и дано 904 концерта;

■ совместно с Общероссийской общественной организацией «Офицеры России» проведены отборочные туры фестиваля детской патриотической песни в округах войск национальной гвардии, экскурсии на теплоходе по реке Москве с культурной и развлекательной программой для детей военнослужащих и сотрудников Центрального округа войск.

Автор считает, что досуговые мероприятия, проводимые в войсках в указанный период были разносторонними, масштабными, так как в данных мероприятиях принимали участие не только военнослужащие, сотрудники войск национальной гвардии РФ и члены их семей, но представители других силовых структур РФ, стран СНГ.

Таким образом, воинский внутриорганизационный досуг имеет много общего с корпоративным досугом гражданских организаций в определении основных функций и целей. Отличием является то, что в военной организации досуговая деятельность регламентирована руководящими документами и проводится постоянно. Культурно-досуговая деятельность должностных лиц в войсках национальной гвардии РФ регламентирована и организуется в соответствии с руководящими документами;

■ основными направлениями деятельности культурно-досуговой работы являются культурно-воспитательная, информационно-воспитательная и рекреационная, которые направлены на:

■ формирование морально-психологических и боевых качеств военнослужащих;

■ государственно-патриотическое и воинское воспитание;

■ обучение, самообразование;

■ взаимодействие с городскими культурно-просветительскими учреждениями по вопросу организации досуга военнослужащих и членов их семей;

- восстановление духовных и физических сил военнослужащих и членов их семей;
- поддержание здорового морально-психологического климата в подразделении и сплоченности воинских коллективов и семей военнослужащих;
- готовности военнослужащих к выполнению поставленных служебно-боевых задач.

Автор считает, что можно согласиться с мнением Е.С. Милинчук в том, что внутриорганизационный досуг приобретает ценность для служащих, так как он скрепляет их связи с организацией¹. Организация досуга в войсках национальной гвардии РФ способствует укреплению воинской дисциплины и правопорядка. Она направлена на формирование исполнительности личного состава войск на основе исторического сознания, в том числе соблюдения многовековых нравственных устоев и высокой духовности.

¹ Милинчук Е. С. Корпоративный досуг в контексте социально-культурной деятельности. Казань: Материалы Международной научно-практической конференции: Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. 2017.

Порезанова Е.В. (Саратов)

ВЫЗОВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация: в статье раскрыты проблемы деформации экономических отношений в России, определены диспропорции современного развития экономики России, выявлены причины возникновения и временного пролонгирования синергетических эффектов в современных условиях, рассмотрены последствия дестабилизации экономики, приводящие к потере экономической безопасности страны, выделены такие виды синергетических эффектов, как: асинергизм, десинергизм, квазисинергизм и аддитивный синергизм, анализируются противоречия экономического развития и механизмы их разрешения, способствующие возникновению положительного синергетического эффекта развития экономики России.

Ключевые слова: асинергизм, десинергизм, квазисинергизм, коэволюция системы, отрицательный и положительный синергетические эффекты.

В сегодняшней нестабильной, изменяющейся экономике важное место занимает развитие экономических отношений. Эти отношения носят динамический, нелинейный характер. В условиях деформированных рыночных отношений, посткризисных взаимодействий агентов экономики, возникает дисбаланс в экономическом развитии страны. По мнению автора, одним из вызовов экономического развития выступает возникновение элитарных бизнес – групп, лоббирование их интересов в высших эшелонах власти, криминальная бюрократизация общества. Это породило безответственность, пренебрежение общественными интересами и правовыми нормами¹. В подавляющем большинстве случаев видно игнорирование общественных интересов, экономический эгоизм и асоциальные взаимо-

¹ Порезанова Е. В. Ограничения и эффекты неоиндустриальной модернизации промышленных предприятий в России // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право, 2014. Вып. 1, часть 1. С. 22.

действия субъектов экономики. Исходя из этого, можно сформулировать противоречие между общественными интересами и частными (собственными) интересами хозяйствующих субъектов.

Вместе с тем, если существует рассогласованность действий хозяйствующих субъектов, то возможно влияние различных факторов на развитие экономики, и это, даже малое влияние, может привести к негативным синергетическим эффектам. Например, асинергизму, который подразделяется на десинергизм в экономике и квазисинергизм. Десинергизм предполагает процесс, обратный синергизму. Это может выражаться в нарушении экономических связей между фирмами и предприятиями, диспропорций в экономическом механизме, разрушении элементов экономической системы. В отличие от десинергизма, квазисинергизм представляет собой недостаточную сбалансированность в экономических отношениях хозяйствующих субъектов, псевдосинергетических эффектах, или ложных синергетических эффектах. При этом экономика может позитивно развиваться, находится на достаточно высоком уровне развития, но, степень взаимодействия фирм может быть низко мультипликативной. В этих условиях ни мультипликативных, ни акселеративных эффектов не будет наблюдаться. Таким образом, квазисинергизм – очень опасный для функционирования экономики вид синергизма, который трудно преодолеть.

Вместе с тем, в современной России дифференциация населения по доходам очень велика. Экономический эгоизм и экономическое «чванство» возводится в ранг первенства. Это способствует осознанию своего «наивысшего положения» и развитию коррупционных схем. По мнению автора, коррупционный оборот составляет более 30 % ВВП. Можно привести следующие факты: если в 2012 году Россия занимала 133 место по уровню коррупции из 174 стран, то в 2014 году Россия занимала 136 место из 184 стран, а в 2017 году – 135 место из 180 стран. Исходя из этих данных, можно предположить, что возникают отрицательные синергетические эффекты в экономике страны связанные с негативными настроениями в обществе.

Еще одним вызовом развитию экономики выступает высокий уровень бедности в России. Так, по данным исследования, проводимом Высшей школой экономики этот уровень в 2016 году составлял 41,4 % ¹. Это приводит не только к социальному расслоению

¹ Патология неравенства. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2016/12/6> (дата обращения: 07.12.2018).

общества, а к деградации нации, резкому снижению уровня жизни населения и асинергизму в экономических отношениях. Это свидетельствует о негативных процессах в нашей экономике, а также возникновению отрицательных синергетических эффектов.

На современном этапе роль синергии в росте эффективности экономики только усиливается. Интерес представляет такой принцип синергетики, как: принцип «коэволюции», предполагающий взаимодействие экономических и социальных аспектов функционирования системы. Применительно к экономике, этот принцип показывает взаимосвязь экономической и социальной стороны развития системы. Реализация данного принципа способствует возникновению такого качества системы, как эмерджентность, который объединяет все элементы экономики в единую, взаимодействующую, взаимодополняющую, взаимообусловленную систему. Флуктуативно-бифуркационные преобразования и взаимодействия элементов системы должны привести к системному эффекту, который в экономике представлен рядом оптимальных синергетических эффектов. Возникновение оптимальных синергетических эффектов свидетельствует об идеальном состоянии экономики. Низкий мультипликативный эффект, возникающий в результате негативных социально-экономических процессов, протекающих в обществе, свидетельствует о синергетическом риске коэволюции, или постепенного преобразования системы (экономики). Возникает противоречие между необходимостью качественного изменения экономических отношений и невозможностью их преобразования на высоком уровне, приводящем к деструктивным изменениям в экономике.

Существенным вызовом развития современной экономики является сокращение расходов на образование. Так, расходы на образование в реальном исчислении сократились за последние 8–10 лет более чем вдвое (в среднем – на 55 %). В 2016 году расходы на образование в России составляли 578 млрд руб., а в 2017 году – 626 млрд руб., что составляет 3,7 % ВВП. В 2018 году эти расходы по сравнению с 2012 годом снизятся на 30 %¹. Эти процессы способствуют снижению качества человеческого капитала, незаинтересованности работника в улучшении производственного результата.

Сегодня широко распространены следующие негативные явления: обман в трудоустройстве женщин и молодежи, невыплаты по-

¹ Россия будет сильной, но больной. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2017/10/04>. (дата обращения: 17.12.2018).

сле окончания испытательного срока зарплаты и другие подобные явления. Это приводит к отрицательному синергетическому эффекту и обострению многих противоречий. Например, между ростом зарплаты и ее снижением и недоплатой в современных условиях, а также между снижением мотивации к труду и возможностью профессионального роста, мастерства и реализацией работником своих инновационных идей. Можно предположить, что деформации в социальных отношениях приведут к деформации в экономических отношениях. Эти деформации могут привести к самоуничтожению экономической системы, или частичному разрушению элементов этой системы. И то, и другое, нанесет существенный вред новым экономическим отношениям, и поспособствует формированию отрицательных синергетических эффектов.

Мнимый (квазисинергизм) эффект тоже имеет место в экономике России на современном этапе развития, так как существуют формальные экономические связи, деструктивные отношения и неоптимальное государственное регулирование экономики России. При этом хотелось бы, чтобы мнимый синергетический эффект не перерос в отрицательный эффект, и не способствовал деградации экономики России, деформации рыночных отношений и спаду экономического роста. Внедрению синергетической модели мешает также криминальная составляющая в экономике, коррупционные отношения, теневая экономика и разные виды рисков: общеэкономический, предпринимательский, финансовый, экологический, инновационный, социальный и другие.

Можно также говорить о риске уменьшения действия (временного лага) синергетического эффекта в экономике России. Временные лаги делятся на: конструктивные и деструктивные. Деструктивные временные лаги могут привести к образованию аддитивного синергетического эффекта. Вместе с тем временный синергизм может превратиться в аддитивный синергизм. Он представляет собой некую стабилизацию экономических отношений, когда эффект совместного действия разных групп и субъектов экономики ниже, чем действия каждого из них в отдельности. Аддитивный синергетический эффект возникает при среднем уровне взаимодействия хозяйствующих субъектов и среднем уровне развития экономики. Сnivelировать отрицательные синергетические эффекты можно с помощью инструментов государственного регулирования. В создавшейся экономической ситуации госу-

дарство должно взять на себя роль локомотива, а не прячущегося в песок страуса.

В современных реалиях ярко проявляется противоречие между необходимостью усиления роли государства и ослаблением его роли. Требуется расширение зоны ответственности государства за процессы, протекающие в экономике России. В сложной экономической ситуации нельзя минимизировать роль государства, так как эти действия повлекут и повлекли уже сейчас за собой деградацию производственного, человеческого капитала и потерю экономической безопасности России¹.

В условиях синергетико-экономического коллапса формируется закономерность, связанная с низким мультипликативным эффектом этих преобразований и нарастанием противоречий между накопленными экономическими и социальными инвестициями и нерациональным их использованием, между необходимостью повышения качества жизни и бюрократизацией этого процесса, между криминализацией всех уровней отношений и нежеланием государства цивилизованными способами решать эти проблемы.

Механизмами разрешения указанных противоречий выступают: мультиплицирование вложений в человеческий капитал, повышение реальных доходов населения, создание нового мотивационного механизма активизации работников. В области производственной деятельности можно назвать такие механизмы разрешения противоречий, как: развитие равноправных отношений между хозяйствующими субъектами, государством, посредническими структурами и домохозяйствами, реформирование системы государственного контроля за ценами и качеством продукции, снижение административных барьеров, активные мероприятия по борьбе с коррупцией и бюрократизацией экономических процессов. Это свидетельствовало бы об активизации экономических функций государства и формированию оптимального синергетического эффекта в экономике, возрастанию научного, производственного и социального потенциала страны, их эффективному использованию.

Однако эти проблемы глубоки, требуют дальнейшего исследования разных видов синергетических эффектов. Важно анализировать закономерности возникновения синергетических эффектов в процессе функционирования экономической системы с точки зрения

¹ Современные корпоративные стратегии и технологии в России: сб. науч. тр. Вып. 7. ч. 3 / под ред. Л. А. Плотицыной, С. И. Иванова. М: Финансовый ун-т, 2012. С. 96.

динамичности и стабильности хозяйствования. Необходимо дополнительное исследование рисков и противоречий возникновения, временного пролонгирования и флуктуативно-бифуркационных преобразований синергетических эффектов в экономике России.

Ташпекова А.Т., Ташпеков Г.А. (Саратов)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Аннотация: в статье исследуется политическое положение крестьян в России, сложившееся в XX веке. Автор показывает, что аграрные преобразования, инициированные властью, не отвечали ожидаемым запросам крестьянства и не способствовали развитию их политической активности. Он доказывает, что отношение власти к крестьянству на протяжении XX века было как «второстепенным» участникам политической жизни общества, неполноценным участником политического процесса.

Ключевые слова: крестьяне, аграрные реформы, политическая субъектность, государство, политическая активность, политическая партия, социальная группа.

Так называемый крестьянский вопрос в истории России продолжительное время является важным для изучения специалистами социогуманитарных дисциплин. И это вполне логично, национальная история предопределила отношение к крестьянству как особой социальной группе. Стоит отметить ряд интересных публикаций В. Данилова, Т. Шанина, В.В. Бабашкина, В. Кондрашина и др. в которых авторы исходят из того, что крестьянский вопрос является вопросом цивилизационной идентичности России и ее стратегического будущего. Проблемы крестьянства в России явились центральными на научных конференциях, круглых столах всероссийского и международного уровней. На этих форумах ведущие специалисты по аграрной истории, политологи, социологи и др. обсуждали важные проблемы взаимоотношений государства и крестьянства в ситуациях социальных катаклизмов и преобразований. По мнению ученых крестьянство, составлявшее в России большинство населения страны, политически и экономически оставалось бесправным. Между тем, крестьянство, будучи даже раздробленным на отдельные слои, обладал огромным потенциалом социального действия,

который способствовал эволюционному развитию России. Прочем, в обществе существовало и другое мнение. К примеру, марксистская концепция рассматривала крестьянство как некую деструктивную силу, носителя стихии и анархии, которую необходимо в будущем подчинить организованной власти пролетариата. Именно эта концепция и была реализована в Советском Союзе, причем, в самых жестких формах. В рамках данной статьи рассмотрим политическое положение крестьян в России на протяжении XX века в советский и постсоветский периоды через призму их политической субъектности. Термин «политическая субъектность» позволяет нам охарактеризовать крестьянское население, с точки зрения их участия в политической жизни России: активного, осознанного, способного своими действиями оказывать влияние на другие социальные субъекты, пассивного и отстраненного и т.д. Формированию специфической политической субъектности крестьян оказали влияния ряд факторов, среди них наиболее важными являются – агроклиматические и геополитические. К ним относятся – рисковое земледелие, недостаток плодородных земель при наличии огромной территории государства, климатические условия, аграрные реформы, степень социальной активности и вовлеченности населения в политику, субъектность политических партий, общественно-политических движений т.д. Эти факторы способствовали формированию особого менталитета российских крестьян, оказывающего существенное влияние на масштабность политической субъектности крестьян, формы реализации и мотивацию политического участия. Характеризуя политическую субъектность крестьян, некоторые исследователи отмечают «стихийность» проявления их политичности. Однако мы поддерживаем точку зрения исследователя Т.С. Салтыханова утверждающего, что в оценке политической субъектности следует исходить из «исторического нахождения крестьян в состоянии масштабного и непрерывного строительства своего собственного мира, образно говоря, параллельного тому миру политики, который исторически же выстраивали для себя другие сословия и классы российского и европейского социумов»¹.

В революционный 1917 год крестьянство вступило, имея существенное политическое представительство в виде авторитетной прокрестьянской партии эсеров, крестьянской фракции в Госу-

¹ Салтыханов Т.С. Трансформация политической субъектности крестьянства в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2014. С. 5.

дарственной Думе. Следует также отметить активное обсуждение в обществе и прессе крестьянских интересов. Все это свидетельствовало о том, что крестьянство в 1917 году представляло собой влиятельную политическую силу. Неслучайно за его поддержку сражались все революционные партии. Но с приходом большевиков к власти стало меняться общественное предназначение крестьянства, а вместе с ним – и отношение крестьянства к новой власти: оно быстро стало оппозиционным. И таковым оставалось на всем протяжении действия политики военного коммунизма. События 1917 года, а вслед за ней преобразования в деревне выявили слабость положения индивидуальных крестьянских хозяйств и прочность коллективистских принципов общинного землепользования¹. Кстати, и все последующие попытки со стороны власти переориентировать крестьян на переход к индивидуальному хозяйствованию также были обречены на неудачу. Основная причина нам видится в формировании особой российской ментальности крестьян.

Строительство социализма в СССР, осуществляемое как реализация коммунистической теории и соответствующей политики, оказалась для деревни разрушительным процессом, особенно в первые четыре десятилетия. Деревня подвергалась жесточайшему ограблению государством, которое превратило ее в, по сути, в ресурсную базу нового строя. Ограбление сопровождалось насилием в отношении крестьянства. Именно этот фактор – государственное насилие сыграл решающую роль в судьбе крестьянства, в его политическом положении. Относясь к крестьянству, как к социальному материалу по революционному переустройству общества, советское государство последовательно проводило политику притеснения, ограничения, эксплуатации и ликвидации крестьянства как класса. Откликом на такую политику государства был массовый протест крестьян: от различных форм сопротивления в 20–30-е годы XX века (к примеру, воровство и саботаж) до антисоветских крестьянских воинов в 1918–1922 гг. («антоновщина» в Тамбовской губернии, «махновщина» на Украине и др.).

Некоторый компромисс между крестьянством и Советским государством был достигнут в период новой экономической политики. Возрождение советской деревни стало результатом отказа власти от принудительного изъятия у сельских тружеников хлеба

¹ Круглый стол «Крестьянство и реформы в России» (Мичуринск, 21 февраля 2014 г.): материалы / Вестник Мичуринского гос. аграр. ун-та. Мичуринск, 2014. № 6. С.83.

– продукта их труда. Важной составляющей успеха в сельском хозяйстве стало развитие потребительской кооперации, которая выступала надежным и выгодным каналом реализации зерна. В эти годы несколько усилилась и политическая субъектность крестьянства. Крестьяне стали участвовать в выборном процессе при формировании органов советской власти и управлении. Крестьянская молодежь проявляла свою политическую активность через сельские организации ВЛКСМ. Были установлены широкие контакты с периодической печатью. Крестьянство выражало свои социально-политические интересы и требования, нередко прямо адресуя их структурам партийной и государственной власти через письма, запросы, информации и эти контакты зачастую содержали четкий политический подтекст. Вместе с тем, активность крестьян носила латентный характер. В ряде российских губерний политическая активность крестьян была невысокой, порой доходившей до игнорирования, к примеру, избирательных кампаний. Так, исследователь В.В. Кулачков приводит в качестве примера перевыборы Творищенского сельсовета Клинцовского уезда, в которой молодежь активности и интереса к выборам не проявила. Сводки ОГПУ по Смоленской губернии сохранили свидетельства весьма индифферентного отношения крестьянства к политической жизни деревни. В сводке № 2 материалов информотдела ОГПУ о ходе перевыборов советов на 18 декабря 1925 г. указывалось, что «в некоторых деревнях население совершенно отказывается являться на собрания, приходится собирать насильно, заявляя: «Кого хотите, того и выбирайте»¹. Конечно, в нэповский период советской истории крестьянство не имело реальной политической власти, но общественные условия для выражения своей классовой позиции оказались более благоприятными, чем в предыдущие и последующие периоды.

С момента сплошной коллективизации сельского хозяйства деревня на многие годы оказалась под жестким контролем государства. Советская власть посредством создания колхозов регулировала как человеческие ресурсы села, так сам процесс аграрного производства. В этот период крестьянин был лишен возможности распоряжаться произведенной им продукцией. Политическая субъектность крестьянства быстро свелась к абсолютно формальным механизмам, которые контролировались не только партийно-советской системой власти и советским законодательством, но и все-

¹ Круглый стол «Крестьянство и реформы в России»... С. 85.

ми силовыми структурами государства. По меткому замечанию исследователя В.П. Николашина взаимоотношения власти и крестьянства в этот период можно определить термином «сосуществование»¹. Нестабильность в деревне, политическая индифферентность крестьян были вызваны также попытками власти ускорить аграрные преобразования методами форсированной коллективизации, в ущерб их эволюционности и преемственности. Между тем, к искусственному ускорению темпов реформ власти стремились и во второй половине 1950-х годов, это привело к росту числа убыточных колхозов и преобразованию их в совхозы со слабой материальной базой. И как следствие – апатичность в поведении крестьян к нововведениям.

Реальное политическое участие крестьян оказалось невозможным и по причине того, что они на протяжении 30–50-х годов XX века были лишены паспортизации и не обладали свободой передвижения по собственной стране. Лишь с августа 1974 года сельским жителям при выезде в другую местность на продолжительный срок стали выдавать паспорта². Постепенно исчезли крестьянские общественные объединения, право выбора председателей колхозов, свободное обращение в прессу и к органам государственной власти. Развитию политической субъектности крестьян отнюдь не способствовало преимущественное использование властью при проведении последующих аграрных преобразований (в период 60–70-х годов XX века) административно-командного ресурса. Отметим, что отношение власти к крестьянству не претерпели изменений, оно по-прежнему было негативным. В результате нерентабельности животноводческой отрасли, усугубленной стихийными бедствиями 1968–1969 гг, в стране ухудшилось положение с обеспечением населения продовольствием. Тяжелыми результатами предпринятых мер стала закупка в 1970 г. около 100 тыс. т. мяса за границей и сокращение экспорта мяса и растительного масла³.

Для политической системы СССР 50–80-х годов XX века были характерны однопартийность, административная вертикаль власти,

¹ Круглый стол «Крестьянство и реформы в России»... С. 85.

² Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2018).

³ Шевельков А. И. Аграрная политика государства: о некоторых аспектах взаимоотношений власти и крестьянства во второй половине XX века / Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011. С. 415.

формальность избирательного процесса, господство коммунистической идеологии во всех сферах общества. В таких условиях ни одна социальная группа населения не обладала в полной мере политической субъектностью. Политическим влиянием в стране обладала только партийно-бюрократическая прослойка. Крестьянство оказалось в худшем, в сравнении с другими группами советского населения, положении: оно сокращалось количественно в относительном и абсолютном выражении, было отдалено от структур власти и слабо в них представлено, почти не располагало возможностями самоорганизации, а по инерции относилось к «второстепенным» участникам политической жизни общества. Число коммунистов – «колхозников» и «совхозников», конечно, росло, увеличивалось количество партийных организаций в деревне, но на этом уровне не осуществлялся политический процесс. Укреплялось, вне всякого сомнения, крестьянское представительство в местных и районных Советах, но, как известно, сами Советы не располагали реальной политической властью. Формальной была демократия колхозно-кооперативной системы. Участие крестьянства в политике оставалось минимальным. Ничего не изменило в этом смысле и «смягчение» советской административно-командной системы в 70-е – первой половине 80-х гг. XX века. Вместе с тем социалистическое государство, как верно отметили исследователи В.А. Рассыпнов и Н.М. Лучникова, отстраняя крестьян от собственности на средства производства, и в первую очередь, от земельных ресурсов, гарантировало каждому работу и оплату по труду. Важно также, что государство в тот период обеспечивало минимальные социальные гарантии в образовании, здравоохранении и культуре¹.

Изменения общественных условий для развития политического участия крестьян произошло во второй половине 80-х годов XX века, когда население получило законодательно обеспеченное право самостоятельно создавать общественно-политические организации. Одновременно с этим ликвидировалась государственная монополия на землю, вводилась свобода выбора конкретных форм хозяйствования в деревне, многоукладность и рыночная система экономических отношений. На рубеже 80–90-х годов XX века крестьянство получило возможность реализовать свои социально-политические интересы,

¹ Рассыпнов В.А., Лучникова Н.М. Социально-экологические проблемы российского крестьянства в меняющейся экономике России. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22287831_13560616.pdf (дата обращения: 26.11. 2018).

выразившееся в создании ряда корпоративных общественных объединений и общероссийских политических партий. Как и все население Российской Федерации, крестьянство приобрело широкие возможности для политической самоорганизации и активизации своего политического участия. Возникшие в начале 90-х годов XX века Крестьянская и Аграрная партии России (КПР, АПР) были призваны защищать интересы разных слоев сельского населения и базировались на различной идейно-политической основе. Остановимся подробнее на программных документах этих партийных структур, в которых впервые в советский период была предпринята попытка агрегирования интересов крестьянства.

КПР отдавала предпочтение частным, крестьянским хозяйствам, предусматривая их эволюцию в фермерское состояние, а АПР в большей степени ориентировалась на работников коллективных хозяйств, ассоциированных в крупных сельскохозяйственных предприятиях. КПР провозглашала своей целью «возрождение крестьянина – собственника», «свободного труженика на своей земле» и защиту политических, социальных, экономических интересов крестьян, фермеров, всех производителей сельскохозяйственной продукции. Ее программа так и называлась: «За свободный труд на своей земле». В ней было предусмотрено проведение аграрной реформы, в рамках которой планировалось осуществить смену собственника земли, наделив землей (бесплатно и за плату) граждан России и, тем самым создать многочисленный средний класс, узаконить частную собственность на землю, ликвидировать колхозно-совхозный экономический уклад, способствовать развитию фермерского движения¹. Принятые в феврале 1993 г. программные документы КПР в своем содержании практически не менялись. В периоды избирательных кампаний декабря 1993 г. и декабря 1995 г. лишь усиливались акценты в предвыборной платформе на жесткую критику советской аграрной.

Аграрная партия России обозначила общую цель – «восстановление политической и экономической мощи государства как непременного условия улучшения жизни всех россиян», выражение интересов крестьянства, сельской интеллигенции, горожан, вовлеченных в аграрный сектор, сохранение земли, как главного достояния российского народа. В программных документах партия выступала

¹ Кто есть кто: политические партии и блоки, общественные организации. Ежегодник / Ин-т микроэкономики. Центр социально-политического анализа. М., 1994 С. 142–145.

за регулируемый государством переход к рыночным отношениям, «социально-ориентированный» рынок; многоукладную сельскую экономику при равном отношении государства к хозяйствам разных форм собственности и типов хозяйствования. В отличие от КПр АПР выдвигала требование о недопущении права частной собственности на землю, поскольку она превращала землю в «предмет бездумной и безоглядной купли-продажи, в средство отмывания нечестно нажитых капиталов»¹.

Программа АПР, принятая в ноябре 1994 г., в последующие годы претерпевала незначительные изменения и дополнения. Следует отметить, что к концу 90-х годов XX века ее текст четче и конкретнее представлял политические интересы крестьянства. В частности, было заявлено, что партия предполагает добивается «выдвижения крестьянства на арену государственной и общественной жизни страны как самостоятельного субъекта политики»². Подобный подход партии к выработке основных направлений деятельности позволил ей значительно увеличить собственный электорат – если в 1993 году в ее рядах насчитывалось около 100 тыс. членов, то в 1998 г. – около 350 тыс. членов, региональные отделения функционировали во всех субъектах РФ³. Программные положения АПР, касающиеся повышения статуса трудовых коллективов как основных субъектов собственности, в том числе земли; поддержки кооперативного движения во всем многообразии его видов; обеспечения права каждого крестьянина на самостоятельный выбор вида деятельности и способа хозяйствования; недопущение продажи земельных угодий иностранным гражданам; приумножение и обогащение непреходящих ценностей и традиций крестьянства и т.д. были призваны способствовать формированию идентичности крестьянства как самостоятельной социальной группы⁴.

В программах обеих партий содержался анализ положения крестьянства, рассматривались перспективы его развития, выдвигались конкретные требования, отражавшие интересы всего сельского населения или его отдельных групп. В то же время, они во многом дублировались в программных документах других партий. К концу

¹ Кто есть Кто. Указ. соч. С. 12–14.

² Пашенцев Е. Н. Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998. С. 11.

³ Общественно-политические движения и партии в России. Справочник. Вып. 1. март 2000. М., 2000. С. 5.

⁴ Пашенцев Е. Н. Указ. соч. С. 12–16.

90-х годов XX века обе партии, позиционировавшие себя как партии сельской части населения России, показали низкую эффективность своей политической деятельности и неспособность защитить интересы своего электората.

Аграрные преобразования 1990-х годов показали, что для крестьянского менталитета в большей степени характерно коллективное использование земли, нежели институт частной собственности на землю. Основными причины нам видятся в том, что большинство крестьян – собственников земли в силу отсутствия желания, профессиональных навыков, наконец – условий для экономической реализации собственности на землю, передали свои участки организациям. Сложившуюся ситуацию характеризуют следующие статистические данные. Во второй половине 90-х годов XX века количество земельных угодий, используемых крестьянскими (фермерскими) хозяйствами по данным Росземкадастра, изменилось незначительно – 10,4 млн. га в 1995 году до 13,5 млн. га в 1999 году. Количество продукции, производимой в этом секторе, оказалось также весьма скромным – лишь 1,9 % в 1995 году и 2,5 % в 1999 году от всей продукции сельского хозяйства¹. К 1997 году 85 % всех земельных долей России были переданы в аренду, 2,6 % – в уставный капитал, 1,4 % использовались для создания крестьянских хозяйств, 0,1 % – для личного подсобного хозяйства, 0,1 % продано в самих хозяйствах, 12 % остались невостребованными. В итоге необходимого для развития экономики слоя земельных собственников в деревне не было создано².

Таким образом, XX век тяжело отразился на судьбе российского крестьянства. Их интересы не относились к приоритетам государственной политики. Реформы в области сельского хозяйства производились по инициативе власти и не отвечали ожидаемым запросам крестьянства. Производственная роль крестьянства, их экономический вклад в жизнь и развитие страны на всем протяжении XX века оставались неизмеримо значительнее, чем общественное положение. Отметим, что взаимоотношения власти и крестьянства не были однозначными. Являясь с одной стороны заложником аграрных реформ, инспирированных государством, крестьянство реализовывало навязанные программы, но если по выражению П. Марченя, С.

¹ Российский статистический ежегодник. Проект: исторические материалы. URL: <http://istmat.info/statistics> (дата обращения: 27.11.2018).

² Круглый стол «Крестьянство и реформы в России»... Указ. соч. С. 87.

Разина они расценивались как чуждые в системе архаических координат общинного сознания¹ – не только игнорировались, но и как отмечалось ранее, в критических ситуациях действия крестьян приобретали активные формы сопротивления. Вместе с тем, попытки самостоятельной борьбы крестьян за свои права не обеспечивали стратегических результатов. При всех режимах крестьянство оставалось неполноценным участником политического процесса, не имеющим самостоятельности субъектом политики. Это – нелогично для России. Некоторые ученые, к примеру, Т.С. Салтыханов, предрекают возможность новых аграрных преобразований, к которой российское крестьянство, «в силу своей устойчивой «латентной» политической субъектности и богатого исторического опыта приспособления к модернизационным вызовам и рискам, разного рода кризисным явлениям как природного, так и социального и экономического порядка, в силу своей культурной традиционности может оказаться подготовленным значительно лучше прочих больших социальных групп. В этом случае политическая субъектность крестьянства, оценки которой в науке всегда были и остаются невысокими, может стать определяющей для нового вектора развития современной цивилизации»². Ущемление политической субъектности крестьянства ошибочно и наносит существенный урон нормальному развитию российского общества и государства в целом. Следует учесть, что перспективы развития политической субъектности крестьянства обусловлены ролью крестьян в решении проблем глобального выживания человечества, обеспечения его продуктами питания, справедливого распределения культурных и материальных благ между разными группами населения в развитых и развивающихся государствах. Россия является страной, специфику которой определяет культура и мировоззрение крестьянства.

¹ Марченя П., Разин С. Крестьянство и власть как «две России». «Темные массы» и «светлое будущее» отечественной истории // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» Observer, 2011. № 9(260). С. 19.

² Салтыханов Т. С. Указ соч. С. 5.

Уразалиева Г.К. (Москва)

«ПРЕЗУМПЦИЯ ОСКОРБЛЕННОСТИ» ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА В РОССИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: в статье представлены материалы социологических исследований ВЦИОМ, ФОМ Федерального закона № 136-ФЗ от 29 июня 2013 г., посвященные религиозности, защите чувств верующих в России. Этот ФЗ по-новому структурирует социальное пространство, разделяя его на дискриминируемых неверующих и стигматизируемых, как чрезмерно сензитивных, верующих людей. Верующие люди по этому ФЗ наделяются особым качеством и статусом «презумпция оскорбленности» (авторский термин).

Ключевые слова: верующие в РФ, неравенство в социальном пространстве, презумпция оскорбленности, закон о защите чувств верующих, стигматизация верующих, несправедливость.

В начале 2012 года участницы группы Pussy Riot совершили «панк-молебен» в Храме Христа Спасителя в Москве. Затянувшийся суд над ними поставил в центр общественных дискуссий вопрос о религиозных чувствах верующих людей в России. Фонд общественного мнения (ФОМ) провел опрос, чтобы понять общественное настроение и отношение к этому делу. Социологи предположили, что можно выделить «три возможных ситуации, когда религиозные чувства могут быть оскорблены: это прямой контакт с чем-то оскорбительным в жизни или в искусстве, а также сообщения об оскорбительных действиях и поступках в СМИ. В результате получилось, что верующих людей обидеть не так уж легко: те или иные сообщения в СМИ покоробили пятую часть православных, чуть больше десятой части в повседневной жизни или в искусстве сталкивались с ситуациями, когда их религиозное чувство было оскорблено».¹

¹ Самодин А. Оскорбление в лучших чувствах? 09 Августа 2012 // <http://fom.ru/blogs/10585>

В период обсуждения вопроса о необходимости принимать дополнительные законодательные меры по защите чувств верующих в стране социологи провели опросы по репрезентативной выборке в РФ. ФОМ обратился с вопросами по данной теме: «Сталкивались ли вы в повседневной жизни с ситуациями, когда ваши религиозные чувства были оскорблены? И если сталкивались, то когда такое случилось впервые? За последний год сталкивались 10 % православных, 7 % мусульман и 3 % атеистов, а население в целом – 9 %. За 2–5 лет назад соответственно сталкивалось население в целом – 2 %, православные – 2 %, мусульмане – 6 %, атеисты – меньше 1 %. Далее интервалы шли по 5–10 лет, 10–20 лет и более 20 лет, и везде цифры были в каждой группе меньше 1 %¹. Как видно, события с Pussy Riot стали катализатором изменения в общественном настроении и чуть позже появления законодательной инициативы о дополнительной «защите чувств верующих» в светской стране.

Принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» нарушило равновесие в правовом поле для групп верующих и неверующих граждан страны. Неравенство в правовом пространстве стигматизировало верующих как людей с «презумпцией оскорбленности», а неверующих как граждан второго сорта, чьи чувства не защищены законом.

В России закон, предназначенный защищать убеждения и чувства верующих, наносит ущерб обществу, хотя и не по злому умыслу законодателя. Этот Закон противоречит Конституции РФ и другим Законодательным актам. Дело о «ловце покемонов» в православном храме Екатеринбурга вызвало широкий резонанс. Суд вынес решение по ФЗ от 29 июня 2013 г. № 136, по которому Руслан Соколовский виноват в возбуждении вражды, оскорблении чувств верующих и приговорен к трем с половиной годам условного заключения. Известный тележурналист В.В. Познер обратился к Президенту РФ и Патриарху РПЦ с вопросом о том, что он атеист и могут ли его за это осудить? Песков, пресс-секретарь Президента РФ, сказал, что

¹ Отношение к законопроекту о чувствах верующих. 22 Января 2013. ФОМ выяснил, какие меры борьбы с оскорблением чувств верующих готовы санкционировать россияне // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10782>

вопрос телеведущего риторический, а в РПЦ ответили, что атеизм не преследуется по закону и не оскорбляет чувств верующих. Омбудсмен Т. Москалькова заявила о недопустимости преследования за атеизм. Она пояснила, что приговор был вынесен не за отрицание существования бога. «Приговор не должен вызывать никаких сомнений в том, что они (фразы) действительно оскорбительны»¹, – подчеркнула она. Такой ответ лишь подчеркнул неоднозначность трактовки ФЗ, так как не вооружил правоприменителя точной теорией и методикой расчета о «чувствах» людей в целом, и верующих в особенности.

Новый Закон РФ внес дисбаланс в конфигурацию взаимоотношений верующих всех конфессий и неверующих, разграничил участников правового поля как первосортных и второсортных с точки зрения защиты их прав.

Вопрос о доказательстве существования или же отсутствия Бога был оценен немецким философом И. Кантом в 1781 году в «Критике чистого разума» как антиномия, неразрешимое противоречие для человека. В рациональной сфере за человеком оставлено право на свободу выбора и свободу совести. Но в 21 веке в России случилось переформатирование социального пространства, появилась резкая граница между религиозным, сакральным и светским, публичными полями. Эта кантовская антиномия проявилась во всей красе именно в России. После принятия этого Закона произошел раскол по линии защищенных государством верующих и незащищенных в сфере чувств и убеждений неверующих граждан России. Верующие люди подверглись стигматизации. Отныне они наделены «новыми» свойствами личности, особой ранимостью чувств, которые общество априори боится оскорбить. Это явление гипотетически можно назвать «презумпция оскорбленности», что означает, на мой взгляд, что если гражданин верующий, то ему не надо доказывать в суде наличие или отсутствие религиозных чувств. Он обладает статусом, выделенным ему законодателем РФ, что он заранее может быть оскорбленным в своих религиозных чувствах. А вот большинство неверующих граждан, после введения этого Закона РФ, можно заподозрить в злых намерениях. Верующие выглядят как болезненное меньшинство, сверхчувствительное, сензитивное в области религиозных чувств. Теория клеймения применима по от-

¹ РБК Омбудсмен Москалькова заявила о недопустимости преследования за атеизм <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5921b31a9a794781d09cdd1f>

ношению к верующим и делает их в области чувств дискриминируемой группой, а неверующих в области их чувств неверия в Бога, группой незащищенной в правовом поле.

Основной принцип презумпции невиновности гласит: «Обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное». С «презумпцией оскорбленности» верующих этот закон ставит их в положение дискриминируемых с точки зрения соответствия полному психическому здоровью. Закон ставит на этой группе меньшинств стигму особо сензитивных людей, находящихся в пограничной зоне, которых легко унижить и оскорбить. Полный субъективный произвол. Социальное пространство в России благодаря этому закону размечено на неравные части для особо чувствительных и не особо чувствительных людей, на верующих и неверующих, и обе эти группы находятся в неравном положении в отношении защиты своих личностных прав.

Религиозная иерархия содержит в себе иерархию социальную, а РПЦ оказывает влияние на нецерковные институты (государство, систему образования, ГД РФ), вынуждая их структурировать социальное пространство с учетом религиозной логики. Этот закон требует дополнительной социогуманитарной экспертизы. И что такая экспертиза обязательно должна быть, показал общественный скандал вокруг деятелей искусства: высокого как опера, и массового как кино.

Произошел в 2015 г. конфликт в классической сфере искусства в Новосибирском театре, где была поставлена опера «Тангейзер». Применившие к себе «презумпцию оскорбленности» там стали служители церкви, которые подали в прокуратуру заявление на постановку, задевшую их чувства верующих. ВЦИОМ определил, что на момент проведения опроса о конфликте в Новосибирском театре слышали 38 % россиян, а более половины опрошенных (59 %) ничего не знали об этом. Чем же были задеты чувства церковников? Иисус Христос был представлен как живший в молодости «греховной» жизнью и наслаждавшийся плотскими удовольствиями человек. Половина респондентов (47 %) сочла данный образ оскорбительным для себя. Среди них последователи православия (53 %), нежели неверующие (19 %). В свою очередь, 31 % участников опроса сказали, что их чувства затронуты не были. Четверть опрошенных (24 %) назвали оперную постановку лишь самопиаром, попыткой прославиться. Только 14 % воспринимают «Тангейзер» режиссера

Кулябина как акт современного искусства и творческой самореализации (среди 18–24-летних – 24 %)¹.

Вторым скандалом была попытка запретить кинофильм «Матильда». Социологи ВЦИОМ в октябре 2017 года провели опрос и выяснили, что респонденты считают, что художественные произведения не должны оскорблять чувства верующих. Фильм режиссера А. Учителя «Матильда» стал широко известен в России еще до выхода в прокат. Опрос показал, что слышали о нем 58 % россиян. О планах идти в кино на этот фильм сообщили 33 % опрошенных, где превалируют представители старшего поколения (42 % среди 60-летних+), жители Москвы и Санкт-Петербурга (39 %) и других городов-миллионников (42 %). Среди 37 % желающих увидеть «Матильду» оказались любители скандалов, и те, кто желает иметь собственное, не навязанное другими мнение. Позиция депутата Госдумы Натальи Поклонской, требовавшая запретить показ фильма, как оскорбляющего чувства верующих людей, не была поддержана – против высказались 48 %, еще 35 % не смогли высказать определенного мнения, и «за» высказались только 17 % опрошенных. Важным индикатором толерантности к религиозной тематике явилось то, что каждый второй опрошенный (53 %) полагает, что государство должно найти и наказать радикально настроенных граждан, совершавших противоправные действия по отношению к создателям фильма. Но лишать депутата Н. Поклонскую депутатского мандата в связи с ее действиями против фильма можно назвать скорее чрезмерным: поддерживают его 22 %, тогда как 48 % – нет, 30 % затрудняются с ответом².

В рамках теории французского социолога П. Бурдьё принятие закона о защите одной группы верующих, стигматизированной как потенциально существующей с обостренными чувствами и убеждениями, от граждан из другой группы, нападающей на убеждения и чувства верующих, может быть классифицировано как иерархия в социальном пространстве меньшинства – верующих, и большинства – неверующих. Закон вроде демократичен, защищая верующих как сексуальное, этническое, или любое другое субкультурное меньшинство. Но почему-то в нем нет указания, что защите подлежат

¹ ВЦИОМ: «Тангейзер»: Искусство или кощунство?» Пресс-выпуск № 2813 от 13.04.2015 // <http://old2.wciom.ru/index.php?id=459&uid=115223>

² ВЦИОМ Страсти по «Матильде» № 3500. 25 Октября 2017 <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3619>

убеждения и чувства неверующих, или они тоже маркируются как бесчувственные. Это такая новая стигма на атеистах? Мы полагаем, что идея о том, что социальное пространство иерархизировано, имеет статусы, конкурентно и защищено политико-правыми нормами в государстве не вызывает ни у кого сомнения. Справедливо пишет об этом российский ученый В.И. Ильин: «Религиозная иерархия даже в своем чистом виде содержит иерархию социальную, деля социальное пространство на членов церкви и нечленов, а само церковное поле по рангам церковной организации. Кроме того, церковь нередко оказывает влияние на нецерковные институты (государство, систему образования и т.д.), вынуждая их структурировать социальное пространство с учетом религиозной логики или прямо следуя ей»¹.

В России вышеупомянутый ФЗ, предназначенный защищать убеждения и чувства верующих, принятый ГД РФ в 2013 году², с правовой точки зрения несвободен от ряда существенных недостатков: противоречит нормам Конституции. Законодатель не дает в тексте определения термина: «верующий», «убеждения» и «чувства верующих». Не расшифровывается конкретно обо всех ли чувствах идет речь? Всем известно, что у человека есть пять органов чувств. Доведем до логического конца позиции закона, почти до абсурда возможные претензии «оскорбленного» субъекта. Могут ли засудить человека, например, за оскорбление обоняния или осязания верующего? Глаза могут быть оскорблены у верующих? Например, по Статье 5.26 «Умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение» Что будет, если «богослужебная литература» будет переработана в макулатуру? Что будет, если, решив ознакомиться с постулатами той или иной веры, вы купите их святую книгу, а потом выкинете её в бак для сбора отходов, и это не понравится кому-либо из представителей религиозной общины?» – задается резонно вопросом юрист. И я его поддерживаю, как и организацию, занимающуюся высмеиванием недостатков существующих религий.

¹ Ильин В. И. Социальное неравенство / ЦСО ИС РАН. М.: Изд-во ИС РАН, 2000. С. 116.

² Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан».

В июле 2013 была зарегистрирована Российская Пастафарианская Церковь, но где гарантия, что они в свою очередь не воспользуются этим законом для пиара своей Церкви, не устроят перформанс с привлечением к суду какого-нибудь гражданина, выбросившего в бак с пищевыми отходами остатки макарон, символа их Религии Макаронного Монстра? Это, конечно, преувеличение, но есть известное изречение, что если есть человек, то статья на него найдется. Дialeктическим продолжением может стать и новая идея, что, если уже есть Закон, значит, и человек может найтись под него.

Юристы пишут о том, что низкая юридическая грамотность наших депутатов Госдумы не позволила им обратиться к истории вопроса взаимоотношений государства и власти в Российской империи: «Законы, подобные этому – это пройденный этап в развитии Российского законодательства вообще. Спорный этап. В «Своде законов Российской империи», «Положении о наказаниях» (раздел II, гл. 1, ст. 176–183) имелся состав «богохуление и порицание веры». Прошу заметить, он был отменен в 1906 году при либерализации законодательства. Вместо него появилось наказание за нарушение порядка путем прерывания процесса богослужения, совершенное по заранее продуманному плану и с причинением побоев священнику (цитата передана более современным языком). Исходя из этого, можно заключить, что такого рода статьи – рудиментарные пережитки «Церковного права». И даже в Российской Империи (в которой власть и большая часть общества вовсе не отличались либеральностью взглядов) такие пережитки выкорчевывались. Такие понятия, как «оскорбление чувств верующих», не могут без оговорок быть применены в светском пространстве и светском государстве. В Российской Империи имелась официальная государственная церковь, что делало это отчасти возможным (однако применялось на практике только для защиты общественно уважаемых святых, да и то, только православных)»¹.

Вопрос о существовании или отсутствии бога не решается рационально, это вопрос глубоко интимный, иррациональный, вопрос веры, свободы совести. И чувства, которые человек испытывает в связи со своими интимными переживаниями глубоко интимный процесс, и судить того, что он испытывает другие – несправедливо по отношению к неверующим. Другое дело, что нельзя в об-

¹ Закон о защите чувств верующих – взгляд юриста [Электронный ресурс]// Livejournal. URL: <http://volodn.livejournal.com/206512.html>

щественных местах нарушать порядок, как-то в театре звонить по мобильному телефону и разговаривать во время спектакля, есть в зале. Но при этом допустимо в кинотеатре во время сеанса есть попкорн, шелестеть оберткой конфеты, запивая все пепси-колой. На танцполе можно танцевать и ловить свою партнершу, а вот в культовых зданиях надо вести так, как там положено – молиться, женщинам покрывать голову, и соблюдать благопристойность. На пляже можно оголяться, хоть на 100 %, если вокруг нудисты. Каждая часть пространства имеет свои нормы и ритуалы. Судить надо за нарушение общественного порядка. Но не за чувства людей, там находящихся.

Выводы. Во-первых, нынешний закон сконструировал некую коллизию с верующими в России. Требование «защиты чувств верующих» позволяет довести дело до логического конца и приписать данной группе в правовом поле «презумпцию оскорбленности» по аналогии с презумпцией невиновности. Любой гражданин, считающий себя верующим, и почувствовавший себя оскорбленным в личной критике или же отрицании своих убеждений, или же в уязвленности своих чувств через произведения искусства, как на территории религиозных организаций, так и за ее пределами, может воспользоваться своей «презумпцией оскорбленности» и обратиться в суд на своего обидчика?

Во-вторых, законодатель чувства верующих не прописал в Законе, нет никаких правовых актов, разъясняющих, что этот термин включает в себя. Возможны в будущем такие практики, когда в суд будут обращаться за оскорбление непристойными, неприятными органу обоняния, то есть нюху верующего, запахами. Или же есть еще чувство осязания, и непристойными тактильными ощущениями можно кого-то из верующих оскорбить? Утрирование сделано автором преднамеренно, чтобы показать, что в Законе нет разъяснений, какая теоретико-методологическая база положена в основу практики измерения качества и глубины чувств, в том числе чувств верующих, а тем паче оскорбленных чувств. Не говоря уже о том, что в науке психологии нет теории и методологии измерения чувств. Где судья может посмотреть и принять во внимание какую-то объективную систему измерения и шкалу чувств? Нет ее. Значит правоприменитель поставлен в зону полного субъективного произвола при вынесении решения суда? А несправедливое решение суда по отношению к обидчику, может мобилизовать остальную часть,

включенную эмоционально в эту ситуацию, к разным противоправным практикам.

В-третьих, в поликонфессиональном российском обществе данный закон может спровоцировать и межрелигиозную напряженность. Также может быть корыстно использован политическими агентами, депутатами для увеличения популярности перед электоратом. В-четвертых, приведенные выше данные соцопросов показали, что общественное мнение под влиянием скандалов, освещаемые СМИ, меняется. В 2012 году, до принятия данного Закона гораздо меньше граждан считало возможным почувствовать оскорбленными в своих религиозных чувствах. Логика маркетинга указывает, что спрос рождает предложение. Но как мы увидели, имеется обратное влияние предложения, в данном контексте речь идет о принятом ФЗ, который влияет на частоту его применимости.

Цветкова О.В. (Москва)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТОВ РФ

Аннотация: в статье раскрываются предпосылки формирования инновационной региональной системы субъектов РФ. Особое внимание уделено особенностям формирования инвестиционного климата.

Ключевые слова: инновации, инновационная региональная система, кластерная политика, субъект РФ.

На практике применение инновационных технологий имеет достаточно локальный характер для достижения результата на определенном субнациональном уровне государства. Существующие инновационные технологии в основном нацелены на проведение регионального целевого программирования, которое носит точечный характер и влияет на развития отдельного субъекта РФ. Субнациональный уровень имеет принципиально важный смысл для внедрения инноваций в отношении развития региональных инновационных систем. В данной статье региональная инвестиционная система представляет собой совокупность отдельно взятых элементов территориально специализированной части районов, характеризующихся целостностью инновационного процесса. Региональная инновационная система способна взаимодействовать с аналогичными системами, обеспечивать стабильное социальное и экономическое развитие субъекта или группы регионов в отраслевом и территориальном аспектах¹.

Региональная инновационная система включает индикаторы, определяющие уровень развития технологических и нетехнологических инноваций, разработанные в соответствии с современными международными стандартами ОЭСР и Евростата².

В соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года³, одним из приоритетов

¹ Абдуллин И. И. Структурный и функциональный анализ региональной инвестиционной системы // Вестник ТГГПУ. 2007. № 2–3(9–10). С. 122.

² Индикаторы инновационной деятельности: 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2017/03/14/1170079947/>

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/>

в федеральных округах является координация территориальных аспектов инновационной политики. Предполагается разрабатывать региональные инновационные системы в социально-экономической сфере с учетом особенностей регионов.

Для активизации инновационной деятельности на территории субъектов Российской Федерации осуществляется создание инновационной инфраструктуры, обеспечивается поддержка инновационного предпринимательства, предпринимается ряд мер по стимулированию развития кооперации науки и бизнеса.

Концепцией предусматривается создание в Российской Федерации сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров.

Реализация кластерной политики способствует росту конкурентоспособности бизнеса за счет эффективного взаимодействия участников кластера, связанного с их территориально близким расположением, расширением доступа к инновациям, технологиям, ноу-хау, специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам, снижением транзакционных издержек, а также с реализацией совместных кооперационных проектов.

Формирование и развитие кластеров является эффективным механизмом привлечения прямых иностранных инвестиций и интеграции российских кластеров в мировой рынок высокотехнологичной продукции.

На сегодняшний день в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах располагаются 25 инновационных территориальных кластеров, перечень которых был утвержден поручением Председателя Правительства Российской Федерации в августе 2012 г¹. Указанные кластеры осуществляют деятельность по следующим направлениям технологической специализации: «Ядерные и радиационные технологии», «Производство летательных и космических аппаратов, судостроение», «Фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность», «Новые материалы», «Химия и нефтехимия», «Информационные технологии и электроника».

Среди субъектов РФ выделим ряд лидеров, достигших наибольших успехов в развитии инноваций. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ готовит рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» (входит в состав медиагруппы МИА «Россия сегодня»). Рейтинг рассчитывается на основе агрегирования групп показателей, характеризующих экономическую, социальную и бюджетную сферы регионов. Каждая группа показателей включает ряд количественных индикаторов за соответствующий отчетный год, данные по которым получены с официальных Интернет-ресурсов Росстата, Минфина России и Федерального казначейства.

Всего для построения рейтинга используется 15 количественных показателей, которые распределены по четырем группам:

- показатели масштаба экономики (3 показателя);
- показатели эффективности экономики (4 показателя);
- показатели бюджетной сферы (4 показателя);
- показатели социальной сферы (4 показателя).

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года был подготовлен к Петербургскому международному экономическому форуму – 2018. Первая пятерка регионов согласно рейтингу: Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Татарстан и Ямало-Ненецкий автономный округ¹.

В январе 2018 года в ходе Гайдаровского форума в РАНХиГС назвала самые инновационные регионы России. По итогам 2017 года, первое место занял Санкт-Петербург, обогнав Москву. Регионом с наибольшей инновационной активностью в 2017 году стал Санкт-Петербург, который опередил лидера прошлого года – Москву и Татарстан, стабильно удерживающий третье место.

Топ-10 инновационных регионов России:

1. Санкт-Петербург,
2. Москва,
3. Татарстан,
4. Томская область,
5. Новосибирская,
6. Калужская,
7. Московская,
8. Ульяновская,

¹ Названы самые инновационные регионы России по версии АИРП [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/news/rating-innovative-russia/>

9. Самарская,

10. Тульская.

В АИРР отметили Тюменскую и Ульяновскую области, которые продемонстрировали наилучшие показатели роста. Первая смогла за год подняться на 12 строчек – до 14 места, а вторая показала рост на восемь мест, расположившись в топ-10 рейтинга¹.

Развитие инновационной региональной системы зависит от влияния зарубежных портфельных инвестиций в регионы России. В стране происходит выраженная дифференциация субъектов РФ по степени и характеру связи с зарубежным капиталом – центром привлечения прямых инвестиций стала столичная агломерация. Инновационная региональная система присутствует в крупнейших городах России, прежде всего в Москве и ее отношениях с Калужской областью по инновационным проектам (Volkswagen, Volvo), в городе федерального значения Санкт-Петербург и соседней Ленинградской области (завод Ford). Краснодарский край отмечен явными портфельными инвестициями. Нефтедобывающий регион – Тюменская область, сильные промышленные регионы – Самарская, Свердловская занимают достаточно скромное место в привлечении иностранных инвестиций².

Уральские регионы привлекательны для иностранных инвесторов (РАО РЖД и близкие к нему компании), особо выделяется Свердловская область, имеющая совместные предприятия (Siemens и холдинга «Синара»). Ростовская область имеет инновационные проекты с французской компанией (ЗАО «Трансмашхолдинг» и Alstom).

В рамках правительственной программы развития вооружений до 2020 г. на техническое перевооружение оборонного комплекса и постановлению (№ 56 от 7 февраля 2011 г.) иностранные инвесторы разместили производства на российской территории. Локальные зоны масштабных инновационных проектов отмечены в Ульяновской области (германская компания Gildemaster), в Свердловской области (японская компания OKUMA Corporation). Безусловным лидером инвестиционной привлекательности среди субъектов РФ, с точки зрения инвесторов, является Республика Татарстан.

¹ Названы самые инновационные регионы России по версии АИРР [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/news/rating-innovative-russia/>

² Латкин А. П., Горбенкова Е. В. Российско-южнокорейское деловое сотрудничество в Приморском крае: из 1990-х в 2000-е: монография. М-во науки и образования Российской Федерации Владивостокский государственный ун-т экономики и сервиса. Владивосток, 2010. С. 129.

Республика Башкортостан успешно сотрудничает с иностранными инвесторами, в частности с австрийскими компаниями «Ласселсбергер» и «Австрийские лотереи», шведской «ИКЕА», турецкой «Анадолу Джам Санаи», немецкой «ХайделбергЦемент», чешской «Епком», европейскими кредитными организациями¹.

Белгородская область реализует ряд инвестиционных проектов с участием иностранных компаний (ЗАО «БелЮжкабель»). В числе наиболее привлекательных субъектов РФ отмечаются Калужская и Тульская области. Наибольший объем иностранных инвестиций пришелся на промышленное производство, транспорт и связь Свердловской, Ростовской, Нижегородской, Новосибирской, Челябинской областей и Красноярского края².

Необходимо заметить, после периода умеренного роста в 2013 году в России началось замедление темпов экономического развития и трансграничного сотрудничества. В 2014 году отметим ряд событий, оказавших значительное влияние на инвестиционный климат. Наиболее важными из них стали введение санкций в отношении Российской Федерации и резкое снижение цен на нефть, что привело к существенному ухудшению макроэкономической ситуации, повышению инфляции, нестабильному курсу рубля, затруднениям с привлечением финансирования и высоким процентным ставкам, ограничениям во внешней торговле и сложностям в работе на отраслевых рынках. Эксперты, связанные с деятельностью иностранных компаний, отмечают в 2014–2015 годах сокращение инвестиционных проектов, инициируемых и реализуемых иностранными инвесторами на территории России³.

В целом субъекты РФ, занимающие передовые позиции в рейтинге, обеспечивают свое лидирующее положение благодаря широкому охвату организаций инновационной деятельностью и высокой продуктивности инноваций. В то же время некоторые субъекты РФ (Владимирская, Пензенская, Томская области) отличаются значительным инновационным потенциалом, который еще недостаточ-

¹ Байрамгулов А. И., Садыков Р. К., Яндавлетова Д. Х. Анализ привлечения иностранных инвестиций в республику Башкортостан [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 155–158.

² Инвестиции в регионы России 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dk.ru/wiki/investicii-v-regiony>

³ Инвестиционный климат в России: мнение иностранных инвесторов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fiac.ru/pdf/EY-investment-climate-in-russia-2015-rus.pdf>

но реализован в производстве. С наименьшими значениями инновационной деятельности составили субъекты Северо-Кавказского (Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Чеченская), Сибирского (Республика Тыва), Северо-Западного (Калининградская область), Дальневосточного (Еврейская автономная область) и Южного (Республика Калмыкия) федеральных округов. Данная группа отличается инертностью предприятий в реализации нововведений, а в ряде случаев полным отсутствием инновационной деятельности.

Отметим, проблемы инвестиционного риска более остро стоят на уровне отдельных субъектов РФ. При этом степень инвестиционного риска субъектов РФ одного и того же федерального округа бывает разной. К числу субъектов РФ выше среднего уровня инвестиционного риска относятся республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия – Алания. К числу регионов высокого уровня инвестиционного риска относятся республики Чечня, Дагестан и Ингушетия¹.

Подводя общий итог, следует отметить, перспективы развития региональных инвестиционных систем связаны с пространственной точечной трансформацией страны в соответствии со стратегическими задачами социально-экономического роста территорий субъектов РФ и их взаимодействия на субнациональном и кросснациональном уровнях.

¹ Хансверов Р.Х. Иностранные инвестиции республики Дагестан // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 307.

Сведения об авторах

Алексеенко Вадим Эдуардович – преподаватель Саратовского ордена Жукова Краснознаменного военного института войск национальной гвардии Российской Федерации;

Арутюнян Каринэ Сергеевна – к.ф.н., доцент Рязанского государственного радиотехнического университета;

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Афанасьева Вера Владимировна – д.ф.н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Ахметова Эльмира Ирековна – научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан;

Барышникова Наталья Анатольевна – д.э.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Бедрицкая Оксана Олеговна – магистрант Дагестанского государственного университета;

Бирюлин Иван Викторович – к.п.н., доцент Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС;

Бичехвост Александр Федорович – д.и.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Буланова Марина Борисовна – д.с.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета;

Вербина Оксана Леонидовна – к.и.н., доцент Курского государственного университета;

Гаврилов Евгений Владимирович – консультант Законодательного Собрания Красноярского края;

Голубинская Анастасия Валерьевна – к.ф.н., младший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Горелова Ирина Валерьевна – к.э.н., доцент Волгоградского института управления РАНХиГС;

Гуляев Андрей Анатольевич – к.ф.н., доцент Московского государственного университета технологии и управления им.К.Г. Разумовского;

Демидов Александр Иванович – д.ф.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Дорофеева Елена Степановна – д.и.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Жирнов Олег Николаевич – к.ф.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Калинникова Марина Викторовна – д.с.н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им.Н.Г.Чернышевского;

Калугина Татьяна Алексеевна – д.с.н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского;

Квятковский Георгий Юрьевич – к.с.н., доцент Южно-Уральского государственного национального исследовательского университета;

Киреева Наталья Аркадьевна – д.э.н., профессор Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Климович Людмила Валерьевна – к.и.н., доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова;

Ковалева Наталия Николаевна – д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Кониная Елена Николаевна – к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Красильников Олег Юрьевич – д.э.н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского;

Красовская Наталия Рудольфовна – к.п.с.н., помощник депутата Государственной Думы ФС РФ;

Кудряшова Ирина Владимировна – к.п.н., доцент Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Купин Виктор Николаевич – д.ф.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Лепетухина Екатерина Валерьевна – главный специалист Управления делами Администрации Волгоградской области;

Логинова Лариса Викторовна – д.с.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Маковский Андрей Андреевич – ст. преподаватель Саратовской государственной юридической академии;

Максименко Марина Вячеславовна – к.ф.н., старший преподаватель Пермского института ФСИН России;

Максимов Вадим Алексеевич – ст. преподаватель, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Мельчекова Ольга Георгиевна – к.э.н., доцент Уральского государственного экономического университета;

Михайлов Вячеслав Александрович – преподаватель Саратовского ордена Жукова Краснознаменного военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Моисеева Екатерина Николаевна – к.и.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Николайченко Ольга Викторовна – к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Новичкова Ирина Юрьевна – д.с.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Пилипенко Елена Александровна – д.ф.н., доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Порезанова Елена Владимировна – к.э.н., доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Прущак Олеся Владимировна – д.э.н., профессор Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Сивова Светлана Анатольевна – д.с.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Слобожникова Валентина Сергеевна – д.п.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Султанова Лола Шарафовна – к.э.н., доцент Ташкентского государственного экономического университета;

Суркова Ирина Юрьевна – д.с.н., профессор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС;

Суслов Иван Владимирович – к.с.н., доцент Саратовской государственной юридической академии;

Ташпеков Геннадий Александрович – к.и.н., доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Ташпекова Алма Тлекалиевна – к.п.н., профессор Саратовского ордена Жукова Краснознаменного военного института войск национальной гвардии Российской Федерации;

Труханов Виктор Александрович – д.п.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Уразалиева Гульшат Кулумжановна – к.ф.н., доцент Российского государственного гуманитарного университета;

Фенин Кирилл Вячеславович – преподаватель Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Харитонов Александр Михайлович – научный сотрудник Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук;

Цветкова Ольга Викторовна – к.п.н., доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Чолахян Вачаган Альбертович – д.и.н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Шошин Сергей Владимирович – к.ю.н., доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Щебланова Вероника Вячеславовна – д.с.н., профессор Саратовской государственной юридической академии;

Ягодина Ания Юсеповна – аспирант Саратовской государственной юридической академии.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(25–26 января 2019 г., Саратов)

В авторской редакции
Компьютерная верстка – *О.А. Фальян*
Дизайн – *М.А. Шульпин*

Тем. план 2019 г.

Подписано к печати 23.01.2019. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Cambria». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 17,63. Тираж 100 экз. Заказ № 12.

Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.